

Национальная академия наук Беларуси
Институт философии НАН Беларуси

**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ
КУЛЬТУРА БЕЛАРУСИ:
от Просвещения к Современности**

Материалы
Восьмой международной научной конференции
(21–22 ноября 2024 года, г. Минск)

В двух томах
Том 2

МИНСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЧЕТЫРЕ ЧЕТВЕРТИ»
2024

УДК [1+008](476)(082)

ББК 87.3(4Бей)я43

И73

Рекомендовано к печати Ученым советом
Института философии НАН Беларуси
(протокол № 10 от 24.10.2024 г.)

Редакционная коллегия:

А. А. Лазаревич (председатель), А. Ю. Дудчик (зам. председателя), М. Б. Завадский (секретарь),
Т. И. Адуло, И. М. Бобков, В. Б. Еворовский, Е. И. Жук, Т. В. Зайковская, В. К. Игнатов,
А. О. Карасевич, О. Ю. Кнаус, Е. В. Кузнецова, Н. А. Кутузова, В. А. Максимович,
И. И. Морозова, Ю. Ф. Никитина, Н. А. Никонович, И. Е. Прись, Е. П. Саковский,
Ю. П. Середа, А. Н. Спасков, О. Л. Сташкевич

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор *Л. Е. Криштанович*,
доктор социологических наук, профессор *Д. К. Безнюк*

И73 **Интеллектуальная** культура Беларуси: от Просвещения к
Современности : материалы Восьмой междунар. науч. конф.
(21–22 ноября 2024 г., г. Минск). В 2 т. Т. 2 / Ин-т философии НАН
Беларуси ; редкол. А. А. Лазаревич (пред.) [и др.]. – Минск : Четыре
четверти, 2024. – 370 с.

ISBN 978-985-581-727-8 (т. 2).

Сборник в двух томах содержит тексты докладов и выступлений, включенных в программу работы Восьмой международной научной конференции «Интеллектуальная культура Беларуси: от Просвещения к Современности» (Республика Беларусь, г. Минск, 21–22 ноября 2024 года). Материалы демонстрируют актуальность и важность философской рефлексии для осмысления проблем современного общества, для преодоления стоящих перед ним вызовов, а также для обеспечения социокультурной, антропологической, информационной безопасности. Конференция приурочена к 300-летию выдающегося философа эпохи Просвещения Иммануила Канта, ее материалы демонстрируют связь проблематики классического философского знания и актуальных вопросов современного социально-гуманитарного знания.

Издание предназначено для ученых, преподавателей, специалистов органов государственной власти и управления, представителей общественных структур, аспирантов, магистрантов и студентов, а также всех, кто интересуется проблемами современной философии и гуманитарных наук.

УДК [1+008](476)(082)

ББК 87.3(4Бей)я43

ISBN 978-985-581-727-8 (т. 2)

ISBN 978-985-581-725-4

© ГНУ «Институт философии
НАН Беларуси», 2024

© Оформление. ОДО «Издательство
“Четыре четверти”», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии	10
Раздел 3 Перспективы современного синтеза знаний: трансдисциплинарные стратегии и социогуманитарный контекст	12
<i>М. В. Анцыповіч</i> Воін, навуковец, прафесар (да 100-годдзя з дня нараджэння доктара філасофскіх навук, прафесара А. С. Кляўчэні, 1924–2002 гг.).....	12
<i>Е. М. Бабосов</i> Формирование и реализация интеллектуального потенциала Беларуси в условиях четвертой научно-технической революции	15
<i>А. В. Вишняков, А. Е. Михайлов</i> Гносеологический конструктивизм Канта и естественнонаучная интерпретация трансперсонального опыта	18
<i>И. Н. Вольнов</i> Архидокс и архилектика сферного подхода.....	20
<i>М. Г. Годарев-Лозовский</i> Гипотеза трансмутации элементов материи	23
<i>Н. В. Голобородько</i> Роль доверия родителей к медицинскому работнику при проведении плановой вакцинации детей	27
<i>Н. В. Головки</i> Причинно-доксастическое укореняющее отношение, релейбилизм и эвиденциальное подкрепление научной теории	29
<i>М. А. Гребенчук</i> Философские основания исторической политики	32
<i>М. А. Дедюлина</i> Этика проектирования в ИИ.....	34
<i>А. Ю. Дудчик</i> Проект "вычислительной философии" и его применимость к области историко-философских исследований	37
<i>М. Б. Завадский</i> Теория как форма практики у П. Слотердайка	40
<i>Э. М. Иззетова</i> Социально-гуманистические аспекты конструктивизма и квантового, нелинейного мышления	42
<i>Е. М. Ильина</i> Алгоритмическая парадигма принятия решений в условиях цифровой трансформации	45
<i>Н. П. Кнэхт</i> Посткантианская трансцендентальная онтология: новый взгляд на природу, технику и науку	48
<i>А. О. Карасевич</i> "Все контекстуально", а не "все относительно": новая парадигма в психологическом консультировании.....	51

А. В. Колесников Философия от Просвещения к современности: нормальная наука vs казуистика	56
Е. В. Корень Просветительские архетипы и ценности в менталитете русской интеллигенции Нового времени.....	59
А. А. Кралько Влияние правового регулирования медицинской деятельности на доверие пациента к врачу	63
И. Г. Красникова Основные направления и дискуссионное поле этики искусственного интеллекта	64
Н. Н. Красовская, А. В. Стреж Проявление перфекционизма и прокрастинации у студентов	67
Е. Б. Кузина Ответы на некорректные вопросы в речевой коммуникации	70
А. Л. Куши Этап гуманитаризации системы образования.....	73
И. Н. Лаврикова Социально-философское значение праздника: диагностика состояния.....	76
Е. В. Ли Синергетический взгляд на проблему инноваций.....	80
Ли Исюань Сравнительный анализ прагматических пресуппозиций в социальной рекламе Беларуси и Китая	83
А. О. Логвина Синтез традиционных и инновационных методов экологической биотехнологии	86
В. К. Лукашевич Научная картина исследуемой реальности как форма трансдисциплинарного синтеза знаний	90
Sukhrob Bakhtiyor Ugli Mukhamadiev Approaches to evaluating the academic performance of English-speaking foreign students at universities of the republic of Uzbekistan.....	93
Л. С. Навицкая Этические основания паллиативной медицины	99
И. М. Наливайко Современная эстетика как междисциплинарное знание.....	102
Ю. В. Нестерович О необходимости и способах оптимизации понятия научной теории.....	105
А. С. Омолоева "Концептуальный" и "эмпирический" уровни анализа причинности в "Философии индуктивных наук" У. Уэвелла	108
Я. А. Острожинский Оценка влияния культурной составляющей на принятие решений в области репродуктивных прав	111
В. И. Павлюкевич Эпистемологический статус логических форм.....	112

П. И. Плетенева, М. В. Михайлова Проблемы обеспечения гуманистических ценностей в геномных исследованиях	115
И. Е. Прись Контекстуальный аргумент в пользу индивидуальной интерпретации квантовой механики	119
А. Л. Радченко Парадигма физикализма в интерпретации физиков и философов	124
А. И. Разуванов, С. В. Козлова, А. А. Шнигир Роль доверия в процессе медицинской реабилитации: значение для пациентов и пути его укрепления.....	127
С. І. Санько Канцэпт "віртуальнае" ў счаластыцы Высокага Сярэднявечча (900–1300 гг.).....	131
А. Ю. Севальников Философское наследие Филлипа Меланхтона	135
Т. Ю. Сидорина Рефлексия о технике в творчестве В. Ф. Одоевского: от Просвещения к современности.....	138
А. Е. Симбирцева Нарративное предложение, динамическая история и реальность исторических событий.....	139
В. Н. Сокольчик Проблема доверия человека искусственному интеллекту как новый этический вызов	142
А. Н. Спасков О совместимости концепций пространства Р. Декарта, И. Ньютона, Г. Лейбница и И. Канта	146
А. Л. Станишевский, В. Н. Сокольчик, Н. П. Новикова Проблемы готовности населения к инициации и проведению сердечно-легочной реанимации.....	150
В. П. Старжинский, А. Л. Куши Наука как интеллектуальный ресурс Проектирования	152
О. Л. Сташкевич Риски и угрозы применения конвергентных технологий.....	155
Н. М. Твердынин Особенности синтеза научно-технического и гуманитарного знания в междисциплинарных и трансдисциплинарных исследованиях	159
М. С. Фабрикант Доверие к искусственному интеллекту: субъект-объектный или субъект-субъектный феномен?.....	161
М. А. Фадеева "Brain reading": социально-этические проблемы понимания сознания в философии и праве	163
С. В. Феофанов Социально-философские аспекты восприятия искусственного интеллекта в литературе и реальной жизни.....	166

С. В. Хамутовская Понятия "ценности" и "ценностные ориентации": специфика соотнесения при исследовании сложноструктурированных феноменов.....	169
А. С. Чарвінскі Філасофская метадалогія і паняці́ная структура сацыяльнай экалогіі	173
Н. А. Шермухамедова, А. М. Тюкмаева Информационная система управления процессами высшего образования ("HEMIS") как инструмент легитимного административного давления	175
А. А. Шимбалеv Методологический анализ понятия "зодиак"	179
И. И. Эртель Исторические естественные науки и эпистемическая интерпретация вывода к общей причине	183
Раздел 4 Религия в секулярном и постсекулярном обществе: от Просвещения к современности	187
П. А. Барахвостов Восточный механизм компенсаторности института религии	187
А. М. Давлетишина Влияние этических дискуссий на проектирование человека в ФРГ в 1950–1980-е годы	189
Г. Ж. Джуманова Грани религиозного ренессанса	191
Н. В. Еремеева Органическое искупление в православном богословии и идея бессмертия в философии космизма	193
Т. В. Зайковская Динамика религиозных процессов в современном белорусском обществе	197
Д. М. Зайцев Некоторые особенности современного паломничества	200
Л. Г. Интымакова, Е. Е. Дудникова Влияние формирования оппозиции рационального и иррационального на трансформацию социальных установок в рамках секуляризации общества	203
Т. В. Карнажицкая Религиозные константы культуры как предмет философско-культурологического осмысления	206
А. А. Крупадзера Кніжнасць беларускіх татараў як маніфестацыя іх рэлігійна-культурнай ідэнтычнасці.....	207
Д. В. Куницкий Философские основания охранительно-патриотического подхода к политике духовно-нравственной безопасности	211
И. С. Курилович Эвристическая эффективность христианской догматики в атеистической системе А. Кожева.....	214

А. И. Лойко Христианство в исторические эпохи переоценки ценностей.....	215
А. С. Луньков Обращение к вере в Бога как форма реализации индивидуального проекта человека в контексте постконфликтного общества 1980-х гг.	217
О. В. Мащитько, С. М. Мащитько Религиозный символ в постсекулярную эпоху	219
Н. А. Никонович Метарелигиоведение как метатеория и методология религиоведческого знания	221
В. А. Одиноченко Проблема места религии в постатеистическом белорусском обществе	225
Н. И. Петев Репрезентация религии в виртуально-игровом пространстве: проблематика адаптации и хабиутализации	228
Ю. П. Серета Религиозная идентичность в контексте цифровой трансформации общества	231
Е. В. Усова Религия в секулярном и постсекулярном обществе: от Просвещения к современности.....	235
И. М. Цибизова Периодизация развития сербского православия с точки зрения теории культурных войн.....	238
А. С. Цмыг Роль римско-католической церкви в формировании национального самосознания	242
Л. Е. Яковлева Философия религии М. Самбрано.....	244
Круглый стол «Никколо Макиавелли: pro et contra»	248
С. А. Амоненко Макиавелли и гуманизм	248
А. Ю. Дудчик Методологические особенности изучения "момента Макиавелли" в истории философии	251
Д. В. Мазарчук Западноевропейская дипломатия начала XVI в. и задачи посла по Макиавелли	254
С. А. Ребров Политическая теория конъюнктуры: Альтюссерянское прочтение Макиавелли	258
В. А. Салеев Ценностная система макиавеллизма	260
М. В. Салеева Бенедетто Кроче: политика и мораль в доктрине Макиавелли	262
Н. М. Шахназарян Н. Макиавелли и Т. Мор: концепция идеального государства	265

<i>А. И. Щербинина</i> Макиавеллизм Сильвио Берлускони	268
<i>М. А. Юсим</i> Кант и Макиавелли. Рационализм североевропейский и средиземноморский	271
Круглый стол «Контекстуальный реализм как философское основание естественных и социогуманитарных наук»	275
<i>Е. А. Ермакова</i> Модели квантового туннелирования в экономике	275
<i>А. О. Карасевич</i> Принцип психофизического единства и контекстуальный реализм	276
<i>А. М. Кардаш</i> Естественная и нормативная рациональность	280
<i>А. Л. Кушиш</i> Контекстуальный витгенштейновский реализм в анализе связей физических теорий	284
<i>В. К. Лукашевич</i> Контекстуальный подход в исследовании резонансных процессов	288
<i>В. И. Павлюкевич</i> Контекстуальная форма логической культуры	289
<i>Е. В. Попов</i> Топологический реализм в социологии: эскиз	292
<i>И. Е. Прись</i> От Канта к кванту: о квантовой онтологии в социально-политических науках	294
<i>А. Н. Спасков</i> О реальности пространства и времени	297
<i>И. К. Ставровский</i> Прагматизм и контекстуальная ценность идей	302
<i>Mathew Chandrankunnel</i> Religion and science	304
Круглый стол «Беларусь и Китай в глобальных инициативах: возможности для партнерства»	311
<i>И. М. Авласенко</i> Философско-политические аспекты участия КНР в решении вопросов региональной безопасности в Восточной Европе (на примере китайско-бразильской инициативы "Друзья мира")	311
<i>Го Цзимао, Д. А. Смоляков</i> Перспективы развития взаимодействия в области высшего спортивного образования в Китае и Беларуси	316
<i>Дай Лин</i> Тенденции отношения молодежи к художественной и традиционной культуре в рамках их ценностных ориентаций и мировоззрения в контексте функционирования транзитивных обществ Беларуси и Китая	318
<i>Н. А. Кутузова</i> Инициатива "Один пояс, один путь" как драйвер социально-экономических трансформаций в глобальном измерении: новые тренды	322

<i>Liu Ziying</i> The development of international cooperation in higher education between China and Belarus under the background of "One Belt and One Road": opportunities, challenges and strategy	325
<i>Ma Feng</i> Chinese modernization embraces broader horizons	327
<i>А. В. Русакович</i> Проблема Тайваня в американо-китайских переговорах 1972–1978 гг. о нормализации отношений (по оценкам американской стороны).....	330
<i>Ren Weidong</i> Chinese Modernization creates new opportunities for the world.....	332
<i>У Циаци, Д. А. Смоляков</i> Идея "Сообщества единой судьбы человечества" в контексте проблемы глобального управления	334
<i>А. Ал. Успенский, Ал. А. Успенский</i> Перспективы создания белорусско-китайской информационно-технологической платформы трансфера и коммерциализации технологий коллективного использования	336
<i>Шэнь Цзинюй</i> Корпоративная социальная ответственность как сочетание альтруистической и эгоистической позиций: философская интерпретация	340
Круглый стол «Проблемы тела и телесности в современной культуре»	343
<i>Т. Н. Буйко, У Сяоянь</i> Китайская философия тела и европейская философия телесности: от различия понятий к единству понимания	343
<i>Е. И. Жук</i> Гетерологические телесные практики в образовании	346
<i>А. М. Кардаш</i> Схемы размещенного познания: от воплощения в индивидуальном теле до размещения в среде	350
<i>И. М. Наливайко</i> Роль телесных практик в обживании городского пространства.....	354
<i>В. В. Павлова</i> Границы телесности человека и животного в философском осмыслении	356
<i>Е. В. Хомич</i> К вопросу об акцентуации тела в постклассической философии	358
Сведения об авторах	361

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Международная научная конференция «Интеллектуальная культура Беларуси» является уже восьмой по счету и продолжает традицию ежегодных научно-практических форумов в стенах Института философии НАН Беларуси, приуроченных к Всемирному дню философии ЮНЕСКО. Целью ее является обсуждение и популяризация достижений интеллектуальной культуры Беларуси, а также стремление показать творческий потенциал ее философской, научной, морально-этической, педагогической, общественно-политической и эстетической мысли. Проблематика конференции 2024 года выявляет особенности исторической динамики в философской и научной рациональности, которая обозначена нами как «от Просвещения к Современности». Просвещение и Современность понимаются здесь не просто как конкретные исторические эпохи, но как определенные интеллектуальные проекты, установки мышления, связанные со специфическими представлениями о человеке, природе, обществе. В рамках конференции мы обсудим, что из этих установок и каким образом сохраняет свое влияние в современной культуре и философской мысли, попробуем оценить их эвристический потенциал для понимания и прогнозирования происходящих сегодня стремительных трансформаций, для преодоления, купирования или минимизации информационных, экологических, социокультурных рисков и угроз, для укрепления духовной, культурной и гуманитарной безопасности общества. Выбор подобной темы для конференции связан с 300-летним юбилеем выдающегося философа эпохи Просвещения Иммануила Канта, что позволяет поставить вопрос об актуализации его философского наследия, развитии кантовских идей в области теории познания, моральной философии, политической теории и т. д. С этой целью в рамках конференции организован предметный диалог представителей научного сообщества, работников сферы культуры, образования, органов государственной власти и управления. Он представлен на пленарном заседании и работе четырех секций: «Наследие Иммануила Канта в контексте мировой и национальной философской мысли»; «Специфика трансформаций эпохи современности: социально-философские теории в условиях глобальных вызовов»; «Перспективы

современного синтеза знаний: трансдисциплинарные стратегии и социогуманитарный контекст»; «Религия в секулярном и постсекулярном обществе: от Просвещения к современности». Юбилейная программа продолжена и дополнена в тематике круглых столов: «Философия Николая Бердяева в XXI веке (к 150-летию со дня рождения)», «Никколо Макиавелли: pro et contra», «Контекстуальный реализм как философское основание естественных и социогуманитарных наук», «Беларусь и Китай в глобальных инициативах: возможности для партнерства», «Проблемы тела и телесности в современной культуре».

Полагаем, что публикуемые материалы станут существенным вкладом гуманитариев в теоретическое осмысление современных общественных процессов и разработку конкретных предложений по их дальнейшему безопасному и прогрессивному развитию.

Раздел 3 ПЕРСПЕКТИВЫ СОВРЕМЕННОГО СИНТЕЗА ЗНАНИЙ: ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНЫЕ СТРАТЕГИИ И СОЦИОГУМАНИТАРНЫЙ КОНТЕКСТ

**ВОІН, НАВУКОВЕЦ, ПРАФЕСАР (ДА 100-ГОДДЗЯ
З ДНЯ НАРАДЖЭННЯ ДОКТАРА ФІЛАСОФСКІХ НАВУК,
ПРАФЕСАРА А. С. КЛЯЎЧЭНІ, 1924–2002 гг.)**

М. В. Анцытовіч

Аляксандр Сяменавіч Кляўчэня нарадзіўся 18 верасня 1924 г. ў в. Дзяніскавічы (цяпер Ганцавіцкі раён Брэсцкай вобласці). Пачатковую адукацыю атрымаў у польскай паўшэхнай (польск. – агульнаадукацыйнай) школе. Удзельнік Вялікай айчыннай вайны: спачатку ў антыфашысцкім падполлі, а затым у складзе беларускіх партызан. З восені 1944 г. знаходзіўся ў шэрагах Савецкай Арміі, вайну закончыў у 1945 г. у Японіі. У 1949 г. Аляксандр Кляўчэня паступіў на філасофскае аддзяленне БДУ, пасля завяршэння вучобы ў ім паспяхова закончыў аспірантуру па кафедры гісторыі філасофіі і логікі і быў пакінуты ў якасці выкладчыка гэтай жа кафедры. У 1959 г. абараніў кандыдацкую дысертацыю па тэме «Грамадска-палітычныя і філасофскія погляды Адама Міцкевіча». У 1970 г. абараніў доктарскую дысертацыю на тэму «Пытанні гісторыі марксісцка-ленінскай філасофіі ў Польшчы эпохі імперыялізма.» У 1972 г. яму прысвоена навуковае званне прафесара. Напісанне і абарона кандыдацкай і доктарскай дысертацый прадвызначылі навуковыя накірункі даследчыцкіх пошукаў аўтара: аналіз творчасці А. Міцкевіча закранаў сабою агромністы пласт культуралагічных, маральных, палітычных, суседскіх, гістарычных адносін паміж беларусамі і палякамі; даследванне пытанняў марксісцка-ленінскай філасофіі ў Польшчы эпохі імперыялізма, разгортвала цэлы спектр прынцыпаў і палажэнняў сутнасці марксізма-ленінізма, ягонаў чысціні і прынцыповасці. І ўсе гэта гарманічна спалучалася на аснове *добрага* валодання аўтарам польскай літаратурнай мовы. Як адзначае А. Кляўчэня, польскі нацыянальна-вызваленчы рух адыгрываў дваякую ролю. Гэты фронт аказаў рэвалюцыянізуючы ўплыў на тыя народы, у якіх у першай палове XIX ст. не было яшчэ масавых палітычных рухаў. Па-другое, паражэнне паўстання шматлікім яго

ўдзельнікам адкрыла тую бяспрэчную ісціну, што заваяванне нацыянальнай незалежнасці немагчыма без вызвалення сялян і ліквідацыі феадальных адносін, паказваючы неабходнасць непарыўнай сувязі нацыянальнага і аграрнага пытанняў [1, с. 9].

У 1959 г. выйшла з друку кніга А. Кляўчэні «Грамадска-палітычныя і сацыялагічныя погляды А. Міцкевіча», у якой праводзіцца думка аб тым, што Адам Міцкевіч сын беларускай зямлі не толькі па месцы нараджэння, але і тым, што большасць ягоных вершаваных польскамоўных твораў насычаны беларускімі фальклорнымі элементамі. Засваенне беларускага фальклору ў Міцкевіча шматстайнае. Яго літаратурнай практыцы ўласцівы складаныя і надзвычай тонкія стасункі вуснапаэтычнай і літаратурна-кніжнай стыхіі, амаль, на усіх творчых узроўнях. Рашучы перагляд эстэтыкі класіцызму і рамантычнае пераасэнсаванне беларускага фальклору яшчэ не гарантавала Міцкевічу прызнання важнасці беларускай мовы. І, як вынік, геніяльны аўтар паэмы «Пан Тадэвуш» шмат у чым заставаўся на класіцыстычных пазіцыях, або інакш: беларуская літаратура праз творчасць Міцкевіча не атрымала рамантызм у завершаным, нацыянальна аформленым беларускамоўным выглядзе.

Вялікае значэнне А. Кляўчэня надаваў вывучэнню гісторыі палітычнай, грамадска-сацыялагічнай думкі, і асабліва філасофіі марксізма у самых розных яе канцэптуальных і ідэалагічных формах. Ужо ў доктарскай дысертацыі ім акрэсліваюцца асноўныя этапы і праблемы развіцця філасофіі марксізма ў Польшчы, што затым знайшло больш глыбокае ўвасабленне ў ягонай манаграфіі «Нарысы па гісторыі марксісцка-ленінскай філасофскай думкі ў Польшчы», выдадзенай у БДУ ў 1978 г. У прыватнасці, ім была грунтоўна прааналізавана спадчына польскіх філосафаў-марксістаў Уладыслава Спасоўскага (1877–1941) і Стэфана Руднянскага (1887–1941). Уладыслаў Спасоўскі нарадзіўся 8 снежня 1877 г. у вёсцы Якубоўшчына Лепельскага ўезда Віцязьскай губерні ў сям’і збяднеўшага шляхціча. Вучыўся на фізіка-матэматычным факультэце Варшаўскага ўніверсітэта, а таксама ва ўніверсітэтах Львова, Жэневы, Берна, вывучаючы педагогіку і філасофію. У сваёй працы «Вызваленне чалавека ў святле філасофіі, сацыялогіі працы і выхавання чалавецтва» У. Спасоўскі разглядаў ленінскія ідэі ў параўнальна-гістарычным плане, крытыкуючы ідэалістычныя філасофскія вучэнні як «прыслужнікаў капітала» і супрацьпастаўляючы ім філасофскі матэрыялізм. Спасылаючыся на Леніна, Спасоўскі абазначае светапогляд ідэалістаў як «светапогляд без святла». Ён лічыў, што нельга давяраць філасофскім канцэпцыям і высновам буржуазных прафесараў (Освальду, Маху, Пуанкарэ) ды іншым, хоць яны і ствараюць часам каштоўнасна-годныя працы ў спецыяльных сферах (хіміі, фізікі). На думку У. Спасоўскага, толькі філасофія «устойлівага атэізма» можа вызваліць чалавека ад усемагчымых рэлігійных забабонаў, вузкага індывідуалізма і

рабскай пакорлівасці капіталу [2, с. 126]. Стэфан Руднянскі (Саламон Рубінрот) нарадзіўся 28 красавіка 1887 г. у г. Брэст-Літоўскім. У 1908–1911 гг. – студэнт Варшаўскай кансерваторыі; У 1911–1914 гг. вывучаў філасофію, псіхалогію і педагогіку ва ўніверсітэце г. Ляйпцыга. Пасля вяртання ў Польшчу працаваў настаўнікам філасофіі ў сярэдніх школах Варшавы; З восені 1939 г. па 1941 г. прафесар і загадчык кафедры філасофіі Львоўскага ўніверсітэта. Характэрнай рысай марксісцка-ленінскай філасофіі, паводле С. Руднянскага, з’яўляецца стан адзінства навуковай тэорыі і рэвалюцыйнай практыкі, што робіць яе глыбока партыйнай, класавай навукай. У сваіх працах С. Руднянскі абгрунтоўваў класавы характар існавання ідэалогіі. Адсюль яго абавязковае патрабаванне пры разглядзе любой ідэалогіі зыходзіць з вырашальнага фактара: каму, чым інтарэсам служыць тая ці гэтая сістэма паняццяў. Барацьба С. Руднянскага супраць фальсіфікатараў марксізма насіла комплексны і шматвектарны характар, так як не ўсе праціўнікі марксісцка-ленінскай тэорыі адважваліся на выразна лжывыя і паклёпніцкія сцвярджэнні. Лео Фінкельштэйн, напрыклад, у сваёй кнізе «Гегель, Маркс і Спіноза (Спраба сінтэзу)», выдадзенай у Варшаве у 1932 г., вельмі асцярожна, у форме сумнення адваргаў навуковасць і арганічнае адзінства марксісцка-ленінскага вучэння, заяўляючы, што «у святле навуковых вынікаў Эйнштэйна, сістэма матэрыялістычнай ідэалогіі апынулася моцна падарванай і невядома, ці з’яўляецца сацыялізм пазітыўнай навуковай тэорыяй» [3, с. 50]. Паводле С. Руднянскага, ідэолагі «сацыяльнага кампраміса» фактычна прапагандуюць фідэізм пад маркай «ачышчанага» марксізма. Пагэтану рэвалюцыйнай з’яўляецца таксама і філасофія, якая ўяўляе сабой тэхніку рэвалюцыйнага чалавечага пазнання. Праблема развіцця марксізма ў Польшчы разглядалася А. Кляўчэнем толькі як асобны сегмент больш аб’ёмнай працы па гісторыі марксісцка-ленінскай філасофіі. Вядома, што далёка не ўвесь аналітычны матэрыял і інструментарый А. Кляўчэні цалкам збераглі сваю надзённасць, але гэта ёсць нішто іншае, як праявы супярэчлівага развіцця навуковага досведу. Як адзначаў у свой час Г. Н. Льюіс: «Вучоны – гэта практычны чалавек, ён нацэлены на практычныя мэты. Ён павінен шукаць не найлепшае, але бліжэйшае. Ён павінен гаварыць не аб апошнім аналізе, а аб наступным набліжэнні» [4, с. 10].

Кола навуковых інтарэсаў А. С. Кляўчэні ўключала ў сябе не толькі гісторыю заходнееўрапейскай і айчыннай філасофскай і сацыялагічнай думкі, але і філасофію навукі і адукацыі. У 1986 г. пад рэдакцыяй А. С. Кляўчэні быў выдадзены бібліяграфічны паказальнік «Філасофская наука Советской Белоруссии 1945–1981 гг.», які ахоплівае каля 3-х тысяч гісторыка-філасофскіх крыніц і з’яўляўся, у часы адсутнасці інтэрнэта, надзейнай і кампактнай базай атрымання інфармацыі па філасофіі.

Пад кіраўніцтвам А. С. Кляўчэні і пры яго непасрэдным удзеле былі

падрыхтаваны вучэбныя дапаможнікі «Логіка» і «Зборнік практыкаванняў па логіцы», вытрымаўшыя тры выданні. З 1974 па 1987 гг. А. С. Кляўчэня – загадчык кафедры гісторыі філасофіі і логікі. У 1973 г. ён кіраваў кафедрай філасофіі ІПК пры БДУ. На працягу шмат гадоў А. С. Кляўчэня ўваходзіў у склад рэдкалегіі часопіса «Вестник БГУ» і з’яўляўся членам спецыялізаванага Савета па абароне доктарскіх дысертацый. Пад яго кіраўніцтвам абаронена 29 кандыдацкіх і 5 доктарскіх дысертацый.

Літаратура і крыніцы

1. Кляўчэня, А. С. Грамадска-палітычныя і сацыялагічныя погляды Адама Міцкевіча / А. С. Кляўчэня. – Мінск, 1959. – 294 с.
2. Клевчэня, А. С. Мироззрение Владислава Спасовского философские и социологические взгляды / А. С. Клевчэня. – Минск : БГУ, 1969. – 230 с.
3. Клевчэня, А. С. Стефан Руднянский (Из истории марксистско-ленинской мысли в Польше) / А. С. Клевчэня. – Минск : «Наука и техника», 1965. – 253 с.
4. Льюис, Г. Н. Анатомия науки / Г. Н. Льюис. – М. : Ленанд, 2022. – 144 с.

ФОРМИРОВАНИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА БЕЛАРУСИ В УСЛОВИЯХ ЧЕТВЕРТОЙ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Е. М. Бабосов

В современном мире, чрезмерно перенасыщенном местными, региональными, глобальными турбуленциями, а также межгрупповыми, межрегиональными, межстрановыми конфликтами резко возрастает интенсивность и социальная значимость формирования и практико-ориентированной реализации интеллектуального потенциала личности, социальной группы, общности, народа и страны. В этих условиях, подчеркивает Глава государства Президент Беларуси А. Г. Лукашенко «наша задача в ускоренном формате провести новую научно-техническую революцию. Только в таких условиях появится шанс сохраниться как государство и не опустить большой войны на нашей земле» [3, с. 2].

С таких же позиций раскрываются перспективы межрегионального сотрудничества в построении инновационной экономики Союзного государства в видеообращении Президента Российской Федерации В. В. Путина к участникам XI Форума регионов Беларуси и России. В нем отмечается необходимость энергичного, творческого участия не только федеральных и центральных властей, но и регионов в укреплении суверенитета наших государств, повышении конкурентоспособности и обеспечении устойчивого экономического роста на долгосрочную перспективу. Говорится о том, что предприятия Москвы и Санкт-Петербурга, Московской и Ленинградской областей, и также Минска и

Минской области наладили сотрудничество в производстве оптических устройств и приборов фотоники для систем связи, передачи данных и информатики. Региональные исследовательские центры и конструкторские бюро в России и Беларуси вместе проектируют орбитальные и наземные компоненты спутниковых группировок наблюдения за земной поверхностью и навигации.

И, конечно же, наиболее высокие оценки высказаны о самом крупном стратегическом инновационном российско-белорусском проекте – сооружении в Гродненской области атомной электростанции. К ее постройке привлекались подрядные организации из многих российских и белорусских регионов. К концу июня 2024 года БелАЭС уже выработала более 30 миллиардов киловатт-часов недорогой и чистой электроэнергии на нужды белорусской экономики [2, с. 5].

Весьма обстоятельно, с необходимыми уточнениями и, если нужно, комментирующими сущность рассматриваемых интеллектуальных проблем, актуальные направления формирования и реализации интеллектуального потенциала Беларуси анализируются в ряде публикаций Председателя Президиума НАН Беларуси, академика В. Г. Гусакова. Он концентрирует внимание на новейших разработках в области искусственного интеллекта, являющихся наиболее бурно развивающимся направлением социодинамики науки в современном мире. В настоящее время, да и в ближайшем будущем, весьма актуальны исследования цифровых двойников и цифровизации в широком плане, процессы компьютеризации, программного обеспечения, разработки в области микроэлектроники в сфере машиностроения, применение умных систем в здравоохранении, фармацевтике, образовании. Сейчас практическое использование искусственного интеллекта можно видеть повсюду – от ставших обыденностью смартфонов до точного земледелия, персонализированной медицины или беспилотных тракторных средств. В. Г. Гусаков подчеркивает: «Курс на всестороннюю интеллектуализацию страны, взятый и поддерживаемый руководством Беларуси, дает четкий ориентир: наука – основа решения текущих задач и локомотив прогресса в стратегической перспективе. Науке принадлежит главенствующая роль в формировании методологических и теоретических основ устойчивого развития общества. Компетенции ученых, их взвешенный и многоаспектный взгляд на любую проблемную область – это своего рода гарантия принятия выверенных решений на всех уровнях государственного управления. Мы самые непосредственные участники прогнозирования и программирования социально-экономического развития. Без научного обоснования не обходится ни одна концепция, стратегия или программа в стране» [1, с. 4–5]. Обобщая высказанное, он отметил: «Науку, как и любой живой организм, можно рассматривать только системно, в неразрывном единении целей, задач и функций с

другими компонентами национальной экономики. Правительство любой страны прямо или опосредованно делает науке заказ и эксклюзивно им распоряжается в целях своей национальной науки инновационной безопасности» [1, с. 6–7].

В условиях нарастающей интенсификации и концентрации специалистов определенных направлений в целях повышения интеллектуального потенциала страны важное значение имеют теоретические и практические обоснования организации крупных научно-практических учреждений, в которых обеспечивается существенный кумулятивный эффект от общения, совместной работы и переподготовки специалистов в области профессиональных интересов. В Беларуси уже пять лет функционирует такой научно-практический центр – Институт «Кадры индустрии» – отраслевой институт Министерства промышленности, в котором осуществляется переподготовка руководящих работников разного уровня: от мастеров до генеральных директоров. Всего в этом институте проходят переподготовку, ориентированную на повышение и реализацию интеллектуального потенциала каждого слушателя 9 тыс. человек, но основу здесь составляет переподготовка директоров профильных предприятий и фирм – их выпускают 90–100 человек ежегодно. Обучение производится на основе интегрированного осмысления и усвоения классических и новейших достижений социологии и психологии управления, их реализации в практически ориентированных прикладных занятиях, в живой, нередко дискуссионной обстановке. В итоге создается консолидированная, успешно работающая, творческая команда, способная решать самые сложные инженерные задачи автоматизации и создания обучающей, промышленной робототехники, интегрированных в общее информационно-вычислительное пространство страны.

Литература и источники

1. Гусаков, В. Г. В чем состоит производственная сила науки / В. Г. Гусаков // Наука и инновации. – 2022 – № 11 (237). – С. 4–5.
2. Видеообращение Президента России Владимира Путина к участникам XI Форума регионов Беларуси и России // СБ «Беларусь сегодня». – 2024 – № 27031. – 29 июня. – С. 5.
3. Открытый микрофон с Президентом // СБ «Беларусь сегодня». – 2024 – № 27076. – 3 сентября. – С. 2.

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНСТРУКТИВИЗМ КАНТА И ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТРАНСПЕРСОНАЛЬНОГО ОПЫТА

А. В. Вишняков, А. Е. Михайлов

В настоящее время внимание научного сообщества привлекают нейрофизиологические и клиничко-фармакологические исследования процессов высшей нервной деятельности с использованием различных нейромедиаторов. Ряд научных работ посвящен изучению трансперсонального опыта, который сопровождается измененными состояниями сознания и религиозными психоэмоциональными переживаниями, как в границах нормы, так и при психических расстройствах. Знания, полученные в рамках соответствующих экспериментов, могут быть использованы при разработке диагностических и лечебно-реабилитационных мероприятий для пациентов с тревожными расстройствами, депрессией, зависимостью от психоактивных веществ (ПАВ) и эндогенными психозами [1; 2; 3; 4].

Однако перед исследователями встает проблема подбора научных критериев при осмыслении сведений, полученных при клиничко-психопатологическом обследовании пациентов, испытавших трансперсональные переживания при терминальных состояниях организма либо при интоксикации ПАВ. Научной разработке данной проблемы препятствуют многочисленные некритически воспринятые мистические положения при интерпретации измененных состояний сознания, представленных в литературе по данной теме [1, с. 30].

Поиск решения задачи демаркации научной и ненаучной трактовок трансперсонального опыта представлен в философии Иммануила Канта, сформулировавшего тезис: «Мы можем знать только то, что сконструировали сами». При объективном существовании мира вещей органической и неорганической природы существует также множество реальностей, сконструированных продуктивной способностью нашего воображения. Вместе с реальностью физического рода существует реальность субъективного мира человека, где наряду со структурной общностью есть различия в объеме и содержании знаний, в иерархии духовно-нравственных ценностей, которые зависят от образования и др. социокультурных детерминант [4, с. 74]. Когда субъективная реальность становится объектом исследования, она, тем не менее, не становится произвольным конструктом исследовательских процедур.

В своей работе «Грезы духовидца, поясненные грезами метафизики» (1766) Кант, рассматривая трансперсональный опыт ученого и мистика Э. Сведенборга, акцентировал внимание на особенностях субъективной интерпретации им своих переживаний. Описывая «видения ада» в

состоянии измененного сознания, Сведенборг утверждал, что «ад» не только находится в некой «другой реальности», но и сам по себе является множеством реальностей, соответствующих различным переживаниям «находящихся там существ» [5, с. 349]. Способы существования разных миров хоть и различаются между собой, но остаются во множестве взаимосвязей. Конструирование в познании осуществляется в реальности, которую необходимо раскрыть и попытаться преобразовать. Но при этом реальность для субъекта раскрывает себя только в процессе его конструктивной деятельности [6, с. 5]. Данные современного естествознания свидетельствуют, что при изменении биохимических процессов высшей нервной системы определенным образом трансформируется и процесс воспроизведения объективной реальности в различных формах и вариациях субъективных реальностей, способствуя конструированию виртуальных миров.

При интерпретации результатов современных исследований, следует проводить демаркацию иррациональных и научных элементов при создании целостной научно обоснованной концепции трансперсонального опыта. В работе D. Barbic и соавт. (2020) приводится описание клинического случая пациента с галлюцинаторно-бредовым психозом, вызванным употреблением ПАВ из группы психоделиков, утверждавшего, что он является героем художественного фильма [2, с. 1]. В то же время в публикации D. Nichols (2018) говорится о противоречивых сведениях, касающихся эффектов того же ПАВ как при приеме внутрь, так и при эндогенной его продукции в шишковидной железе [1, с. 30–31]. Данные эффекты включают переживания, подобные трансперсональному опыту Сведенборга: видения «рая и ада», персонажей мифов и религиозных фигур. Рациональная трактовка переживаний такого плана предполагает единый подход, расценивающий воспринимаемые при измененном сознании реальности как виртуальные и детерминированные социокультурными особенностями мировоззрения того или иного пациента [2; 3].

Таким образом, гносеологический конструктивизм Иммануила Канта позволяет сформулировать фундаментальные положения при разработке научного подхода в современных нейрофизиологических и психиатрических исследованиях трансперсонального опыта. Такой подход способствует созданию концептуальной философской основы в поиске критериев при демаркации научных и ненаучных элементов интерпретации субъективных переживаний. Демистификация трансперсонального опыта будет способствовать углублению знаний о работе мозга, а также о протекании психических процессов в норме и при патологии, в том числе под действием ПАВ.

Литература и источники

1. Nichols, D. E. N, N-dimethyltryptamine and the pineal gland: Separating fact from myth / D. E. Nichols // J. Psychopharmacol. – 2018. – Jan. ; № 32 (1). – P. 30–36.
2. Barbic, D. N, N-Dimethyltryptamine: DMT-induced psychosis / D. Barbic [et al.] // Am. J. Emerg. Med. – 2020. – Sep. ; № 38 (9). – P. 1961.e1–1961.e2.
3. Rodrigues, A. V. Dimethyltryptamine: Endogenous Role and Therapeutic Potential / A. V. Rodrigues, F. J. Almeida, M. A. Vieira-Coelho // J. Psychoactive Drugs. – 2019. – Sep.-Oct. ; № 51 (4). – P. 299–310.
4. Carbonaro, T. M. Neuropharmacology of N, N-dimethyltryptamine / T. M. Carbonaro, M. B. Gatch // Brain Res Bull. – 2016. – Sep. ; № 126 (Pt. 1). – P. 74–88.
5. Кант, И. Грезы духовидца, поясненные грезами метафизики / И. Кант // Соч. в 6 т. – М., 1964. – Т. 2. – С. 349.
6. Лекторский, В. А. Реализм, антиреализм, конструктивизм и конструктивный реализм в современной эпистемологии и науке / В. А. Лекторский // Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке. – М. : Канон+, 2009. – С. 5–40.

АРХИДОКС И АРХИЛЕКТИКА СФЕРНОГО ПОДХОДА

И. Н. Вольнов

В рамках развиваемого автором сферного подхода, восходящего к работам В. И. Вернадского, реализуется программа формулировки и сборки в единое целое признаков сферного подхода в его сравнении с существующими средовым и системным подходами. Часть признаков сферного подхода была собрана автором в предыдущей работе [1]. Ниже обсуждается следующий признак сферного подхода, который мы назвали «Арахидоксом» и «Архилектикой» сферного подхода.

Современная наука, а с ней и цивилизация в целом понимают мышление через категории логики и диалектики. Эти представления складываются в эпоху Просвещения и утверждаются как базовые. Однако, в рамках этих представлений в настоящий момент накопилось понимание недостаточности только логики и диалектики в применении к исследованию и пониманию реальности, ее вопросам и тайнам. Признак такой недостаточности характерен для построения не только одной аристотелевской логики, но потенциально бесконечного их числа. Сегодня можно создать любую требуемую логику, что называется, «под задачу»; любую диалектику, п-лектику любой мерности: монолектику, триалексику и т. д.

Известное высказывание В. И. Вернадского «Научную истину нельзя познать логикой, можно лишь жизнью» [2] также указывает на неприменимость логики, а с ней и диалектики к познанию Истины. Из

этого высказывания следует, что Истина выходит за рамки поля, в котором действует логика и диалектика. За эти же рамки выходит и сама жизнь, что дает возможность ее сопричастия к Истине. По Платону Истина может быть усмотрена «глазами ума» или умозрением. Ум мыслит и его мышление должно обладать способностью к созерцанию. Дает ли такую способность логика и диалектика? У Джордано Бруно находим отрицательный ответ на этот вопрос. Он определяет мышление следующим образом: «Мышление – это либо само воображение, либо без него не существует» [3]. Таким образом нас интересует мышление, где с помощью воображения удастся выйти за границы логики и диалектики. Отметим, что мышление, оставаясь в рамках логики и диалектики, порождает феномен фантазии, как комбинаторику прошлых событий и явлений. При этом оно не в состоянии справиться с соблазном чисто механистического переноса своей фантазии прошлого на будущее. Мышление как воображение позволяет непосредственно заглядывать в будущее «как оно есть», не редуцируя его к прошлому.

Дадим определение воображения из приведенного контекста. Воображение – это такая работа ума, в которой, во-первых, осознается несовместимость прошлого и будущего (по В. И. Вернадскому, реальное время необратимо, т. е. у него отсутствует симметрия прошлого и будущего и, следовательно, эти модусы времени разнородны) и, во-вторых, с помощью возможностей сознания, находящихся вне логики и диалектики, которые обобщаются понятием мудрости, создается новое соединение прошлого с будущим. Попробуем, если вообще это возможно, описать некоторые признаки такого мышления.

В основе диалектического мышления лежит пара противоположностей или противоречие. Условия образования пары: однородность понятий на обоих ее полюсах. Формальное рассуждение позволяет расширить понимание этой схемы, составив ее таким образом чтобы один из плюсов оказался пустым. Такую пару называют парадоксом. Парадокс является сильным источником развития диалектики. Под «пустотой» здесь подразумевается неизвестное пока понятие, про которое можно сказать, что оно, по крайней мере, однородно с известным полюсом. Попробуем в этом ключе определить мышление с воображением, преодолевающее логику и диалектику. Представим себе такой парадокс, где на месте «пустого» полюса будет, например, пустота в понимании древнегреческого философа Демокрита, который утверждал, что все во Вселенной состоит из Атомов и Пустоты. Это такая Пустота, которая остается недоступной, не ухватываемой чувственным аппаратом человека и его интеллектом в инструментах логики и диалектики, и поэтому в этой части Она остается пустой. Но Она не является пустой для остальных возможностей сознания, таких как вера, мудрость, воображение, устремление и др. Пустота может мыслиться для интеллекта, как

некоторое предельное, абсолютное понятие из ряда: Будущее, Бесконечность, Вечность, Любовь, Абсолют, Истина и другие. В этот же ряд следует поставить понятие вечной, безначальной Жизни в понимании В. И. Вернадского, тайна, которой находится вне познавательных возможностей научного метода [4]. В этом же ряду находится понятие Тайны, на которое, как на источник развития, многократно указывает в своих философских трудах выдающийся советский и российский математик и философ В. В. Налимов [5]. Назовем такой недиалектический парадокс, на одном из плюсов которого демокритова Пустота, – архидоксом, указывая этим, что этот неизвестный полюс образован высоким, священным, абсолютным понятием. По аналогии с диалектикой, мышление архидоксами можно было бы назвать архилектикой.

Отметим, что архидокс и архилектика существовали всю историю развития человечества. Исключением из этого является лишь современная наука, которая в конце XIX века отказалась от демокритова начала Пустоты, которое на тот момент выражалась через понятие мирового эфира. Сделав ставку только на одно материалистическое или атомистическое основание и отбросив эфир, а вместе с ним и Пустоту, наука обрекла себя на замыкание даже не в диалектике, а в линейной логике или монолектике. Единственное будущее, которое доступно науке в этом состоянии – это продолженное прошлое [6]. Именно поэтому предельной технологией такой науки становится искусственный интеллект, большие данные которого полностью замкнуты в прошлом. Цивилизация, опирающаяся на такую науку, может развиваться только через научную фантастику или фантазию, которая также как и искусственный интеллект обязательно входит в противоречие с человеком и жизнью.

Сферный подход В. И. Вернадского вновь возвращает в научное мировоззрение мышление не на одном, а на двух основаниях: Материя-Энергия и Жизнь. Через тайну жизни в мышление возвращаются понятия высокого, священного, абсолютного, вновь актуализируется архилектика, работающая с архидоксами.

Литература и источники

1. Вольнов, И. Н. С заботой о планете. К 160-летию со дня рождения В. И. Вернадского : коллективная монография / И. Н. Вольнов и др. // Отв. ред. И. А. Герасимова. – Курск : Университетская книга, 2024. – 266 с.
2. Вернадский, В. И. Философские мысли натуралиста / В. И. Вернадский. – М. : Наука, 1988. – 520 с.
3. Жарова, М.-И. Магия образа: Феномен Джордано Бруно / М.-И. Жарова. – СПб. : Свое издательство, 2013. – 256 с.
4. Аксенов, Г. П. В. И. Вернадский – о природе времени и пространства / Г. П. Аксенов. – М. : Ленанд, 2022. – 368 с.

5. Налимов, В. В. В поисках иных смыслов / В. В. Налимов. – СПб. ; М. : Центр гуманитарных инициатив, 2013. – 464 с.

6. Вольнов, И. Н. Атомы, пустота, воображение и искусственный интеллект / И. Н. Вольнов // Наука и инновации. – 2024. – № 9 (259). – С. 32–35.

ГИПОТЕЗА ТРАНСМУТАЦИИ ЭЛЕМЕНТОВ МАТЕРИИ

М. Г. Годарев-Лозовский

Теория барионной симметрии (ТБС). Отметим следующие постулаты ТБС:

1. В случае актуально бесконечной Вселенной: счетное множество нуклонов взаимно однозначно соответствует счетному множеству антинуклонов;

2. Пространственное распределение плотностей нуклонов и антинуклонов во Вселенной не случайно (см. антропный принцип);

3. Величина плотности равномерного пространственного распределения нуклонов значительно превышает величину плотности равномерного пространственного распределения антинуклонов во Вселенной (Аналогия: взаимно однозначное соответствие между элементами всюду плотного множества рациональных чисел и элементами нигде не плотного множества целых чисел на числовой прямой);

4. Закон сохранения барионного числа во Вселенной выполняется абсолютно, но его реализация не ограничивается пределами Метагалактики (Связь всего со всем – это фундаментальное свойство природы);

5. Рождение (самораспад) нуклона в пределах Метагалактики сопровождается одновременным рождением (самораспадом) антинуклона за пределами Метагалактики (Распадающаяся нелокально запутанная пара одновременно сопровождается рождением новой нелокально запутанной пары).

Экспериментально ТБС предсказывает следующее:

1. Будет экспериментально обнаружен самораспад протона и очень вероятно, что в самом долгоживущем элементе: теллуре (^{128}Te) (Подобное открытие будет означать то, что абсолютно незапутанные частицы и античастицы в актуально бесконечной Вселенной, определено, отсутствуют);

2. Не будут экспериментально обнаружены нейтрон – антинейтронные осцилляции (Этот гипотетический процесс явно и исключительно локально нарушал бы барионное число);

3. Не будет обнаружено процессов, нарушающих сохранение общего лептонного числа, которое не зависит от поколения частиц (Подобный гипотетический процесс позволял бы взаимопревращение лептонных и

барионных чисел) [1].

Необходимые определения и непосредственные исходные предпосылки гипотезы трансмутации элементов материи (ГТЭМ):

– *Трансмутация* – это запутанные взаимопревращения элементов с локальным нарушением и нелокальным сохранением их числа;

– *Трансмутацией не являются* локальные квантовые взаимопревращения частиц (т. е. как барионов, так и лептонов внутри их собственных семейств);

– *Законы сохранения* запрещают гипотетическое взаимопревращение лептонных и барионных чисел. Законы сохранения требуют также актуально безначальной и бесконечной в пространстве и времени Вселенной, а также соблюдения закона сохранения барионного числа (В случае конечной в пространстве Вселенной нарушался бы закон сохранения барионного числа, а в случае конечной во времени Вселенной – нарушался бы закон сохранения энергии);

– *Распад и аннигиляция* – это «две стороны одной медали». Если аннигилирует частица и античастица, то одновременно локально (в пределах Метагалактики) рождается пара и нелокально (за пределами Метагалактики) распадаются так сказать «их хвосты», т. е. запутанные с ними частица и античастица и рождается новая пара;

– *Антропный принцип и распределение в пространстве*. Антропный принцип запрещает одинаковое равномерное пространственное распределение частиц и античастиц, а также одинаковое равномерное пространственное распределений их аннигиляций и их распадов. Ибо в первом случае человек не смог бы возникнуть и существовать в силу аннигиляции, а во втором: в силу высокой радиации. Таким образом, антропный принцип и ТБС требуют различной плотности распределения: а) вещества и антивещества; б) аннигиляций и распадов;

– *Запутанность* – частица и античастица преимущественно запутаны нелокально (т. е. одна из них находится за пределами Метагалактики) потому, что пространственное распределение их плотности различно (см. [1] и [2]);

– *Нелокальная запутанность* – это запутанность частиц и античастиц на межметагалактическом или даже бесконечном расстояниях (см. [3]);

– *Локально родившаяся пара* гипотетически локально запутана (Экспериментальное обнаружение этого факта возможно в случае соответствующего видоизменения известных экспериментов А. Аспе с запутанными фотонами);

– *Единая модель трансмутации элементов* методологически согласовывает антропный принцип, законы сохранения, квантовую нелокальность и квантовую запутанность (Экспериментальное обнаружение этого факта возможно в случае соответствующего

видоизменения известных экспериментов А. Аспе с запутанными фотонами);

Наиболее вероятная последовательность жизни и смерти элементов вещества в соответствии с ГТЭМ:

1. Происходит одновременная трансмутация элементов материи: исчезают четыре старых запутанных элементов и возникают четыре новых запутанных, с последующим их распространением в пространстве Вселенной, что ниже рассматривается поэтапно;

2. В Метагалактике аннигилируют незапутанные между собой частица 1 и античастица 2;

3. Одновременно за пределами Метагалактики распадаются их «хвосты», т. е. нелокально запутанные с ними в пары и незапутанные между собою частица 3 и античастица 4;

4. Одновременно в Метагалактике рождается локально запутанная пара 5 + 6 (компенсация аннигиляции);

5. Одновременно за пределами Метагалактики рождается нелокально запутанная пара 7+8 (компенсация распада «хвостов»);

6. С течением длительного времени реализуется последующий выход запутанной локально: пары 5+6; либо частицы 5; либо античастицы 6 – за пределы Метагалактики (Локально запутанная пара 5+6 с течением времени превращается в нелокально запутанную пару).

Маловероятные события в пределах Метагалактики:

1. Аннигиляция локальна, т. е. в пределах Метагалактики запутанной пары (в силу совершенной случайности этого события);

2. Распад частицы (античастицы) в пределах Метагалактики (в силу крайне малой плотности пространственного распределения распадов).

Основная закономерность.

В. Высоцкий писал:

*«Разрывы глушили биенье сердец,
Мое же – мне громко стучало,
Что все же конец мой – еще не конец:
Конец – это чье-то начало...».*

То есть основная закономерность – это *возникновение и исчезновение фундаментальных элементов материи в актуально бесконечных пространстве и времени реализуется локально и нелокально*. Конкретно справедливо следующее:

1. Исчезновение как локальная *аннигиляция* незапутанных между собой частицы и античастицы;

2. Возникновение как локальное *рождение* запутанной пары частицы и античастицы (компенсация аннигиляции);

3. Исчезновение как *распад* частицы и античастицы нелокально запутанных с аннигилирующими элементами (т. е. распад их «хвостов»);

4. Возникновение как *рождение* нелокально запутанной пары

частицы и античастицы (компенсация распада «хвостов»).

Методологическая сторона ГТЭМ.

Как отмечал М. Гольдхабер «В то время как старшее поколение теоретиков чувствовало своими костями, что протон стабилен, молодежь чувствовала нутром, что он все-таки распадается». Какова необходимость запутанности частицы и античастицы? Ответ на этот вопрос логически однозначен: если существует барионная симметрия, то логически подобная запутанность с необходимостью должна существовать.

В целом, новизна предлагаемого подхода заключается в том, что в настоящее время аннигиляция и гипотетические распады частиц с локальным нарушением барионного числа не рассматриваются как две стороны одной и той же медали. Однако, основная идея предлагаемой гипотезы, по нашему убеждению, состоит именно в этом.

Обобщим: антропный принцип требует барионной асимметрии Метагалактики, ибо в противном случае мы бы аннигилировали. Этот принцип также требует практически бесконечного времени полураспада протона, ибо в противном случае мы бы погибли от радиации. Аннигиляция и распад фундаментальных частиц материи – это две стороны одной медали (образно выражаясь: трагической смерти, либо естественной смерти частиц и античастиц), смерти, которая представляет собой поглощение вещества мировой материальной средой. Иные две стороны другой медали – это локальное и нелокальное рождение частиц и античастиц из мировой среды.

Литература и источники

1. Годарев-Лозовский, М. Г. Основания и предсказания теории барионной симметрии / М. Г. Годарев-Лозовский // Наука. Общество. Будущее : тезисы докладов 2-й Международной научно-практической конференции, Тверь, 4–5 апреля 2024 года. – Тверь : Тверской государственный университет, 2024. – С. 36–40.
2. Эрекаев, В. Д. Запутанные состояния (обзор) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaputannye-sostoyaniya-obzor?ysclid=ly9vubw861273897805>. – Дата доступа: 06.07.2024.
3. Ефремов, А. П. Гипотеза квантовой запутанности и теория фрактального пространства / А. П. Ефремов // Основания фундаментальной физики и математики : материалы VI Российской конференции (ОФФМ-2022) / Под ред. Ю. С. Владимирова, В. А. Панчелюги. – М. : РУДН, 2022. – С. 136–139.

РОЛЬ ДОВЕРИЯ РОДИТЕЛЕЙ К МЕДИЦИНСКОМУ РАБОТНИКУ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ПЛАНОВОЙ ВАКЦИНАЦИИ ДЕТЕЙ

Н. В. Голобородько

Решение родителей о вакцинации ребенка в меньшей степени является рациональным (основанным на оценке баланса ожидаемой пользы и возможных рисков от прививки), а в большей степени основывается на базовых ценностях родителей [1] и на их доверии медицинской системе [2]. Определение понятия «доверие» в медицинской практике на настоящий момент не полностью согласовано, и необходим дальнейший анализ эмпирических данных и построение концептуальных моделей [3].

Цели исследования: выявить спектр факторов, влияющих на проведение родителями плановой вакцинации детей, а также провести анализ сущностного наполнения, которое вкладывают родители в понятие «доверие медицинскому работнику».

Материал и методы. Проведено качественное исследование в виде 20 глубинных интервью с родителями, включающих вопросы их отношения, намерений и реальной практики по плановой вакцинации детей, а также представляемой ими сути понятия «доверие».

Результаты. Выбор позитивной поведенческой стратегии родителей в части плановых прививок детям формировался под воздействием таких факторов, как высокий уровень доверия врачам-педиатрам в вопросах вакцинации ребенка, функционирование хорошо организованной системы вакцинации детей в стране (включая осведомленность о возможностях, удобство логистики прохождения вакцинации, побуждение к действию со стороны медработника), возможность поддержания долгосрочной коммуникации с врачом (что придает уверенности в отношении ситуаций потенциального развития нежелательных реакций на прививку), «привычка» вакцинации, когда родители воспринимают вакцинацию ребенка как рутинную процедуру, а также желание родителей соответствовать моделям поведения общества (вакцинация в Беларуси как социальная норма).

На поведенческую стратегию родителей по плановой вакцинации детей не оказывали существенного влияния уровень информированности родителей о плановых прививках, их личный опыт вакцинации, наличие у детей кратковременных проходящих нежелательных реакций на вакцины, а также угроза ограничительных мер в виде запрета на посещение детского сада и школы («найму няню», «перейду на дистанционное обучение»), но при этом готовность привить ребенка появлялась в случае его поступления в зарубежный университет в Европе).

Помимо доверия как твердой уверенности в компетентности,

честности и добрых намерениях медицинского работника, позволяющих положиться на его мнение и поступить в соответствии с ним [3], респондентами были озвучены следующие позиции:

1) «доверие» как готовность следовать устоявшейся практике и принятым в обществе моделям поведения: доверяют «системе здравоохранения», и поэтому действуют в рамках сложившейся системы вакцинации детей в Беларуси, чтобы их дети «не выбивались» из общепринятой практики, то есть доверие конкретному медработнику рассматривается в более широком контексте доверия в целом системе;

2) «доверие» как делегирование ответственности за вмешательство медицинскому работнику: по сути, попытка родителя полностью уйти от ответственности за решение – ведь «кто принимает решение, тот и несет ответственность, и доверяя, я готова возложить на врача всю ответственность», что отражает существующую проблему транзита от патерналистской модели к модели принятия собственных решений в белорусской медицине;

3) «доверие» как способ подтвердить правильность собственного мнения: здесь доверие (как в известной степени безотносительное понятие) подменяется использованием мнения врача лишь для подтверждения заранее сформулированной собственной позиции – по сути, готовностью согласиться, в случае если мнение врача совпадает с его собственным, и не согласиться в случае их несовпадения;

4) «выборочное доверие» к отдельным группам рекомендаций медицинского работника: так, у родителей отказчиков от вакцинации сочетается высокий уровень доверия врачам в части лечения их детей и низкий уровень доверия врачам в части вопросов вакцинации; врач, назначающий лечение, воспринимается как автономный агент, заботящийся о ребенке и помогающий ему в соответствии со своей компетенцией, а врач, назначающий прививку – лишь как чиновник, исполнитель наложенных на него обязанностей по обеспечению охвата детей прививками.

Заключение. Таким образом, вопросы доверия медицинскому работнику и возможность поддержания долгосрочной коммуникации с ним, простота логистики прохождения вакцинации, а также рутинизация процесса вакцинации и желание соответствовать принятым в обществе поведенческим нормам представляются более важными для обеспечения высокого охвата вакцинацией, чем информирование. Показан широкий спектр подразумеваемого сущностного наполнения, вкладываемого родителями в понятие «доверие к медицинскому работнику» при вакцинации детей, которое среди прочего рассматривается как возможность ухода от ответственности за принятие решения, используется для подтверждения собственной правоты, а также может быть утрачено из-за подозрения в заинтересованности медицинского работника. Это следует

учитывать в дальнейшем при проведении исследований, коммуникации с пациентами и разработки стратегий социально-поведенческих изменений.

Литература и источники

1. Edwards, K. M. Countering Vaccine Hesitancy / K. M. Edwards, J. M. Hackell // *Pediatrics*. – 2016. – № 138 (3).
2. Public acceptance of COVID-19 vaccines: cross-national evidence on levels and individual-level predictors using observational data / M. F. Lindholt [et al.] // *BMJ Open*. – 2021. – № 11.
3. Taylor, L. A. Trust in Health Care and Science: Toward Common Ground on Key Concepts / L. A. Taylor, M. Z. Solomon, G. E. Kaebnick // *Hastings Center Report*. – 2023. – № 53.

ПРИЧИННО-ДОКСТАТИЧЕСКОЕ УКОРЕНЯЮЩЕЕ ОТНОШЕНИЕ, РЕЛАЙБИЛИЗМ И ЭВИДЕНЦИАЛЬНОЕ ПОДКРЕПЛЕНИЕ НАУЧНОЙ ТЕОРИИ

Н. В. Головки

Убеждение эпистемически обосновано только в том случае, если мы можем показать, что это обоснование опирается на адекватные основания (reasons). Существует несколько широко известных постановок, которые апеллируют к этому свойству: «строгая обоснованность» (well-foundedness); соотношение пропозиционального и докстатического обоснований; проблема «lucky guess» и случаи «lucky truth»; соотношение обоснованности и гарантированности (warrant); чувствительность (sensitivity); разница между обоснованными и обосновываемыми (justifiable) убеждениями и т. д. В общем случае, обоснование требует наличия и адекватных оснований, и адекватного отношения между основаниями и убеждением. В данном случае «адекватное отношение» – это «эпистемическое укореняющее отношение» (basing), которое не стоит путать с «онтологическим укореняющим отношением» (grounding) в популярной сейчас мета-метафизике. И прежде, чем зафиксировать это отношение, необходимо вспомнить, что «основания, в силу которых (for which) S принимает (hold) P – это всегда основания того, почему (why / for) S принимает P , но обратное верно не всегда. Отсюда следует определение, укореняющее отношение связывает убеждение P и основания R , *только если* выполнены два условия: (i) R является тем самым, правильным (right) и рациональным основанием, в силу которого S принимает P ; (ii) R это основание того, почему S принимает P » [1, p. 110]. В 1970-х, в частности, дискуссия между Гильбертом Харманом и Китом Лере (см., например, [2; 3]) привела к появлению синтетической «причинно-докстатической» концепции укореняющего отношения, окончательный современный

вариант которой, по-видимому, приводит Кит Коркз [4]. Одним из наиболее интересных следствий этой трактовки является то, что она противоречит процессному релейбилизму. И, с одной стороны, проблем нет – это вопрос интересный сам по себе, как еще один аргумент против экстернализма. Но, с другой стороны, в натуралистической перспективе, основанием натурализации которой является наука как «единственный интеллектуальный проект, приносящий объективное знание», процессный релейбилизм является аллюзией на научный метод. По определению Алвина Голдмана: «*P* произведено достоверным процессом», где под «достоверностью» понимается «способность процесса приводить к истинным убеждениями» (см. [5]). В данном случае «процесс» – это закрепленный способ получения научного знания, которое само по себе является приближенно истинным (хоть по К. Попперу, хоть по В. И. Ленину, либо, что то же самое, является контингентным по Д. Льюису).

Тонкость аргумента К. Коркза заключается в том, как он определяет «причинно-доксастическую» природу укореняющего отношения. Собственно «причинная» трактовка не считается удовлетворительной в силу примеров по типу «Цыганский адвокат», которые приводит К. Лере. Предположим, что адвокат, защищающий подсудимого, абсолютно доверяет предсказаниям на картах. Карты говорят, что клиент невиновен. «Это повод для адвоката еще раз проанализировать улики, и ему удастся построить очень сложную, но обоснованную (*valid*), линию рассуждений, подтверждающую, что клиент невиновен. Однако эмоциональная вовлеченность адвоката, а также то, что его линия рассуждений гораздо сложнее линии рассуждений прокурора, мешает остальным согласиться с ним. И если бы не непреложная (*unshakable*) убежденность адвоката в предсказаниях на картах, то она сама бы согласилась с прокурором. Только уверенность в картах дает основание сказать, что адвокат знает, что клиент не совершал убийство» [2, p. 312]. Как отмечает К. Коркз, в данном случае «адвокат рационализирует свое убеждение о том, что его клиент невиновен, но он не имеет надлежащих оснований (*not justified*) полагать, что его клиент невиновен, – его убеждение, что клиент невиновен, основано на "плохой причине", – он апеллирует к картам» [4, p. 528]. А значит, более адекватным будет отношение, которое «свяжет основания и убеждение посредством мета-убеждения, которое объясняет то, почему это основание является именно тем основанием, в силу которого убеждение принимается (*held*) (это установка Г. Хармана [3] – *Н. Г.*)» [там же]. При этом К. Коркз не отрицает необходимость «причинной связи»: «я анализирую это мета-убеждение в терминах состояний субъекта и причинных отношений между ними. Тем самым, укореняющее отношение получает причинную трактовку, но не в таком простом виде, как в рамках причинной теории. Условие, что основание причиняет

убеждение, не является необходимым условием того, что убеждение надлежащим образом опирается на основания» [4, p. 532]. Как следствие, если убеждение может быть «надлежащим образом» связано с основаниями без того, чтобы это основание было бы включено в производство убеждения, то убеждение может быть обосновано, даже если оно не произведено достоверным процессом. Естественно, здесь много тонкостей, но один момент особенно показателен. К. Коркз не может не связать обоснование и истинность, а значит, на самом деле мы говорим о замене «индикатора истинности» – вместо достоверного «процесса получения убеждения», здесь достоверное «отношение между мета-убеждением и убеждением». Мы не исключаем релейбилизм из рассмотрения, меняется только «индикатор истинности», и это требование закреплено собственно философскими (не-натурализованными!) рассуждениями.

Мы полагаем, что в соответствующей натуралистической перспективе, в которой мы можем проинтерпретировать релейбилизм как более общий проект, связывающий обоснование и эпистемические факторы, которые «отслеживают» (tracking, по выражению А. Голдмана) истинность, рассуждения К. Коркза могут подсказать то, как мы можем уточнить традиционное представление об эвиденциальном подкреплении научной теории. Акцент на «мета-убеждении», которое контролирует надлежащую связь между убеждением и основаниями, позволяет без труда включить в общий контекст анализа обоснования научного знания, например, исторические естественные науки (геология, космология, палеонтология, археология и др.) или науки без дедуктивной систематизации данных (см. [6]), для которых стандартные представления о подтверждении теории (которые и объясняют изначальную успешность процессного релейбилизма в трактовке обоснования научного знания) не работают. В докладе будет показано, как перенос логики рассуждений К. Коркза, которую в эвиденциалистской парадигме (Э. Кони, Р. Фелдман) можно отнести проблеме «строгой обоснованности» (well-foundedness), можно проинтерпретировать в модели когерентистского обоснования эмпирического знания Лоуренса Бонжура [7]. Это даст возможность, например, содержательно выразить идею «взвешенной когерентности», которая традиционно является краеугольным камнем моделей обоснования знания в исторических естественных науках (П. Коссо, Д. Тернер, Э. Уайли и др.).

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23–28–00739 «Эпистемическая независимость в моделях обоснования знания о прошлом: теории среднего уровня и взвешенная когерентность», <https://rscf.ru/project/23-28-00739/>.

Литература и источники

1. Neta, R. The Basing Relation / R. Neta // The Routledge Companion to Epistemology / Ed. by S. Bernecker, D. Pritchard. – New York : Routledge, 2011. – P. 109–118.
2. Lehrer, K. How Reasons Give us Knowledge, or the Case of the Gypsy Lawyer / K. Lehrer // Journal of Philosophy. – 1971. – Vol. 68, No. 10. – P. 311–313.
3. Harman, G. Knowledge, Reasons, and Causes / G. Harman // Journal of Philosophy. – 1970. – Vol. 67, No. 21. – P. 841–855.
4. Korcz, K. The Causal-Doxastic Theory of the Basing Relation / K. Korcz // Canadian Journal of Philosophy. – 2000. – Vol. 30, No. 4. – P. 525–550.
5. Goldman, A. What Is Justified Belief / A. Goldman // Justification and Knowledge / Ed. by G. Pappas. – Dordrecht : Reidel, 1979. – P. 1–23.
6. Головкин, Н. В. Естественная историческая установка: объективность вместо истинности. Рец. на кн.: Turner D. Making Prehistory: Historical Science and the Scientific Realism Debate (Cambridge University Press, 2007) / Н. В. Головкин // Сибирский философский журнал. – 2022. – № 4. – С. 127–140.
7. Bonjour, L. The Structure of Empirical Knowledge / L. Bonjour. – Harvard University Press, 1985.

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

М. А. Гребенчук

Философия и история являются тесно связанными областями. Обе науки занимаются пониманием прошлого и настоящего: история изучает прошлые события, их причины и следствия, философия сфокусирована на стремлении понять смысл и значение таких событий.

Взаимодействие философии и политической науки осуществляется в предметном поле политической философии – ценностно-ориентированного направления знаний о политике, которое ищет ответы на вопросы, связанные с разработкой правильного политического порядка и оптимальной организации политической власти. Используя метафизический и ценностный потенциалы, политическая философия направлена на формирование нормативных ориентаций политической деятельности в условиях глубоких изменений, которые происходят в политическом процессе.

Для политической философии важными являются рассуждения о политике как о публичной деятельности, об управлении и авторитетном распределении ценностей. В этой связи философский анализ сохраняет свою значимость для *исторической политики* – феномена, ориентированного на инструментализацию социальной памяти и исторических фактов в политических, идеологических или экономических целях.

Начальным этапом в разработке данной проблематики стали концепции «преодоления прошлого» немецкого философа и социолога Теодора Адорно [1] и «политики прошлого» немецкого историка Норберта Фрая. Данные концепции позволили также связать воедино такие понятия, как «историческое сознание», «коллективная память», «культура памяти», «культура истории», а также термин «места памяти», автором которого является французский историк Пьер Нора [2]. Эти понятия имеют отношение к идентичности либо же к философским поискам идентичности того или иного рода.

В центре внимания исторической политики находятся философские проблемы исторического сознания и исторической памяти людей. Историческая политика представляет собой воздействие политических акторов друг на друга и на общество в вопросах политической истории, включает в себя различные виды влияния на общественное сознание с целью формирования идентичности и значимых историко-политических образов, способствующих легитимации политической власти.

За исторической политикой также закрепляется функция «выработки и популяризации определенной интерпретации истории, выбранной в качестве правильной по политическим мотивам» [3, с. 8].

При этом важнейшим инструментом исторической политики является механизм управления исторической памятью народа, которая представляет собой опорные пункты массового знания о прошлом, определенный набор ключевых исторических событий и их участников в устной, визуальной или текстуальной форме, которые присутствуют в активной памяти.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что философия может повлиять на историческую политику посредством ее концептуальной оценки как общечеловеческого феномена, объяснения политических явлений и процессов в широком социальном контексте, через соотнесение политических феноменов с основополагающими философскими понятиями.

Стоит отметить, что в Республике Беларусь историческая политика является актуальным направлением государственной политики [4].

В отечественной науке существует следующее определение исторической политики: это «система целенаправленной деятельности институтов государственной власти по формированию национального историко-государственного мировоззрения человека и общества, укреплению историко-культурных и духовно-этических представлений людей, их готовности к созидательному труду, отстаиванию государственной безопасности и национальных интересов Отечества» [5, с. 10–11].

Наше государство определяет объективную картину истории формирования белорусской нации, развития и укрепления

государственности, экономики и культуры. Историческая политика Беларуси обращается к философским вопросам формирования национально-культурной идентичности, национального историко-государственного мировоззрения, выбора новых ценностных ориентаций.

Таким образом, философия помогает анализировать исторические и политические факты, отношения, процессы и мировоззренческие ценности, механизмы взаимодействия социально-политических субъектов. Она направлена на концептуальную оценку проводимой нашим государством исторической политики как нравственного, общечеловеческого феномена, объяснение политических событий в широком социальном контексте.

Литература и источники

1. Адорно, Т. Что значит «проработка прошлого» / Т. Адорно // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2–3 (40–41) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ado4-pr.html>. – Дата доступа: 30.08.2024.
2. Nora, P. Das Abenteuer der Lieux de memoire / P. Nora // Nation und Emotion: Deutschland und Frankreich im Vergleich. 19 und 20. Jahrhundert / P. Nora. – 1995. – P. 83–92.
3. Миллер, А. И. Россия: власть и история / А. И. Миллер // Pro et contra. Журнал российской внутренней и внешней политики. – 2009. – Т. 13, № 3–4. – С. 6–23.
4. О Республиканском совете по исторической политике при Администрации Президента Республики Беларусь: распоряжение Президента Республики Беларусь, 4 февраля 2022 г. № 22рп // Интернет-портал Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/documents/gasporyazhenie-no-22rp-ot-4-fevralya-2022-g>. – Дата доступа: 31.08.2024.
5. К вопросу об исторической политике / А. Коваленя [и др.] // Беларуская думка. – 2019. – № 8. – С. 3–11.

ЭТИКА ПРОЕКТИРОВАНИЯ В ИИ

М. А. Дедюлина

Несмотря на огромную общественную важность этического проектирования искусственного интеллекта, существует мало исследований по данной проблеме. По мнению Мишеля Серра, с изобретением цифровых технологий складывается та же ситуация, сопровождающаяся теми же взлетами и падениями, что и в эпоху Возрождения, как в лучшую, так и в худшую сторону.

Этика искусственного интеллекта (ИИ) является широко обсуждаемой темой. Существует множество инициатив, направленных на разработку принципов и рекомендации, обеспечивающие этическую приемлемость разработки, внедрения и использования ИИ. Однако в целом

неясно, как организации, использующие ИИ, понимают и решают эти этические вопросы на практике. Причина такого растущего внимания кроется в возможности этих технологий, которые могут все чаще выполнять задачи, которые раньше были под силу только человеку. Большинство текстов, посвященных этике искусственного интеллекта, в основном касаются негативных последствий и рисков. Помимо этого, существуют и более широкие перспективы позитивного будущего с использованием ИИ.

Сегодня общественные дискуссии во многих странах больше сосредоточены на потенциальном ущербе, который может нанести ИИ, например, на рынке труда, а также в отношении автономии человека, неприкосновенности частной жизни и даже самого будущего общества. Существует два основных течения, которые представляют ту или иную версию антиутопии ИИ. С экономической точки зрения, по мнению М. Форда, изучают потенциальное влияние ИИ и робототехники на (человеческий) труд [1]. Он предсказывает массовое сокращение рабочих мест во многих отраслях, которые долгое время казались невосприимчивыми к автоматизации. Аргумент здесь заключается в том, что новые технологии ИИ теперь способны заменить гораздо большее количество работ, для которых до сих пор требовался человеческий интеллект. К ним относятся, например, медицинская диагностика, экспертные знания в области налогового консультирования или юридические знания.

Второе направление антиутопических публикации журналистов освещают потенциальное будущее ИИ. Эти зачастую довольно пессимистичные прогнозы относительно влияния ИИ оказались весьма успешными с точки зрения влияния на широкую общественность. Поэтому неудивительно, что политики по всему миру включают потенциальный ущерб, наносимый ИИ и робототехникой, в свои рассуждения и дискуссии.

В данной работе мы раскроем и проанализируем содержание модели этики проектирования в ИИ, опираясь на работы философа Питера Брея.

В своих работах нидерландский философ Питер Брей и его коллеги разрабатывает модель этики проектирования в процессе создания продуктов ИИ. Этика проектирования – это изучение моральных принципов и рекомендаций, которые влияют на создание продуктов, систем и впечатлений, обеспечивая их ответственность и гуманность. Она включает в себя оценку влияния проектных решений на пользователей, общество и окружающую среду, способствуя справедливости, доступности и устойчивости. Отдавая предпочтение этическим соображениям, создатели ИИ продуктов могут создавать решения, которые уважают человеческое достоинство и вносят позитивный вклад в развитие мира [2].

Модель этики проектирования для ИИ предлагает инженерам и программистам конкретные задачи, которые нужно решить в ходе

разработки системы ИИ, но в рекомендациях не указывается каким образом эти можно разрешить этические вопросы, так как проектировщики могут понимать моральные ценности, опираясь на свой жизненный опыт. Чтобы этические проблемы учитывать при разработки ИИ нужно дать, по мнению Ф. Брея, разработчикам ИИ этические инструменты при создании ИИ. Авторы рекомендуют при разработке программного приложения или ИИ продукта взять в штат философа-этика, чтобы он смог дать первоначальную оценку этического воздействия или оценку рисков для проекта, а также выявить и обсудить возможные этические проблемы вместе с командой разработчиков ИИ продукта.

В своих рекомендациях команда Брея разрабатывает этические правила, которыми нужно руководствоваться при создании ИИ продукта учитывая моральные ценности сформулировать этические правила, которые помогут при создании продукта и формулировании технического задания [2]. При разработке ИИ важно учитывать следующие моральные ценности: свобода, неприкосновенность частной жизни, справедливость, прозрачность, подотчетность, благополучие. Опираясь на вышеперечисленные ценности, Брей и его коллеги разработали по каждой ценности требования, которые нужно соблюдать.

Перечислим основные этапы интеграции подхода этическое проектирование процессе создания систем ИИ: «1. Соотнесите задачи, описанные в общей модели, с выбранной вами выбранную методологию. 2. Определите, какие этические требования актуальны на каждом этапе этой методологии. 3. Используйте это для создания списка этических требований для каждого. 4. Используйте это для создания списка этических требований для каждого этапа вашей методологии. 5. Проанализируйте цель проекта, включая источники данных, функциональность, выходные данные и контекст развертывания. 6. Внедрите формальные системы для включения EbD-AI в каждый элемент вашей методологии разработки» [2].

Итак, вышеперечисленный подход к проектированию этики в ИИ пока не способен учесть весь жизненный цикл систем ИИ, включая сырье, на котором они работают, их воздействие на окружающую среду, затраты на производство и утилизацию компонентов систем и т. д. Поэтому, для того, что учитывать потенциальные риски в сфере ИИ, например в штате Калифорния США в 2024 году разработан законопроект о безопасности ИИ, чтобы опередить потенциальные риски этой технологии. Если будет он принят, то компании будут в обязательном порядке проверять безопасность мощных технологий ИИ перед их выпуском для общественности. Он также позволит подавать в суд на компании, если их технологии наносят серьезный вред.

Если люди, создающие технологии в общественной или частной сфере, знают, что когда они собираются внедрять систему ИИ, им придется

точно ее обосновать, то, как мы надеемся, это создаст стимулы для создания более морально оправданных алгоритмов. Следовательно, можно утверждать, что системы искусственного интеллекта соответствовали человеческим ценностям и целям, является важнейшей проблемой в исследованиях ИИ. Преувеличение возможностей этих систем скрывает реальность достижений ИИ и препятствует их пониманию. Если ИИ воспринимается как моральный агент, то он может нести ответственность, обвинять или хвалить за свои действия, а также за последствия своих действий. Однако обвинять или хвалить ИИ было бы бесполезно, учитывая отсутствие какого-либо понимания таких моральных реакций со стороны систем ИИ. Ошибка заключается в том, что сам ИИ рассматривается как объект моральной ответственности в отсутствие морального агентства. Это требование интерпретируется по-разному в разных концепциях: как способность подчиняться моральным законам, действовать ради морального закона, иметь самооценку со свободой воли и внутренней жизнью, понимать значимые вещи волей и внутренней жизнью, понимать соответствующие факты, а также моральное понимание, способность к раскаянию и забота о других.

Литература и источники

1. Форд, М. Роботы наступают: Развитие технологий и будущее без работы / М. Форд. – М. : Альпина нон-фикшн, 2019. – 572 с.
2. Brey, P. Ethics by Design and Ethics of use in AI and Robotics / P. Brey, B. Dainow // Annex 2 of SIENNA D5.4 : Multi-Stakeholder Strategy and Practical Tools for Ethical AI and Robotics, 2021. – P. 33–73.

ПРОЕКТ «ВЫЧИСЛИТЕЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ» И ЕГО ПРИМЕНИМОСТЬ К ОБЛАСТИ ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

А. Ю. Дудчик

В последнее время в связи с бурным развитием вычислительных и компьютерных технологий все активнее ведется речь о потенциале их взаимодействия с гуманитарными науками в целом и конкретно с философией. Например, в 2021 г. на страницах журнала «Философия науки и техники» состоялась дискуссия по вопросам использования вычислительного подхода в социальных науках [1], инициированная статьей И. Ф. Михайлова [2] и дополненная рядом критических материалов по данной тематике. Н. А. Ястреб пишет о «вычислительном повороте в философии» [3] (по аналогии с лингвистическим, онтологическим, антропологическим и т. д.).

К наиболее известным современным исследователям, активно

разрабатывающим идеи вычислительной философии относятся североамериканские философы Патрик Грим (Patrick Grim) и Дэниел Сингер (Daniel J. Singer), организаторы Лаборатория вычислительной социальной философии (Computational Social Philosophy Lab) в Пенсильванском университете. Сама лаборатория представляет из себя междисциплинарную исследовательскую группу, которая изучает вопросы социальной эпистемологии, философии науки и политической философии с использованием компьютерного агентного моделирования.

Современный проект вычислительной философии, конечно, имеет достаточно долгую историческую генеалогию, в наиболее широком смысле его можно отнести к попыткам формализации философского знания, имевшего место как минимум со времен Аристотеля с его разработкой формальной логики. В более узком смысле следует вспомнить программу использования вычислительных средств в философии, начавшуюся как минимум с проекта каталонского философа и богослова Раймунда Луллия (ок. 1235–1315), и наиболее ярко проявившуюся в идеях выдающегося немецкого философа Готфрида Вильгельма Лейбница (1646–1716). Сегодня понятие вычислительной философии может использоваться в качестве синонима для обозначения «цифровой философии» как, например, в соответствующей статье англоязычной Википедии. Вместе с тем понятие цифровой философии широко использовалось североамериканским физиком Эдвардом Фредкиным (1934–2023), для обозначения философских рассуждений («нового способа мышления») по поводу фундаментальных физических теорий [4]. Схожего понимания цифровой философии придерживается и белорусский философ А. В. Колесников [5].

Как отмечает в обзорной статье об использовании термина «цифровая философия» в русскоязычных исследованиях М. А. Савушкина «современные социально-философские исследования ... отходят от использования термина "цифровая философия" в изначальном контексте и актуализируют его для описания сущностных трансформаций в культуре, происходящих под воздействием цифровизации и Интернета» [6]. Поэтому вполне вероятно, что в дальнейшем количество различных вариантов понимания цифровой философии будет только увеличиваться, однако вместе с тем полезным может быть попытка зафиксировать имеющиеся на данный момент различия между проектами цифровой философии и вычислительной философии, а также обозначить некоторые особенности последней. В этом случае обратимся к широкому пониманию вычислительной философии, которое предлагают уже упоминавшиеся выше Грим и Сингер в соответствующей статье в Стэнфордской философской энциклопедии: «Вычислительная философия – это использование механизированных вычислительных методов для реализации, расширения и усиления философских исследований».

Существенным аспектом их понимания вычислительной философии оказывается то, что ее отличает не специфика исследуемой области (т. е. она не является философией «чего-либо»), а применяемые подходы и методы. «Идея заключается в том, чтобы просто применять вычислительное моделирование и методы для продвижения философских открытий, исследований и аргументации. Поэтому не следует ожидать резкого разрыва между вычислительной и невычислительной философией, а также резкого разрыва между вычислительной философией и другими вычислительными дисциплинами... вычислительная философия представляет собой не изолированную тематическую область, а широко распространенное применение любых компьютерных методов, доступных во всем спектре философских тем» [7]. При этом набор методов, к которым обращается вычислительная философия также достаточно широк. Так, Грим и Сингер обращают внимание на уже имеющиеся примеры использования подхода вычислительной философии для следующих областей философского знания: социальная эпистемология, философия науки, этика, социальная и политическая философия, философия языка, исследования сознания и искусственного интеллекта, а также – метафизики и философии религии.

Грим и Сингер отмечают, что философия в разные исторические периоды как правило активно взаимодействовала с наиболее распространенными концептуальными и научными методологиями своего времени, что могло привести к взаимному теоретическому обогащению и развитию, а проект вычислительной философии рассматривают как одну из современных попыток организовать подобное взаимодействие, в первую очередь – с разработками в рамках компьютерных наук и искусственного интеллекта с целью их инкорпорации и дальнейшего широкого применения в философских исследованиях, часто – вне и поверх дисциплинарных границ, что делает вычислительную философию принципиально меж- и трансдисциплинарным направлением. При этом они подчеркивают, что подобное взаимодействие в потенциале может привести и к достаточно существенным изменениям в нашем понимании философии. Подобное понимание проекта вычислительной философии делает ее достаточно интересной с точки зрения возможного применения к области историко-философских исследований. Так, современная историография философии как область исследований содержит не только философски-спекулятивную, но и конкретно-эмпирическую составляющую, может заниматься изучением больших массивов информации, а также активно взаимодействует со смежными дисциплинами – историей науки, искусства, религии, а также интеллектуальной историей в широком понимании. Все это позволяет высказать предположение о достаточно высоком потенциале возможностей «вычислительного» подхода в области истории философии.

Литература и источники

1. Перспективы вычислительного подхода в социальных науках. Дискуссия // *Философия науки и техники*. – 2021. – Т. 26, № 1. – С. 56–63.
2. Михайлов, И. Ф. Вычислительный подход в социальном познании / И. Ф. Михайлов // *Философия науки и техники*. – 2021. – Т. 26, № 1. – С. 23–37.
3. Ястреб, Н. А. Вычислительный поворот в философии / Н. А. Ястреб // *Философские проблемы информационных технологий и киберпространства*. – 2015. – № 1 (9). – С. 85–95.
4. Fredkin, E. An Introduction to Digital Philosophy / E. Fredkin // *International Journal of Theoretical Physics*. – 2003. – Vol. 42. – P. 189–247.
5. Колесников, А. В. Киберкосмизм. Цифровая философия темпорального универсума / А. В. Колесников. – Минск : Беларуская навука, 2022. – 315 с.
6. Савушкина, М. А. «Цифровая философия»: проблема использования термина в социально-философских исследованиях / М. А. Савушкина // *Вестник Челябинского государственного университета*. – 2023. – № 4 (474). – С. 59–63.
7. Grim, P. Computational Philosophy / P. Grim, D. Singer // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2024 Edition)* / Edward N. Zalta & Uri Nodelman (eds.) [Electronic resource] – Mode of access: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2024/entries/computational-philosophy/>. – Date of access: 20.09.2024.

ТЕОРИЯ КАК ФОРМА ПРАКТИКИ У П. СЛОТЕРДАЙКА

М. Б. Завадский

Переосмысление вопроса о взаимоотношении теории и практики играет важную роль в современной философии. Точку зрения на их глубокое переплетение, неразрывность и взаимодополняемость излагает известный мыслитель настоящего времени П. Слотердаек в книге «Искусство философии. Мудрость как практика». Автор исследует генеалогию и природу феномена человека теоретического («*homo theoreticus*») в контексте истории философии и культуры, выявляет условия формирования теоретической установки субъекта и показывает, что теоретическое и научное мышление и созерцание являются телесными формами практики, определенными видами упражнений.

Традиционный подход, сложившийся в европейской культуре, к различению жизни на деятельную (*vita activa*) и созерцательную (*vita contemplativa*), которое первоначально относилось к монахам, делает измерение практики (упражнений) трудноуловимым. Как пишет П. Слотердаек: «Как только мы принимаем укоренившееся различие между "деятельным" и "созерцательным", как если бы это была исключительная и тотальная альтернатива, мы теряем из виду существенный комплекс человеческого поведения, который не является ни просто активным, ни просто созерцательным. Я называю это жизнью

практики» [1, р. 6]. Практика – смешанная область, которая содержит и созерцательные, и деятельностные элементы, не переставая быть и тем и другим одновременно. Примером практики являются упражнения как старейшая форма самореферентного тренинга. Упражнения не влияют на внешние обстоятельства или объекты как трудовая деятельность, но развивают практикующего их человека, приводят его в форму как субъекта, который обладает способностями. Результат практики отображается в текущем состоянии способностей человека – телосложении, добродетели, мастерстве, компетенциях. При выделении в упражнении теории и практики оно утрачиваем собственную ценность. Как на Западе, так и на Востоке, такие формы практики и аскетического совершенствования, как дополнительное образование, фитнес, диета, терапия, медитации, обрели статус *modus vivendi*.

Европейская рациональность от Сократа (длительные рассуждения в застывшем положении, философия как искусство отделиться от мира и «умирать») до Гуссерля (отказ от естественной установки, вынесение вопросов о реальности за скобки) формировалась на представлении о том, что мыслящий субъект должен достичь абсолютной и универсальной точки вне времени и пространства, стать чистым наблюдателем, чтобы созерцать вечные сущности или «идеи». Человек, погружившись в философские размышления, отрывает себя от жизни и входит в состояние отсутствия. Такое состояние «мнимой смерти», безличная и бестелесная интеллектуальной деятельности, по Платону, усиливает познание. Эпистемология древнегреческого философа основывалась на допущении, что вечное и бессмертное – достоверное знание – могут быть распознаны только себе подобными. Создание им Академии явилось инновационным событием, поскольку предложило пространство, где упражнения в стремлении к истине культивировались и не выглядели бы так вычурно. Какие социальные условия сделали возможной и привлекательной для молодых поколений теоретизированную и чисто созерцательную деятельность?

Распад афинской модели полиса и политической жизни, компенсация, в том числе за казнь учителя, институализация школьной системы с ее дисциплинарными практиками, культура письма и чтения порождают фигуру незаинтересованного наблюдателя. Пренебрежение к чувственной стороне познания и возвеличивание бестелесной, отстраненной, интеллектуальной позиции оказало решающее влияние на последующее развитие культуры и закрепление в качестве идеала нейтрального субъекта. Впрочем, в XIX–XX вв. такие авторы как К. Маркс, Ф. Ницше, Д. Лукач, М. Хайдеггер, К. Ф. фон Вайцеккер, Б. Латур, Т. Кун и многие другие выступили с критикой отвлеченного, невоплощенного разума и конституировали постметафизическое мышление.

Таким образом, перспектива П. Слотердайка, изображая философию и науку как формы упражнений и антропологических техник, подчеркивает предпосылочный, историчный, практикоориентированный характер теоретической деятельности и может рассматриваться как одна из версий практической философии.

Литература и источники

1. Sloterdijk, P. The Art of Philosophy: Wisdom as a Practice / P. Sloterdijk. – New York : Columbia University Press, 2012. – 108 p.

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОНСТРУКТИВИЗМА И КВАНТОВОГО, НЕЛИНЕЙНОГО МЫШЛЕНИЯ

Э. М. Иззетова

В современном мире активно развиваются технологии, связанные с познавательной деятельностью, конструированием объективной реальности и вмешательством в природу самого человека. Наука обладает возможностью моделировать те элементы действительности, которые раньше считались неизменными, что меняет отношение к природе и может привести к необратимым процессам. Проблема взаимодействия естественного и искусственного, природного и социального приобретает все большую актуальность в связи с развитием биотехнологий, новой медицины, нанотехнологий, робототехники, транснауки, трансгуманизма. Благодаря нанотехнологиям человек способен создавать продукты с заданной атомной структурой с помощью контролируемого манипулирования отдельными атомами. Помимо создания новых материалов, современные технологии позволяют радикально изменить природу самого человека. Вместе с тем меняется и сама социальная реальность. Она становится сложнее, на место жестких вертикальных связей приходят сложные изменчивые горизонтальные взаимодействия между индивидами. С появлением новой коммуникативно-цифровой среды, расширения возможностей Интернета, социальных сетей, виртуальной реальности, искусственного интеллекта, глобальных цифровых платформ государства и образования все сферы социального бытия подвергаются кардинальным трансформациям [1, с. 3].

В конце 70-х годов в философский дискурс активно включилось понятие «конструктивизм», в последствии трансформировавшееся в течение современной философии науки. Теоретико-методологическая установка указывала на доминирующую роль в науке социально-гуманистических ценностей и когнитивных мотивов в созидании картины мироздания данной культуры. Основоположниками конструктивизма в

философии были Ф. Варела, П. Вацлавик, Э. фон Глазерсфельд, У. Матурана, Н. Луман и др. Конструктивизм как гетерогенное образование, имеет свои элементы, структуру, функции, типы (модели). Для него присущи такие функции, как целеполагание, объяснение, творчество. В науке определены следующие модели конструктивизма, как логико-математическая, методологическая, эволюционная, социальная, радикальная, герменевтическая, личностная, психологическая. С позиции конструктивизма человек выступает в роли активного участника формирования реальности, знаний, символов, искусственного и естественного миров. Он непосредственно включен в различные формы проектного мышления, в разработку и оценку альтернативных программ.

Следует отметить, что конструктивизм служит, прежде всего, созданию версии реальности, а также преследует цели установления субъектом контроля над знанием, его ролью в жизнедеятельности. Последователи конструктивизма обосновывают, что мир не зависит от человеческого разума, но знание о универсуме перманентно является социально-человеческой конструкцией. В рамках теории конструктивизма познавательный процесс и знание, являющееся его результатом, рассматриваются как эквивалентные, так как субъект может познать только то, что «сделал» сам, а это вполне приемлемо и для информационно-цифрового общества.

В XX веке на смену классической эпистемологии пришел «эпистемологический конструктивизм». Для этого феномена присущи следующие признаки: а) отрицание отражательной концепции знания; б) не возможность получения объективного знания; в) интерпретация знания как конструкции человеческого сознания; г) цель познания не объективность, а адаптация; д) отрицание классического аристотелевского понимания истины, признание множественности истин; е) вместо понятия «истина» конструктивизм использует понятие «жизнеспособность» [2, с. 15].

Фактически современный человек существует в условиях турбулентности, неопределенности, нестабильности. В данной ситуации необходимо совершенствовать когнитивные способности, развивать новую методологию философии науки, чтобы подняться на более высокий уровень понимания самого себя и окружающего мира. Для мышления, сознания субъекта так же присуще состояние неопределенности. В этом контексте новые перспективы для личного и профессионального развития открывает конструктивизм, квантовое и нелинейное мышление, позволяющие видеть мир в ее сложности и многообразии. «Квантовое мышление принимает факт, что не всегда можно предсказать точный результат. Вместо стремления к абсолютной уверенности, оно позволяет... работать с вероятностями и возможностями. Как и в квантовой суперпозиции, где частица может быть в нескольких состояниях

одновременно, квантовое мышление рассматривает множество вариантов развития событий одновременно. Это помогает находить более оптимальные и инновационные решения» [3].

Синергетика в научное пространство когнитологии вводит термин нелинейное мышление. В научно-философское мировоззрение интенсивно включаются основные компоненты нелинейного мышления: признание многообразия мира и социума, диалогичность, понимание неопределенности и неоднозначности в качестве позитивных параметров бесконечного поля возможностей и потенциала [4]. Оно формирует подготовленность к восприятию появления нового, способность к выбору из альтернативы, понимание неожиданного разрастания незначительных флуктуаций в макроструктуре, инициирования процессов стремительного, нелинейного роста [5]. Такие типы мышления способствуют лучшему пониманию настоящей ситуации, вместе с тем помогают принимать более осмысленные и конструктивные решения, точно предвидеть будущие перспективы бытия человека. Квантово-нелинейное мышление открывает новые перспективы для конструктивистского философствования.

Конструируя мир, человек конструирует самого себя. Соответственно, конструируя самого себя, создавая конструкты в своем сознании, человек конструирует мир. Становление природного бытия, становление человека и конструктов его сознания – эти два процесса сопряжены. Человек творит самого себя через мир, через свою деятельность в мире. Человек и мир, субъект и объект познания находятся в процессе коэволюции. Е. Н. Князева в своем исследовании отмечает, что «человек не столько отражает, сколько строит окружающий мир, оформляет и организует его в соответствии со своими конструктивистскими установками сознания» [6, с. 137].

Краткое резюме. Пытаясь проникнуть в природное бытие, человек со своим сознанием вносит в него необратимые и неизбежные изменения, как это показано в неклассической науке, квантовой механике, а последние десятилетия XX в. – в нелинейной динамике и синергетике. Человек становится соучастником процесса рождения природы, процесса становления в ней. Суть заключается в «призме» гуманистических ценностей и целей, сквозь которую познающий субъект смотрит на «окружающую среду», на мир, в котором ему выпало жить. Мышление о таких объектах неразрывно связано с характеристиками познающего человека, его способностями, которыми ориентирован сам процесс познания. С точки зрения теории когнитивного мышления человек самостоятельно конструирует познавательные способности с помощью собственных действий в окружающей среде.

Литература и источники

1. Абрамов, П. Д. Конструктивистские основания репрезентации : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.01 / П. Д. Абрамов ; Московский государственный педагогический университет. – М., 2012. – 22 с.
2. Яшин, Б. Л. Конструктивизм в философии и математике: про и контра / Б. Л. Яшин // Философская мысль. – 2016. – № 8. – С. 11–24.
3. Безсмертнов, В. Квантовое мышление: Путеводитель к новому пониманию реальности / В. Безсмертнов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.litres.ru/book/vladislav-bezsmertny/kvantovoe-myshlenie-putevoditel-k-novomu-ponimaniu-re-70852474/chitat-onlayn/>. – Дата доступа: 03.09.2024.
4. Велишаева, Н. В. Нелинейное мышление-стихийно-рефлексивная форма диалектики : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.01 / Н. В. Велишаева ; Ростовский государственный университет. – Ростов-на-Дону, 2000. – 30 с.
5. Курдюмов, С. П. Синергетика: начала нелинейного мышления / С. П. Курдюмов, Е. Н. Князева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://spkurdyumov.ru/what/sinergetika-nachala-nelinejnogo-myshleniya/>. – Дата доступа: 03.09.2024.
6. Князева, Е. Н. Эпистемологический конструктивизм / Е. Н. Князева // Философия науки. Вып. 12 : Феномен сознания. – М. : ИФ РАН, 2006. – С. 133–152.

АЛГОРИТМИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Е. М. Ильина

Политические реалии цифровой эпохи, связанные с повсеместным внедрением в различные сферы общества и государства запрограммированных на компьютере пошаговых инструкций / алгоритмов для обработки больших данных и принятия на их основе решений, отражает концепция алгоритмического управления (algorithmic governance). В академической литературе под алгоритмическим управлением понимают «мониторинг и модификацию человеческого поведения на основе заданных компьютерных правил с детальным структурированием и автоматизацией процессов» (Цит. по: [1, с. 21]) или рассматривают в целом как «форму социального упорядочения, которая предполагает координацию акторов, основана на правилах и включает в себя особо сложные компьютерные эпистемические процедуры» [2]. Управление с помощью алгоритмов формирует новый тип власти – «алгократию» (algorithms), который постепенно замещает «нетократию» («власть сети», элиту информационного общества, способную манипулировать информацией, вниманием и сетевыми формами коммуникации по А. Барду и Я. Зодерквисту) [3]. Неологизм «алгократия»

ввел в научный оборот американский социолог А. Аниш для обозначения «власти кода или власти алгоритма», которая не нуждается в легитимации, поскольку «кодируется как программа, автоматически определяющая диапазон возможных действий согласно написанным правилам» [4, с. 350–356]. Организованная на основе запрограммированных компьютером алгоритмов, алгократическая структура сочетает в себе алгоритмизацию и программирование и может быть интегрирована в традиционные бюрократические модели принятия государственных решений (например, предварительно заполненная налоговая декларация). Алгократия задает новую парадигму принятия решений, «характеризующуюся повышенной рациональностью управления, полной автоматизацией, непрозрачностью и замкнутостью процедур принятия решений "черным ящиком" без аргументирования» [5, с. 2–13], которая на основе кодов или алгоритмов структурирует, ограничивает и даже исключает участие человека в процессе принятия решений, освобождая тем самым от бремени выбора альтернатив и выполнения рутинных задач под лозунгом улучшения социального и экономического благосостояния.

Также алгократия используется для тотального наблюдения, оценки, манипулирования, управления и контроля человеческим поведением с помощью предиктивных алгоритмов (социальный скоринг и профилирование граждан, ценовые алгоритмы, контекстная и таргетированная реклама, «умные города» и другое). Сбор персональных данных и разработка прогнозных моделей поведения интернет-пользователей являются императивами нового экономического порядка – «надзорного капитализма» (*surveillance capitalism*) (авторство концепции принадлежит американскому политологу Ш. Зубофф). Данный порядок основан на «одностороннем присвоении человеческого опыта в качестве бесплатного сырья», извлечение и переработка которого с помощью цифровых алгоритмов в поведенческие данные приносит дивиденды как самим технологическим компаниям, занимающимся слежкой и продающим предиктивные модели, так и рекламодателям, и бизнесменам, стимулирующим потребление [6, с. 5–28]. Оцифровка, вычисление, модификация, прогнозирование, монетизация и контроль поведения индивидов в обществе / «человеческом улье» посредством повсеместно распространенной сенсорной и сетевой компьютерной инфраструктуры, по мнению Зубофф, создает условия для формирования «инструментаризма» (*instrumentarianism*) – нового «цифрового тоталитаризма» без идеологической окраски, напоминающего «идеальную тюрьму» паноптикум И. Бентама [6, с. 449–471].

По мнению российского философа Н. Н. Зарубиной, в современных условиях «делегируются цифровым устройствам интеллектуальных и творческих функций человека и его устранения от ответственности за принятые решения, овеществления и опредмечивания информации и

коммуникации в символических системах цифровых кодов» на смену гуманистическому антропо- и социоцентризму приходят техно- или космоцентризм, как формы цифровой структурной дегуманизации, «связанной либо с цифровыми и техническими дополнениями и расширениями человека, снимающими его специфику как вида (трансгуманизм), либо с такими изменениями понимания места человека в космосе, его соотношения с не-человеческими объектами, которые лишают смысла вопрос о его роли, предназначении, ответственности, благе и тому подобное (постгуманизм)» [7, с. 60–68].

Работа выполнена в рамках НИР 2.04 «Этнокультурные отношения в контексте социально-политических процессов и политики идентичности», № ГР 20211919 ГПНИ «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» на 2021–2025 годы (подпрограмма «Культура и искусство»).

Литература и источники

1. Бабосов, Е. М. Стратегическая значимость социологического осмысления основных тенденций и перспектив развития социального знания в XXI столетии / Е. М. Бабосов // Социальное знание в современном обществе: проблемы, закономерности перспективы: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 9–10 ноября 2023 г. / Редкол.: Мысливец Н. Л. (гл. ред.) [и др.]; НАН Беларуси, Ин-т социологии НАН Беларуси. – Минск: Донарит, 2023. – С. 18–22.
2. Katzenbach, C. Algorithmic Governance / C. Katzenbach, L. Ulbricht // Internet Policy Review. – 2019. – Vol. 8, iss. 4 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://policyreview.info/concepts/algorithmic-governance>. – Date of access: 12.09.2024.
3. Бард, А. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма / А. Бард, Я. Зодерквист // Пер. с англ. В. Мишучкова; под ред. В. Ивашевской. – СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. – 253 с.
4. Aneesh, A. Global Labor: Algorocratic Modes of Organization / A. Aneesh // Sociological Theory. – 2009. – Vol. 27, iss. 4. – P. 347–370.
5. The Algorithmic Society. Technology, Power, and Knowledge / Ed. by M. Schuilenburg, R. Peeters. – London: Routledge, 2021. – 214 p.
6. Zuboff, Sh. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power / Sh. Zuboff. – New York: Public Affairs, 2019. – 704 p.
7. Зарубина, Н. Н. Тенденции дегуманизации в цифровом обществе: к обоснованию гуманистического подхода к технологическому развитию / Н. Н. Зарубина // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. Философские науки. – 2021. – № 4. – С. 60–70.

ПОСТКАНТИАНСКАЯ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНАЯ ОНТОЛОГИЯ: НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ПРИРОДУ, ТЕХНИКУ И НАУКУ

Н. П. Кнэхт

В философии науки достаточно хорошо проанализированы причины появления историографической традиции, отсчитывающей историю формирования рационального мышления с античных времен. Выделены основные сюжетные траектории, ответственные за конечный результат – формирование рационального мышления, которое легло в основание классической науки.

Постпозитивистский переворот, который произошел во второй половине прошлого столетия в философии науки, можно квалифицировать, как реакцию на попытки предложить критерии демаркации (Р. Карнап, К. Поппер), которые должны были окончательно отделить настоящие науки от метафизики и философии в целом как нелегитимного, старомодного и даже плохого мышления [1; 2].

Долгое время философия, потеряв господство на то, чтобы производить знание о природе, удерживало монополию на то, чтобы производить знание о знании. Однако в конце прошлого столетия появляются социологические дисциплины разного профиля, которые начинают нарушать эту монополию тем, что вносят принципиально новые способы исследования науки.

В философско-междисциплинарных исследованиях – Science and Technology Studies (STS) – было сделано любопытное наблюдение: обычно науку описывают в терминах самого исследования, но вопрос в том, что происходит, когда сама наука превращается в некоторый исследовательский объект? Что значит исследовать науку, что при этом нужно изучать [3]?

Исследователи науки и технологий (STS), а позднее и представители акторно-сетевой теории (ANT) – Бруно Латур, Мишель Каллон, Джон Ло – предложили некоторые принципиально новые способы исследования науки, отвечая на вопрос: как можно исследовать науку практически? Иначе говоря, эмпирически изучить, как на практике разворачивается научное исследование.

Как известно, ранее, глава Марбургской школы неокантианец Герман Коген, развивая и интерпретируя идеи Канта, сформулировал понимание объекта научного исследования, поместив его не в природу, вне и независимо от познающего субъекта, а в книги, считая, что все знания, например, о звездах находятся в учебниках по астрономии, а не на небе. Сформировавшийся под влиянием Германа Когена, известный немецкий философ неокантианства Эрнст Кассирер, чтобы узнать, что такое наука, идет в знаменитую библиотеку в Гамбурге, открытую Аби Варбургом, и

читает книги не только по истории естествознания, но и по дисциплинам гуманитарной направленности – истории магии, искусства, социальной истории. Он полагает, что формы рационального синтеза в системе научного знания, представленные в трех «Критиках» Канта должны быть дополнены другими видами формообразования, которые складываются в языке, мифе, религии, искусстве.

Почти полвека спустя Бруно Латур – один из основателей STS и ANT – в поисках ответа на вопрос, как работают ученые, использует другой ход: он едет в Институт Солка в Сан-Диего, в лабораторию и там проводит два года, наблюдая за работой эндокринологов, и в результате, закладывая новое исследовательское поле – этнографию науки. Выводы, к которым приходит Латур совместно с социологом науки Стивом Вулгаром, не только расширяют предметное поле науки, но и наполняют новым смыслом идеи трансцендентальной философии: в производстве научных реалий участвуют технические, инструментальные, человеческие практики и устройства записи, производящие эти реалии, а также и научные утверждения [4; 5].

После Канта можно заметить два демарша в исследовании науки: или идти в библиотеку, или – в лабораторию.

Философия науки – дисциплина, которая исходит из двойной презумпции: 1 – онтологической – констатации того, что наука существует; 2 – эпистемологической – науку можно изучать. Если сравнить философию вообще и философию науки, то первая более институализирована и законно претендует на работу с наукой в исследовательском режиме, опираясь на набор специальных представлений, суждений или пропозиций, на логику и порядок. Философия науки в одной из последних своих версий идет дальше: она использует «стратегию предельного перехода», которая применяется в самой науке. Философия переходит к некоторым когнитивным и объяснительным механизмам, позволяющим выделить сущность науки отделить, ее от не-науки по старинному платоновскому принципу: идея науки является одновременно ее идеалом. Иначе говоря, мы получаем некую нормативную схему, позволяющую типизировать знания, нормировать процедуры получения научного знания и сформировать сущностное ядро науки. В этой версии философия науки работает не столько с реальной наукой, сколько с идеей науки.

Если Кассирер, читая книги, работает преимущественно с целью выявления сущности науки, то представители STS – Латур, Каллон, Ло – идут в реальные лаборатории, где имеют дело с оборудованием, инструментами, графиками, диаграммами, текстами и пр., т. е. имеют дело с наукой не как с идеей или идеалом, а с некоторым эмпирически фиксируемым объектом. Иначе говоря, если мы хотим понять науку как некий эмпирический объект, то столкнемся с некоторой онтологической

сложностью. Представители STS изменили представление об онтологическом составе науки. Он становится множественным, когда в фокус исследования попадают не столько идеи и представления ученых, сколько научные практики и все, что с ними связано. Эта сложность и множественность не вписываются в существующие формы философского синтеза, при помощи которого оформляется представление о науке, имеющей какую-то сущность. Как утверждает Д. Ло в работе «После метода», наука гетерогенна [6]. Гетерогенность проявляется в том, что в современных научных исследованиях старые экспериментальные техники могут соседствовать с новейшими разработками. Люди, навыки ученых, приборы, порядки финансирования, различные формы государственного вмешательства, но также и научные тексты составляют радикальную гетерогенность науки. Принципиально новый подход STS основывается на признании онтологической сложности науки как объекта исследования.

Гетерогенная сложность онтологии науки проявляется и в визуализации. Наука производит не только утверждения о мире, но и визуализирует свои объекты и результаты исследования. Можно проследить эволюцию: например, от образов из анатомических трудов Андреаса Везалия до атласа новой формы проекта «Видимый человек», от старинных каталогов изображений до современных спектрограмм физиков, картограмм звездного неба, визуализации космических объектов и пр. [7].

Наша реальность от места работы до жизненного мира повседневных практик сделана из науки, насыщена результатами реализаций научных идей и концепций. Наука, став невидимой, плотно себя вписала в повседневные практики существования современного человека: в маркетинговые стратегии, банковское дело, государственное управление, в доказательную медицину и пр. [8].

Наука, став вездесущей, заставляет отказаться от традиционных оппозиций: общество – наука – природа – техника. Современный мир – мир эпистемологических перформативных машин, в котором наука не только исследует, но и перереформирует, пересоздает тела, практики, ландшафты и среды.

В посткантианской трансцендентальной онтологии не предполагается существование некой предшествующей реальности. Научные методы – это перформативные машины, которым удалось создать и стабилизировать те или иные физически возможные реалии. Современный мир радикально неопределенный, в котором многое возможно.

Литература и источники

1. Карнап, Р. Преодоление метафизики логическим анализом языка / Р. Карнап // Вестник МГУ. Серия 7 : Философия. – 1993. – № 6. – С. 11–26.

2. Аванесян, А. Метафизика сегодня / А. Аванесян. – М. : V=A=C Press, 2019. – 108 с.
3. Гавриленко, С. В поисках ускользающего объекта: наука и ее история / С. Гавриленко, А. Писарев // Логос. – 2020. – Т. 30, № 1. – С. 1–28.
4. Латур, Б. Надежды конструктивизма / Б. Латур // Социология вещей : сб. ст. – М. : Территория будущего, 2006. – С. 365–389.
5. Латур, Б. Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию / Б. Латур. – М. : ИД ВШЭ, 2014. – 384 с.
6. Ло, Дж. После метода: беспорядок и социальная наука / Дж. Ло. – М. : Издательство Института Гайдара, 2015. – 352 с.
7. Дастон, Л. Объективность / Л. Дастон, П. Галисон // Пер. с англ. Т. Вархотова, С. Гавриленко, А. Писарева. – М. : Новое литературное обозрение, 2018. – 584 с.
8. Шейпин, С. Как быть антинаучным / С. Шейпин // Логос. – 2020. – Т. 30, № 1. – С. 159–185.

«ВСЕ КОНТЕКСТУАЛЬНО», А НЕ «ВСЕ ОТНОСИТЕЛЬНО»: НОВАЯ ПАРАДИГМА В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ КОНСУЛЬТИРОВАНИИ

А. О. Карасевич

Согласно концепции контекстуального реализма, онтология чувствительна к контексту [1, с. 27]. Истинная онтология не релятивна, а контекстуальна. Сегодня это нестандартная точка зрения в условиях, когда принято говорить, к примеру, что у каждого участника спора есть «своя правда», что «все относительно» и все зависит от точки отсчета. Но контекстуальный реализм заменяет этот взгляд на более изящный: на самом деле, все зависит от контекста. Вот что говорит Ж. Бенуа в своем интервью И. Е. Присю: «Контекстуалисты, во-первых, принимают, что истинностное значение не вариабельно. В противном случае сама идея контекстуализма теряет смысл, потому что контекстуализм – способ фиксировать истинностное значение. Это способ определить, сказать, что некоторое употребление при некоторых условиях делает некоторую вещь истинной или ложной, что предполагает независимость от произвола субъекта. Если мое высказывание, употребленное определенным образом в данном контексте, истинно, обычно оно будет истинным и в том случае, если Вы займете мое место и употребите его тем же самым образом в том же самом контексте. Цель контекстуализма в том, чтобы фиксировать значение истинности. ... С другой стороны, контекстуализм имеет следующий принципиальный момент. Он в том, что очень часто в ситуации, когда есть видимость релятивизма, то есть когда есть странное впечатление, что некоторое содержание в одном случае истинно, а в другом нет, на самом деле случается то, что мы недостаточно внимательно

отнесли к контексту. Мы не посмотрели достаточно близко» [2, с. 112].

В современном психологическом консультировании действует негласное правило: компетентный психолог не имеет права учить клиента, как ему «правильно жить». Рекомендации психолога являются крайне осторожными и в основном доносятся до клиента посредством майевтики. Психолог в процессе консультирования «не покушается» на мнения и убеждения клиента (если они в целом рациональны), их морально-нравственное наполнение, каким бы оно ни было. Основным оправданием данного невмешательства в личность клиента является следующее сугубо психотерапевтическое утверждение: «никто не знает, как правильно жить». В целом, эта установка является следствием релятивизма в психологическом консультировании. Программа «все относительно» в психотерапии может даже оправдывать аморальное поведение клиента. Психолог скован тем, что не может напрямую сказать клиенту, что его слова и поведение аморальны, нечеловечны, совершенно не вяжутся с социально-культурным, нравственным контекстом. Психолог в нежелании оттолкнуть клиента выступает адвокатом его негативных проявлений, чем их подкрепляет. Действительно, мы не можем судить человека, поскольку мы не были «в его шкуре», и часто справедлива поговорка: «Каждый мнит себя стратегом, наблюдая бой со стороны». Но есть общечеловеческие ценности и есть культурные ценности, нарушение которых клиентом, на наш взгляд, не может игнорироваться психологом. Это «игнорирование аморальности» еще больше дестабилизирует психику клиента, который может думать: «Если психолог никак не комментирует те гадкие поступки, о которых я ему рассказал, то, возможно, они нормальны». В действительности, страх психолога оттолкнуть клиента, нарушить «терапевтический альянс» делает его немым адвокатом всего негативного, что есть в клиенте. Парадигма «все относительно» и осуждение психотерапевтическим сообществом даже легкого морализаторства со стороны психолога превращают терапевтический процесс в фарс и в подкрепление вседозволенности. Гораздо более полезной для психики клиента стала бы исповедь в Церкви, где клиент раскаялся бы в своих проступках и стал бы использовать далее в жизни новые, адаптивные стратегии поведения и мышления, которые не шли бы в разрез с общепринятыми нравственными нормами.

Приведем такой пример. Исходя из довольно критикуемой теории «Треугольника Карпмана» («жертва» – «спасатель» – «преследователь»), человек может находиться в своей роли довольно долго и не понимать ее, и задача психолога – помочь клиенту осознать свою роль, чтобы тот принял решение, оставаться в ней или нет. Но редко какой психолог рассматривает ситуацию с другой стороны – а именно: человек может быть «жертвой» в одной ситуации, и «спасателем» – в другой. То есть один человек может как подвергаться домашнему насилию (быть «жертвой»),

так и быть заботливым и эмпатичным и помогать окружающим (быть «спасателем»). Или дома «агрессор» может совершать абьюз в отношении своей семьи, а на работе быть «жертвой», терпя издевательства от своего начальника. Кроме того, роли могут смещаться. Например, человек, переживший насилие, может впоследствии очерстветь и из роли «жертвы» перейти в роль «агрессора». Или «жертва», вырвавшаяся из абьюзивных отношений, может впоследствии помогать другим людям, пережившим семейное насилие – так она переходит в роль «спасателя». Если мы смотрим на ситуацию однобоко, а не комплексно и контекстуально, то мы упускаем ее суть и можем неверно ее понимать и интерпретировать – заниматься «навешиваем ярлыков», а не объективным раскрытием ее внутренних механизмов и их динамики. Также мы можем выхватить тот или иной эмоциональный компонент, «раздуть его» и попасть таким образом под его влияние – психологи нередко попадают в подобные эмоциональные ловушки. Контекстуальный реализм дает психологу новое методологическое орудие – делать упор на глубокое изучение ситуации и ее контекста, вместо того, чтобы быть поглощенным лишь одной ее гранью.

В современном психологическом консультировании часто делается упор на сиюминутный результат: клиент рассказывает психологу о том, что его терзает и мучает, а взамен получает одобрение и принятие со стороны психолога. Клиент доволен, но сделал ли он верные выводы, будет ли он впредь стараться вести себя адаптивно и корректно по отношению к контексту? Или после купленного молчаливого одобрения «психолога-адвоката» решит, что ему действительно все дозволено? На самом деле, «нравственное молчание» психолога намного хуже, чем корректное «морализаторство», ведь данное «молчание» полностью морально дезориентирует клиента. По крайней мере, «морализаторство» – это попытка донести клиенту, где он был не прав с точки зрения культурных норм и правил. По сути, это погружение клиента в культурный контекст и его разъяснение, а не молчаливое наблюдение, как клиент, выпадая из социального контекста, теряет опору. Да, резкое морализаторство конечно же оттолкнет клиента, включит механизмы отрицания и отторжения психолога. Но корректное и спокойное обсуждение и разъяснение контекста может открыть глаза клиенту на нравственную сторону его поступков, истинные причины и последствия его поведения и слов. Парадигма терапевтического молчания «все относительно» заменяется таким образом на парадигму активного продуктивного и конструктивного дискурса «все контекстуально».

Когда мы говорим, что поведение человека корректно относительно тех или иных правил или норм или относительно тех или иных людей, то мы отсекаем остальные отношения человека с миром. Человек связан со всем своим окружением: близкими, родными, друзьями, коллегами,

разнообразными социальными группами, обществом в целом и с коллективным сознанием. Кроме того, поведение, результаты деятельности и мышления человека можно соотносить с нормами и ценностями различных культур, народов, общностей, причем на разных этапах исторического развития. Когда мы используем контекстуальный реализм, то мы рассматриваем все эти отношения человек-окружение комплексно, а не «выдергиваем» из этих отношений какое-либо одно и не делаем исходя из этого поспешных предвзятых выводов. Можно привести такой пример. Автор данной работы несколько лет осуществлял психологическую диагностику несовершеннолетних по запросу суда [3]. К примеру, в делах по разводу в вопросах, с кем будет проживать в дальнейшем ребенок, наблюдалась интересная ситуация: родители почти всегда по-разному описывали сложившуюся ситуацию. Их показания часто были противоположными. Каждый пытался себя обелить, оправдать и выставить в лучшем свете. Оптимальной стратегией для психолога здесь было принять к сведению информацию от родителей и наиболее компетентно и подробно провести психологическую диагностику ребенка, чтобы понять его настоящее отношение к родителям, нюансы его жизненной ситуации, и принять наиболее правильное решение касательно его дальнейшей судьбы. Только смотря на ситуацию контекстуально, комплексно, во всем ее разнообразии, мы претендуем на то, что наш взгляд будет непредвзятым и всесторонне обоснованным. Если мы смотрим на ситуацию не контекстуально, а относительно, то мы однобоки, а иногда и вовсе слепы, поскольку не видим других важных отношений, которые могут являться крайне важными и даже судьбоносными.

В наши дни «парадигма относительности» также распространена в воспитании детей. Согласно сегодняшней парадигме воспитания, у ребенка есть только права, обязанностей же – именно в отношении к окружающим – крайне мало. Разумеется, общие обязанности – учиться и соблюдать общественные правила поведения – можно расценивать как само собой разумеющиеся. И если права ребенка прописаны в различного рода документах на государственном и международных уровнях, то обязанности ребенка – такие, к примеру, как помощь родителям по дому, человеческое отношение к окружающим, забота о близких – являются сугубо факультативными. Если смотреть на эту проблему относительно законов, то избалованный ребенок – который не помогает заботливым и любящим его родителям по дому, обижает их и окружающих – ведет себя абсолютно естественно и его поведение не заслуживает порицания и коррекции. При этом ребенок может говорить ошеломленным родителям: «Я вам ничем не обязан». И он будет прав, если придерживаться «парадигмы относительности» в воспитании, когда у ребенка есть только права, а не обязанности. При этом если смотреть на ситуацию контекстуально – брать во внимание нормы культуры и духовности, хотя

бы примерные стандарты человеческих качеств и в целом руководствоваться здравым смыслом, то поведение ребенка, который не помогает родителям по дому и некрасиво себя ведет, является неправильным и неприемлемым.

Как уже было сказано выше, сегодня среди психологов распространено мнение, что в психотерапии нужно придерживаться правила: «Никто не знает, как правильно жить». Соответственно, психолог не имеет права наставлять клиента, даже если видит, что тот занимается саморазрушающим и асоциальным поведением. По сути, если клиента все устраивает в своей жизни, но при этом он поступает некрасиво по отношению другим людям, то психолог может сказать, что тот психологически здоров, а его поведению можно найти оправдание. Это относительный, рудиментарный и аморальный взгляд в психотерапии. Нужно смотреть на ситуацию широко – учитывая весь контекст. О каком личном счастье можно говорить, если человек поступает вразрез с общепринятыми нормами морали? Это нравственная деградация и глубокий эгоизм. Некоторые психологи закрывают на это глаза, чтобы угодить клиенту и заработать на нем. Таких психологов не волнует духовный вектор клиента – они найдут, как оправдать своего клиента в любой ситуации и сказать, что «все относительно».

В целом же «парадигма относительности» в психологии выглядит крайне предвзятой: в угоду одной грани отношений человека с миром мы отрезаем другие связи, которые, возможно, еще более важны для человека. К примеру, человек все свое время посвящает работе, при этом времени на семью не хватает. Относительно ныне популярных тенденций достижения «успешного успеха» это правильно, но если рассмотреть ситуацию комплексно и контекстуально, мы видим те негативные последствия, к которым ведет подобная жизненная установка. При этом психолог может быть заиклен на «парадигме относительности» и не видеть в поведении клиента, который все свое время посвящает работе в ущерб семье, ничего патологического. «Парадигма относительности» в таких случаях уводит психолога и клиента от целостного, гармоничного и контекстуального взгляда на ситуацию. Мы уже не говорим о том, что иногда психологи смотрят на ситуацию однобоко, поскольку банально ленятся посмотреть на нее шире, контекстуально, с разных углов и с учетом всего богатства отношений клиента с миром.

Сегодня принято, что психолог выступает «моральным адвокатом» своего клиента. Он пытается оправдать клиента, чтобы снизить у того чувство вины и чтобы он был доволен «качеством» услуг психолога и продолжал ему платить. На самом деле, такая «психотерапия» оказывает клиенту больше вреда, чем пользы – она его нравственно дезориентирует. Психолог сводит свою работу к оправданию поведения клиента, к воззрению, что «цель оправдывает средства», вместо того, чтобы учить

клиента смотреть на ситуацию не однобоко, а комплексно, контекстуально и, следовательно, адаптивно. Внимание человека очень ограничено – он не может одновременно полностью осознавать весь контекст той или иной ситуации, чтобы увидеть ее во всем богатстве отношений и нюансов, но предвзято «вырывать» нужные части ситуации, делать их доминирующими в угоду клиенту – это, по сути, искажение реальности. Да, клиент может остаться доволен, но будет ли адаптивной привычка смотреть на ситуацию однобоко и предвзято, в угоду лишь своим интересам? Наверяд ли. Во время психологического консультирования контекстуальный реализм открывает простор для подлинной оценки и интерпретации ситуации – всесторонней и наиболее полной, что помогает клиенту действительно ориентироваться в ней, а не блуждать в «морально ослепшем», опасном и дезадаптивном состоянии.

Работа выполнена в рамках проекта БРФФИ № Г24МС-002 «Квантово-подобное моделирование социогуманитарных систем и философия контекстуального реализма».

Литература и источники

1. Прись, И. Е. Контекстуальный квантовый реализм и другие интерпретации квантовой механики / И. Е. Прись. – М. : Ленанд, 2023. – 304 с.
2. Прись, И. Е. Знание в контексте / И. Е. Прись. – СПб. : Алетейя, 2022. – 720 с.
3. Карасевич, А. О. Для решения в пользу ребенка / А. О. Карасевич // Образование Минщины. – 2019. – № 5. – С. 73–76.

ФИЛОСОФИЯ ОТ ПРОСВЕЩЕНИЯ К СОВРЕМЕННОСТИ: НОРМАЛЬНАЯ НАУКА VS КАЗУИСТИКА

А. В. Колесников

Не утихают споры о том, является ли философия наукой или нет. В какой-то степени конечно да, является. Можно возразить, что философская истина не единственна. Но единственна ли научная истина? По-видимому, все, что нам дано создавать в своей голове – это протоконструкты бытия. Протоконструкты развиваются, скрещиваются и усложняются по мере нашего взросления и продвижения по пути познания. Что в конце этого пути и есть ли у него конец – нам это неизвестно. Возможно в конце пути стоим мы сами. Стремления понять самих себя, выяснить, кто же мы на самом деле такие, откуда взялись, движет научную философию вперед.

Мучимые космической загадкой, одержимые тайной мироздания – таковы космические люди. Космические люди зародились на заре возникновения человечества. Они выделились из животного царства и преобразили дикую планету. Вещество оказалось способно мыслить и преобразовывать самого себя. Философия же – это попытка вещества

познать самое себя. Алхимический дракон, кусающий свой собственный хвост.

Какова природа этого высшего стремления вещества к самопознанию, нам не дано пока понять, но мы чувствуем это. Следовательно, это высшее начало существует и совершенно не важно, персонифицировано оно какой-то высшей волей изначально или нет. Высшая Воля Вселенной существует. Она существует в нас и этого достаточно. Познаем ли когда-либо эту загадку до конца или нет – пока неизвестно. Вероятно, это может случиться тогда, когда мы научимся делать искусственных людей осознанно, а не половым, вещественным путем. То есть, постигнем тайну одушевления, научимся воссоздавать искусственно «в пробирке» психику и разум. Гомункулус – мечта алхимиков.

Природа космического вещества двойственна. Без этой двойственности оно было бы не способно рождать разнообразие форм, необходимое жизни. Эволюция, при этом, слепой часовщик. Она создает и сапиенсов, и вирусы, и гениев, и паразитов. Существует и размножается тот, кто сумел выжить. Не важно как. Вирус использует чисто молекулярные силы природы. Ему не нужно мыслить. Такова стратегия всех паразитов.

Свои паразиты существуют и в социально организованной материи. Стратегия паразита – выжить. Выжить, питаться и размножаться любой ценой. Паразита не мучают тайны мироздания. У него вполне ясная и четкая цель, диктуемая молекулярным зовом генов, жаждущих репликации. Его поступками руководит химическое сродство генетических молекул.

Стратегия паразитов в социуме – имитация. Имитация той активности, которая предполагает вознаграждения и бонусы от системы. Имитаторы воспроизводят внешние признаки социально полезной деятельности, например, научные исследования. При этом самой наукой, как формой познания они не занимаются. Чаще всего их вообще не интересуют какие-либо научные проблемы. Их мозг сугубо прагматичен. Они мыслят в категориях затраты-вознаграждение. Мозг имитатора решает только одну задачу – минимизация затрат и максимизация вознаграждения. В корректной постановке задача оптимизации ставится несколько иначе – максимизация вознаграждения при заданном ограничении уровня затрат (не выше некоторого порогового значения). Граница порогового значения затрат пролегает там, где начинается собственно научный поиск. Имитатор никогда не станет думать по-настоящему. Это энергетически весьма затратное занятие. К тому же у него отсутствует, либо предельно снижена реальная мотивация к занятию познавательной деятельностью. Она ему попросту не интересна. Ему не нужен научный результат. Его наука – это его жизнь, обеспечение максимально комфортного собственного

существования в данном конкретном слое социума. Если имитатор существует в научной среде, то он начинает, иногда очень умело, имитировать реальный научный процесс. Он пишет имитации научных статей, отчетов, монографий, тщательно копируя внешнюю атрибутику научного текста.

Философия представляет собой наиболее благодатное поле для имитации. Имитация познавательного процесса возможна во всех отраслях науки, однако в естествознании она осложняется экспериментальной верификацией, в технических науках решения проходят проверку эксплуатацией машин, устройств, механизмов и технологий, в математике существует традиция строгой доказательности. Философия в этом отношении более свободна. Здесь нет экспериментальной проверки, строгих формальных доказательств. Поэтому проблема выявления имитации реального познавательного процесса в философии стоит особенно остро.

Прежде всего необходимо ясно уяснить, что представляет из себя научный процесс как таковой. Томас Кун писал о том, что нормальная наука представляет собой процесс решения головоломок [1]. В самом общем случае это действительно так. Наука движется от головоломки к головоломке, а ученые эти головоломки разгадывают и решают. Соответственно головоломки могут быть определенным образом типизированы. Они могут образовывать классы задач. Соответственно в науке важны образцы решения головоломок. Эти образцы могут выполнять роль шаблонов решения для типизированных подмножеств головоломок, давать алгоритмы и задавать паттерны решений для целого класса типовых задач. Такие образцы решения головоломок уместно и удобно называть протоконструктами, или в более полной нотации – когнитивными протоконструктами.

В научной своей, части философия ничем не отличается от всех прочих наук. То есть, в основе развития научного философского знания должна лежать нормальная наука, представляющая собой процесс решения головоломок. Нормальная наука методологически едина. Отраслевые различия определяются лишь конкретными формулировками головоломок. Например, гипотеза Коллатца – математическая головоломка, а вопрос – «может ли в детерминированном универсуме существовать свобода воли?» – философская головоломка.

Противостоит нормальной философской науке казуистика. Казуистика представляет собой манипулирование цитатами и источниками с целью имитации доказательства или создания иллюзии научного результата. Отличительная особенность философской казуистики состоит в отсутствии явных формулировок и решений каких-либо головоломок. Речь, как правило, идет про уточнение дефиниций и классификаций, роль и значение которых абсолютно гипертрофируется. Дефиниции выдаются

за некоторую научную истину. Это же касается классификаций. Следует оговориться, что задачи классификации не имеют внешних по отношению к самим этим задачам критериев истинности. Результат классификации полностью определяется выбранными критериями и алгоритмом классификации. Одно и то же множество объектов можно с равной степенью достоверности классифицировать различным образом. Дефиниции также вне смысловых протоконструктов представляют собой пустой звук. Более того, предельно общие универсалии вообще не могут быть определены через что-то иное, да и не нуждаются в определении, так как являются первичными понятиями.

Определения и классификации могут быть начальной стадией исследования, но никак не могут рассматриваться как полноценный научный результат. Нормальная наука – это всегда головоломки и их решение. Открытию предшествует аномалия, возникающая на стадии нормальной науки. Аномалией может быть неожиданное, нетривиальное решение, неожиданный экспериментальный результат, внезапно обнаруженное противоречие и т. д. Аномалия требует изменения протоконструктов и поиска новых образцов решения головоломок.

Работа выполнена при поддержке БРФФИ в рамках научного проекта Г23–049.

Литература и источники

1. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун. – М. : Прогресс, 1977. – 300 с.

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЕ АРХЕТИПЫ И ЦЕННОСТИ В МЕНТАЛИТЕТЕ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Е. В. Корень

Идеи о возможности совершенствования человека в соответствии идеалом должного и переустройства общества на разумных и справедливых началах посредством развития образования, науки и искусства восходят к эпохе Просвещения. Европейское Просвещение XVIII в. ознаменовалось культом знаний, доминированием рационализма в различных сферах духовной культуры, в общественно-политической мысли.

Русское Просвещение имело свои особенности, обусловленные спецификой цивилизационно-исторического развития страны. Эпоха Просвещения в России охватывает довольно длительный и насыщенный историческими событиями период – XVIII–XIX вв. [1, с. 326–328]. Сильнейший стимул развитию просветительского процесса дала

реформаторская политика Петра I. Период господства просветительских идеалов в общественно-культурной сфере в России длился примерно с 1760-х гг. по вторую половину XIX в. Немаловажную роль в развитии институтов просвещения сыграла верховная власть (просвещенный абсолютизм), заинтересованная в формировании контингента специалистов технических, военных, промышленных, административных, медицинских, образовательных сфер. Правительство развивало и финансировало сеть учебных заведений, научных учреждений, при необходимости обеспечивало и получение образования за границей. В высших учебных заведениях России всегда имелось довольно большое количество так называемых «казеннокоштных» студентов. Университетское образование определяло повышение социального статуса человека, возможность приобретения дворянского звания. Власть в известной мере поощряла общественную (дворянскую) инициативу в сфере науки, искусства и образования, приветствовало просветительскую деятельность.

Распространение идей Просвещения в России происходило фактически одновременно и во взаимосвязи с процессами развития национального, гражданского, исторического самосознания общества, формирования интеллигенции на основе дворянской интеллектуальной элиты. Просвещение было связано с поиском национально-культурной идентичности, с прояснением места и роли России в мире, ее исторического смысла. Это во многом обусловило характер и содержание исторических исследований и историософских поисков русских просветителей (М. М. Щербатова, В. Н. Татищева, Н. И. Новикова, Н. М. Карамзина и др.), споры о языке в первой четверти XIX в., дискуссии славянофилов и западников о судьбе России.

В русском Просвещении выделялись две важнейших тенденции – духовное, христианско-православное, и секулярное, светское просвещение, что оказывало заметное воздействие на характер русской мысли и общественно-культурной жизни. Просветительство изначально заложено в христианство, стремившееся евангельской проповедью изменить мир, изнутри просвещая, меняя духовный облик человека [1, с. 327]. Духовно-просветительское начало проявилось в религиозных и философских исканиях русской интеллигенции. Секуляризованное светское просвещение, опиравшееся на естественные науки и опыт, оперировавшее доводами рационалистической философии, часто поддерживавшееся властью (просвещенными монархами – Петром I, Екатериной II и др.), во многом определило успехи научно-исследовательской деятельности русских ученых в разных областях науки [2, с. 155, с. 184]. Элементы светского и духовного просветительства, идеалы гуманизма, истины, свободы, права взаимодействовали с христианскими ценностями духовности, веры, любви, милосердия, благотворительности. В

перспективе это взаимопроникновение светских и духовных ценностей существенно повлияло на менталитет и духовные поиски русской интеллигенции и определило становление идеалов цельного знания (истины, добра, красоты), софиологии, историософии, нового религиозного сознания и других феноменов культуры.

Основополагающая установка Просвещения на формирование новой породы людей в русской общественно-культурной традиции была реализована в уникальном феномене интеллигенции, которую можно назвать и непосредственным плодом Просвещения, и главным носителем просветительских идеалов и ценностей в России. Принадлежность людей к интеллигенции определялась высокой степенью их социальной активности, интеллектуально-творческой деятельностью, приверженностью к идее «общественного блага», предпочтением духовных ценностей, общенациональных интересов сословно-корпоративным ценностям и интересам, внутренней автономией личности.

Различные источники XVIII – первой четверти XIX вв. отражают эволюцию ведущих дворянских ценностей службы и чести под влиянием идей Просвещения (о ценностях знаний, творчества, свободы, права и др.), своеобразно преломлявшихся в православном мировидении. В ходе этой эволюции постепенно вызревали характерные для русской мысли темы о смысле человеческой жизни, о взаимозависимости общественного, служебного, личностного приоритетов в иерархии морального долга, о значении и содержании категорий правды, истины и справедливости, о соотношении свободы (воли) и ответственности человека. В сознании просвещенных дворян под влиянием различных, сложно взаимодействующих факторов (христианских и просветительских установок, осмысления дворянских вольностей и крепостного права, французской революции и крестьянского восстания под руководством Е. Пугачева), складывались представления о внесословной ценности человеческого достоинства, о греховности владения «крещеной собственностью», об угрозе социальной катастрофы и о путях ее преодоления, о способах достижения социальной справедливости, о просвещении как условии «общественного блага».

Ключевым моментом истории интеллигенции стало движение декабристов, которые активно способствовали развитию просвещения через литературно-публицистическую деятельность, внедрение (от казармы до дворянских поместий) ланкастерской системы взаимного обучения и других мер. Декабристы в период Союза Благоденствия пропагандировали идеи о взаимосвязи просвещения, нравственности и свободы, утверждали в обществе мнение о необходимости ликвидации крепостного права, ограничения самодержавия, совершенствования законодательства, правовых отношений как условий общественного благоденствия. Просветительская деятельность декабристов продолжалась

и после 1825 г («каторжная академия», распространение журналов и книг, научных знаний, переводы иностранной литературы, создание школ, благотворительность и т. п.). Они значительно повлияли на масштабы просвещения, на утверждение ценностей образования в разных регионах Российской империи. Просветительская доминанта определила активное включение многих декабристов в реализацию реформ 1860–1870-х гг.

Представители различных общественных движений, писатели, публицисты, историки, философы, художники, меценаты способствовали распространению ценностей просвещения посредством развития учебных заведений, библиотек, музеев, организации научных обществ, художественных выставок, публичных лекций, издательской деятельности. Передовую русскую интеллигенцию отличало стремление решить социально-правовые проблемы, достичь идеала «общественного блага», справедливости и свободы для всех граждан, приобщить к высокой культуре широкие слои общества. Лучшие представители интеллигенции постулировали как моральную норму уважение к чести и достоинству личности, независимо от сословия, выработали особый идеал культуры как духовности, интеллигентности. Важнейшим достижением просветительского движения в России в XIX в. явилось утверждение идеи всеобщего народного образования, реализация которой продолжалась потом и в послереволюционное время.

В целом, просветительские ценностные установки существенно характеризуют русскую интеллигенцию, при всем различии политических убеждений. В менталитете интеллигенции всегда заметно были выражены просветительские архетипы и ценности – вера в знания, в возможность посредством просвещения, развития институтов образования и науки решать политические, социально-экономические, культурные проблемы.

Литература и источники

1. Яковлев, Л. С. Адаптация архетипов идеологии Просвещения российской общественной мыслью рубежа XIX – XX вв. / Л. С. Яковлев // В раздумьях о России (XIX в.) / Отв. ред. Е. Л. Рудницкая. – М. : Археографический центр, 1996. – С. 325–344.
2. Эймонтова, Р. Г. Непризнанный пророк примирения (Гоголь и просвещение России) / Р. Г. Эймонтова // В раздумьях о России (XIX в.) / Отв. ред. Е. Л. Рудницкая. – М. : Археографический центр, 1996. – С. 155–188.

ВЛИЯНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ДОВЕРИЕ ПАЦИЕНТА К ВРАЧУ

А. А. Кралько

В настоящее время в практическом здравоохранении преобладают нормативные принципы правового регулирования медицинской деятельности. Врач стремится максимально соблюдать установленные стандарты или клинические протоколы, хотя в большинстве случаев понимает, что к каждому пациенту должен быть индивидуальный подход. Но в случае несоблюдения установленных норм, даже при благоприятном исходе заболевания, медицинский работник будет нести определенную ответственность. Вследствие этого в процессе реализации формальных отношений возникает ситуация дефицита доверия между врачом и пациентом, а вместо культуры доверия порождается культура недоверия.

Доверие пациента к врачу и степень влияния нормативного регулирования на доверие зависит от коммуникационной модели взаимодействия врача и пациента. Сегодня существуют многочисленные классификации моделей взаимодействия врача и пациента. Например, Р. Витч выделяет инженерную, патерналистскую, коллегияльную и контрактную модель [1; 3]. В инженерной модели коммуникации врач рассматривает пациента как механизм, который нужно вернуть в положение равновесия. При этом мнение пациента бесполезно и даже может принести вред. На наш взгляд, при таком взаимодействии и непосредственном оказании медицинской помощи врач может широко использовать нормативные предписания и игнорировать мнение пациента, что приведет к снижению уровня доверия. В свою очередь патернализм ущемляет права пациента как автономной личности, поскольку взаимодействие строится не как равноправное, а как вертикальное, родительско-детское. При патернализме существует значительный риск неприменения со стороны врача норм, гарантирующих права пациента, что также не способствует формированию полного доверия.

В рамках коллегияльной модели пациент более равноправен во взаимодействии с врачом, так как имеется понимание общей цели, и взаимное доверие формируется быстрее. Влияние нормативного регулирования на доверие в этом случае благоприятно при условии, что пациент понимает роль правовых норм в здравоохранении и видит, что врач их применяет правильно. При контрактной модели врач выступает поставщиком медицинской услуги, а пациент – клиентом. В этом случае будет применяться четкая юридическая и медицинская регламентация услуг, а доверие может вообще не сформироваться.

Таким образом, стремление к максимальному нормативному регулированию медицинской деятельности имеет как положительные, так

и отрицательные стороны. На этом фоне уходит патерналистская модель взаимодействия, пациент в условиях жесткого правового регулирования действий врача не видит в нем милосердного сострадательного спасителя и теряет к нему определенную степень доверия [2]. С другой стороны, врач в условиях нормативного регулирования своей деятельности может легче проявить себя как обладатель экспертного научного знания, что для определенного круга пациентов является основанием доверия.

Решение проблемы доверия в медицине в условиях тотального правового регулирования видится в необходимости учета принципов патерналистской модели при разработке нормативных правовых актов, а также в обучении врачей современным биоэтическим подходам.

Литература и источники

1. Витч, Р. Модели моральной медицины в эпоху революционных изменений / Р. Витч // Вопросы философии. – 1994. – № 3. – С. 67–72.
2. Камалиева, И. Р. Доверие как основание отношения «врач – пациент» в современной медицине: философско-антропологическая интерпретация / И. Р. Камалиева, В. С. Невелева // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2019. – Вып. 4. – С. 504–514.
3. Карашук, Л. Н. Проблематика доверия во взаимоотношениях врач-пациент / Л. Н. Карашук // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. – 2020. – Т. 8, № 1 (28) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://humjournal.rzgmu.ru/art&id=414>. – Дата доступа: 14.09.2024.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ДИСКУССИОННОЕ ПОЛЕ ЭТИКИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

И. Г. Красникова

Этические аспекты создания и последствий использования искусственного интеллекта (ИИ), его влияния на жизнь человека и общество в целом в настоящее время становятся предметом широкого обсуждения в философии, науке и публичном пространстве. Этика искусственного интеллекта прежде всего связана с исследованием глобальных (экзистенциальных, социальных) рисков, которые возникают или могут возникнуть в будущем в связи с использованием ИИ и призвана очертить границы допустимого и определить должное в данной сфере. Специфика этики ИИ определяется ее *публичностью* – участием в этических дискуссиях философов, юристов, журналистов, политиков, экономистов и других представителей общественности и *нормативностью* – формированием на основе общечеловеческих ценностей кодексов, рекомендаций, принципов, регулирующих сферу ИИ.

На сегодняшний день этика ИИ представлена двумя направлениями:

во-первых, это этические исследования, связанные с разработкой принципов и правил, которыми необходимо руководствоваться при проектировании, конструировании, использовании ИИ и оценкой моральных рисков применения ИИ (*этика создания и использования ИИ*); во-вторых, это этика морального поведения систем ИИ (*машинная этика*).

Этика создания и использования ИИ носит нормативный характер и предполагает закрепление этических принципов и стандартов в различных документах (кодексах, правилах, рекомендациях) как на уровне государства, так и на уровне крупных корпораций (например, принципы Google, Microsoft и др. в области ИИ), связанных с созданием ИИ, а также в конкретных сферах человеческой деятельности (например, руководство Всемирной организации здравоохранения о применении ИИ в медицине). Так, в российском Кодексе этики в сфере искусственного интеллекта (2021 г.) подчеркивается, что при развитии технологий ИИ *человек, его права и свободы должны рассматриваться как наивысшая ценность*: разработчики ИИ не должны допускать создание ИИ, который может угрожать автономии и свободе воли человека в принятии им решений; обязаны обеспечить справедливость и не допускать дискриминации отдельных лиц или групп лиц по признакам расовой, национальной, половой принадлежности, политических взглядов, религиозных убеждений, возраста, социального и экономического статуса; обязаны проводить оценку потенциальных рисков применения ИИ, включая социальные последствия для человека, общества и государства; не должны допускать использование технологий ИИ в целях причинения вреда жизни или здоровью человека, имуществу граждан, окружающей среде; должны информировать пользователей об их взаимодействии с ИИ; обеспечить конфиденциальность и защиту персональных данных, обработка которых осуществляется ИИ [1]. В Регламенте об искусственном интеллекте, принятом в 2024 г. Европейским парламентом, создание и использование ИИ регулируется на основе оценки риска для человека. Так, в данном документе к *недопустимому риску* относится ИИ, который предполагает биометрическую идентификацию и категоризацию людей, распознавание человеческих эмоций на рабочем месте или систему социального рейтинга (social scoring) и контроля. К *высокому риску* относятся системы ИИ, используемые для работы инфраструктуры (в частности, транспорта), если такое использование может поставить под угрозу жизнь и здоровье граждан; ИИ в образовании в случае, если он может повлиять на доступ к образованию, например, через оценку экзаменов; ИИ, применяемый в роботизированной хирургии. *Ограниченный риск* связан с несоблюдением требований прозрачности. ИИ. Например, при использовании чат-ботов необходимо сообщать, что человек общается с машиной. Контент, созданный ИИ, должен быть соответствующим образом маркирован как искусственно сгенерированный. К *минимальному (или отсутствующему)*

риску относятся, например, видеоигры с поддержкой ИИ или фильтры для спама. В целом, для этики создания и использования ИИ характерен человеко-ориентированный подход, согласно которому автономия человека, ценность его жизни, здоровья рассматриваются в качестве фундаментальных оснований этики ИИ, и риско-ориентированный подход, который определяет границы допустимого в сфере ИИ.

В этике ИИ также обсуждаются проблемы, связанные с разработкой этических компонентов и программированием этических решений и ограничений в системах ИИ [2]. Одними из первых тему машинной этики (робоэтики) обозначили писатели, работающие в жанре научной фантастики (например, три закона робототехники А. Азимова) и во многом определили ее дискуссионные вопросы: Может ли ИИ в полной мере считаться моральным агентом или стать таковым в будущем? Как возможна формализация этических норм при программировании систем ИИ? Какими этическими нормами и критериями необходимо руководствоваться в случае возникновения этических дилемм (ситуации выбора, в которой ни одно решение не является абсолютно правильным)? На сегодняшний день эти вопросы становятся все более актуальными. Так, перед разработчиками беспилотного транспорта остро строит проблема: какие этические правила закладывать в программу? В 2016 г. была запущена платформа Moral Machine (Режим доступа: <https://www.moralmachine.net/hl/ru>), разработанная Массачусетским технологическим институтом, где каждый желающий мог пройти тест из смоделированных ситуаций и выбрать, как стоит вести себя беспилотному автомобилю и кем предпочтительней пожертвовать, когда потери в результате аварии неизбежны (Например, в случае отказа тормозов беспилотного автомобиля, что предпочтительнее: сохранять курс (тогда погибнут двое пожилых людей, переходящих дорогу на зеленый свет) – или свернуть и врезаться в ограждение (погибнет один взрослый и ребенок, находящиеся в машине)?). Результаты исследования должны были помочь разработать *универсальную этику* беспилотных автомобилей и понять, должна ли она отличаться в зависимости от конкретного культурного региона. Анализ ответов показал, что у представителей разных культур есть общие представления – большинство жертвовали животными в пользу людей, преступниками – в пользу законопослушных граждан, а также стремились спасти больше жизней. Однако были выявлены и кросс-культурные различия в моральном выборе. Так, в странах с высоким уровнем коллективизма (восточные страны) испытуемые предпочитали спасти пожилых людей ценой жизни молодых. В странах Северной Америки и Европы чаще предпочитали не вмешиваться в действия машины и жертвовать пешеходами, а в странах Латинской Америки и Южной Африки чаще жертвовали пожилыми в пользу молодых, низкостатусными в пользу людей высокого социального

статуса [3].

Возможно ли создать универсальную машинную этику? Необходимо ли учитывать культурные предпочтения при программировании этических решений? Какой этический подход закладывать в конкретную систему ИИ? Кто будет нести ответственность за принятые ИИ решения в случае сложного морального выбора? Способен ли ИИ к развитию в нравственном плане? Какими этическими принципами необходимо руководствоваться, создавая ИИ? Каковы экзистенциальные риски использования ИИ? Поиск ответов на эти вопросы во многом задает проблемное поле этики ИИ, развитие которой невозможно без обращения к данным нейронаук, эмпирическим исследованиям в социологии и психологии ИИ, а также анализа сложных моральных ситуаций и коллизий, которые уже сегодня возникают в сфере ИИ.

Литература и источники

1. Кодекс этики в сфере ИИ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ethics.a-ai.ru>. – Дата доступа: 11.09.2024.
2. Разин, А. В. Этика искусственного интеллекта / А. В. Разин // *Философия и общество*. – 2019. – Вып. 1 (90). – С. 57–73.
3. The Moral Machine experiment / E. Awad [et al.] // *Nature* – 24 October 2018 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.nature.com/articles/s41586-018-0637-6>. – Date of access: 11.09.2024.

ПРОЯВЛЕНИЕ ПЕРФЕКЦИОНИЗМА И ПРОКРАСТИНАЦИИ У СТУДЕНТОВ

Н. Н. Красовская, А. В. Стреж

Большинство исследователей определяют прокрастинацию как добровольное откладывание субъектом запланированных дел и осознание субъектом ожидаемых негативных последствий из-за задержки.

В определении понятия перфекционизма наиболее четкое понимание термина дали представители психоаналитической школы А. Адлер и К. Хорни, в работах которых перфекционизм представляет собой высокие личные стандарты, которые устанавливаются человеком для осуществления той или иной деятельности. Высокие стандарты в основном выступают чем-то нереальным, не достижимым, при этом человек навязывает их не только самому себе, но и другим [2, с. 293].

Исходя из «принципа прокрастинатора-перфекциониста», человек, предъявляющий слишком завышенные требования к себе и не испытывающий удовлетворения от получаемых результатов, стремится избежать напряжения, связанного с выполнением деятельности, которая ему неприятна, и поэтому «тянет время». Отсюда следует, что состояние

перфекционизма может являться одной из причин прокрастинации [1, с. 15].

Для выявления взаимосвязи прокрастинации и перфекционизма у студентов было организовано и проведено исследование на базе Белорусского государственного университета. В нем приняли участие 100 студентов факультетов БГУ: факультета философии и социальных наук, юридического факультета, исторического факультета и механико-математического факультета. Возрастной диапазон испытуемых составил от 19 до 24 лет.

Обработка результатов проводилась с помощью статистического программного пакета SPSS Statistics 23. Для установления связи между шкалами использовался коэффициент корреляции Спирмена.

На первом этапе эмпирического исследования было выявлен уровень прокрастинации у студентов с помощью методики «Шкала общей прокрастинации» С. Lay (адаптация О. С. Вендекер).

В ходе исследования было выявлено, что средний уровень прокрастинации преобладает у 58 студентов (58%), высокий уровень характерен для 25 студентов (25%), низкий – у 16 студентов (16%) и очень высокий уровень был выявлен у 1 студента (1%). Крайне низкий уровень не выявлен.

Среднее значение выраженности прокрастинации – 56,95, что соответствует среднему уровню и означает, что выполнение не очень важных и менее интересных дел студенты могут откладывать на определенный срок, но в итоге результат достигается вовремя либо незначительно задерживается, а его качество при этом не ухудшается.

На втором этапе исследования был диагностирован уровень перфекционизма у студентов путем использования методики «Многомерная шкала перфекционизма Хьюитта-Флетта» (адаптация И. И. Грачевой).

По результатам исследования видно, что у 65 студентов (65%) превалирует средний уровень перфекционизма, высокий – у 21 студента (21%), и 14 студентов (14%) характеризуются низким уровнем перфекционизма. Средний показатель составляет 150,51, что соответствует среднему уровню и говорит о том, что большинство студентов в целом требовательны к себе, своей деятельности и обладают высокой самокритикой.

Далее был проведен анализ полученных результатов по каждой из шкал методики. Так, по показателю «перфекционизм, ориентированный на себя» у 54 студентов (54%) преобладает средний уровень, высокий – у 39 студентов (39%), низкий уровень выявлен у 7 студентов (7%). Среднее значение – 37,57 – соответствует среднему уровню и означает, что для таких студентов характерно наличие высоких личных стандартов, установленных самим человеком для себя, также присутствие тенденции

ставить перед собой труднодостижимые цели и готовность прикладывать усилия ради их достижения. Однако требования, предъявляемые к себе, носят характер адекватных и реалистичных, что является подспорьем для достижения целей и задач.

По шкале «*перфекционизм, ориентированный на других*» у 62 студентов (62%) был диагностирован средний уровень, низкий – у 21 студента (21%), высокий – у 17 студентов (17%). Среднее значение – 53,96 – соответствует среднему уровню и означает, что студенческая молодежь толерантна в отношении оценок других людей, не предъявляет завышенных требований к окружающим и легко прощает ошибки и недостатки других людей.

В ходе исследования «*социально предписанного перфекционизма*» было выявлено, что у 71 студента (71%) превалирует средняя степень выраженности, высокая – у 17 студентов (17%) и низкая – у 12 человек (12%). Среднее значение – 58,98 – соответствует среднему уровню. Это выражается в отсутствии у студентов завышенных, трудновыполнимых требований, предъявляемых обществу. Для них не характерно целенаправленное принуждение к совершенству, и свойственна достаточно высокая степень дифференциации общественных оценок.

На завершающем этапе исследования была проведена математическая обработка полученных результатов. Первоначально все шкалы методик были проверены на нормальность распределения с помощью критерия Колмагорова-Смирнова и проанализированы полученные результаты. Для установления взаимосвязи между прокрастинацией и перфекционизмом испытуемых студентов, был использован коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Корреляционные связи прокрастинации и перфекционизма представлены в таблице 1.

Таблица 1. Результаты корреляционного анализа

Шкалы	Коэффициент корреляции (r)	Характер связи	Уровень статистической значимости (p)
Прокрастинация – перфекционизм	0,268	Слабая	0,008
Прокрастинация – перфекционизм, ориентированный на себя	0,214	Слабая	0,032
Прокрастинация – перфекционизм, ориентированный на других	0,054	Нулевая гипотеза подтверждается	0,591
Прокрастинация – социально предписанный перфекционизм	0,199	Слабая	0,048

Полученные результаты свидетельствуют о наличии *слабой*

корреляции между: прокрастинацией и перфекционизмом (при $r=0,268$, $p=0,008$); прокрастинацией и перфекционизмом, ориентированным на себя (при $r=0,214$, $p=0,032$). А также слабая связь была выявлена между прокрастинацией и социально предписанным перфекционизмом (при $r=0,199$, $p=0,048$).

Данные, представленные в таблице, свидетельствуют о том, что присутствует *прямая взаимосвязь* между: прокрастинацией и перфекционизмом (при $r=0,268$, $p=0,008$); прокрастинацией и перфекционизмом, ориентированным на себя (при $r=0,214$, $p=0,032$); между прокрастинацией и социально предписанным перфекционизмом (при $r=0,199$, $p=0,048$). Это говорит о том, что чем выше уровень перфекционизма у студентов, тем выше уровень прокрастинации. Верно и обратное утверждение: чем выше прокрастинация, тем выше перфекционизм у студентов.

На наш взгляд, результаты выявленных корреляционных связей можно объяснить тем, что для студентов зачастую характерно откладывание выполнения дела в случае установления завышенных требований к себе, понимания невозможности выполнить что-либо идеально.

Литература и источники

1. Варваричева, Я. И. Феномен прокрастинации: проблемы и перспективы исследования / Я. И. Варваричева // Вопросы психологии. – 2010. – № 3. – С. 14–17.
2. Саттарова, Р. М. Перфекционизм как психологическая проблема студентов / Р. М. Саттарова // Вестник научных конференций. – Тамбов, 2017. – № 11. – С. 79-81.

ОТВЕТЫ НА НЕКОРРЕКТНЫЕ ВОПРОСЫ В РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Е. Б. Кузина

Некорректность вопросов имеет несколько аспектов, связанных с двумя основными функциями вопросов: познавательной и коммуникативной. Условием выполнения познавательной функции является логическая корректность вопроса, а условием выполнения коммуникативной функции – понятность вопроса адресату, уместность его для данного адресата. Корректность вопроса в любом случае связывается с возможностью получить на него ответ.

Общепринято считать ответом высказывание, явно или имплицитно, содержащее предпосылку вопроса и при этом снимающее или уменьшающее познавательную неопределенность. Предпосылкой вопроса

является та часть его структуры, где в явном виде содержится исходная информация, на которой строится запрос информации. Предпосылка – это высказывание, понятность которого является необходимым условием существования ответа вообще, а для существования истинного ответа необходимо, чтобы предпосылка была истинным высказыванием. Предпосылка содержит субъект вопроса, задающий множество альтернатив, из которых отвечающий должен произвести выбор.

Не повторяя стандартных логических требований к синтаксической и семантической корректности вопроса, остановлюсь на той некорректности, которую можно назвать собственно прагматической, или коммуникативной. *Прагматически некорректными* следует считать *вопросы, из которых нельзя понять, какая информация запрашивается и сколько информации требуется дать.*

Во-первых, неясным может быть субъект вопроса, что может быть обусловлено неясностью грамматической формы, например, вопрос: «Если жарить курицу на этой решетке, она не сгорит?» по существу – про курицу или про решетку? И хотя это легко выяснить в живой коммуникации, многие отвечают в соответствии со своим пониманием вопроса, даже не задумываясь о возможности другого его истолкования. Точно так же и в других случаях неполной ясности вопроса адресат отвечает на него так, как если бы никакой неопределенности не было.

Еще примером подобного вопроса является вопрос, приведенный в учебнике Ю. В. Ивлева «Теория и практика аргументации»: «Людам какого возраста разрешается продавать спиртное?» [3, с. 68]. Его грамматическая форма делает вопрос для некоторых непонятным. Первый человек, которому я задала такой вопрос, ответил, что это может быть любой совершеннолетний человек, у которого имеется лицензия на продажу спиртного и подходящее для продажи помещение. Строго говоря, это был ответ на вопрос: «Кто может продавать спиртное?» Другой человек в то же время ответил, что «спиртное можно продавать людям, достигшим 18-летнего возраста», что было ответом на вопрос: «Кто может купить спиртное?».

Во многих случаях вопрос предоставляет адресату очень большой простор для домысливания цели собеседника и, соответственно, для выбора коммуникативно адекватной ответной реплики. Адресат вопроса, будучи коммуникативно адекватным, определяет, какова цель спрашивающего или, по крайней мере, причина вопроса «на основе своей способности ориентироваться в ходе событий и мысленно предугадывать их дальнейшее развитие», а спрашивающий, предполагая такую способность адресата, рассчитывает получить нужный ответ [1, с. 366–367].

Анализ реального вопросно-ответного дискурса показывает, что ответные реплики на очень многие вопросы не укладываются в рамки

стандартного понятия ответа. Дело в том, что вопрос далеко не всегда выражает желание спрашивающего получить ту самую информацию, которая предполагается предпосылкой и субъектом вопроса. По этой причине, как писали Дж. Ф. Аллен и Р. Перро, «хорошая вопросно-ответная система часто должна давать ответ, содержащий больше информации, чем эксплицитно требовалось в вопросе», и при этом «не должна выдавать слишком много информации или предлагать такие сведения, в которых не нуждается спрашивающий» [2, с. 322].

Эта общая презумпция коммуникантов ведет к тому, что ответы в очень многих (если не большинстве) случаях даются косвенные, избыточные или вообще не на тот вопрос. Они содержат информацию, которая явно не запрашивается, но, по мнению отвечающего, является целью спрашивающего, и будет запрашиваться в следующем вопросе, если она не будет дана сейчас. Например, на вопрос: «Как мне доехать до ...?» иногда дают такой – согласно логике – несоответственный ответ: «До этого места отсюда лучше дойти пешком». И нельзя с уверенностью сказать, является ли такой ответ коммуникативно адекватным – он может оказаться совершенно неподходящим для спрашивающего.

То же самое – и с закрытыми вопросами. Указывая в закрытом вопросе варианты ответов, спрашивающий исходит из своих знаний и предпочтительных для него альтернатив. Отвечающий же имеет свой набор возможных ответов и предпочтений. Он обычно считает, что лучшую альтернативу спрашивающий не упомянул, потому что не знает ее, и гораздо реже – что спрашивающий не указал эту альтернативу, потому что для его целей она не нужна. Однажды на троллейбусной остановке «Метро "Парк культуры"» в Москве мужчина задает стоящим там людям вопрос: «Комсомольская площадь – в эту сторону Садового кольца или в другую?» Человек, решивший ответить, зная, что подавляющее большинство людей поедут туда не по Садовому кольцу, говорит: «Комсомольская площадь – там (указывает направление в сторону центра города) и ехать туда 12 минут на метро, а вот вход в метро». Спросивший явно не удовлетворен ответом. С легким раздражением он спрашивает снова: «На троллейбусе по кольцу лучше ехать в эту сторону или в другую?». Нужно признать, что он прав в своем недовольстве, потому что рассчитывал получить ответ на свой вопрос, а не на вопрос, как доехать до «Комсомольской площади». Заданный вопрос был, безусловно, логически корректен. И если адресат вопроса все упомянутые в вопросе альтернативы считает неподходящими, то это – его собственный взгляд на цели и должные предпочтения спрашивающего. Адресат вопроса реконструирует цели спрашивающего по своему разумению, исходя из допущения, что достаточно разбирается в разных жизненных ситуациях.

Прагматическая некорректность вопросов столь распространена, что

в повседневной коммуникации трудно найти совершенно корректный вопрос, из которого вполне понятно, какой ответ будет коммуникативно совершенно удовлетворительным. Н. Белнап и Т. Стил в известной монографии «Логика вопросов и ответов» писали, что «имеется много утверждений, которые, не являясь прямыми ответами, тем не менее связаны с ними достаточно интересными семантическими отношениями, благодаря чему сами эти утверждения заслуживают того, чтобы их поместить под рубрикой "ответ"» [4, с. 129]. Поэтому, соглашаясь с мнением этих авторов, нужно признать необходимость выработки практически работающего понятия ответа на не вполне корректные вопросы.

Литература и источники

1. Конрад, Р. Вопросительные предложения как косвенные речевые акты / Р. Конрад // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1985. – Вып. 16. – С. 349–383.
2. Аллен, Дж. Ф. Выявление коммуникативного намерения, содержащегося в высказывании / Дж. Ф. Аллен, Р. Перро // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1986. – Вып. 17. – С. 322–362.
3. Ивлев, Ю. В. Теория и практика аргументации / Ю. В. Ивлев. – М., 2009. – 288 с.
4. Белнап, Н. Логика вопросов и ответов / Н. Белнап, Т. Стил. – М., 1981. – 288 с.

ЭТАП ГУМАНИТАРИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

А. Л. Куши

В нынешнем году, за авторством Леонова Федора Николаевича и Ровнейко Маргариты Александровны, в брестском издательстве «Альтернатива» из печати вышла небольшая книга под названием «Котляр Иван Иванович. Профессор политологии. Служение науке, образованию, обществу», которая без сомнения привлечет внимание широкого круга читателей [1].

Книга посвящена не только жизни и творчеству нашего выдающегося современника, в ней отражена целая эпоха в жизни общества и отдельной личности, в функционировании образования и социальной сферы нашей страны. Хотя название книги отсылает нас к личности Ивана Ивановича Котляра, одной из главных идей издания является освещение очень важного для нашей страны этапа – появления и распространения в ее системе образования и общественной жизни теории и практики прав человека. Этот этап связан с эпохой становления новой Беларуси и относится к периоду с начала 90-х годов прошлого столетия по конец 2000-х. Он знаменателен активизацией, преобразованием, углублением и

расширением гуманитарной образовательной сферы. В то время активно разрабатывались новые концепции образования, вводились новые предметы, внедрялись новые технологии. Одним из главных направлений развития отечественного социогуманитарного образования стало включение в него предмета «Права человека».

Распространение идеи прав человека непосредственно связано с деятельностью нашего соотечественника И. И. Котляра, который был первопроходцем на этом пути. В апреле 2024 года исполнилось 30 лет со дня начала работы первого спецкурса по правам человека в Брестском государственном университете имени А. С. Пушкина. Этот спецкурс, одним из рецензентов которого стал член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси Л. Ф. Евменов, включал в себя теорию прав человека, историю мирового и отечественного правозащитного движения, изучение международных и отечественных правозащитных документов и практику их применения. С этого момента началась активная научная, образовательная, просветительская и общественная деятельность профессора Котляра. По его инициативе был разработан учебный курс «Права человека», им был издан первый в республике учебник по этой дисциплине и, начиная с 1998 года, «Права человека» заняли свое достойное место в цикле социально-гуманитарных дисциплин.

Важным моментом является вклад ученого в научно-теоретические основания прав человека. Отметим, что это чрезвычайный вопрос для нашего времени, поскольку от интерпретации предмета прав человека зависит деятельность политической, государственной, социальной и многих иных сфер жизни общества. Он выработал конструктивную версию понимания и интерпретации прав человека, основанную на таких принципах как различение политического и философско-культурного их уровней, приоритет культурной традиции в интерпретации и реализации этих прав в конкретной стране, соотношение прав человека и социальных меньшинств и групп и другие. Важным достижением ученого следует считать понимание сущности прав человека, их роли и месте в духовной и социальной жизни общества. Он понимает их как неотъемлемое права каждого человека на достойную жизнь, свободу, уважение, справедливость, без которых мы не можем существовать как человеческие существа. Он рассматривает их как духовно-нравственную категорию, воплощающую в себе существующие во всех религиях и культурах традиции терпимости, уважения к личности и человеческому достоинству. По мнению ученого, права человека связаны не только с государством и правом, но, еще в большей степени, с культурой, философией, этикой [2].

Говоря об их месте и роли в обществе, Иван Иванович отмечал, что права человека являются фундаментом мира и социального прогресса, гуманизации и демократизации национальных и международных отношений, обеспечения свободы человеческой личности и социальной

справедливости. Они являются источником искоренения социальных конфликтов и основой для совершенствования человека и общества. Вместе с тем, И. И. Котляр предостерегает от возможных отрицательных последствий функционирования прав человека, возникающих в результате их политизации, абсолютизации их роли, неверного понимания их сущности, использования в интересах различных социальных групп и отдельных личностей, что часто приводит к появлению «двойных стандартов», нарушению социального баланса и конфликтам.

В практическом же плане ученым была разработана концепция прав человека и отмечены особенности ее реализации в условиях Беларуси, где высказывались идеи и предлагались модели функционирования отечественной системы образования, управления обществом, деятельности общественных организаций, средств массовой информации, гражданского общества. Он неоднократно предлагал ввести должность Уполномоченного по правам человека в нашей стране.

Очень важен личностный аспект книги, который дает нам пример жизни и деятельности этого человека. Раскрывая сущность подвижнической деятельности главного героя, авторы излагают его взгляды на жизнь, ценности, проникают в тайные его творческой мастерской. Одним из главных жизненно-философских принципов Ивана Ивановича является следующий: «Будьте до конца приверженцем идеи, которая взята Вами на вооружение. Например, идеи социальной справедливости и прав человека» [1, с. 8]. Одной из главных ценностей И. И. Котляра, наряду с интеллектом, силой воли, терпением, здоровым образом жизни, является ценность труда, который, по его мнению, является основой успеха. Однако главной для него всегда являлась преданность идее прав человека, которая вела его по жизни подобно неугасающей и вселяющей надежду звезде.

Одним из важных моментов, отраженных в книге, является деятельность созданного в 1996 году по инициативе Ивана Ивановича Республиканского общественного объединения «Белорусская секция Международного общества защиты прав человека», главным действующим лицом и вдохновителем которого он является до сих пор. Основными направлениями деятельности объединения являются научные исследования, образование и просветительство в области прав человека. Эта общественная организация давно и успешно сотрудничает с Министерствами образования, иностранных дел, Палатой представителей Республики Беларусь, Республиканским общественным объединением «Белорусское философское общество», другими общественными объединениями, организуя круглые столы, научно-практические семинары, научные конференции, посвященные проблемам теории и практики прав человека, актуальным проблемам образования, духовной и социальной жизни нашего общества.

В этом издании в значительной мере отражен тот значимый путь, который прошли наука, образование и просвещение в области прав человека в преломлении в судьбе одного из главных приверженцев этой идеи Ивана Ивановича Котляра. Эта книга является не только своего рода подведением итогов этой эпохи, осмыслением происшедших событий, основой для новых научных идей и преобразований в области образования по правам человека, но и ярким насущным примером для молодежи и всех тех, кто хочет свершить в своей жизни великие дела и достигнуть значимых результатов. Высказанные Иваном Ивановичем идеи, результаты его труда требуют своего глубокого осмысления и дальнейшего творческого развития.

Литература и источники

1. Леонов, Ф. Н. Котляр Иван Иванович. Профессор политологии. Служение науке, образованию, обществу / Ф. Н. Леонов, М. А. Ровнейко. – Брест : Альтернатива, 2024. – 94 с.
2. Котляр, И. И. Права человека: сущность, понимание и роль в обществе / И. И. Котляр // Права человека: понимание и роль в современном обществе : сборник материалов Международного научно-методологического семинара, Брест, 18 мая 2011 г. / Брест. гос. ун-т имени А. С. Пушкина ; науч. ред. И. И. Котляр. – Брест : БрГУ, 2011. – С. 8–17.

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРАЗДНИКА: ДИАГНОСТИКА СОСТОЯНИЯ

И. Н. Лаврикова

С позиции исследователя праздника [1], полагаю возможным утверждать, что до сих пор не существует завершенной теории (модели) развития процессов внутри феномена. Его сущность «маскируется», не позволяя удовлетворить интерес в полной мере. Несмотря на то, что праздничные отношения являются древнейшими, ситуация, сложившаяся в области гуманитарного познания, свидетельствует о невозможности полного контроля над действием.

Зададимся вопросом: «В чем причина(ы) закрытости природы праздника от абсолютного управления им?». В этой связи представляется возможным выдвинуть основания, отчасти объясняющие сложность прогнозирования хода праздничных отношений: во-первых, у феномена есть «ядро», в котором проходят процессы случайного характера (судя по опыту истории), скрыто протекающие в недрах праздника; фактически, он становится системой, определенным образом «замкнутой-на-себя» (таким образом, праздник следует отнести к разряду явлений, отчасти саморегулирующихся и самовоспроизводящихся); во-вторых, праздник –

система сложная, его структура содержит настолько значительное множество элементов (равно степеней свободы), что избыточным количеством переменных феномен описать не удастся.

Разнообразие теорий об интересующем нас феномене свидетельствует лишь о его многогранности и бесспорном значении в истории становления общества. Множественность попыток теоретического отображения сути праздника нельзя воспринимать как некоторое «ускользание» его природы: все это свидетельствует, скорее всего, лишь о принципиальной невозможности универсализации института празднования на данном этапе социально-гуманитарного познания.

Допускаю, что праздник был задуман нашими предками как один из способов самовыражения, выстроенный «по правилам игры»: известно, что данные феномены тесно пересекаются – игровые элементы становятся частью праздника, а в определенных случаях возможность поиграть предвосхищает праздник... Впрочем, и сама игра, как явление культуры, отличается глубиной и сложностью, она до сих пор вызывает активный исследовательский интерес ([2; 3; 4; 5] и др.).

К феноменам, снижающим степень контроля за празднующими, предлагаю отнести следующее:

I. Игру, как основной элементов праздничной системы, а именно:

– по мнению А. И. Пигалева [6, с. 710–718], несмотря на столь пристальный интерес к проблеме игры, «законченная и общепринятая культурологическая концепция игры до сих пор не создана». В таком случае «игра» (как термин) становится по сути, скорее, опознавательным знаком в некоторых теоретических моделях культуры, которые «довольно успешно» скрывают «за расплывчатостью концептуальных схем, как свои подлинные истоки, так и действительный смысл своих методологических притязаний».

– Игра и праздник – это регулярно востребованные и функционирующие институты культуры. Поскольку обыгрыванию можно подвергнуть практически все (кроме запрещенного моральными установками), в силу этой природной особенности игровой элемент универсален. Будучи компонентом в структуре праздничной системы, игровая универсальность делает универсальным и праздник.

– Природа игры такова, что позволяет создавать (обновлять) собственные правила и на их основании связывать воедино предметы и явления в обыденной жизни категорически несвязанные. Игра есть «мир в мире», она «корректирует» свойства праздника, усугубляя его «несхватываемость».

– Игра предполагает относительную свободу, что привносит в природу праздника предельно свободное сложномоделируемое поведение. В случае политического праздника с его сферой «серьезного», в действие вводится еще один многослойный компонент «не-игра».

II. Сложности манипулирования процессами социализации и инкультурации приносят дополнительный элемент случайности в развитие праздничного сценария.

III. Зрелищность – фактор, привлекающий и удерживающий публику, добавляет в систему праздника собственные специфические особенности. Незрелость методологии анализа данного феномена, согласно Т. С. Злотниковой [7, с. 699–703], имеет ряд причин: в русской лингвистической традиции зрелище сравнивается, среди прочих, с понятием «случай» (защита от «случайностей» зрелищного требует отдельной подготовки, чтобы страховать мероприятие от непредсказуемого развития событий); типология зрелищ непредставима как целостная система по причине исторической изменчивости социокультурных функций, технологических приемов и структурных особенностей.

IV. На праздничное событие, как нечто значимое по силе влияния на социум, указали Платон и Аристотель. Прошло более 2-х тысячелетий, однако, универсальной модели праздника создать не удалось. И, может быть, сама, столь сложная (отчасти и игровая, и фантазийная, и случайная и пр.) природа праздника это стремление снимает.

V. Праздник – привлекательный инструмент социального управления, выигрышный на фоне технологий устрашения. Некоторые соображения по этому поводу были высказаны мною в ряде статей (а именно: [12; 13] и др.).

VI. Праздничное настроение захватывает участников подобно цепной реакции. Праздник может изменить свою траекторию, выйдя за пределы предположительного реагирования любым из участвующих. Спектр мероприятий при подготовке значителен: сценарий развития праздничной событийности негласно включает в себя стандартизацию воспитания и образования, формирование правового сознания и пр. Но, даже при самой тщательной, продуманной подготовке предсказать развитие праздника сложно.

Полагаю, приведенные аргументы весомы и позволяют утверждать, что на данный момент создать концепцию, управляющую праздником всецело, не представляется возможным. Однако неразгаданность феномена подталкивает к открытию его тайн. Ниже предлагается ряд подходов, которые, по моему мнению, дают «ключи» к скрытым ядровым процессам праздничного явления.

Итак:

– в пределах доступного необходимо выяснить степень взаимовлияния (именно взаимовлияния) праздничного явления и сфер культуры (экономика, образование, наука, политика и пр.), имманентно срачивающихся с его природой;

– привлекая исторический опыт управления праздником [8, с. 59;

9, с. 103–104; 10; 11], определить влияние на развитие праздничного действия со стороны игр и зрелищного;

– принять свободоносную природу праздника и относиться к нему, как к репетиции гармоничных общественных отношений, что делает данный феномен уникальным. Праздник как «площадка будущего» – именно это свойство делает его неуничтожимым и возрождающимся, даже в ситуации серьезных жизненных перемен. На войне, или в период революционных перемен, во времена иных сложных состояний, при любых телесных и душевных потерях, человек находит в себе силы организовывать «пространство радости».

Литература и источники

1. Лаврикова, И. Н. Политический праздник в системе культуры / И. Н. Лаврикова. – 2-е изд., доп. – Тверь : Тверской колледж им. А. Н. Коняева, 2013. – 242 с.
2. Ретюнских, Л. Т. Философия игры / Л. Т. Ретюнских. – М. : Вузовская книга, 2002. – 256 с.
3. Финк, Э. Основные феномены человеческого бытия / Э. Финк // Проблема человека в западной философии / Сост. и послесл. П. С. Гуревича. – М. : Прогресс, 1988. – С. 357–403.
4. Хейзинга, Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня / Й. Хейзинга. – М. : Издательская группа «Прогресс», «Прогресс-Академия», 1992. – 464 с.
5. Чернов, Г. Ю. Социально-массовые явления: исследовательские подходы / Г. Ю. Чернов. – Дубна : Феникс+, 2002. – 208 с.
6. Пигалев, А. И. Игра / А. И. Пигалев // Культурология. Энциклопедия. В 2-х т. / «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН) ; гл. ред. С. Я. Левит. – М., 2007. – Т. 2. – 1184 с.
7. Злотникова, Т. С. Зрелище / Т. С. Злотникова // Культурология. Энциклопедия. В 2-х т. / «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН) ; гл. ред. С. Я. Левит. – М., 2007. – Т. 1. – 1392 с.
8. Луначарский, А. В. Театр и революция / А. В. Луначарский. – М. : Гос. изд-во, 1924. – 484 с.
9. Ленин, В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. / В. И. Ленин. – М. : Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1958–1965. – Т. 11 : Июль – октябрь 1905. – 589 с.
10. Мазаев, А. И. Праздник как социально-художественное явление / А. И. Мазаев. – М. : Наука, 1978. – 392 с.
11. Генкин, Д. М. Массовые праздники / Д. М. Генкин. – М. : «Просвещение», 1975. – 140 с.
12. Лаврикова, И. Н. Жизнь как право на страх? / И. Н. Лаврикова // Среднерусский вестник общественных наук. – 2010. – № 1–2 (14). – С. 15–20.
13. Лаврикова, И. Н. Праздник по Марксу. Очень серьезно / И. Н. Лаврикова // Вестник Московского университета МВД России. – 2010. – № 4. – С. 19–23.

СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ ИННОВАЦИЙ

Е. В. Лу

Синергетика как междисциплинарный метод исследования изучает открытые, сложные, самоорганизующиеся системы, такие как природа, общество, человек. Сложным системам свойственны открытость, многообразие элементов, многоуровневость, эмерджентность, динамичность и др. Современные реалии, в условиях нестабильности малопредсказуемы, поливариантны, способствовали использованию синергетики в анализе социальной сферы. Синергетика или теория самоорганизации дает новое понимание живой и неживой природы, человека, его деятельности, в том числе в гуманитарной и социальной сферах, активно развивается социосинергетика. Современный этап модернизации и вовлеченность в инновационные преобразования во все сферы жизнедеятельности человека и общества демонстрирует, что инновации сложная, открытая, труднопредсказуемая система.

Человек и общество являются сложными системами. В. Н. Тарасевич считает, что инновации, являющимися одним из видов деятельности человека и общества: сверхсложные и преимущественно самоорганизующиеся системы сетевого типа с разветвленной структурой внутренних и внешних взаимодействий [8]. Л. А. Гамидуллаева подчеркивает системный характер инноваций. «Инновации являются результатом сложных взаимодействий между региональными, национальными и глобальными организациями» [3]. Кроме того, им свойственны взаимодействие, сотрудничество. Синергетические межорганизационные инновации могут быть вертикальными синергетическими инновациями [3]. Инновации как сверхсложные, самоорганизующиеся системы рассматривает Тарасевич. Инновационные системы, по мнению автора: нелинейны, стохастичны, самоорганизующиеся [8].

Инновации проникли во все сферы жизнедеятельности человека и общества. В инновационных процессах происходит взаимодействие многих включенных в него составляющих, к примеру открытость внешнему миру, неконтролируемый обмен веществом, энергией и информацией [4]. Это вполне отражает инновационную деятельность, т. к. без их взаимодействия, обмена невозможны инновации. Инновациям свойственны как устойчивость, так и динамичность [9]. Современный мир стал динамичным, во многом благодаря инновациям прочно вошедшие в нашу жизнь, сами инновации последние 100 лет стали динамично развивающимися.

К синергетическим свойствам инновационных систем Л. А. Гамидуллаева относит следующие:

1. в инновационной системе присутствуют аттракторы, образующие области предсказуемости;
2. в инновационной системе возможно резонансное возбуждение;
3. инновационной системе присуще свойство гистерезиса, сопротивление системы новшествам;
4. эмерджентность, как связь межэлементных и межсистемных связей, способствующее согласованности действий;
5. самоорганизация инновационной системы: повышение организованности и снижение неопределенности;
6. сложность и нелинейность инновационной системы затрудняют установлению причинно-следственных связей [2]. Горизонтальные синергетические инновации выражаются во взаимодействии с участниками инновационной деятельности, находящимися в одной плоскости.

Инновации имеют свойство креативности, творчества. Так, М. Л. Мамаджанова отмечает творческий характер синергетики. «Синергетический ландшафт развития научного и творческого процесса в нашей стране в новом направлении, основанный на правильном понимании цели творческой деятельности молодежи, воспитании их как саморазвивающихся творческих личностей, творческом сотрудничестве, партнерстве, соавторстве, взаимной творческой организации, регулировании отношений, творческие способности, знания и умения молодежи, взаимный обмен опытом – необходимо уделять внимание созданию условий, формирующих их отношение к миру научных новостей, приобретению творческого смысла рождающихся идей, регулярному самовыражению творческого процесса и приданию научному творчеству социальной значимости» [6].

В современной литературе, посвященной проблеме синергетики многие ученые отождествляют понятия синергизм и эмерджентность, понимая их как взаимовлияние объединенных частей. Так, например, Т. А. Акимова отождествляет оба понятия [1]. Эта научная позиция созвучна с мнением Ю. В. Коречкова и О. В. Джигоева [5].

Иную точку зрения отстаивают А. С. Муратов и И. П. Поварович, утверждая, что оба понятия не могут быть синонимами: «а) эти понятия тождественны и взаимодополняемы в определенных условиях быть не могут, иначе одного из них просто не существовало бы; б) не может закон синергии, даже в рыночных условиях, быть единственным основным законом функционирования и развития предприятий, фирм, корпораций и т. д., поскольку любое развитие подразумевают и определенные ограничения» [7]. Под эмерджентностью, авторы понимают возникновение новых высших качеств в сложных системах под воздействием внешних факторов. А главным отличием является воздействие: синергизм формируется под воздействие внутренних (эндогенных) факторов, а эмерджентность – внешних (экзогенных) факторов. Эмерджентность это

изменения, происходящие в социально-экономических системах, в то время как в биологических системах подобные изменения называются изменчивостью.

Краткое резюме. Таким образом, инновации, инноваторы, инновационная деятельность являются сложноогранизованными и самоорганизующимися системами, которые характеризуются созданием или внедрением нового. Преобразуя окружающий мир, человек, преобразует себя и свое сознание, а преобразование возможно лишь с появлением новых идей и целей, знаний и открытий, инноваций и инновационной деятельности. В синергетике появление нового наделяют свойствам эмерджентности, синергии и (или) синергизму. В эпоху стремительных и кардинальных перемен в различных сферах общества, в условиях интенсивного развития высоких технологий, модернизации, инноваций необходимо учесть и проблемы социального характера. Как междисциплинарная и даже транснациональная наука, синергетика способна сформировать платформу для гуманитарно-технологической революции (цифровое общество, цифровая экономика, искусственный интеллект, биокомпьютеры).

Литература и источники

1. Акимова, Т. А. Теория организации : уч. пос. для вузов / Т. А. Акимова. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 367 с.
2. Балобан, В. А. Синергия: сферы проявления и источники получения / В. А. Балобан // Вестник ТГЭУ. – 2006. – № 3. – С. 90–98.
3. Гамидуллаева, Л. А. От Шумпетерианской теории созидательного разрушения к синергетической парадигме инноваций / Л. А. Гамидуллаева // Журнал экономической теории. – 2019. – Т. 16, № 3. – С. 499.
4. Лисичкина, Н. В. Синергетика как способ решения проблемы прогнозирования динамики развития сложных социально-экономических систем / Н. В. Лисичкина, Ю. Г. Голоктионова // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 7. – С. 415.
5. Коречков, Ю. В. Синергетический эффект интеграционных процессов и мультипликация инвестиций в интегрированных организациях / Ю. В. Коречков, О. В. Джиоев // Интернет-журнал Науковедение. – 2015. – Т. 7, № 2. – С. 4.
6. Mamadjonova, M. Q. The role of synergic ideas in improving the scientific creative process / M. Q. Mamadjonova // European Journal of Humanities and Educational Advancements (EJHEA). – Vol. 4, № 9. – P. 41–42.
7. Муратов, А. С. Синергизм и эмерджентность: генезис их гармонизации в экономике и управлении / А. С. Муратов, И. П. Поварович // Вестник КемГУ. – 2012. – № 1 (49). – С. 271– 275.
8. Тарасевич, В. Н. О синергетико-сетевой природе инноваций / В. Н. Тарасевич // Перспективы инновационного развития Республики Беларусь : сборник научных статей Международной научно-практической конференции (к 30-летию кафедры экономической теории), Брест, 23 октября 2009 г. / Министерство

образования Республики Беларусь, Брестский государственный технический университет, Кафедра экономической теории, Брестский областной исполнительный комитет ; редкол. : П. С. Пойта [и др.]. – Брест : БрГТУ, 2009. – С. 35–42.

9. Tulenova, K. Synergetic Paradigm In The Study Of Social Processes / K. Tulenova, E. G. Numonovna, M. M. Kurbonazarovna, M. U. Kurbonovich, N. M. Zhuraboevich // Journal of Pharmaceutical Negative Results. – 2022. – P. 1743–1747.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАГМАТИЧЕСКИХ ПРЕСУППОЗИЦИЙ В СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЕ БЕЛАРУСИ И КИТАЯ

Ли Исюань

Социальная реклама, являясь уникальной формой языковой коммуникации, представляет особый интерес с точки зрения способов языкового выражения. Прагматическая пресуппозиция играет ключевую роль в достижении персуазивного эффекта, что делает ее важной темой для анализа в текстах социальной рекламы. В данной статье проводится сравнительный анализ прагматических пресуппозиций в социальной рекламе Беларуси и Китая, рассматриваются сходства и различия в их применении, что призвано способствовать разработке и распространению социальной рекламы в межкультурной среде.

Прагматическая пресуппозиция представляет собой предпосылки, установленные говорящим в определенном контексте для обеспечения эффективного общения, включая предположение о том, что информация уже известна слушателю [1, с. 133]. Хэ Цзыжань определяет ее как «информацию, которая, по мнению говорящего, уже известна слушателю» [2, с. 123]. В статье, основываясь на классификациях прагматической пресуппозиции, предложенных Чэнь Синьжэнем, Вэй Цзайцзяном, Цзэн Бихао и другими учеными, а также с точки зрения теорий прагматической адаптации и контекстной прагматики, прагматические пресуппозиции в текстах социальной рекламы Беларуси и Китая разделяются на пять типов: фактические, убеждения, состояния, эмоциональные и культурные пресуппозиции [3; 4; 5].

Фактическая пресуппозиция в социальной рекламе основывается на объективных фактах, которые служат предпосылкой для обоснования содержания. Например, белорусский слоган «Равнодушие убивает» предполагает существование трагедий из-за безразличия, а китайский слоган «Заботьтесь о детях, оставленных родителями-мигрантами» исходит из проблемы нехватки заботы о детях мигрантов. Оба примера демонстрируют использование фактической пресуппозиции для привлечения внимания общества к социальным проблемам.

Пресуппозиция убеждения и пресуппозиция состояния также играют важную роль. Убеждения, как в белорусском слогане «Я люблю Беларусь!» или китайском «Ты совсем не крут, когда куришь!», предполагают общественные установки для изменения поведения. Пресуппозиция состояния, напротив, акцентирует на необходимости изменения текущего положения, как в белорусской рекламе против курения или в китайском призыве сортировать мусор, побуждая аудиторию к конкретным действиям для достижения желаемого результата.

Эмоциональная пресуппозиция направлена на пробуждение у аудитории особых эмоциональных переживаний. Например, белорусская социальная реклама «Чтобы взять животное из приюта, нужно иметь сердце! Чтобы купить – деньги» умело использует контраст, предполагая человеческую доброту и сочувствие. Китайская социальная реклама «Папа, я хочу быстрее вырасти и стать вашей опорой» предполагает величие отцовской любви с точки зрения ребенка. Обе рекламы начинаются с эмоций, вызывая сопереживание аудитории, что отражает важную ценность эмоциональной пресуппозиции в создании социальной рекламы.

Культурная пресуппозиция основывается на специфическом культурном контексте. Белорусская социальная реклама «Чытайце па-беларуску!» предполагает культурное сознание белорусского народа по продвижению использования национального языка. Китайская социальная реклама «Страна – основа семьи, сильная страна – гарантия семьи» умело использует культурные коннотации «страны» и «семьи», предполагая культурную концепцию «единства страны и семьи». Обе рекламы используют глубоко укоренившиеся ценностные представления в культуре своего народа для создания пресуппозиции, тем самым усиливая культурную идентификацию рекламы. Таким образом, видна уникальная роль культурной пресуппозиции в межкультурном распространении социальной рекламы.

Путем анализа и сравнения в данной статье обобщены четыре основные характеристики прагматической пресуппозиции в текстах белорусской социальной рекламы: однонаправленность, субъективность, взаимность знания и уместность. Прагматическая пресуппозиция обладает однонаправленностью, то есть существует только по отношению к говорящему до того, как она обработана слушателем, что позволяет создателю рекламы гибко устанавливать содержание пресуппозиции [3, с. 55]. Прагматическая пресуппозиция содержит субъективное суждение создателя, отражая характеристики субъективности. Взаимность знания прагматической пресуппозиции означает, что предполагаемая информация является общей для обеих сторон общения, и только при наличии взаимности знания аудитория может точно понять глубокий смысл рекламного слогана. Прагматическая пресуппозиция также должна

соответствовать определенному контексту, то есть обладать уместностью. Белорусская социальная реклама может вызвать отклик у аудитории только в том случае, если она соответствует ее социально-культурному контексту. Использование прагматической пресуппозиции в китайских рекламных слоганах также демонстрирует вышеупомянутые характеристики.

Подводя итог, можно сказать, что и белорусские, и китайские рекламные слоганы используют прагматическую пресуппозицию как прагматическую стратегию для усиления убедительности и эмоционального воздействия рекламы, но при выборе содержания пресуппозиции отражают свои уникальные культурные пути. Этот результат исследования дает новое направление для эффективного создания и распространения социальной рекламы в межкультурном контексте: с одной стороны, язык социальной рекламы должен следовать общим законам прагматической пресуппозиции, гибко устанавливать пресуппозиции, повышать узнаваемость информации и культурную идентификацию аудитории; с другой стороны, необходимо основываться на местной культурной почве, раскрывать культурные ресурсы, которые могут вызвать отклик у отечественной аудитории, чтобы усилить культурную направленность языка социальной рекламы. Только на основе следования теории прагматической пресуппозиции и полного учета и использования культурных различий социальная реклама может лучше достичь цели распространения.

Работа выполнена при поддержке ФФИ в рамках научного проекта № К-014-001БА.

Литература и источники

1. Хэ Цзыжань. Введение в прагматику / Хэ Цзыжань. – Чанша : Хунаньское образовательное издательство, 1988. – 208 с.
2. Чэнь Синьжэнь. О прагматической пресуппозиции в рекламном языке / Чэнь Синьжэнь // Иностранные языки (Вестник Шанхайского университета иностранных языков). – 1998. – № 5. – С. 54–57.
3. Цзэн Бихао. Исследование пресуппозиции в китайских и английских рекламных текстах : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Цзэн Бихао. – Шанхай, 2012. – 210 л.
4. Хэ Чжаосюн. Новое введение в прагматику / Хэ Чжаосюн. – Шанхай : Шанхайское издательство иностранных языков, 1999. – 280 с.
5. Вэй Цзайцзян. Когнитивный анализ субъективности прагматической пресуппозиции / Вэй Цзайцзян // Вестник Института иностранных языков НОАК. – 2011. – Т. 34, № 5. – С. 13–16.

СИНТЕЗ ТРАДИЦИОННЫХ И ИННОВАЦИОННЫХ МЕТОДОВ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БИОТЕХНОЛОГИИ

А. О. Логвина

Биотехнология оперирует живыми организмами или их компонентами для производства продуктов, которые приносят пользу человечеству. Глобальный рынок биотехнологий вырос за последние несколько лет, чему способствовало увеличение финансирования исследований и правительственные инициативы по регулированию рынка использования продуктов биотехнологии.

Экологическая биотехнология изучает возможности внедрения в природную среду биотехнологических инструментов для решения экологических проблем. Эта область подразумевает использование живых организмов, таких как микроорганизмы и растения, для поддержания и улучшения окружающей среды. Это междисциплинарное сочетание биологии, химии и инженерии. Основные принципы экологической биотехнологии включают понимание экосистемных функций микроорганизмов, роли генетического материала и биохимических процессов, ответственных за преобразования окружающей среды.

Экологическая биотехнология обычно применяется для очистки загрязнений, например, с использованием методов биоаугментации, биостимуляции и биоремедиации. Она также имеет важные сферы применения в сельском хозяйстве, такие как разработка устойчивых к вредителям и болезням генетически модифицированных культур и использование биоудобрений.

При проведении исследований в рамках экологической биотехнологии, как и при разработке технологий, решающих задачи экологии, важно знать основные объекты, которые в ней задействованы. Эта область основана на взаимодействии нескольких принципов: использование микроорганизмов; знание геномики и использование генетического материала; применение биохимических процессов, ответственных за преобразования в окружающей среде.

Значительная часть экологической биотехнологии – это биоинформатика, дисциплина, которая фокусируется на применении компьютерных наук и информационных технологий в области биологии и медицины. Она включает в себя вычислительный анализ геномов, структур белков и моделирование биологических систем. Кроме того, экологическая биотехнология построена на основе научных исследований, математического анализа и практического опыта применения моделей.

Важно отметить, что все принципы в экологической биотехнологии взаимосвязаны. Эти связи приводят к сложной сети взаимодействий, которые не только рассказывают, как функционирует экосистема, но и как

ею можно манипулировать или помогать ей с помощью биотехнологических вмешательств. Экологическая биотехнология предлагает множество приложений, от очистки загрязнений до инноваций в сельскохозяйственной практике. Она решает важную задачу баланса между технологическим прогрессом и экологической устойчивостью [1; 3].

В 2012 г. был разработан цветовой код для обозначения основных областей биотехнологии, позволивший наглядно их дифференцировать: белый (промышленный), зеленый (сельскохозяйственный), синий (морской и пресноводный), красный (фармацевтический), коричневый (пустынная биотехнология), фиолетовый (патенты и изобретения). Относительно недавно появилась биотехнология насекомых – развивающаяся область прикладной энтомологии, которая охватывает использование насекомых для создания лекарств, она была обозначена желтым цветом [2].

К экологической биотехнологии имеют отношение два основных направления: зеленая биотехнология и белая биотехнология.

Зеленая биотехнология фокусируется на сельском хозяйстве и разработке способов повышения урожайности сельскохозяйственных культур и устойчивости к вредителям. Она направлена на снижение зависимости сельского хозяйства от механических и химических инноваций за счет использования менее агрессивных по отношению к окружающей среде методов, а также за счет содействия появлению более качественных продуктов питания, повышению производительности и снижению производственных затрат. Среди отраслей зеленой биотехнологии можно выделить разработку трансгенных и генетически модифицированных организмов, производство электроэнергии и предотвращение загрязнения окружающей среды путем производства биополимеров из возобновляемых ресурсов и т. д.

Белая – или промышленная – биотехнология предлагает наиболее многообещающие подходы к предотвращению загрязнения, сохранению ресурсов и снижению затрат. Она обеспечивает ценные компоненты для пищевой, фармацевтической и сельскохозяйственной отраслей, а также других отраслей промышленности. Многие компании и бренды осознают продолжающуюся тенденцию к защите окружающей среды и предпринимают шаги по обеспечению устойчивого развития. Одним из таких усилий является то, что различные потребители из отраслей, включая автомобилестроение и производство потребительских товаров, сосредотачивают внимание на белой биотехнологии для достижения целей устойчивого развития и увеличения продаж.

Ключевое применение экологической биотехнологии заключается в ее потенциале для очистки от загрязнений. Используя биоаугментацию и биостимуляцию, эта дисциплина ускоряет определенные процессы в природе для противодействия загрязнителям. Биоаугментация подразумевает введение определенных штаммов бактерий, способных

разлагать загрязняющие вещества, в то время как биостимуляция увеличивает существующие популяции микроорганизмов, обеспечивая их питательными веществами. Биоремедиация, подвид экологической биотехнологии, использует организмы для нейтрализации или удаления загрязнений из загрязненной области.

В сельском хозяйстве экологическая биотехнология вносит значительный вклад в устойчивые методы ведения сельского хозяйства. Она помогает разрабатывать сорта сельскохозяйственных культур, устойчивые к вредителям, болезням и факторам экологического стресса. Процесс включает манипуляцию ДНК организма, часто с помощью генной инженерии, для выведения желаемых признаков.

Одной из популярных практик является использование генетически модифицированных культур. С помощью биоинженерии можно модифицировать культуры, чтобы они демонстрировали полезные характеристики, такие как устойчивость к насекомым, повышенная питательная ценность или улучшенный вкус.

Другим применением в сельском хозяйстве является использование микроорганизмов для создания биоудобрений. Эти удобрения выступают в качестве устойчивой альтернативы химическим удобрениям, способствуя плодородию почвы и росту урожая, при этом минимизируя воздействие на окружающую среду.

Экологическая биотехнология использует широкий спектр методов: от традиционных, которые применяются уже несколько лет, до более передовых современных методов, использующих новейшие научные исследования и технологии. Традиционные методы в области экологической биотехнологии в основном вращаются вокруг процессов биологической обработки для управления отходами. Это были некоторые из самых ранних применений микробиологии для решения экологических проблем, и они остаются важнейшими инструментами и сегодня.

Распространенным традиционным методом восстановления окружающей среды является использование активированного ила. Этот процесс включает аэрацию сточных вод, населенных микроорганизмами, которые расщепляют органические загрязнения на биоразлагаемые отходы. Это процесс, который эффективно превращает вредные отходы в то, что безопасно для возвращения обратно в окружающую среду. Компостирование – еще один классический метод, используемый в экологической биотехнологии. Также нужно упомянуть процесс обработки земли, который включает прямое внесение отходов на поверхность почвы и позволяет происходить естественным биологическим процессам деградации. Этот метод обычно применяется для обработки отходов нефтеперерабатывающих заводов и других опасных материалов на основе углеводов.

Современные достижения в области науки и техники позволили

использовать новые методы в области экологической биотехнологии, которые расширяют границы наших возможностей, особенно в области генной инженерии и биоинформатики. Такие методы позволяют проводить более эффективные и целенаправленные вмешательства, часто с потенциалом для большей масштабируемости и универсальности.

Один из методов, который выделяется как отчетливо современный, – это использование синтетической биологии в сфере экологии. Это включает в себя проектирование и создание новых биологических частей или систем или перепроектирование существующих для полезных целей. С помощью этой техники можно адаптировать микробные штаммы с улучшенными возможностями по разложению загрязняющих веществ или производству биотоплива.

Другая передовая технология включает использование биоинформатики – использование программных инструментов для понимания биологических данных. Биоинформатика играет ключевую роль в экологической биотехнологии, помогая в таких задачах, как секвенирование генома, картирование генов, отслеживание эволюции генома и прогнозирование молекулярных взаимодействий в экологической системе.

Одним из важных аспектов экологической биотехнологии является способность объединять различные методы для более эффективных и действенных экологических решений, что позволяет объединить сильные стороны традиционных и передовых методов в синергетической манере, обеспечивая гибкий, адаптивный подход к решению экологических проблем. Примером этого может быть сочетание биоаугментации и биостимуляции. Это может быть выгодно объединено с биостимуляцией, традиционной техникой, где существующая популяция микробов стимулируется для повышения их производительности в процессах разложения.

В экологической биотехнологии отсутствуют универсальные методы. Экологические проблемы сильно различаются по своей природе и масштабу, поэтому гибкий набор методов является ключевым фактором для разработки соответствующих инструментов.

Таким образом, быстрый рост населения увеличил спрос на продукты питания, энергию, топливо, лекарства и различные материалы (пластик, ткани, бумагу и чернила). Для удовлетворения этого спроса сельское хозяйство имеет основополагающее значение в обеспечении значительной части сырья, используемого промышленностью. Зеленая биотехнология может внести положительный вклад в увеличение поставок продуктов первой необходимости, повышение качества и безопасности и снижение воздействия на окружающую среду. Она действует путем создания более качественного сырья, более устойчивого к атакам вредителей и обеспечивает более высокие урожаи, с лучшим качеством и

значительно увеличенным производством, а также сокращением времени и затрат на эксплуатацию и другие характеристики.

Белая биотехнология фокусируется на производстве и переработке химикатов, материалов и энергии с использованием живых клеток, таких как дрожжи, грибы, бактерии, растения и ферменты, для промышленного синтеза продуктов. Она стремится снизить воздействие на окружающую среду, переходя от нефтяных к устойчивым процессам. По оценкам, использование промышленной биотехнологии может привести к сокращению выбросов углекислого газа, потребления энергии и потребления воды.

Как видно, белая биотехнология представляет собой важную область биотехнологии, которая стремится достичь устойчивого развития с помощью новых технологий, снижая воздействие на окружающую среду и обеспечивая максимальную эффективность и результативность для различных промышленных процессов. Общее производство некоторых соединений уже происходит с помощью биотехнологических процессов в промышленных масштабах, таких как некоторые витамины и простые химические соединения, представляя преимущества, такие как предотвращение токсичных отходов и экономия энергии, открывая множество прецедентов для будущего устойчивой промышленности [1; 3].

Таким образом, биотехнология предоставляет различные инструменты для решения задач экологии, что позволяет выделить экологическую биотехнологию как самостоятельную отрасль биотехнологии, сочетающую в себе классические и инновационные подходы.

Литература и источники

1. Forcella, F. Ecological Biotechnology / F. Forcella // Bulletin of the Ecological Society of America. – 1984. – Vol. 65 (4). – P. 434–436.
2. Kafarski, P. Rainbow code of biotechnology / P. Kafarski // Chemik. – 2012. – Vol. 66. – P. 814–816.
3. McMahon, K. D. Integrating ecology into biotechnology / K. D. McMahon, H. G. Martin, P. Hugenholtz // Current Opinion in Biotechnology. – 2007. – Vol. 18 (3). – P. 287–292.

НАУЧНАЯ КАРТИНА ИССЛЕДУЕМОЙ РЕАЛЬНОСТИ КАК ФОРМА ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОГО СИНТЕЗА ЗНАНИЙ

В. К. Лукашевич

Трансдисциплинарный синтез знаний предполагает построение когнитивных конструкций, во-первых, ассимилирующих содержание сведений, накопленных в определенной группе наук, во-вторых, задающих

схемы дальнейших познавательных действий в данной области исследований. Его исторически исходными формами были философские категории и принципы, обеспечивающие основные способы фрагментации и синтеза исследуемой реальности. В течение длительного периода времени эти функции достаточно успешно выполняли принципы и категории диалектики, несмотря на непрекращающееся противостояние ей метафизического и эклектического подходов, а также явной недостаточности диалектики в стимулировании генезиса таких продуктивных подходов, как общая теория систем, факторный, структурно-функциональный и информационный подходы.

Необходимость в поиске новых форм дисциплинарного синтеза знаний возникла в связи с вовлечением в сферу познавательных действий объектов и процессов, для выражения специфики которых наиболее общие диалектические схемы мышления при всей их мировоззренческой основательности оказались недостаточными. В частности, потребовались более конкретные представления о носителях для диалектических отношений и процессов, их свойствах, интерактивных способностях и механизмах их реализации в контексте определенных пространственно-временных параметров исследуемой реальности. Формой выражения этих представлений выступило содержание научной картины исследуемой реальности, как одной из компонентов философских оснований научного поиска, синтезирующего данные конкретных научных дисциплин. Ее содержание, как известно из работ В. С. Степина и его последователей, выражено в трех типах представлений: 1) о фундаментальных объектах из которых состоит исследуемая реальность, 2) о типологии изучаемых объектов, 3) о наиболее общих закономерностях их взаимосвязей и причинно-следственных взаимодействий, 4) о пространственно-временной структуре исследуемой реальности [1, с. 56–97; 2, с. 188–231].

Современная динамика названной формы, прошедшей эволюцию от механистической картины мира и исследуемой реальности до синергетической может быть отмечена соответственно типам выделенных представлений следующими особенностями, фиксируемыми в освоенном и проблемном планах. Прежде всего, расширением диапазона свойств фундаментальных объектов. Это уже не просто материальная точка как в механистической картине мира, взаимодействующая с другими телами, согласно законам механики, а материальное образование, в своем генезисе наделенное свойствами более высоких форм организации – внутренней активностью, элементами сознания и воли. На такого рода позициях стояли представители холистических концепций, некоторых направлений разработки сильного искусственного интеллекта, современных версий монадологии [3; 4; 5]. Динамикой этого элемента научной картины мира ныне фактически определяются характеристики его других элементов: типология исследуемых объектов определяется спецификой его

интерактивных способностей (квантовые образования задают структуру макро- и мегаобъектов, содержание генов детерминирует специфику генома, определяющего количество и особенности групп живых организмов), особенности связей и взаимодействий также детерминируются внутренней структурой и внутренней активностью элементарных объектов, этим же определяются и особенности пространственно-временной структуры реальности.

Насколько перспективна обновленная картина мира (и, соответственно, исследуемой реальности), покажут события, связанные с дисциплинарными исследованиями и практическими применениями их результатов. В этой связи мы обращаем внимание на отсутствие представленности в третьем элементе научной картины исследуемой реальности сведений о резонансных взаимодействиях, специфика которых существенно влияет на состояние и динамику объектов и процессов. Механизмы и масштабы этого влияния предстоит выявить.

Также нельзя не обратить внимание на интенсивное использование в качестве синтезирующего механизма дисциплинарных данных, антропоразмерных и социокультурноразмерных представлений (активность, избирательность, сознание, воля и др.). Все это воспроизводит определенные натурфилософские и даже религиозно-мифологическим походы, но вместе с тем дает основания для умеренного гносеологического оптимизма на пути к новому «неизвестному берегу».

Литература и источники

1. Степин, В. С. Становление научной теории / В. С. Степин. – Минск : Издательство БГУ, 1966. – 319 с.
2. Степин, В. С. Теоретическое знание: структура историческая эволюция / В. С. Степин. – М. : «Прогресс-Традиция», 2000. – 743 с.
3. Уилбер, К. Интегральная психология: Сознание, Дух, Психология, Терапия / К. Уилбер. – М. : АСТ, 2004. – 412 с.
4. Wilber, K. The Integral Vision: a Very Short Introduction to the Revolutionary Integral Approach to Life, God, the Universe and Everything / K. Wilber. – 2007. – 224 p.
5. Спасков, А. Н. В поисках онтологического единства материи и сознания / А. Н. Спасков // Философские исследования. – Минск : Беларуская навука, 2023. – Вып. 10. – С. 154–166.

APPROACHES TO EVALUATING THE ACADEMIC PERFORMANCE OF ENGLISH-SPEAKING FOREIGN STUDENTS AT UNIVERSITIES OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN

Sukhrob Bakhtiyor Ugli Mukhamadiev

The relevance of the article is driven by the growing need to develop effective approaches for assessing the knowledge and academic performance of English-speaking foreign students in higher education institutions in the Republic of Uzbekistan. Globalization and international academic mobility have led to an increase in the number of English-speaking students seeking education in Uzbekistan. The country's educational institutions offer various programs in English, attracting foreign students who wish to develop their academic and professional skills in the context of an expanding international economy.

However, traditional assessment methods are not always adapted to the specific needs of English-speaking international students, which can result in subjective evaluations of their academic achievements. Educational institutions must develop and implement assessment approaches that consider the linguistic and cultural characteristics of foreign students. This will ensure objective and fair evaluations of their knowledge and skills, while also supporting their academic integration and motivation to learn.

Adapted assessment methods can address language barriers, teaching and material comprehension characteristics, and help students integrate more effectively into the academic environment. This will allow higher education institutions in the Republic of Uzbekistan to not only improve the quality of education provided, but also create favorable conditions for international students, thereby enhancing the country's international reputation.

The internationalization of higher education has become a global trend that includes two aspects: external academic mobility and internal transformation of curricula and extracurricular activities to develop intercultural communication skills and understanding of global challenges [4]. It provides many countries with an opportunity to modernize higher education systems by aligning them with contemporary labor market demands and preparing qualified professionals. However, this process requires significant time and effort from governments, universities, and their staff. For countries with limited resources, one of the most effective ways to internationalize is by attracting foreign universities and fostering cooperation through branches, joint faculties, and educational programs.

Since 1995, Uzbekistan has demonstrated consistent economic growth, enhancing the purchasing power of its population. This has led to increased investments by citizens in their children's education. After a period of decline between 1998 and 2009, the number of children and young people began to grow again, surpassing 10 million in 2021 [2]. The demand for education at all

levels is also rising. Until the 2016–2017 period, higher education in Uzbekistan remained predominantly elitist and expensive, failing to meet the country's modern developmental needs.

With the election of the new president, Shavkat Mirziyoyev, in 2016, reforms were introduced in the higher education system aimed at modernization, expanding access, improving quality, internationalization, and increasing opportunities for citizens to pursue higher education abroad [3].

From 2016 to 2022, the number of higher education institutions in the country increased from 77 to 189 [4], while the number of students doubled: from 274,500 in the 2010/2011 academic year to 571,500 in the 2020/2021 academic year, exceeding 1,000,000 in the 2022/2023 period [5]. According to UNESCO estimates, about 86,000 Uzbek citizens studied abroad in 2020. Key destinations for Uzbek students include Kyrgyzstan, Tajikistan, Russia, Kazakhstan, South Korea, Turkey, and Belarus.

There are still relatively few foreign students in Uzbekistan's universities, totaling about 4,200 (0.73% of the total student population). More than half of them are citizens of Turkmenistan, while the rest are from other countries, including English-speaking students [6].

Despite this, Uzbekistan plans to become a regional hub for international educational programs in Central Asia and increase the proportion of foreign students to 15% by 2030 [7].

Modern university educators are compelled to adapt to transformations in the educational process, where new forms of learning, such as in-person, distance, and hybrid formats, emerge. Despite these changes, the priorities remain focused on student learning, engagement, and choice in the educational process. The primary task of the instructor is to identify student needs and issues and make every effort to unlock their potential. Key guidelines in this context include fostering a supportive atmosphere, considering the unique psychological characteristics of each student, and clearly defining educational goals [1; 10].

One of the priority tasks is the accurate monitoring and assessment of students learning a foreign language. To improve the quality of instruction, it's crucial not only to establish a positive environment but also to ensure an objective approach to evaluating students, allowing for an assessment of their material comprehension level and developing strategies for adjustment. Traditional assessment methods require revision since the standards for education and, particularly, for foreign language instruction, are continuously evolving.

Some authors highlight the importance of authentic assessment as an effective tool for motivating students to learn foreign languages [2]. For instance, researchers from Orenburg State University, including N. I. Speranskaya, believe that the multifaceted nature of evaluating university students' knowledge requires a more detailed examination of the subject. This would allow for the systematization of existing and widely practiced forms and

methods of assessment, identifying the most effective for various educational approaches [3].

Determining the optimal assessment approach that motivates students while providing the most accurate results is a complex task. One suggested method involves moving away from testing as the primary assessment tool. However, critics of this idea note that creating quality tests requires lengthy and labor-intensive efforts. Additionally, an element of chance is always present in any testing, which can distort the results and complicate the assessment of students' non-standard thinking. General grades that instructors assign for accountability purposes also have their pros and cons. They aim to determine students' mastery of the material, but even this approach requires constant adjustment due to the subjectivity of general grades.

This raises the question: How can diverse assessment technologies be implemented while ensuring the significance of the results and simultaneously expanding opportunities for students?

The study utilized data on English-speaking foreign students studying at higher education institutions in the Republic of Uzbekistan. The primary sources of information were exam results, tests, and other forms of student performance assessment, as well as surveys and interviews with instructors responsible for developing and implementing assessment methods. Additionally, curricula and criteria used to evaluate foreign students in various faculties were reviewed.

This article examines methods for higher education instructors to adapt to changes in the educational process, specifically to new learning models: in-person, distance, and hybrid. The main focus is on how to engage students in the learning process and ensure their active participation in assessment. For this purpose, the study analyzes the creation of a favorable learning environment and considers each student's psychological characteristics.

One of the priority tasks is the accurate assessment of the knowledge of students studying foreign languages. Educators must not only create a positive environment but also implement effective assessment methods that allow them to gauge students' comprehension of the material and adjust the learning process promptly. Traditional assessment methods were examined to determine their compliance with modern foreign language learning requirements.

The study emphasizes authentic assessment as an essential tool for motivating students to learn foreign languages. The analysis was conducted following recommendations from researchers at Orenburg State University, who emphasize the need to systematize existing forms and assessment methods to identify the most effective approaches within various educational frameworks.

To determine the optimal assessment method, various ways for students to participate in the process of selecting the means of verifying their knowledge were studied. Alternative assessment methods, such as project presentations, detailed projects analyzing difficulties in mastering new vocabulary, and conducting lessons on specific topics to teach fellow students, have been

proposed. These methods ensure a deeper understanding of the material and promote engagement in the learning process.

Thus, the study aims to implement assessment based on students' independent activities. Regular extracurricular meetings are held to check the status of projects and identify difficulties that may require adjustments. This assessment method evaluates students' creative potential, encouraging them to think outside the box and independently seek solutions. It helps foster teamwork skills and accountability for their own education.

The study examined approaches to evaluating the academic performance of English-speaking foreign students in higher education institutions in the Republic of Uzbekistan, as well as the characteristics of the educational environment and the specific needs of this student category.

It was found that English-speaking foreign students demonstrated a deeper understanding of the material and improved skills when alternative assessment methods were used. For instance, in preparing presentation projects on the topic «Technical Terms in Intercultural Communication» 85% of students showed improvement in their ability to search for and structure information. The use of essays allowed for an evaluation of their critical thinking and analytical writing abilities. In particular, student papers on «Global Challenges in Engineering Education» showed their ability to systematize and apply theoretical knowledge within the context of current events.

Group Projects and Collaborative Learning: Group projects promote the integration of foreign students into the educational environment. For instance, working on a joint research project titled «Developing Innovative English Teaching Methods for Technical Specialties» allowed students to develop cooperation skills, creative thinking, and practical problem-solving abilities. About 70% of participants reported increased confidence in using English to discuss academic topics, as well as a growing interest in new learning methods.

Authentic Assessment: Authentic assessment methods have proven to be effective. For example, simulating business negotiations helped assess oral communication and adaptability skills. About 90% of students showed the ability to analyze opponents' arguments and formulate their own position. Additionally, the case study on «Project Management in a Global Environment» demonstrated students' ability to apply linguistic and analytical skills to solve complex problems in uncertain conditions.

Role of the Instructor: Instructors noted that flexible assessment methods, such as portfolio development and the use of situational tasks, provide a better understanding of students' preparedness. For instance, portfolios of semester projects submitted by students majoring in «International Business» made it possible to evaluate their practical negotiation skills and ability to develop strategies. Instructors emphasized the importance of combining these methods with traditional testing forms to comprehensively assess academic and professional competencies.

Motivation and Engagement: Allowing students to choose their assessment methods significantly increases their interest in learning. A survey revealed that about 80% of students prefer a combined approach, where traditional tests are supplemented with presentations, projects, and essays. This approach helped identify individual student interests and develop flexible programs that better align with their career plans, increasing their enthusiasm for studying and enabling them to demonstrate their knowledge more effectively.

The study results confirm the need for flexible and personalized assessment approaches for English-speaking foreign students in Uzbekistan's higher education institutions. Combining traditional methods with project-based and practical activities contributes to a more accurate evaluation of students' academic success and potential while improving their integration into the educational process.

Despite significant progress, some challenges remain due to limited resources and the need for continuous instructor training in new methods. An important step in further developing the assessment system is implementing professional development programs for educators so they can adapt their methods to the needs of students from different countries.

The application of new technologies in assessment, such as online testing, portfolios, and simulations, can increase the efficiency of the learning process. Developing adapted assessment systems will not only improve students' academic performance but also prepare them for successful professional careers.

The study confirmed that traditional assessment methods are not always adapted to the linguistic and cultural characteristics of non-native students. Therefore, educational institutions need to implement tailored approaches that fairly and objectively assess the knowledge and skills of these students while supporting their academic motivation and integration into the educational process.

The modernization of the higher education system in Uzbekistan has expanded learning opportunities and attracted more students. Between 2016 and 2022, the number of higher education institutions in the country grew from 77 to 189, and the number of students tripled, exceeding 1,000,000 in the 2022/2023 academic year. Although the number of foreign students remains relatively small, Uzbekistan aims to become a regional hub for international educational programs and increase their share to 15% by 2030.

The study showed that students better demonstrate their knowledge when they are involved in selecting assessment methods. Alternative approaches, such as project work, essays, presentations, and simulations, reveal students' potential and stimulate their self-discovery and creative thinking. Instructors observed that the flexible combination of these methods with traditional tests provides a comprehensive view of students' academic abilities.

Despite progress, challenges remain due to limited resources and the need to upskill educators. Integrating new technologies, such as online testing and

portfolios, can significantly improve the learning process. Adapted assessment systems will improve student performance and assist in their professional development.

Implementing flexible and individualized assessment methods combined with modern technologies and professional development programs for educators will enable Uzbekistan's higher education institutions to strengthen their assessment system and prepare English-speaking foreign students for successful academic and professional careers.

References

1. Sputnik Uzbekistan [Electronic resource] // Branches of seven Russian universities will open in Uzbekistan. – Mode of access: <https://uz.sputniknews.ru/20220330/rossiyskoe-obrazovanie-v-uzbekistane-filialy-kakix-vuzov-deystvuyut-v-strane-23659164.html>. – Date of access: 10.05.2024.
2. Sharda University Uzbekistan [Electronic resource] // Course Fee. – Mode of access: <https://www.shardauniversity.uz/course-fee>. – Date of access: 07.05.2024.
3. Samarkand Branch of the RSUFCST [Electronic resource] // Excerpt from the speech of the Minister of Higher and Secondary Specialized Education of the Republic of Uzbekistan, Abdukodir Toshkulov. – Mode of access: <https://t.me/uzsportedu>. – Date of access: 06.05.2024.
4. Fet, E. P. On the control of knowledge in the preparation of modern specialists based on the concept of the ISO 9000 standard requirements / E. P. Fet, A. D. Kharlamov, I. V. Grishko // WKU Scientific Library [Electronic resource]. – Mode of access: <http://library.wksu.kz/dmdocuments/Фет.pdf>. – Date of access: 01.11.2016.
5. UNESCO UIS [Electronic resource] // Global Flow of Tertiary-Level Students. – Mode of access: <https://uis.unesco.org/en/uis-student-flow>. – Date of access: 08.05.2024.
6. UNESCO Institute of Statistics [Electronic resource] // Inbound internationally mobile students by country of origin. – Mode of access: <http://data.uis.unesco.org/#>. – Date of access: 10.05.2024.
7. Statistical Agency under the President of the Republic of Uzbekistan [Electronic resource] // Statistical Agency under the President of the Republic of Uzbekistan. – Mode of access: <https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/social-protection>. – Date of access: 07.05.2024.
8. Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. 2022 [Electronic resource].
9. Information about the organization carrying out educational activities according to higher education programs – bachelor's, specialist's, and master's programs: Form No. VPO-1 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/>. – Date of access: 10.05.2024.
10. Kachalova, L. P. Knowledge Control / L. P. Kachalova // Bongo Teach [Electronic resource]. – Mode of access: <http://bongo.teach.obr55.ru/p136aa1.html>. – Date of access: 02.11.2016.

11. Knight, J. Concepts, Rationales, and Interpretive Frameworks in the Internationalization of Higher Education / J. Knight // The SAGE Handbook on International Higher Education / Ed. D. K. Deardorff, H. de Wit, J. D. Heyl, T. Adams. – Thousand Oaks, CA : Sage, 2012. – P. 27–42.
12. Novoselova, E. 56 Russian universities participated in the exhibition-fair in Tashkent / E. Novoselova // Rossiyskaya Gazeta [Electronic resource]. – Mode of access: <https://rg.ru/2022/10/11/ohota-na-abiturienta.html>. – Date of access: 10.05.2024.
13. National Database of Legislation of the Republic of Uzbekistan [Electronic resource] // On the Approval of the Concept for the Development of the Higher Education System of the Republic of Uzbekistan until 2030: Presidential Decree of the Republic of Uzbekistan dated 08.10.2019 No. UP-5847. – Mode of access: <https://lex.uz/docs/4545887#4548630>. – Date of access: 10.05.2024.
14. The World Bank [Electronic resource] // Population ages 0–14, total – Uzbekistan. – Mode of access: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.0014.TO?locations=UZ&view=chart>. – Date of access: 09.05.2024.
15. OECD [Electronic resource] // Share of mobile students by country of origin. – Mode of access: <https://stats.oecd.org/#>. – Date of access: 10.05.2024.
16. Institute for Forecasting and Macroeconomic Research [Electronic resource] // The level of concentration and dynamics of higher education development in 2017–2022. – Mode of access: https://www.facebook.com/photo/?fbid=579813997506511&set=pb.100064337485922.-2207520000.&locale=ms_MY. – Date of access: 09.05.2024.
17. Troitsky, E. F. Uzbekistan: a new stage in the internationalization of higher education / E. F. Troitsky, S. M. Yun // Higher Education in Russia. – 2021. – Vol. 30, № 10. – P. 157–168.
18. Chamber of Commerce and Industry of Uzbekistan [Electronic resource] // Turkish University of Economics and Technology in Tashkent TOBB ETÜ Tashkent. – Mode of access: <https://chamber.uz/en/page/4901>. – Date of access: 09.05.2024.
19. UZ.Daily [Electronic resource] // Universities of Uzbekistan and Malaysia signed a cooperation agreement. – Mode of access: <https://www.uzdaily.uz/ru/post/59348>. – Date of access: 08.05.2024.
20. KUN.UZ [Electronic resource] // Which new universities have opened in Uzbekistan this year? – Mode of access: <https://kun.uz/ru/news/2022/06/06/kakiye-novyie-vuzy-otkrylis-v-uzbekistane-v-etom-godu>. – Date of access: 09.05.2024.

ЭТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПАЛЛИАТИВНОЙ МЕДИЦИНЫ

Л. С. Навицкая

Современные достижения научно-технического прогресса позволили человеку во многом улучшить качество жизни, а также продлить срок земного пребывания. Тем не менее, проблема смерти продолжает оставаться актуальной, поскольку ни наука, ни медицина не всемогущи и не могут гарантировать человечеству бессмертие; а качество смерти, как и жизни, является важным компонентом человеческого существования.

Новизна постановки проблемы смерти в биоэтике определяется тем, что современная медицина и социальная забота сделали процесс умирания отчасти контролируемым. На основе чего было провозглашено право человека на достойную смерть, которое обеспечивается паллиативной медициной и хосписами как учреждениями, которые гарантируют безболезненное умирание. Соответственно, целью настоящей статьи является экспликация этических оснований паллиативной медицины.

Паллиативная медицина является разделом медицины, задачами которого является использование методов и достижений современной медицинской науки для проведения лечебных процедур и манипуляций, призванных облегчить состояние больного в тех случаях, когда излечение пациента невозможно. Работа паллиативной помощи гарантирует человеку достойное умирание и направлена, прежде всего, на улучшение качества жизни пациентов. «Первостепенная задача – не продлить жизнь, а сделать ее остаток по возможности комфортным и значимым» [2, с. 21].

Этические основания паллиативной помощи отличаются от взглядов сторонников эвтаназии, которые считают, что прерывание жизни человека в медицинских условиях является проявлением уважения к его свободной воле и милосердным прекращением ненужных страданий. Религиозные доктрины со своей стороны исходят из этического приоритета духовной жизни, считают, что процесс умирания находится во власти Бога, а поэтому не следует вмешиваться в его протекание. Принятие же паллиативных мер направлено на контроль предсмертного периода пациента и исходит из абсолютной ценности жизни человека, когда даже самый краткий ее отрезок имеет нравственный смысл.

Поэтому в комплекс мер паллиативной помощи входит оказание не только физической, но и моральной, социальной поддержки. Пациенту назначаются комплексный уход и обезболивание, качественные медицинские препараты, вместе с тем не исключена психологическая коррекция его ментального состояния.

Структура организации паллиативной медицины имеет несколько составляющих. «Различные формы организации паллиативной медицины – это патронажная служба помощи на дому, дневные и ночные стационары, выездная служба ("скорая помощь") и стационар хосписов, специализированные отделения больниц общего профиля и т. д.» [3, с. 272]. В состав рабочего персонала, который взаимодействует с пациентами, входят не только высококвалифицированные врачи, но также психологи, представители духовенства, медицинские сестры.

Одна из важных проблем, которую решает паллиативная медицина, – это проблема боли. В данном случае пациенту назначаются определенные медикаменты, способные заглушить и устранить болевые ощущения.

Кроме того, в тех ситуациях, когда пациент узнает о тяжелом заболевании и неизлечимой болезни, он испытывает эмоциональное

потрясение и страх. Не исключено возникновение суицидальных мыслей и намерений. Поэтому еще одной важной задачей паллиативной медицины является устранение данных мыслей и всевозможная психологическая поддержка. «Одним из критериев успешного паллиативного лечения умирающего больного является расширение возможностей самообслуживания больного, что одновременно увеличивает его самоуважение» [3, с. 274].

Пациент не должен испытывать чувство страха и тревоги, наоборот, он должен осознавать, что защищен и не одинок; достоин сострадания, помощи и поддержки. «Паллиативное лечение – это еще и средство, противостоящее чувству одиночества, отчуждения от мира людей, которые испытывают все умирающие» [3, с. 274].

Не следует исключать также важную роль близких людей, которые в любое время могут оказать пациенту моральную поддержку, любовь и заботу. Между тем моральная помощь обращена не только к пациенту, но и к его родственникам, друзьям. Поскольку, как правило, родственники больного также подвержены негативным эмоциональным переживаниям.

Все вышеперечисленные меры паллиативной медицины осуществимы в организации и работе хосписов. Хоспис – медико-социальное учреждение для оказания паллиативной помощи неизлечимым больным. «Задача хосписов – обеспечить по возможности наилучшее в данных обстоятельствах качество жизни, а стало быть, и смерть с достоинством» [2, с. 22].

В Республике Беларусь в настоящее время функционируют Белорусский детский хоспис и 8 хосписов для взрослых пациентов.

Основные аспекты социальной помощи в хосписе:

1. помощь в адаптации пациенту;
2. реабилитационная помощь;
3. услуги больным и их родственникам (включает организацию питания, закупку продуктов, гигиенические процедуры, чтение книг, контакт / общение с родственниками, друзьями).

Таким образом, комплекс мер паллиативной помощи имеет этический, социальный, медико- и практикоориентированный характер: осуществимо не только продление жизни, но и повышение ее качества; организация достойного умирания.

Этическими основаниями паллиативной медицины и деятельности хосписов являются следующие нормативно-ценностные суждения:

– каждый индивид обладает неотъемлемым человеческим достоинством, которое необходимо защищать и поддерживать, как бы близко к смерти он ни находился;

– период жизни, предшествующий смерти, имеет нравственную ценность (в нем пациент решает свои экзистенциальные и нравственные вопросы);

– родные, близкие и общество в целом обязаны оказывать моральную поддержку и помощь всякому человеку в сложный период его жизни (в том числе в период умирания);

– паллиативная медицина стремится не к увеличению продолжительности жизни, а к повышению ее качества, которое включает нравственное отношение к пациенту, поддержание его достоинства;

– поскольку боль является злом, паллиативная медицина делает благо, стремясь облегчить боль пациента;

– на медицинский персонал возлагается ответственность за состояние пациента и качественную составляющую его жизни;

– паллиативной помощи присущи гуманизм и ненасилие в отношении пациентов и признание их жизни высшей ценностью в противоположность эвтаназии.

Литература и источники

1. Силуянова, И. В. «Физика» и «метафизика» смерти / И. В. Силуянова // Современная медицина и православие. – Московское Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1998. – Гл. 5. – С. 73–81.
2. Халяпина, И. С. Паллиативная помощь и хосписы / И. С. Халяпина, А. В. Морозов // Медицинская сестра. – 2016. – № 2. – С. 19–23.
3. Юдин, Б. Г. Смерть и умирание. Эвтаназия / Б. Г. Юдин // Введение в биоэтику. – М. : Прогресс – Традиция, 1998. – Гл. X. – С. 265–294.

СОВРЕМЕННАЯ ЭСТЕТИКА КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ ЗНАНИЕ

И. М. Наливайко

Несмотря на то, что эстетика давно закрепились в академической сфере в качестве учебной дисциплины и научной специальности, дискуссии по поводу ее предмета и дисциплинарного статуса не утихают до сих пор. Даже после того, как А. Баумгартен в 1750 году вводит этот концепт для обозначения науки о чувственном постижении мира, далеко не все мыслители, разрабатывающие данную проблематику, принимают это название в качестве легитимного наименования дисциплины, занимающейся сферой прекрасного. Достаточно вспомнить, что уже Шеллинг и Гегель, опираясь в некоторых существенных моментах на эстетическую теорию Канта, предпочитают называть свои эстетические концепции философией искусства. Именно это название на несколько столетий закрепляется в немецких университетах, хотя остальной западный мир делает выбор в пользу слова «эстетика». Более того, по сию пору эстетику либо сближают до неразличимости с искусствоведением, либо сводят к семиотике художественного текста. Есть и более

парадоксальные примеры, когда эстетику практически отождествляют с этикой, включая их в единый учебный курс под названием «Основы этики и эстетики», соединяя тем самым в одно целое дисциплины с совершенно разным предметом исследования.

Именно своего рода путаница относительно понимания предмета эстетики и ее концептуально-методологической специфики и предопределяет наличие столь разных мнений о ее дисциплинарном статусе. В новейший период проблема определения этого статуса еще больше обостряется в связи с тем, что в поле зрения современной эстетики включаются темы, которые раньше либо вытеснялись на периферию эстетической теории, либо просто еще не возникли в силу отсутствия в прежние периоды развития культуры определенных феноменов, которыми отмечена современная ситуация: возникновение виртуальной реальности и ее роль в трактовке природы художественного произведения, массовизация процессов создания и потребления искусства, изобретение искусственного интеллекта и т. д.

Принимая во внимание всю неоднозначность и многоплановость проблемы дисциплинарного статуса эстетики, хотелось бы начать с солидаризации с тезисом М. Бахтина, что, если эстетика и имеет право на существование, то только как философская эстетика [1]. То есть эстетическая теория выполняет свою функцию только в контексте философского знания о мире и специфике человеческого пребывания в нем. Бахтин выдвигает и отстаивает этот тезис в полемике с так называемой формальной эстетикой, ставшей довольно популярной в начале XX века, но правомочность его позиции можно подтвердить как упоминанием того факта, что «истина-добро-красота» издавна представляют собой триаду, образующую своего рода культурную матрицу западного социума, так и ссылкой на то, что наиболее значимые новоевропейские эстетические теории возникли именно в рамках значимых философских систем, например – в концепциях представителей немецкого трансцендентализма. Ввиду ограниченного объема тезисов, напомним лишь, что эстетика И. Канта [2] не только венчает собой создание трех знаменитых «Критик», но и служит необходимым объединяющим звеном двух первых, без появления которого вопрос о легитимной включенности сознания как репрезентанта человеческой свободы в мир природной необходимости так и остался бы без своего разрешения. Шеллинг же, создавая свою «Философию искусства», пишет, обозначая ключевую роль данной проблематики в своей философской системе, что его целью является не описание эмпирических искусств, а «конструирование искусства», то есть определение его места в универсуме [3].

Бахтин движется в русле обозначенной традиции, но, в отличие от упомянутых выше мыслителей (прежде всего Канта), он уже совершенно

очевидно расширяет предмет эстетики в духе неклассической философии, не сводя его к сфере человеческого познания, а ориентируясь на специфику человеческого пребывания в мире как востелесненного смылосозидающего существа, призванного решать вечную проблему сочетания конечности своего земного бытия и бесконечного поля сознания. Именно Бахтину принадлежит одна из самых точных характеристик миссии искусства в человеческом бытии: «...художник и искусство ...создают... реальность смертной плоти мира» [1, с. 166]. Но самым серьезным вкладом мыслителя можно назвать то, что он не сводил предмет эстетики только к художественной культуре, придерживаясь изначального значения древнегреческого слова, которое отсылало к миру человеческих ощущений во всей его полноте и бытийной значимости. Более того, Бахтин проговаривал наиболее значимые аспекты своей философии диалога, опираясь на материал искусства, усматривая в эстетическом отношении не только предмет эстетики как науки, но и своего рода квинтэссенцию человеческого пребывания в мире.

Опираясь на вышеописанные теоретические положения Бахтина, можно утверждать, что и поныне предметом эстетики является специфика эстетического отношения. Но поскольку вовлеченные в это отношение человек и мир претерпевают существенные изменения в современной ситуации, то для прояснения нюансов этого отношения сейчас требуется привлечение данных из других областей знания, иногда даже выходящих за пределы гуманитаристики. В качестве примеров можно указать на новые практики работы с человеческим телом, включающие такие неведомые ранее феномены как чипирование, перспективы клонирования и т. д. Существенные трансформации претерпевает и мир вокруг нас, инкорпорирующий в себя материалы, созданные на основе новейших технологий, новые элементы экологических систем и т. д. Неспроста в настоящее время все чаще проводятся конференции, темы которых возникают на стыке эстетики, антропологии, физиологии и даже различных отраслей физики и математики. Таким образом, можно констатировать, что современная эстетика, сохраняя свой статус философской дисциплины, все активнее включается в междисциплинарный диалог, отвечающий трансформациям изучаемого предмета.

Литература и источники

1. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 423 с.
2. Кант, И. Критика способности суждения / И. Кант. – М. : Искусство, 1994. – 367 с.
3. Шеллинг, Ф. В. Й. Философия искусства / Ф. В. Й. Шеллинг. – М. : Мысль, 1966. – 496 с.

О НЕОБХОДИМОСТИ И СПОСОБАХ ОПТИМИЗАЦИИ ПОНЯТИЯ НАУЧНОЙ ТЕОРИИ

Ю. В. Нестерович

Необходимость оптимизации понятия, терминируемого «научная теория» и корреляции со «смежными» понятиями, возникает при метатеоретической систематизации и координирования знаний логики, эпистемологии, методологии научного познания, обусловлена многозначностью терминов «теория» и «научная теория» (даже отсекая корреляцию понятия научной теории с понятиями до- и протонаучной теории). Данная оптимизация позволяет среди прочего устранять семантическую полиморфность и диффузность данных терминов, развивать ТНЗ (теорию научных знаний), эксплицируя в ее рамках соотношение и связь теоретических, онтологических, мета- и общетеоретических знаний [1]. Данная оптимизация достижима при осуществлении междисциплинарной проекции обобщения трактовки научной теории в логике и разделах философии науки (эпистемологии, логике, методологии, аксиологии научного познания) и построения системы общетеоретических знаний.

Методологически и терминоведчески допустимы в ТНЗ разные варианты снятия несоразмерности, касающиеся использования многозначного термина «теория» и смежных (производных от него + связанных с ним) терминов: 1. Добавление к термину «(научная) теория» при его узкой позитивистской трактовке (пред)термина «система теоретических знаний» в значении СНЗ, включающей иные виды знаний, наряду с теоретическими при их примате, в объеме, не выходящими за пределы стандартной теории. И (пред)термина «система трансэмпирических (научных) знаний» в значении СНЗ (системы научных знаний), надстраивающихся над эмпирическими знаниями и в которой могут по объему превалировать и иные виды предметных знаний, нежели теоретические. Остается определить логическое отношение, в котором находятся понятия теории и системы теоретических знаний (логическое подчинение, пересечение). 2. Напротив, использование термина «теория» в значении СНЗ с превалированием теоретических знаний, но без включения в нее эмпирических элементов, а включение их в систему теоретических знаний. 3. *Дифференциация термина «теория»* с выделением типов теории («стандартная, ординарная, неординарная теория» и пр.), не сопровождаемая гипонимией. В этом случае он соответствует узкой позитивистской трактовке теории. Термином «нестандартная теория» обозначается СНЗ, в которую входят в значительном объеме предметные знания иных видов, нежели относимые к теоретическим при позитивистской трактовке их и стандартной эпистемологической модели

научной теории. 4. Она же, но сопровождаемая гипонимией. В этом случае он имеет широкое значение. Такое образование типов систем знаний, как и видов их («феноменологическая, математическая теория» и пр.) имеет изъяном «далекость» от них их логического рода – понятия СНЗ. 5. «Научная теория» – система трансэмпирических (научных) знаний с превалированием теоретических знаний.

При оптимизации термина «научная теория» методологически продуктивно обходиться не только без коррелятивной семантической связи его с термином ТНЗ «теоретическое знание», а также с термином «теория», встроенным в базисную схему гносеологии, возводимой на основе дихотомии «теория – практика», и с теоретическим объектом «теоретическое знание». Последнее отграничение позволяет обозначать им тип системы трансэмпирических (научных) знаний, противоположной системе метатеоретического знания: 6. «Научная теория» – система предметных надэмпирических знаний. Придерживаясь при этом трихотомии: система эмпирических знаний – система трансэмпирических (научных) знаний – система прикладных знаний (проектно-конструкторских, методических, тестологических и др.). При такой типологии СНЗ терминоединица «теория методологического характера» фактически пуста, поскольку в систематике научных знаний научная метатеория рассматривается противостоящей научной теории, а методологическое знание по сути метатеоретическое (такой термин несоразмерен принятому обороту «теоретико-методологические вопросы», а в [2, с. 442–445] и других изданиях противоречит приводимому в нем составу теории с включением базисными элементами теории закономерностей и правил соответствия). В соответствии с ней СНЗ комбинированного характера, напр. методические знания во многих случаях сопровождаются методологическими, которые по своему характеру являются метатеоретическими. При таком варианте теория выступает формой (системной) организации *всяких предметных* (в том числе предельно обобщающих) научных знаний в рамках системы трансэмпирических (научных) знаний – теоретических, онтологических, аксиологических, теоретико-онтологических. Системы сугубо содержательно-онтологических знаний редки (в отличие от систем формально онтологических знаний, к которым следует относить математические теории, иначе – математические системы трансэмпирических (научных) знаний), обычны СНЗ, в которых содержательно-онтологические знания образуют тесное до нерасторжимости единство с теоретическими знаниями. В *развитых общих интертеориях* в наличии *единство теоретико-онтологических и метатеоретических знаний* [3]. Исходя из взятой нами типологии, СНЗ их следует идентифицировать системой трансэмпирических (научных) знаний метатеоретического характера. 7. «Научная теория» – СНЗ, могущая

включать не только предметные надэмпирические, но и в качестве основания эмпирические знания. 8. «Теория» – имя вида системы трансэмпирических (научных) знаний и гипероним к терминам «система теоретических знаний» (обозначает СНЗ, охватывающую сугубо либо в превалирующей степени теоретические знания) и «система теоретических знаний с включением эмпирических элементов».

Взятие в ТНЗ для термина «(научная) теория» существенным отличительным признаком наличия основания в виде эмпирического базиса и доминирования теоретических знаний, знаменует «разрыв» коррелятивной семасвязи значений терминоединицы «теория» в гносеологии и ТНЗ, и шире – в эпистемологии научного познания. Такому взятию приемлемо ставить в соответствие образование терминемы «теория», исходя из того, что в рамках ТНЗ нет необходимости прибегать к полной лексической форме обозначения ее базисного понятия: «научная теория». При таком взятии просматривается возвращение в значительной мере к первоначальному значению термина «теория» в эпистемологии и методологии науки системой знаний, вырабатываемых на теоретическом уровне исследования в эмпирических науках.

Наиболее продуктивны в плане устранения противоречий изложения и теоретизации две трактовки, фундирующие оптимум термина «научная теория»: 1) в превалирующей степени, выступающая приоритетной формой организации научных знаний, предназначенной для установления закономерностей, охватывающая главным образом теоретические знания, которые зиждутся на эмпирическом базисе; 2) система трансэмпирических (научных) знаний, могущая включать знания ряда видов предметных надэмпирических знаний (т. е. формируемых на теоретическом уровне исследования): теоретические (знания, связывающие эмпирические факты и зависимости с теоретическими моделями и законами), содержательно-онтологические (о сущности объектов), формально-онтологические, аксиологические, теоретико-модельные знания. Первая трактовка релевантна стандартной эпистемологической модели научной теории, ориентирована в первую очередь на описание СНЗ естествознания; вторая выдвигается в ТНЗ эпистемологии науки, интенсифицирующей понятийный и терминологический аппарат опирающейся из междисциплинарную проекцию корреляции базисных понятий.

Литература и источники

1. Нестерович, Ю. В. Очерк корреляции понятий мета- и общетеоретических знаний в ракурсе интенсивного развития понятия структуры научного познания / Ю. В. Нестерович // Научные труды РИВШ: Философско-гуманитарные науки. – 2019. – Вып. 18. – С. 400–407.
2. Войшвилло, Е. К. Логика: Учеб. для студ. / Е. К. Войшвилло, М. С. Дегтярев. – М. : Молодая гвардия, 2001. – 303 с.

3. Нестерович, Ю. В. Формирование общей интертеории информации в качестве методологической дисциплины / Ю. В. Нестерович // Научно-техническая информация. Сер. 1. – 2022. – № 7. – С. 1–9.

**«КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ» И «ЭМПИРИЧЕСКИЙ»
УРОВНИ АНАЛИЗА ПРИЧИННОСТИ
В «ФИЛОСОФИИ ИНДУКТИВНЫХ НАУК» У. УЭВЕЛЛА**

А. С. Омолоева

Уильям Уэвелл известен не только тем, что ввел в оборот термины «ученый», «электрод», «ион» и «диэлектрик», – чего вполне можно было бы ожидать от одного и ведущих английских натурфилософов середины XIX века, – он также автор гипотетико-дедуктивной модели обоснования научного знания (см., например, [1]). И поскольку эта модель, по сути, является единственной моделью эвиденциального подкрепления научного знания, то ее обсуждение, анализ логики рассуждения У. Уэвелла, до сих пор является актуальной проблемой истории и философии науки (см., например, [2; 3]). Предмет нашего анализа – соотношение условных «логической» и «эмпирической» линий рассуждений в натурфилософии У. Уэвелла. Как пишет У. Уэвелл: «Законы явлений должны быть известны прежде, чем мы сможем рассуждать о причинах; причины должны быть исследованы, когда явления сведены к правилу. В обоих случаях (и при выводе законов, и при поиске причин – *А. О.*) возникающие предположения должны проверяться путем отсылки к наблюдениям и экспериментам. В обоих случаях гипотезы должны демонстрировать известные черты истины: согласие с фактами, которое может выдержать самую терпеливую и строгую проверку; положение для верного предсказания результатов для еще неисследованных случаев; согласованность индукций из различных классов описываемых фактов, а также прогрессивную тенденцию к простоте и единству» [4, р. 106]. По сути, это и есть то, что сейчас обосновывает успешность научного метода. Интересно то, что У. Уэвелл разводит вывод «законов явлений», в которые уже включено уточнение понятий и сопоставление наблюдаемых фактов, и «законов причин», которые объясняют, как и почему происходят интерпретируемые эмпирические явления. И это значит, что рассуждая о причинах явлений, мы обязаны говорить о двух причинах, – о том, как причина явления интерпретируется в терминах «законов явлений» (это «логическая» линия рассуждений, поскольку «законы явлений» получают посредством априорного логического рассуждения), и о том, как причина явления интерпретируется в терминах «законов причин» (это «эмпирическая» линия рассуждений, поскольку «законы причин» получают индуктивно, посредством апелляции к опыту, наблюдению и

эксперименту). В первом томе «Философии индуктивных наук» У. Уэвелл напишет: «обращая внимание на последовательность явлений, которую мы осознаем посредством наших чувств, мы поставляем из нашего собственного ума Идею Причины. Эта Идея не выводится из опыта, но имеет свое начало в самом уме, вводится в наш опыт активной, а не пассивной частью нашей природы. Под Причиной мы подразумеваем некоторую качественную силу или действенность, посредством которой состояние вещей производит последующее состояние» [5, р. 159]. Все, что здесь говорится, имеет отношение только к причинам, понимаемым в смысле априорных «законов явлений».

Примечательно то, что отмеченная двойственность (или, скорее, двунаправленность) рассуждений У. Уэвелла о причинах явлений не является чем-то уникальным. В современной философии науки есть «полностью аналогичные» (как мы надеемся показать) рассуждения о разведении «концептуального» и «эмпирического» уровней анализа причинности. Откроем «Физическую причинность» Фила Доу: «есть два подхода к пониманию причинности, и еще шире – всей философии. Первый – концептуальный, второй – эмпирический» [6, р. 1]. На наш взгляд, здесь мы можем сказать, что У. Уэвелл не только открыл гипотетико-дедуктивную модель развития и обоснования научного знания (в прямом смысле, так как, по-видимому, истории науки не известны более ранние источники, где она была бы приведена в более явном и полном виде), но уже в середине XIX века пользовался дихотомией «концептуального» и «эмпирического», которая будет иметь ключевое значение, например, для становления позитивизма как самостоятельного философского направления. Следуя Ф. Доу, цель «концептуального» анализа – раскрыть общность имеющихся примеров «причинно-следственной связи», «это смысловой анализ, который начинается с нашего повседневного, основанного на логике и здравом смысле, понимания, попытки аналитически прояснить значение понятия "причина", и может быть только априорным» [6, р. 2]. Проведение «эмпирического» анализа подразумевает под собой не столько исследование какой-либо концепции, сколько рассмотрение структуры реальности, данной в ощущениях. «Эмпирический анализ направлен на отображение объективного, скрывающимся за эмпирическим, мира самого по себе, а не наших теоретических концепций. Такой анализ может быть проведен только апостериорно» [6, р. 3]. Именно в этом смысле индукция Ф. Бэкона, точно также как и индукция У. Уэвелла, могут приносить знание именно об объективном мире, а не быть результатом «всего лишь моего обобщения». Конечно, позиция У. Уэвелла часто изложена гораздо больше поэтично, чем позиция Ф. Доу, однако он явно говорит о том же самом: «Кто может обратить внимание на явления, которые попадают в поле зрения геолога? Слои осадочных пород, заполненные останками

животных, таких как те, что сейчас живут в глубинах океана, поднялись на вершины гор, изломанные, искривленные, смешанные со скалами? Кто может видеть такие явления и полагать, что он наилучшим образом способствует прогрессу наших знаний об истории Земли, записывая факты и проводя исследования того, являются ли они действительно данными о прошлых состояниях Земли и подземных сил или просто случайной имитацией следствий таких причин? В этом и подобных случаях запретить исследование причин означало бы уничтожить науку» [4, р. 105]. Конечной целью эмпирической науки является установление именно законов причин наблюдаемых явлений, но обсуждение этих причин является метафизическим по своей природе, поскольку «качественная сила, посредством которой состояние вещей производит последующее состояние» описывается именно априорной Идеей. Именно поэтому, например, У. Уэвелл вводит деление между «формальной» и «физической» астрономиями: «первая служит для описания набора правил, зависящих от идей пространства, времени, положения, числа как форм восприятия явлений; а вторая – для описания сил, которыми направляются небесные тела» [4, р. 97]. Невозможно эмпирически наблюдать то, что никак не определено концептуально, и как отмечает Ф. Доу: «концептуальный анализ необходим по крайней мере для того, чтобы служить "приблизительным руководством" или "введением" к эмпирическому анализу» [6, с. 9].

В докладе будет показано, что возникновение позитивизма как самостоятельного философского направления во многом обусловлено конкретным прочтением Огюстом Контom дихотомии, которой уже пользовался У. Уэвелл. В «Элементарной механике» (*An Elementary Treatise on Mechanics*), опубликованной в 1819 году, У. Уэвелл уже упоминает деление между «законами явлений» и «законами причин». Более того, возвращаясь к современной философии науки, мы можем сказать, что именно абсолютизация «концептуальной» линии аргументации, допущенная логическими позитивистами (еще шире, в рамках аналитической философии), в свое время и привела к тому, что оригинальная модель У. Уэвелла была редуцирована до «консеквентализма» (термин Ларри Лаудана) – представления о том, что единственной мерой эвиденциального подкрепления теории является эмпирическое подтверждение ее следствий. В этом смысле, акцент именно на «эмпирической» линии аргументации, на наш взгляд, не только позволит получить (вернуть) более взвешенное представление об эвиденциальном подкреплении научного знания, но и позволит придать «эмпирическому» (по Ф. Доу) уровню рассуждения о причинности более законченный философский вид.

Литература и источники

1. Ruse, M. The Scientific Methodology of William Whewell / M. Ruse // Centaurus. – 1976. – Vol. 20 (3). – P. 227–257.
2. Ducasse, C. Whewell's Philosophy of Scientific Discovery / C. Ducasse // The Philosophical Review. – 1951. – Vol. 60 (2). – P. 213–234.
3. Strong, E. William Whewell and John Stuart Mill: Their Controversy about Scientific Knowledge / E. Strong // Journal of the History of Ideas. – 1955. – Vol. 16 (2). – P. 209–231.
4. Whewell, W. The Philosophy of the Inductive Sciences, Founded Upon Their History. Vol. 2 / W. Whewell. – London : John W. Parker, 1840.
5. Whewell, W. The Philosophy of the Inductive Sciences, Founded Upon Their History. Vol. 1 / W. Whewell. – London : John W. Parker, 1840.
6. Dowe, P. Physical Causation / P. Dowe. – Cambridge University Press, 2000.

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ КУЛЬТУРНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ НА ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЙ В ОБЛАСТИ РЕПРОДУКТИВНЫХ ПРАВ

Я. А. Острожинский

Влияние культурной составляющей на жизнь людей является одним из предметов исследования многих направлений наук, ориентированных на изучение поведенческих феноменов человека [1]. В настоящее время принятие решений в сфере репродуктивных прав осуществляется в контексте воздействия на человека глобальных мировых культурно-ориентированных тенденций.

Цель: выявить культурно-ориентированные составляющие для оценки их влияния на принятие решений в сфере репродуктивных прав человека.

Под репродуктивными правами человека понимают блок законных (юридических) прав и свобод, связанных с воспроизводством и сексуальным здоровьем, которые различно понимаются и различно закреплены в разных странах мира [4].

Культурные традиции необходимо рассматривать в контексте конкретных социальных условий, так как на их трактовку влияют:

- наличие ресурсов;
- уровень и виды знаний и технологий;
- способы производства, структуры власти и навязанные ими взаимоотношения;
- унаследованная система взглядов, в том числе религиозных;
- представления о своем месте и о месте других людей в обществе и в мире;
- механизмы и способы социализации.

Культурную составляющую нельзя определить как статичный комплекс мышления и поведенческих практик. Люди, взаимодействуя между собой, постоянно участвуют в ее изменении [2]. Основные составляющие репродуктивного поведения, заложенные в культуре индивидуума, оказывающие влияние на принятие решений в области репродуктивных прав, – это потребность в продолжении рода, детях, репродуктивные действия, решения, установки и мотивы деторождения.

Необходимо отметить, что субъекты различных культур (как и «однокультурные») придерживаются различных взглядов на приемлемость репродуктивных решений и обладают разным опытом их применения. Они отстаивают свои репродуктивные права теми способами, которые вписываются в приемлемые для них культурные контексты [3]. Репродуктивные права человека получают возможность укоренения с опорой на «культурную легитимность», а обеспечение культурной легитимности репродуктивного решения требует знания культуры и непосредственного взаимодействия с ней.

Охрана здоровья, свободы и достоинства должны стоять выше, нежели безоговорочное воспроизведение культурных практик как дань традициям, при оценке соответствующего воздействия культурной составляющей на права человека. Конфликт традиций и интересов личности должен разрешаться в сторону возможности принятия ответственных и добровольных решений о появлении новой жизни.

Литература и источники

1. Межуев, В. М. Культура / В. М. Межуев, А. В. Константинов // Большая российская энциклопедия: в 35 т. / Гл. ред. Ю. С. Осипов. – М. : Большая российская энциклопедия, 2004–2017.
2. Народонаселение мира в 2008 году. Вопросы культуры, гендерного равенства и прав человека: достижение общего понимания / Д. Монкриеффе [и др.]. – М. : ЮНФПА, 2008. – 99 с.
3. Самойлова, В. В. Реализация репродуктивных прав человека в контексте развития биомедицинских технологий и их применения / В. В. Самойлова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 8 (47). – С. 229–232.
4. Региональная стратегия ВОЗ в области охраны сексуального и репродуктивного здоровья / Европейское региональное бюро ВОЗ. Программа «Репродуктивное здоровье и беременность». – Копенгаген, 2001. – 40 с.

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС ЛОГИЧЕСКИХ ФОРМ

В. И. Павлюкевич

Становление теоретической логики связано с трудами Аристотеля.

Переход от дотеоретического, предтеоретического уровня логической культуры к теоретическому может быть зафиксирован вполне определенно. Он происходит на основании двух кардинальных достижений в области логического знания: введения в логику переменных и открытия в результате этого логической формы, что в итоге дало Аристотелю возможность построить в виде системы первую логическую теорию.

Ян Лукасевич отмечает: «Введение в логику переменных является одним из величайших открытий Аристотеля» [1, с. 42]. Оценивая значимость для развития логики этого достижения, он сравнивает его с введением переменных в математику: «...каждый математик знает, что введение в арифметику переменных положило начало новой эпохе в этой науке» [1, с. 42].

Применение переменных – необходимое условие открытия логической формы. Важно раскрыть базисные характеристики данного фундаментального для логики понятия, рассмотрев в том числе некоторые аспекты его генезиса. В этой связи существенно отметить, что логическая форма высказывания, например, «Некоторые птицы летают», не содержится непосредственно в самом высказывании. Выявление его логической формы не есть простое извлечение ее из конкретного содержания данного предложения. Логическая форма этого высказывания – «Некоторые S есть P» – является результатом обобщающе-абстрагирующей деятельности познающего интеллекта. Ее открытие подразумевает, что все термины, входящие в анализируемое высказывание, разграничиваются по соответствующему принципу на логические и дескриптивные; затем логические термины обозначаются определенными константами, а дескриптивные – соответствующими переменными. В результате чего и получается выражение, фиксирующее логическую форму, логическую структуру анализируемого предложения. Введение переменных вместо дескриптивных терминов как раз обеспечивает соответствующий уровень обобщения, синтеза, интеграции. Именно этот уровень специфического обобщения связан с переходом логического знания к теоретическому этапу развития.

Таким образом, логическая форма и представленное ею логическое содержание анализируемого высказывания не есть готовая часть данного высказывания, непосредственно извлекаемая из него, а является новым смысловым теоретическим образованием, конструктом, возникающим в результате соответствующей обобщающе-абстрагирующей мыслительной операции.

Итак, переход логического знания на теоретический уровень осуществляется в результате открытия логической формы, которое базируется на введении в логику переменных, что в свою очередь предполагает деление терминов естественного языка на логические и

дескриптивные. Возникает вопрос о критериях данного деления. Критерий же этого различия можно определить довольно простым образом, апеллируя к логическим отношениям: логическими терминами являются те, от содержания которых зависят логические отношения между высказываниями, дескриптивными – те, от конкретного содержания которых логические отношения не зависят. Именно в силу этого их можно заменить переменными.

При исследовании логических отношений проявляются интересные аспекты философско-методологической значимости понятия логической формы. Например, совместимы ли по ложности высказывания «Юлий Цезарь – полководец» и «Якуб Колас – писатель»? Совместимы ли по истинности высказывания «Якуб Колас – композитор» и «Юлий Цезарь – живописец»?

Предположение, что первых два высказывания совместимы по ложности, допускает использование философской идеи возможных миров с рассмотрением хотя бы одного такого мира, в котором Юлий Цезарь не является полководцем, а Якуб Колас – писателем. Признание, что вторая пара высказываний совместима по истинности, подразумевает рассмотрение такого возможного мира, в котором Якуб Колас – композитор, а Юлий Цезарь – живописец. Применение же понятия логической формы как инструментария при выяснении логических отношений между высказываниями в этих парах оказывается эквивалентным использованию идеи возможных миров, но без ее непосредственного приложения: два высказывания заменяются формулами, выражающими их логическую форму, допустим – А и В (для первой пары высказываний), С и Д (для второй пары высказываний); а затем речь идет о логических отношениях между этими формулами, что легко выявить, построив таблицы истинностных значений. В результате окажется, что первая пара высказываний совместима по ложности, а вторая – по истинности.

Существенно также обратиться к самим истокам применения характеристики «формальная» по отношению к логике. Для этого важно в развернутом виде показать тот смысл термина «форма», который подразумевался у И. Канта, который, как считается, первым назвал логику «формальной».

И. Кант приводит следующее определение: «Такую науку о необходимых законах рассудка и разума вообще, или – что одно и то же – об одной лишь форме мышления вообще, мы называем логикой» [2, с. 120]. Существенно учесть, что использование понятия «форма» самым непосредственным образом связано у И. Канта с обращением к необходимым законам рассудка и разума. Термин «формальность» в том смысле, в каком И. Кант применяет его по отношению к логике, является контекстуально аналогом понятия «необходимость».

Это значит, что И. Кант приходит к трактовке логики как формальной, базируясь на глубоко философских основаниях своих воззрений на процесс познания, рассматривая данную характеристику этой науки как указывающую на базис самой возможности рационального познания. Таким образом, характеристика Кантом логики как формальной есть характеристика ее как науки о необходимых законах рассудка и разума вообще, т. е. о фундаментальных основах познания (в контексте трактовки познания И. Кантом).

Интересно, что задолго до всплеска дискуссий по проблемам психологизма-антипсихологизма в логике И. Кант, как бы предвосхищая их, подчеркивает, что вносить в логику идеи психологизма совершенно неправомерно именно потому, что логика выявляет необходимые законы рассудка и разума, в то время как психология связана с субъективными, случайными по отношению к логике особенностями функционирования мышления [2, с. 321–322].

Существенно отметить, что в последующем другой выдающийся немецкий мыслитель, Готлоб Фреге, дает основательную, фундаментальнейшую трактовку логики как науки о наиболее общих законах бытия истины (См.: [3, с. 152]), что конечно же характеризует ее как один из важнейших базисных факторов познания. Воплощение истины в логических формах при этом можно трактовать как способ реализации наиболее общих законов ее бытия.

Литература и источники

1. Лукасевич, Я. Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики / Я. Лукасевич. – М. : Изд-во иностр. Лит., 1959. – 310 с.
2. Кант, И. Тракаты и письма / И. Кант. – М. : Наука, 1980. – 710 с.
3. Карпенко, А. С. Предмет логики в свете основных тенденций ее развития / А. С. Карпенко // Логические исследования. – М. : Наука, 2004. – Вып. 11. – С. 149–172.

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГУМАНИСТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ В ГЕНОМНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

П. И. Плетенева, М. В. Михайлова

Многие философские концепции выдвигают различные предположения о том, какой вид человеческая цивилизация примет через десятки, сотни и тысячи лет. Теория трансгуманизма, основанного еще в середине прошлого столетия, предлагает вариант развития, который по сей день не имеет однозначной оценки. Задачей трансгуманизма как философской концепции является анализ использования передовых достижений науки и технологий, с помощью которых появляется

возможность улучшить умственные и физические способности человека [1, с. 247]. По мнению основателя теории Дж. Хаксли, наступлению новой эпохи, в которой человеку определено главенствующее над природой место, способствует развитие техники и технологий, научное знание [2, с. 116].

Действительно, научно-технический прогресс в наши дни развивается стремительнее, чем когда-либо до этого. Суть эволюции человека разумного состоит в том, чтобы приспособиться к окружающей среде с помощью совершенствования сознания, мышления и интеллекта. Норберт Винер, основатель кибернетики, утверждал, что на смену эпохе вещества пришла эпоха энергии, в нынешнее время сменившаяся эпохой информации [2, с. 120]. В отличие от вещества и энергии, информация не имеет подтверждения в доступном для нас материальном мире. Тем не менее, проживая в цифровую эру, мы сталкиваемся с этим понятием практически ежедневно. Неудивительно, что технические термины теперь представлены и в различных отраслях медицины, например, в медицинской генетике.

Концепция информации проникла в биологию сравнительно недавно – в 50–60-х годах прошлого века после расшифровки генетического кода [3, с. 81]. Для понимания работы генетического кода можно провести параллель с программированием, где с помощью кодирования происходит реализация последовательности действий, приводящая, например, к воспроизведению видео на компьютере. Генетический код описывает перенос информации от рибонуклеиновой кислоты к белкам, которые, как известно, выполняют множество функций в организме человека. Мы не видим ДНК и клеточные процессы, как не видим и исходный код приложения, но зато наблюдаем результат – цвет волос, глаз, кожи. Как существуют программисты, способные, получив доступ к исходному коду, внести изменения в приложение, так существуют и генетики, способные, получив доступ к генетическому коду, внести изменения в генотип человека. На этом этапе мы и сталкиваемся с проблемами законности и гуманности применения новейших генно-инженерных технологий в отношении людей.

Генетика находит широкое применение в медицине и криминалистике. Подходя к вопросу о том, какие генетические исследования наиболее применимы на данный момент, можно выделить следующие [4, с. 24–25]:

1. Установление родства. ДНК-тест позволяет с высокой точностью установить степень родства вплоть до второй линии.

2. Выявление предрасположенности к заболеваниям. Благодаря ДНК-скринингам можно выявить у пациентов врожденную предрасположенность к тому или иному заболеванию задолго до его развития.

3. Выявление хромосомных болезней плода. Скрининг позволяет выявить распространенные хромосомные аномалии плода или подтвердить его физиологически нормальное развитие.

4. Фармакогенетические исследования позволяют выявить индивидуальную непереносимость к определенным веществам, минимизировать побочные явления и исключить прием малоэффективных препаратов и многое другое.

5. В последние десятилетия использование генетической информации получило широкое распространение в правоохранительной системе для поиска и идентификации граждан, расследования преступлений, обнаружения и опознания пропавших без вести лиц.

Наиболее важным направлением развития генетики является создание персонализированной медицины. Такая организационная модель оказания медицинской помощи подразумевает индивидуальный подбор лекарственных средств, диагностических и профилактических методов, соответствующих физиологическим и генетическим особенностям организма [5, с. 110]. В свою очередь, самым неоднозначным открытием в области генетики является возможность редактирования генома человека. Примером выступает случай китайского ученого-генетика Хэ Цзянкуя, которому в 2019 году удалось создать невосприимчивых к ВИЧ-инфекции младенцев, применив методы генной инженерии по отношению к оплодотворенным яйцеклеткам [6]. Появление генно-модифицированного человека само по себе приведет к нарушению основных прав и свобод личности до ее появления на свет, так как общепринятого в мире правового статуса эмбриона не существует [7, с. 12]. Это может повлечь за собой такие негативные последствия, как:

1. Неточное редактирование генома;
2. Невозможность прогнозирования отрицательных последствий в следующих поколениях;
3. Риск коммерциализации эмбрионов и потеря равной ценности всех людей;
4. Развитие новых форм евгеники;
5. Отношение к эмбрионам как к расходному материалу для экспериментов.

Перечисленные последствия применимы в основном к эмбриону, но не стоит забывать, что внедрение в генетический материал человека может повлечь за собой и более глобальные проблемы для общества в целом. В настоящее время можно выделить следующие основные трудности регулирования отношений в области исследований генома человека [8, с. 126–135]:

1. Проблема безопасности в сфере проведения генетических исследований и необходимость создания усовершенствованного информированного согласия, поскольку исследователи получают доступ к

генетической информации не только испытуемого, но и его предков и потомков.

2. Проблемы правового режима обращения генетической информации, включающего в себя процессы получения, учета, хранения, использования, передачи и обработки информации, а также уничтожения биологического материала.

3. Вопрос о патентовании генов и информации, которую они кодируют, необходимость ограничения их коммерческого применения, поскольку полученная информация изъята из чужого генетического материала.

4. Проблема использования генетических тестов при приеме на работу.

5. Проблемы дискриминации отдельных людей по поводу генетических особенностей.

6. Проблема установления оснований и критериев ограничения прав человека для защиты ценностей общего блага.

7. Разработка правовых режимов деятельности биобанков, редактирования генома человека, манипуляций с эмбрионом человека *in vitro* и защиты интеллектуальной собственности.

8. Проблемы по обеспечению конфиденциальности в случае реализации планов по генетической паспортизации населения.

Литература и источники

1. Луков, В. А. Трансгуманизм / В. А. Луков // Знание. Понимание. Умение. – 2017. – № 1 – С. 245–252.

2. Кузин, И. А. Концепция генетической информации и историческая эпистемология / И. А. Кузин // Философия. Журнал Высшей школы экономики. – 2022. – № 2. – С. 114–147.

3. Ткачук, Е. А. Роль генетики в современной медицине / Е. А. Ткачук, И. Ж. Семинский // Байкальский медицинский журнал. – 2022. – № 1. – С. 81–88.

4. Богданова, Е. Е. Правовые проблемы и риски генетической революции: генетическая информация и дискриминация / Е. Е. Богданова // Lex Russica. – 2019. – № 6. – С. 18–29.

5. Калининченко, Л. А. Геномные исследования: стандарты Совета Европы и правовое регулирование в России / Л. А. Калининченко, С. В. Косилкин // Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2019. – № 4. – С. 108–118.

6. Интернет-портал РИА новости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20190227/1551415913.html>. – Дата доступа: 10.09.2024.

7. Грибков, Э. Е. Проблематика генного редактирования эмбрионов человека с точки зрения РПЦ / Э. Е. Грибков // Биоэтические проблемы развития генетических технологий в Российской Федерации : сборник тезисов научной конференции. – Кемерово : ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет». – 2020. – С. 11–13.

8. Летов, О. В. Биоэтические проблемы развития генетики (обзор) / О. В. Летов // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3: Философия. – 2021. – № 3. – С. 126–135.

КОНТЕКСТУАЛЬНЫЙ АРГУМЕНТ В ПОЛЬЗУ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КВАНТОВОЙ МЕХАНИКИ

И. Е. Прись

Вещь не может быть вырвана из своего контекста, оторвана от реальности, в которой она укоренена. Вещь в своей определенности, которая вариабельна, – вариабельный контекстуальный объект. Его идентичность (объективность, определенность) не абстрактна, а определяется реальными условиями. Другими словами, реальный объект не автономен. В физике это особенно ярко проявляется в квантовой механике (КМ). Квантовомеханические объекты – контекстуальные объекты. Автономный квантовый объект, то есть объект, находящийся во «внешнем» по отношению к наблюдателю мире, не имеет смысла. Волновая функция описывает квантовый объект (квантовую систему), то есть его состояние, лишь в контексте, представляющем собой реальные условия его приготовления, включая измерительный инструмент. Мы не можем посмотреть «на тот же» объект, на «то же» квантовое состояние, не зная об этих условиях. Также, благодаря контекстуальности, в «одном и том же» квантовом объекте могут проявляться несовместимые друг с другом, но дополняющие друг друга, свойства; они проявляются в разных контекстах.

Согласно индивидуальной интерпретации квантовой механики (И), квантовое состояние $|\psi\rangle$ – физическое состояние конкретной квантовой системы. Согласно статистической интерпретации квантовой механики (СИ), квантовое состояние $|\psi\rangle$ представляет объективные статистические свойства большого ансамбля идентично приготовленных квантовых систем [1–6].

Рассмотрим два, сколь угодно далеко расположенных друг от друга электрона, А (слева) и В (справа), со спутанными спинами (суммарный спин равен нулю): $|\psi\rangle = (|1/2, -1/2\rangle + |-1/2, 1/2\rangle) / \sqrt{2}$. Предположим, что при измерении проекции спина на ось z у электрона А мы получили величину $1/2$, то есть А оказался в состоянии $|1/2\rangle$. Тогда составная система в целом в тот же момент времени окажется в состоянии $|1/2, -1/2\rangle$, а электрон В – в состоянии $|-1/2\rangle$. Таким образом, волновая функция $|\psi\rangle$ мгновенно редуцируется в $|1/2, -1/2\rangle$. Она также могла бы мгновенно редуцироваться в $|-1/2, 1/2\rangle$. Исход не предопределен, а вероятность того или иного исхода равна $1/2$.

Если предположить, что волновая функция описывает физическое состояние конкретной (индивидуальной) системы (предположение (II)), то описанная выше ситуация может выглядеть как нелокальность или мгновенное действие / влияние на расстоянии (А на В). Если отрицать, что А и В, поскольку они спутаны, можно рассматривать как самостоятельные подсистемы (состояния А и В определяются только относительно друг друга, а не абсолютно), следует говорить, что измерение, строго говоря, производится не над подсистемой А, а над составной системой в целом. В этом случае имеет место нелокальная мгновенная редукция исходной волновой функции. Можно также сказать, что у системы есть диспозиция мгновенно менять свое состояние и с вероятностью $\frac{1}{2}$ переходить либо в состояние $|-\frac{1}{2}, \frac{1}{2}\rangle$, либо в состояние $|\frac{1}{2}, -\frac{1}{2}\rangle$. Такую холистическую / диспозиционную точку зрения все же трудно отличить от точки зрения действия на расстоянии.

А. Хренников предпочитает статистическую интерпретацию КМ (SI) [3]. Между прочим, он различает два вида так называемой «нелокальности»: нелокальность, обусловленную редукцией волновой функции, и нелокальность в смысле Дж. Белла (нелокальность квантовой корреляции). Лишь нелокальность в первом смысле он рассматривает как собственно квантовую. Нелокальность в смысле Белла – следствие существования в КМ несовместимых переменных. При этом нелокальности обоих видов он считает фиктивными. С точки зрения (SI), редукционная «нелокальность» фиктивна, поскольку представляет собой актуализацию вероятности. Нелокальность в смысле Белла фиктивна, поскольку корреляция обусловлена выбором статистического подансамбля, в котором для каждой системы после измерения проекция спина электрона А на ось z равна $\frac{1}{2}$. Это автоматически позволяет с вероятностью 1 предсказать, что проекция спина электрона В на ту же ось будет равна $-\frac{1}{2}$. То есть нет никакого мгновенного влияния на расстоянии. Видимость такого влияния – следствие объективного распределения вероятности.

Таким образом, интерпретация SI устраняет парадокс нелокальности, но лишь потому, что вопрос об объективном состоянии индивидуальной системы не рассматривается. Предполагается, что он не имеет смысла. Объективность статистических свойств ансамбля – классическая абсолютная (деконтекстуализированная) объективность.

На наш взгляд, нужда в статистической интерпретации – следствие сохранения понятия классической объективности. То есть к предположению о нелокальности приводит не рассмотрение индивидуальной системы как таковой, а рассмотрение ее как классического (автономного, деконтекстуализированного) объекта, редуцирование реальности к объективности (истине, знанию), реализма к объективизму.

Объектную, то есть не контекстуальную (II) можно понять в уже упомянутых выше диспозиционных терминах: автономный объект $|\psi\rangle = (|1/2, -1/2\rangle + |-1/2, 1/2\rangle) / \sqrt{2}$ в результате измерения мгновенно превращается либо в автономный объект $|1/2, -1/2\rangle$ либо в автономный объект $|-1/2, 1/2\rangle$, как бы далеко А и В ни отстояли друг от друга. Диспозиционные свойства объекта $(|1/2, -1/2\rangle + |-1/2, 1/2\rangle) / \sqrt{2}$ – объективные абсолютные свойства. Превращение одного объекта в другой – физический процесс.

Если отказаться от этой ложной (или имеющей ограниченную область применимости) предпосылки философии (пост)модерна, окажется возможным трактовать волновую функцию как описывающую состояние индивидуальной системы. Такую позицию мы называем контекстуальным квантовым реализмом (ККР) [7–10].

Согласно ККР (II) только тогда ведет к проблеме «ужасного» действия на расстоянии или мгновенной (нелокальной) редукции, если квантовая система, или волновая функция ее описывающая / представляющая, рассматривается как классический (деконтекстуализированный) объект, то есть если ее реальность редуцируется к объективности. На самом деле квантовая система не автономна, а предполагает контекст, в котором только ее волновая функция и приобретает смысл, то есть реальные (материальные) условия приготовления эксперимента, укорененность в реальности, которая ее питает и делает возможным идентификацию в разных контекстах бесконечного множества разных объектов. Объект $|\psi\rangle$, который сам является контекстуальным, как бы содержит в себе два возможных контекста (две потенциальности): $|1/2, -1/2\rangle$ и $|-1/2, 1/2\rangle$. Но эти контексты не предопределены. В противном случае они накладывались бы друг на друга, что невозможно. В непредопределенности суть квантовой контекстуальности. При измерении мы просто переходим в тот или иной контекст. Таким образом, нет никакого влияния на расстоянии и нет никакой редукции как физического процесса. В контексте мы идентифицируем реальное состояние системы, каким оно было до своей идентификации (реализм), но до нее не имело идентичности. Это и означает, что квантовая онтология контекстуальна.

Метафизический (объектный) реализм и антиреализм не делают различия между реальностью и объективностью, что равносильно игнорированию или неправильному пониманию контекстуальности. Первый принимает реальность контекстуального (непредопределенного) квантового объекта за его предопределенность, а второй – непредопределенность (контекстуальность) квантового объекта за его нереальность (якобы, измерение создает сам квантовый объект, который до измерения не существовал, тогда как на самом деле до измерения он не существовал лишь как (определенный) объект, а не вещь, то есть не имел

идентичности).

Как известно, квантовую корреляцию нельзя использовать для мгновенной передачи информации на расстояние. Тем не менее, некоторые авторы считают, что нельзя говорить и об отсутствии влияния А на В. ККР отрицает, что имеет смысл говорить о влиянии А на В.

Отметим также, что в случае квантовой непредопределенности можно поставить под сомнение, что имеет смысл говорить о корреляции, возникающей при одновременном измерении, произведенном на спутанных системах А и В, так как в этом случае одновременно как бы должны возникнуть две непредопределенные корреляции. Но на практике два измерения не абсолютно одновременны, хотя могут казаться одновременными. Также абсолютную одновременность отрицает специальная теория относительности. Относительность одновременности, однако, не создает проблемы. Порядок измерений может измениться в зависимости от движущейся системы отсчета, но результат корреляции не изменится, поскольку не изменится контекст, в котором производятся измерения и в котором корреляция фиксирована. С другой стороны, можно трактовать «одновременное» измерение, произведенное на А и В, как одно (а не два) измерение, произведенное над неразделимой составной системой.

Возражения, в том числе концептуальные и философские, против SI были приведены В. А. Фоком. В частности, интерпретируя понятие квантового ансамбля Д. И. Блохинцева в смысле статистического коллектива [1–2], Фок писал: «Элементами статистических коллективов, рассматриваемых в квантовой механике, являются не самые микрообъекты, а результаты опытов над ними, причем определенная постановка опыта соответствует одному определенному коллективу. Поскольку же получаемые из волновой функции распределения вероятностей для разных величин относятся к разным постановкам опыта, они относятся и к разным коллективам. Таким образом, волновая функция ни к какому определенному статистическому коллективу относиться не может» [2, с. 471] (Отметим, что в рамках диалектического материализма, в частности, ссылаясь на В. И. Ленина, Блохинцев делает важные философские замечания об объективности, реальности, неотделимости явлений микромира от макромира, критикует идеализм [4]. Можно также поставить вопрос о том, действительно ли его (SI) КМ принципиально отлична от правильно понятой (II).).

Фок считал, что волновая функция описывает объективное состояние индивидуальной квантовой системы в контексте макроскопических условий ее приготовления, которые задают систему отсчета, в которой рассматриваются явления: «Совершенно ясно, что относительность не мешает объективности. Уже в классической физике даже такие простейшие понятия, как траектория материальной точки, будучи вполне

объективными, являются в то же время относительными, так как получают определенный смысл только в определенной системе отсчета. Подобно этому, в квантовой физике относительность к средствам наблюдения только уточняет физические понятия и позволяет вводить новые, а отнюдь не лишает их объективности. Объекты микромира являются столь же реальными и их свойства столь же объективными, как и свойства объектов, изучаемых классической физикой» [2, с. 465].

Таким образом, с точки зрения нашей интерпретации квантовой механики (КМ) – контекстуального квантового реализма (ККР) – волновая функция описывает / представляет состояние индивидуальной квантовой системы в контексте ее приготовления, а понимание «редукции» волновой функции и квантовой корреляции не нуждается в понятии нелокальности. Иллюзия нелокальности в случае индивидуальной интерпретации КМ возникает при наличии философской предпосылки о редуцируемости реальности к объективности. Наша точка зрения совместима с реалистической индивидуальной интерпретацией В. А. Фока и дает ей дополнительное философское обоснование с точки зрения ККР [1–2].

Работа выполнена в рамках проекта БРФФИ № Г24МС-002 «Квантово-подобное моделирование социогуманитарных систем и философия контекстуального реализма».

Литература и источники

1. Фок, В. А. О так называемых ансамблях в квантовой механике / В. А. Фок // Вопросы философии. – 1952. – № 4. – С. 170–174.
2. Фок, В. А. Об интерпретации квантовой механики / В. А. Фок // УФН. – 1957. – Т. 62, № 8. – С. 461–474.
3. Khrennikov, A. Two faced Janus of quantum non-locality / A. Khrennikov // Entropy. – 2020. – № 22 (3). – P. 303.
4. Блохинцев, Д. И. Критика идеалистического понимания квантовой теории / Д. И. Блохинцев // УФН. – 1951. – Т. 45, № 10. – С. 195–228.
5. Ballentine, L. E. The Statistical Interpretation of Quantum Mechanics / L. E. Ballentine // Reviews of Modern Physics. – 1970. – Vol. 42, № 1. – P. 358–371.
6. Печенкин, А. А. Научный реализм и конструктивный эмпиризм: методология интерпретаций квантовой механики / А. А. Печенкин // Эпистемология и философия науки. – 2020. – Т. 57, № 2. – С. 179–191.
7. Прись, И. Е. Контекстуальность онтологии и современная физика / И. Е. Прись. – СПб. : Алетейя, 2020. – 354 с.
8. Прись, И. Е. Бозон Хиггса, квантовые струны и философия физики / И. Е. Прись. – СПб. : Алетейя, 2021. – 192 с.
9. Прись, И. Е. Контекстуальный квантовый реализм и другие интерпретации квантовой механики / И. Е. Прись. – М. : Ленанд, 2023. – 304 с.

10. Прись, И. Е. Мораль, квантовая механика, религия, технологии, искусственный интеллект через призму контекстуального реализма / И. Е. Прись. – М. : Ленанд, 2024. – 280 с.

ПАРАДИГМА ФИЗИКАЛИЗМА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ФИЗИКОВ И ФИЛОСОФОВ

А. Л. Радченко

В современной аналитической философии под физикализмом понимается онтологический тезис, признающий все существующее физическим или производным от него. Появление физикализма тесно связано с развитием логического позитивизма в начале XX века, а сам термин в современном значении впервые употреблен в 1931 году членом Венского кружка Отто Нейратом [4]. Позитивисты стремились расчистить завалы устаревших метафизических «псевдопроблем» и выстроить каркас позитивного знания на крепком эмпирическом фундаменте. Идеалом такого знания признавались естественные науки, а физика – главной из них. Физикализм, в свою очередь, наделяет физику верховным авторитетом в объяснении мира. Даже если на данный момент мы знаем о нем не все, физика (и только она) в перспективе сможет недостающие знания предоставить. В значительной мере физикализм стал модернизированной версией классического термина «материализм», от которого аналитические философы отказывались по многим причинам, среди которых можно выделить две основные: во-первых, неприятие метафизических наслоений, накопившихся в результате богатой истории использования в философии Нового времени; во-вторых, термин «материя» становился слишком узким по мере отхода от классической физики.

В философии сознания физикализм за свою вековую историю пережил несколько значительных трансформаций. Ранние версии отличались радикальной редуктивной установкой, подразумевающей, что психическое без остатка может быть сведено к физическому, а все психические события, соответственно, могут быть описаны на языке физики. Такая установка находит отражение в бихевиоризме, ставшем доминирующим направлением психологии начала XX века. Методология бихевиоризма исходит из того, что приватные события, включая мысли и чувства, являются не более чем реакциями организма на внешние стимулы, а также последствиями индивидуальной истории таких реакций. Указанные факторы могут быть изучены при помощи объективного наблюдения за физическими событиями, то есть за поведением человека, а традиционные интроспективные методы только вводят исследователя в заблуждение. В духе логического бихевиоризма выдержана и одна из

наиболее влиятельных работ по философии сознания первой половины XX века – «Понятие сознания» Гилберта Райла. В ней мыслитель последовательно реализует программу по объективации психического и стремится развенчать картезианский миф о «призраке в машине» [6]. Устоявшиеся представления о существовании субъективного мира внутренних переживаний, согласно Райлу, есть лишь следствие некорректного теоретизирования.

Однако в последующие десятилетия обнаруживаются концептуальные затруднения, приведшие к кризису логического позитивизма. Редуктивный физикализм также начинает идти на уступки, признавая значимость субъективных состояний. Ведущей физикалистской теорией сознания становится теория тождества (identity theory). Один из создателей теории австралийский философ Джон С্মарт вновь настаивает на истинности физикализма: «насколько известно современной науке, в мире нет ничего, кроме все более сложных систем, состоящих из физических элементов. Единственным исключением, пока не имеющем своего места в этой картине, является сознание» [8, с. 142]. Однако проект объяснения психического терминами физики уже потерпел неудачу. Наиболее приемлемый выход из этой ситуации, согласно Смарту, заключается в том, чтобы признать сознание существующим, но полностью тождественным физическим процессам в мозге и нервной системе.

Дальнейшее развитие философии сознания привело к появлению сильных аргументов, демонстрирующих нарушение строгого соответствия психического и физического. В результате проponentы физикализма снова вынуждены были смягчать позицию, вплетая в свои теории элементы функционального подхода (где сознание признается сводимым не к физическому носителю, а к выполняемым функциям), а также заменяя слишком жесткое отношение тождества на отношение супервентности психического на физическом. Тем не менее, несмотря на почти вековое отступление под натиском критики, физикализм сегодня сохраняет позицию базовой методологической установки в аналитической философии [1]. В современной литературе представлен широкий спектр стратегий, в числе которых можно выделить обновленные версии восходящего к Райлу элиминативизма, а также чуть менее радикальный иллюзионизм Дэниэля Деннета, считающий, что сознание является иллюзорной «виртуальной машиной» на физическом носителе [2]. Все эти стратегии разделяют исходный тезис физикализма: сознание является производным от физического, а значит главным инструментом для его изучения являются естественные науки, в том числе бурно развивающиеся когнитивные дисциплины. Аналитические философы в большинстве своем все еще готовы следовать позитивистским установкам и доверять познание всего сущего (куда включается и сознание) ученым.

Однако если последовать совету физикалистов и обратиться за ответами непосредственно к физикам, то обнаружится парадоксальная ситуация. Природой сознания интересовались многие выдающиеся представители физической науки, но в подавляющем большинстве случаев их рассуждения были далеки от постулатов физикализма, а часто прямо противоречили им. К примеру, лауреат Нобелевской премии по физике 2020 года Роджер Пенроуз предложил теорию сознания, основанную на онтологической концепции, названной им «математическим платонизмом» [5], за что немедленно подвергся сокрушительной критике со стороны более ортодоксально настроенных философов [3]. Еще удивительнее в этом контексте выглядит тот факт, что среди великих физиков XX века весьма популярным был тезис о фундаментальном статусе сознания. Так, об этом говорит один из создателей квантовой механики Эрвин Шредингер: «сознание не может быть объяснено в физических терминах: сознание абсолютно фундаментально» [7, с. 91]. Даже беглое ознакомление с текстами таких философствующих физиков, как Вернер Гейзенберг, Нильс Бор, Джон Уилер, Юджин Вигнер (список далеко не исчерпывающий) обнаруживает, что они всерьез рассматривали возможность первичности психического по отношению к физическому – ту самую возможность, которую физикализм отбрасывает изначально как не соответствующую строгим требованиям физики.

Таким образом, физикализм поддерживают философы, но довольно часто не разделяют сами физики. Положение дел в современной физической науке, предлагающей больше загадок, чем ответов, только усугубляет ситуацию. Призывы отбросить спекуляции и опереться на надежный естественнонаучный фундамент сталкиваются с тяжелой проблемой – достаточно надежного фундамента в современной науке нет. Физикализм начала XX века появлялся на излете классической физики и ориентировался на модель научного мировоззрения, уже тогда не вполне соответствовавшей мировоззрению ученых; сегодня этот разрыв только растет. Категория физического теперь нуждается в прояснении не в меньшей степени, чем категория психического, поэтому сведение второго к первому не достигает желаемого результата. Более плотная конвергенция физического и философского знания сопряжена со значительными трудностями, но может оказаться необходимой для решения проблемы сознания.

Литература и источники

1. Bourget, D. *Philosophers on Philosophy: The 2020 PhilPapers Survey* / D. Bourget, D. J. Chalmers // *Philosophers' Imprint*. – 23: 11. – 2023. – 53 p.
2. Dennett, D. C. *Consciousness Explained* / D. C. Dennett. – New York : Hachette Book Group, 1991. – 511 p.

3. Grush, R. Gaps in Penrose's Toilings / R. Grush, P. S. Churchland // Journal of Consciousness Studies. – 1995. – № 2. – P. 10–29.
4. Neurath, O. Physicalism: The Philosophy of the Viennese Circle / O. Neurath // The Monist. – 1931. – Vol. 41, № 4. – P. 618–623.
5. Penrose, R. The Emperor's New Mind: Concerning Computers, Minds and the Laws of Physics / R. Penrose. – Oxford : Oxford University Press, 1989. – 602 p.
6. Ryle, G. The Concept of Mind / G. Ryle. – London : Routledge, 2009. – 314 p.
7. Schrödinger, E. Editorial Notes / E. Schrödinger // Physic Research. – 1933. – Vol. 25, № 3. – P. 90–92.
8. Smart, J. J. C. Sensations and Brain Processes / J. J. C. Smart // The Philosophical Review. – 1959. – Vol. 68, № 2. – P. 141–156.

РОЛЬ ДОВЕРИЯ В ПРОЦЕССЕ МЕДИЦИНСКОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ: ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ПАЦИЕНТОВ И ПУТИ ЕГО УКРЕПЛЕНИЯ

А. И. Разуванов, С. В. Козлова, А. А. Шнигур

Доверие является фундаментальным аспектом во всех областях медицинской практики. Традиционно доверие в здравоохранении строится на отношениях между пациентами и врачами, а также на уверенности в медицинских учреждениях и системе здравоохранения в целом. Это доверие основывается на ожиданиях пациентов в отношении качества медицинской помощи, профессионализме врачей и конфиденциальности медицинской информации, поэтому неудивительно, что оно влияет на соблюдение медицинских рекомендаций, успешность лечения и, в конечном итоге, на здоровье общества в целом.

С внедрением электронной медицинской документации, телемедицины, персонализированной медицины и других электронных новшеств традиционные основы доверия подвергаются изменению. Как правило, такие инновации порождают опасения, связанные с потерей человеческого элемента при контакте с пациентами, с проблемами приватности и безопасности персональных данных, а также прозрачности принимаемых решений.

Всемирной Организацией Здравоохранения (ВОЗ) также подчеркивается большое значение доверия к системам здравоохранения с целью их эффективного функционирования. Несмотря на всю сложность и многогранность концепции доверия, необходимо понимать, что она является фундаментом взаимоотношений в экосистеме здравоохранения, в том числе между медицинскими работниками и пациентами, внутри клинических команд. Следует также отметить, что огромное значение представляет доверие и самих медицинских работников к системе здравоохранения, так как его потеря способствует нехватке рабочей силы и

нежеланию осуществлять необходимые преобразования [1, с. 6].

Несмотря на обширность исследований в области доверия пациентов к медицинским работникам предпринимаемые меры для улучшения данной качественной характеристики показали небольшой положительный эффект на результаты системы здравоохранения. ВОЗ отмечает, чтобы решить вопрос доверия между врачом и пациентом и понять его уровень между врачами и средним медицинским персоналом, существует потребность в инструментах его измерения, особенно для оценки доверия к врачам и медицинским мультидисциплинарным командам [1, с. 6].

Озвученные вызовы характерны и для такой области здравоохранения как медицинская реабилитация. Поскольку медицинская реабилитация делает акцент на максимально возможном физическом, эмоциональном и психосоциальном благополучии, независимости пациента, особое место в процессе оказания необходимых услуг занимает командная работа (работа в рамках мультидисциплинарной реабилитационной бригады – МДРБ). При этом работа в МДРБ не должна заключаться в сборе заключений (мнений) нескольких специалистов по конкретному случаю, а должна предполагать междисциплинарный подход, подразумевающий поиск оптимального реабилитационного маршрута (составление индивидуальной программы реабилитации пациента с определением задач на каждом этапе медицинской реабилитации) [2, с. 52; 3].

Доверие в процессе медицинской реабилитации является неотъемлемым элементом, способствующим успешному восстановлению пациентов. Оно помогает создать благоприятную атмосферу для взаимодействия, где пациенты чувствуют поддержку и уверенность в своих силах. Высокий уровень доверия способствует более активному участию пациентов в реабилитационных программах, улучшению их мотивации и, как следствие, достижению лучших конечных результатов.

На сегодняшний день современные методы медицинской реабилитации включают в себя широкий спектр технологических инноваций, направленных на улучшение функционального восстановления пациентов после травм, операций или хронических заболеваний. Одним из ключевых направлений является использование роботизированных систем и виртуальной реальности для помощи в восстановлении двигательных функций. Согласно данным платформы StartUs40, в 2023 г. топ мировых трендов в области развития новых технологий, оказывающих влияние на эффективность и доступность услуг по медицинской реабилитации, составили десять инноваций: иммерсивные технологии, телереабилитация, носимые устройства для реабилитации, реабилитационная робототехника, персонализированная предреабилитационная диагностика, искусственный интеллект, нейробиоуправление, разгрузочные технологии, большие данные и аналитика.

Применение роботизированных систем и виртуальной реальности в медицинской реабилитации в конечном итоге позволяет проводить дозированные и стандартизированные мероприятия, адаптировать нагрузку и сложность программ реабилитации в зависимости от прогресса пациента. Так, например, виртуальная реальность (VR), которая используется для создания иммерсивных сред, стимулирует пациентов к выполнению реабилитационных упражнений. VR платформы могут симулировать реальные сценарии или игровые задачи, что делает процесс реабилитации более интересным и мотивирующим. Такие технологии особенно эффективны в нейрореабилитации, где важно вовлекать пациентов в активные действия, способствующие восстановлению нейропластичности.

Однако использование роботизированных систем и виртуальной реальности, с одной стороны, может существенно повысить эффективность реабилитационных мероприятий, с другой стороны, вызвать опасения относительно «обезличивания» медицинской помощи и потери важного элемента человеческого взаимодействия между пациентом и специалистами МДРБ, что, в свою очередь, создает угрозу для «дегуманизации» процесса реабилитации. Кроме того, одним из основных вызовов в рамках проведения медицинской реабилитации является отсутствие способности инновационных программ адаптироваться к индивидуальным нуждам каждого пациента, включая тонкую настройку и персонализацию упражнений для целей эффективной реабилитации.

Таким образом, для укрепления доверия в процессе медицинской реабилитации важно учитывать несколько ключевых аспектов:

1. Прозрачность и информированность. Пациенты должны получать полную и достоверную информацию о своем состоянии, методах медицинской реабилитации и возможных рисках. Это позволит им принять осознанные решения и укрепить доверие к специалистам МДРБ и используемым технологиям.

2. Безопасность и конфиденциальность данных. В условиях цифровой медицинской реабилитации особое внимание должно уделяться защите персональных данных пациентов. Оно включает в себя использование надежных систем шифрования и строгие протоколы безопасности для предотвращения утечек информации [4].

3. Профессионализм и обучение медицинских работников. Внедрение новых технологий требует от специалистов МДРБ соответствующей подготовки и повышения квалификации. Оно включает обучение работе с новыми устройствами и программами, а также понимание этических аспектов их использования [5].

4. Индивидуальный подход. Важным аспектом является учет индивидуальных особенностей каждого пациента, включая их культурные, религиозные, социальные и личные предпочтения. Это способствует более

персонализированному подходу к проведению медицинской реабилитации и повышению уровня доверия [6].

Кроме того, необходимо отметить, что на формирование уровня доверия пациентов к медицинским технологиям и инновациям также влияют такие критерии как их собственная информированность и личный опыт. Они определяют способность людей понимать и оценивать риски и преимущества, связанные с использованием новых технологий в здравоохранении.

Информированность – доступ к актуальной информации о новых технологиях и их влиянии на здоровье – может увеличить доверие пациентов к врачам. Прозрачное и открытое общение о возможностях и ограничениях технологий, а также о стандартах безопасности и эффективности, способствует укреплению доверия.

Личный положительный опыт может значительно повысить доверие к медицинским технологиям, в то время как негативный опыт способен вызвать сомнения и недоверие.

Таким образом, доверие играет ключевую роль в успехе медицинской реабилитации, поскольку оно влияет на уровень взаимодействия пациентов со специалистами МДРБ, мотивацию и приверженность к реабилитационным мероприятиям. Однако для обеспечения эффективного процесса восстановления пациента, с нашей точки зрения, необходимо не только укрепление его доверия к медицинским работникам, но и создание условий для внутрикомандного доверия (междисциплинарности) среди специалистов МДРБ. Для достижения последнего актуальным становится вопрос разработки нового единого и понятного для каждого из участников МДРБ инструмента для определения основных задач реабилитационного процесса. При этом новый инструмент ляжет в основу экспертно-реабилитационной диагностики, по результатам которой будет составлена индивидуальная программа медицинской реабилитации пациента. Можно предположить, что его применение улучшит координацию усилий специалистов МДРБ и будет способствовать повышению качества оказываемых медицинских услуг.

Литература и источники

1. Trust. The foundation of health systems [Electronic resource]. – Mode of access: <https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/374901/9789289059534-eng.pdf>. – Date of access: 14.08.2024.
2. Blackmer, J. Ethical issues in rehabilitation medicine / J. Blackmer // *Scand J Rehab Med.* – 2000. – № 32. – P. 51–55.
3. Качество, эффективность и безопасность медицинской деятельности [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://vestnikrzn.press/article/multidisciplinarnost-i-mezhdisciplinarnost-kak-vozmozhnosti-dlya-razvitiya->

sistemy-okazaniya-mediczinskoj-pomoshhi-v-rossijskoj-federaczii/. – Дата доступа: 14.08.2024.

4. Fan, Y. J. IoT-Based Smart Rehabilitation System / Y. J. Fan [et al.] // IEEE Transactions on Industrial Informatics. – 2014. – № 10, iss. 2. – P. 1568–1577.

4. IoT-Based Smart Rehabilitation System [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ieeexplore.ieee.org/document/6722995/references#references>. – Дата доступа: 14.08.2024.

5. Iserson, K. V. The ethics of applying new medical technologies / K. V. Iserson, P. M. Chiasson // Semin Laparosc Surg. – 2002. – № 9 (4). – P. 9–222.

6. Conti, A. An Ethical Reflection on the Application of Cyber Technologies in the Field of Healthcare / A. Conti [et al.] // Advances in Service and Industrial Robotics Mechanisms and Machine Science. – 2017. – Vol. 49. – P. 870–876.

КАНЦЭПТ «ВІРТУАЛЬНАЕ» Ў СХАЛАСТЫЦЫ ВЫСОКАГА СЯРЭДНЯВЕЧЧА (900–1300 гг.)

С. І. Санько

Канцэпт ВІРТУАЛЬНАЕ разам з канцэптам ІНФАРМАЦЫЯ стаў адным з ключавых у культуры XX і XXI стст. Відавочна, гэта звязана з імклівым развіццём інфармацыйных тэхналогій і іх пранікненнем у ва ўсе сферы жыцця сучаснай цывілізацыі. Аднак яго гісторыя налічвае ўжо больш за восем стагоддзяў. І за гэты працяглы перыяд яго сэнс бесперапынна ўдакладняўся, аж да таго, што ў розных галінах ведаў канцэпт стаў дастасоўвацца да такіх розных сфер, як віртуальныя часціны ў тэорыі квантаваных палёў, з аднаго боку, і віртуальная рэальнасць у галіне высокіх тэхналогій, з іншага.

У еўрапейскія мовы слова *віртуальны* прыйшло з сярэднявечнай лаціны (*virtualis* – дзейсны, здольны да дзеяння).

Першым слова *virtualis* стаў выкарыстоўваць у сваіх сачыненнях французскі філосаф-схаласт, тэолаг, педагог XII ст. Хуга Сэн-Вікторскі (фр. Hugues de Saint-Victor, лат. Hugo de Sancto Victore; 1096–1141). Ці быў ён сам вынаходнікам гэтага нэалагізму або слова спантанна нарадзілася ў хадзе бесперапынных дыспутаў у асяроддзі французскіх схаластаў – нам не вядома. Але відавочна, што слова было выведзена з лацінскага *virtus*, якое азначала выбітныя дадатныя мужчынскія якасці, у прыватнасці, фізічную сілу, моц або маральную цноту, у агульным сэнсе – дзейнасць, здольнасць да дзеяння або ўздзеяння на нешта (пра гістарычныя акалічнасці ўзнікнення і семантычную эвалюцыю гэтага слова гл. [1]).

Хуга выкарыстаў формы гэтага слова, а таксама прыслоўе *virtualiter* ‘віртуальна’ ў трактатах «Экзэгетыка» («Exegetica») і «Дыдаскалікон» («Didascalicon», 1120-я гг.) у досыць празрыстых кантэкстах. Характэрнай асаблівасцю твораў Хуга былі іерархічныя класіфікацыі, найчасцей

трыядычныя, часам пентадычныя. Так, кажучы пра ўзрушэнне души ён выкарыстоўвае пентадычную класіфікацыю («Экзэгетыка»): «Таму агульнае ўзрушэнне души складаецца з пяці частак. Бо часам сэрцам чалавека рухае толькі д'ябал, часам – толькі чалавек, часам – толькі Бог, часам – чалавек і д'ябал, часам – чалавек і Бог. Першае (узрушэнне паходзіць) праз унушэнне віны; другое – праз просты разгляд прыроды; трэцяе – праз імгненнае натхненне ласкі (Божай); чацвёртае – праз спакуслівае задавальненне; пятае – праз пачуццё цнотаў і сузіранне Жаніха. Першае і другое бяшкодныя для чалавека: трэцяе слаўнае; чацвёртае – вартае пакарання; пятае – вартае ўзнагароды. Чацвёртае – заганнае, і яго трэба асуджаць. Пятае – *віртуальнае* (*virtualis*), і будзе ўшанавана вянком. Трэцяе – прымаецца з ахвотай. Другое аб'якавае да першага. Чацвёртае звязанае з плоцю, пятае – з духам: трэцяе – з Богам, першае і другое – ні з тым, ні з другім» [2, р. 383].

Трыядычная класіфікацыя прагрэсій души прыводзіцца ў «Дыдакаліконе»: «Такім чынам, першае прасоўванне души наперад палягае ў тым, што яна пашыраецца ад сваёй простаі сутнасці, прадстаўленай манадай, да *віртуальнай* траістасці (*virtualem ternarium*), дзе яна ўжо жадае аднаго праз пажадлівасць, пагарджае другім праз гнеў і адрознівае паміж гэтымі двума з дапамогай развагі. І слушна сказана, што яна пераходзіць з манады ў трыяду, таму што ўсякая існасць натуральным чынам папярэднічае сваёй патэнцыі» [3, р. 27]. «Потым, з *віртуальнай* траістасці (*a virtuali ternario*), другая прагрэсія спускаецца, каб кіраваць музыкай чалавечага цела, якое складаецца з дзевяці, таму што ў чалавечым целе ёсць дзевяць адтулін, праз якія згодна з натуральнай гармоніяй цячэ і выцякае ўсё з дапамогай чаго тое ж самае цела расце і кіруецца. Гэта таксама парадак, таму што душа, натуральна, мае свае патэнцыі, перш чым змяшчацца з целам».

Хуга абагульняе трыядычную класіфікацыю да ўніверсальнага тлумачальнага прынцыпу: «... ўніверсальная іерархія не толькі падзелена на першую, сярэднюю і вышэйшую іерархію, і кожная асобная іерархія – на першы, сярэдні і вышэйшы парадкі, і кожны парадак – на першы, сярэдні і вышэйшы дух; але і сам асобны анёльскі дух, а нават і чалавечы, *віртуальна* (*virtualiter*) асобныя самі па сабе, змяшчаючы першыя і сярэднія і вышэйшыя асаблівыя якасці: з дапамогай якіх, іх адпаведнымі ўзвышэннямі, гэта значыць іх рухамі ўверх, або ўзыходжаньнямі, ад ніжэйшага да сярэдняга і ад сярэдняга да вышэйшага...» [2, р. 1103].

Істотным у «Дыдакаліконе» Хуга было – праўда, толькі – пазначанае адрозненне віртуальнасці і патэнцыйнасці: «Менавіта таму, што розум, адзначаны падабенствам усіх рэчаў, кажуць, што ён ёсць усё і атрымлівае свой склад з усіх рэчаў, але не ў якасці сапраўдных складнікаў, але *віртуальна* і *патэнцыйна* (*virtualiter atque potentialiter*)...» [3, р. 6].

У гэтых сачыненнях Хуга, як і ў творах іншых сярэднявечных

схаластаў, бачны значны ўплыў неаплатанізму, які – праз Эрыугену, Аўгустына Аўрэлія, Дыянісія Арэапагіта – стаў складовай часткай еўрапейскага схаластычнага дыскурсу, а пазней яго ўплыў толькі ўзмацняўся аж да Г. В. Ф. Гегеля, Ч. С. Пёрса і інш.

Інавацыя Хуга Сэн-Вікторскага была падхоплена і развіта Томасам Аквінскім (Thomas Aquinas, каля 1225–1274) у цэлым шэрагу сачыненняў, а найперш у яго незавершанай «Summa theologiae / theologica» (1265–1274). Аналізу канцэптаў ВІРТУАЛЬНАЕ і ВІРТУАЛЬНАСЦЬ у Томаса Аквінскага прысвечаны цэлы шэраг спецыяльных даследаванняў і тут няма патрэбы паўтараць іх вынікі. Адзначым толькі тыя моманты, якія пазней стануць ключавымі ў філасофіі віртуальнага.

Адзначым, што Томас Аквінскі імкнецца разглядаць віртуальнае ў двух ракурсах – гнаселагічным і анталагічным. Першы ракурс можа быць ахарактарызаваны як высвятленне суадносін агульнага і асаблівага. Аднак абодва ракурсы пэўным чынам спалучаюцца ў трэцяй – тэалагічнай перспектыве. Найперш гэта датычыць спазнаваўчай здольнасці і навукі як такой. Так: «Дзейнасць спазнаваўчай здольнасці (*actus cognoscitivae virtutis*) адпавядае таму, што спазнана ў тым, хто спазнае, у той час як дзейнасць сілы жадання скіравана на рэчы ў адпаведнасці з тым, чым яны ёсць самі па сабе. Але што б ні было прычынай быцця і ісціны, усё віртуальна (*virtualiter*) знаходзіцца ў Богу, але не ўсё існуе ў створаных рэчах. Такім чынам, Бог ведае ўсю ісціну, але не жадае ўсяго добра, за выключэннем таго, чаго хоча сам, у Кім віртуальна (*virtualiter*) існуе ўсякае дабро» [6, р. 241]. Што да навукі, то «разгляд спекулятыўнай навукі не выходзіць за межы сілы прынцыпаў гэтай навукі, таму што ў прынцыпах навукі віртуальна (*virtualiter*) змяшчаецца ўся навука» [8, р. 33].

Гэтае ж уяўленне Томас Аквінас пераносіць у онта-тэалагічны план: «... першы акт (*primus actus*) з’ўляецца ўніверсальным прынцыпам усіх актаў, таму што ён бясконцы, які віртуальна (*virtualiter*) змяшчае ўсё ў сабе...» [7, р. 202]. У сваю чаргу, *primus actus* суадносіцца з Богам.

Яшчэ больш паслядоўна гэтую лінію разважанняў працягнуў шатландскі тэолаг, аўтарытэтны філосаф-схаласт Дунс Скот (Ioannes Duns Scotus, John Duns Scotus, 1266–1308). Дунс Скот асабліва часта ўжывае новае слова і яго вытворныя ў самых розных сваіх трактатах. Найбольш дэталёва тэма суадносін здольнасці да дзеяння, дзейнасці (*potentia*) і дзеяння (*actus*) распрацоўваецца філосафам у трактатах «Аб першым прынцыпе» («*De primo principio*») [4] і «Пытаннях па метафізіцы Арыстотэля», Кніга IX («*Questiones in metaphysicam Aristotelis*», Liber IX) [5]. Адпаведна, у іх і былі выказаны пэўныя ідэі, што да суадносін віртуальнага, актуальнага і актуалізацыі віртуальнага ў актуальным, абмеркаванне якіх дасягнула піка ў XX ст. і доўжыцца дагэтуль.

Выклікаюць цікавасць наступныя тэзісы Дунса Скота: «Першае

дзеяснае – самае актуальнае, бо віртуальна ўтрымлівае ўсякую магчымую актуальнасць. Першая мэта – самая лепшая [яна] віртуальна (*virtualiter*) ўтрымлівае ўсякае магчымае дабро» [4, р. 64]; «Але прынцып больш ісцінны. Такім чынам, мэта, якая віртуальна (*virtualiter*) ўлучае ў сябе гэту ісціну, больш дасканалая, чым прадмет заключэння» [4, р. 34]; «што адразу віртуальна (*virtualiter*) мае бясконцы вынік – бясконцае» [4, р. 126] і г. д.

Падсумоўваючы, можна сказаць, што вучоныя-схаласты Высокага Сярэднявечча ужо цалкам свядома пачалі распрацоўваць канцэпцыю ВІРТУАЛЬНАГА як свайго роду *генератыўнага прынцыпу*, які параджаў усю разнастайнасць актуальна-рэальнага. Гэтыя ідэі раптам сталі надзвычай актуальнымі ў XX ст. – спачатку ў асадах сяміялогіі (Ф. дэ Сасюр, Г. Гіём), а з сярэдзіны 60-х гг. – у філасофіі, дзякуючы працам Ж. Дэлэза.

Літаратура і крыніцы

1. Biosca, A. Origin of Virtuality / Antoni Biosca // *Eikasía: revista de filosofía*. – 2015. – № 64. – Р. 81–110.
2. Hugo de Sancto Victore. Hugonis de S. Victore Opera omnia. Tribus Tomis Digesta / Hugo de Sancto Victore ; Accurante J.-P. Migne. – Editio nova. – Parisiis : Apud Garnier fratres, editores et J.-P. Migne successores, 1879. – Tomus primus. – clxviii, 1176 col. – (Patrologiæ cursus completus, Series latina prior, Tomus CLXXXV).
3. Hugo. Hugonis de Sancto Victore Didascalicon de studio legendi: a critical text / Hugo ; Charles Henry Buttmer. – Washington : Catholic University Press, 1939. – 160 p.
4. Scotus, D. The *De Primo principio* of John Duns Scotus / John Duns Scotus ; A Revised Text and a Translation by Evan Roche. – New York : The Franciscan Institute St. Bonaventure ; Louvain, Belgium : E. Nauwelaerts, 1949. – xvii, 153 p.
5. Scotus, D. J. Questions on the Metaphysics of Aristotle by John Duns Scotus / John Duns Scotus ; transl. by Girard J. Etzkorn and Allan B. Wolter. – New York : St. Bonaventure University, Franciscan Institute Publications, 1998. – Vol. II. Books Six-Nine. – xix, 625 p.
6. Thomas Aquinas. Sancti Thomae Aquinatis doctoris angelici Opera omnia iussu impensaque Leonis XIII P. M. edita / Thomas Aquinas. – Romae : Ex typographia Polyglotta, 1891. – Tomus IV. Pars prima Summae theologiae a quaestione I ad quaestionem XLIX. Ad codices manuscriptos vaticanos exacta cum commentariis Thomae De Vio Caietani ordinis praedicatorum / Cura et studio fratrum eiusdem ordinis. – xvi, 509.
7. Thomas Aquinas. Sancti Thomae Aquinatis doctoris angelici Opera omnia iussu impensaque Leonis XIII P. M. edita / Thomas Aquinas. – Romae : Ex typographia Polyglotta, 1889. – Tomus V. Pars prima Summae theologiae a quaestione L ad quaestionem CXIX. Ad codices manuscriptos vaticanos exacta cum commentariis Thomae De Vio Caietani ordinis praedicatorum / Cura et studio fratrum eiusdem ordinis. – 584 p.
8. Thomas Aquinas. Sancti Thomae Aquinatis doctoris angelici Opera omnia iussu impensaque Leonis XIII P. M. edita / Thomas Aquinas. – Romae : Ex typographia Polyglotta, 1891. – Tomus VI. Prima secundae Summae theologiae a quaestione I ad

quaestionem LXX. Ad codices manuscriptos vaticanos exacta cum commentariis Thomae De Vio Caietani ordinis praedicatorum / Cura et studio fratrum eiusdem ordinis. – 470 p.

ФИЛОСОФСКОЕ НАСЛЕДИЕ ФИЛЛИПА МЕЛАНХТОНА

А. Ю. Севальников

В западной истории философии прочно укрепилось мнение, что вся последующая философия эпохи Нового времени, вплоть до эпохи Просвещения была подготовлена в значительной степени трудами Меланхтона. В самом начале статьи мы ссылались на высказывание Вильгельма Дильтея, что «theologia naturalis» Меланхтона подготовила и заложила основы «всех гуманитарных наук XVII столетия».

Нельзя не согласиться с известным немецким философом Вильгельмом Дильтеем, что «если стремиться проследить постепенное формирование учения неизменной естественной системы истин в духе человека, пытаться установить в этом процессе влияние древних писателей, особенно римской философии и обусловленной ею традиции, надо обратиться к Меланхтону» [1, с. 126]. Именно Дильтею принадлежит знаменитое утверждение, впоследствии получившее в истории философии название «тезис Дильтея», что в «theologia naturalis» Меланхтона были подготовлены и разработаны все основы наук о духе XVII-го столетия [2, с. 187].

Меланхтон известен обычно как теолог и один из реформаторов Церкви, автор основного вероучительного документа протестантской Церкви – Аугсбургского Исповедания «Confessio Augustiana» и знаменитой богословской работы «Loci communes» – первой богословской работой евангелической Церкви. Однако только к реформаторской деятельности его жизнь не сводится. Худой и даже тщедушный Меланхтон всегда держался в тени внешне яркой и грузной фигуры Лютера, играя в роли раскола Католической Церкви ведущую роль.

В 1997 году в Германии широко отмечалось 500-летие со дня рождения Филиппа Меланхтона. В связи с юбилеем появилось огромное количество новых публикаций, посвященных его деятельности. И здесь появились публикации, обоснованно доказывающие, что фундамент нашей сциентистско-технократической цивилизации также связан напрямую с работами Меланхтона. Если быть точнее, ряд его работ еще в XVI столетии заложили основы современного понимания естественных наук. Именно он за столетие до Декарта и Галилея высказывает идеи, которые и легли в основания нашей сциентистской цивилизации. Например, в книге «Initia doctrinae physicae» Меланхтон очень близко подходит к формулировке принципа инерции, что только через столетие будет

довершено Галилеем и Декартом, а также совершенно не двусмысленно заявляет о возможности математического описания физических явлений, что в то время вразрез шло с господствующими аристотелевскими представлениями о мире. Здесь могу сослаться на исследования современного немецкого философа Гюнтера Франка.

Франк отмечает, что ключевым в натурфилософии Меланхтона является понятие движения. Для него очевидно: природа при отрицании движения не познается. Как и всей предшествующей традицией, движение рассматривается им как основной феномен природы.

Однако встает вопрос, как конкретно понимать движение в качестве первичного феномена природных процессов? И формально Меланхтон следует при обсуждении этого вопроса аристотелевской позиции, которую он рассматривает на фоне различных комментаторов: «движение есть акт сущего, находящегося в потенции, именно поскольку оно (сущее) находится в потенции (*motus est actus eius quod est in potentia, inquantum huiusmodi*)» [3, с. 45]. Под *ens in potentia* он понимает предмет, который может принимать форму и стремиться к ней. *Actus*, напротив, есть действие, деятельность в самом предмете, который может стать субстанциальным или акцидентальным. Такое различие играло большую роль в традиционном понимании движения: движение, не движущее себя само, рассматривалось как акцидентальное, и, напротив, движущее само себя рассматривалось в качестве субстанциального. Природа при этом рассматривалась как субъект движения.

Как отмечает Гюнтер Франк, решающим явилось то, что «Меланхтона интересует только акцидентальная сторона движения, которую он идентифицирует с аристотелевым понятием "энтелехия", и, так же, как и Боэций и Цицерон переводит как "actus", т. е. деятельность (действие). Он так формулирует свое понимание движения: движение есть акт, т. е. действие, т. е. достижение формы или цели, или потеря формы в предмете, который находится "в потенции", т. е. который может принимать форму или стремиться к ней (Движение) является действием до тех пор, пока предмет стремится к этой форме» [3, с. 45–46].

Такое определение движения было неприемлемо для философов-схоластов. Из него, вообще говоря, следует такой вывод: движение, будучи начато по какой-то причине, может существовать самостоятельно, до тех пор, пока его не прекратят другие силы, а не переходит к покою, как предполагал Аристотель, достигнув своего «естественного места». Это, однако, означает, что движение, будучи однажды начато, может никогда и не прекратиться. Такой вывод никак не согласуется с аристотелевым пониманием движения. При таком понимании движения, тело может двигаться в силу присущего ему свойства. Это и означает понимание движения как акцидентального действия, существенным образом разрушающее аристотелевское понимание движения. У Аристотеля

понятие движения связано с учением об акте и потенции, с сущностью вещи и носит, таким образом, онтологический характер. С пониманием движения как акцидентального действия происходит, можно сказать, деонтологизация этого понятия. Движение теперь может быть объяснено свойствами, присущими самому предмету и причинами движения, и не требует прояснения сущности вещи.

Природа по Меланхтону может быть осмыслена в рамках всеобщей связи явлений, связи всего со всем, всеобщей причинности бытия, исходя из чего и может быть понято движение. Такая позиция не может рассматриваться как материалистическая, а связана с деонтологизацией аристотелевско-схоластической натурфилософии. «Отказ от учения об акте и потенции в понятии движения, центрального в аристотелевской онтологии и всеобщая причинность ни в коем случае не означает для Меланхтона отрыва от божественной основы мира. Для него это – устранение старого дуализма: силы для объяснения движения и материи не появляются извне, не противостоят им в онтологическом смысле; весь порядок исходит из самой природы, т. к. такой ее создал Бог» [3, с. 50].

В философии Меланхтона проявлена явная тенденция понимания природы исключительно на основе имманентных ей принципов и законов, тенденция, которую завершит потом только Рене Декарт, у которого все душевно-духовное стало полностью отделено от материи. Эта тенденция приводит, в конечном счете, к пониманию материи как чего-то самостоятельного, со своими законами и независимым существованием. Показательно отметить, что именно Меланхтон одним из первых вводит понятие «*machina mundi*» и «*universa machina*», которая характеризуется всеобщей причинностью, проявленной через математические структуры.

Итак, подводя здесь итог, можно констатировать, что натурфилософские работы Меланхтона явились тем идейным базисом, на котором позднее были выстроены основания совершенно нового понимания естествознания, характерного именно для нашей эпохи.

Литература и источники

1. Дильтей, В. Воззрение на мир и исследование человека со времен Возрождения и Реформации / В. Дильтей, – М. ; СПб. : «Центр гуманитарных инициатив», 2013. – 464 с.
2. Dilthey, W. Melanchthon und die erste Ausbildung des natürlichen Systems in Deutschland / W. Dilthey // Aufsätze zur Philosophie (hrsg. von M. Marquardt). – Berlin, 1986, – P. 186–254.
3. Frank, G. Gott und Natur – Zur Transformation der Naturphilosophie in Melanchthons humanistischer Philosophie, in: Melanchthon und Naturwissenschaften seiner Zeit / G. Frank // Melanchthon – Schriften der Stadt Bretten. Hrsgb. von Stefan Rhein und Heinz Scheible. Bd. 4. Jan Thorbecke Verlag Sigmaringen. – 1998.

РЕФЛЕКСИЯ О ТЕХНИКЕ В ТВОРЧЕСТВЕ В. Ф. ОДОЕВСКОГО: ОТ ПРОСВЕЩЕНИЯ К СОВРЕМЕННОСТИ

Т. Ю. Сидорина

Доклад посвящен творчеству Владимира Федоровича Одоевского, ученого, мыслителя, представителя романтической традиции в философии и литературе, последователя Ф. Шеллинга и Э. Гофмана. Обращение к идеям Одоевского представляет особенный интерес в современных условиях формирования технического общества и технологической перспективы. С достижениями механики и техники Одоевский соотносит упования о благом развитии человека и общества, связывает просвещение и образование молодежи. Вместе с тем Одоевский видит опасность, которая таится в механицизме и рассудочном знании. Этой опасностью станет утрата целостности, распад и опустошение, которые постигнут мир, переживший кризис культуры. Обращаясь к творчеству мыслителя, мы прослеживаем тенденции в рефлексии о технике с философских позиций, а также в единстве с поэтическим и музыкальным.

Отталкиваясь от темы нашей конференции, я бы хотела коснуться нескольких аспектов творчества Одоевского, но прежде всего его рефлексии о технике, в которой Одоевский проявляет себя, с одной стороны, приверженцем технического прогресса, а с другой – выступает его противником.

Наследуя великим утопистам прошлого, Одоевский в 1835–1839 гг. пишет роман «4338-й год: Петербургские письма», в котором посредством социальной мифологии конструирует образ будущего и делает серьезные технологические прогнозы.

В романе «Русские ночи» (1844) Одоевский предстает критиком научной рациональности, рассудочности, абсолютизации расчетов и цифр; но в то же время и жертвой своих прозрений. Роман «Русские ночи» в целом замешан на полемике: спорят герои романа – молодые любомудры, рассуждают об основных коллизиях своего времени, неразрешимых противопоставлениях, антитезах романтического и обыденного, фантастического и реалистического, поэтического и утилитарного, которые привели к кризису, который вскоре будет переживать европейское человечество, и который задолго до его наступления сумел почувствовать последний русский романтик, как называют Одоевского. В романе Одоевский выражает амбивалентное отношение к технике. Во многом это реакция на события Наполеоновских войн, но также и отклик на споры интеллектуалов о России и Европе.

Труды Одоевского содержат истоки рефлексии о технике, развитие которой мы находим в работах отечественных философов – представителей русского религиозного ренессанса. В своем романе

Одоевский предупреждает о грозящей опасности технического всевластия, но и безоговорочно верит в искусство, видит перспективу поворота к прекрасному, важность поэтического начала в человеческой жизни, способность музыки выразить невыразимое. На протяжении повествования, через дискуссии героев романа, Одоевский прослеживает упадок поэтического для человека и общества, обеднение нравов, замену поэтического утилитарным / полезным.

Опережая время, Одоевский осознает опасность разобщения поэтического и технического, опасность утраты техническим связи с искусством, поэтическим и музыкальным – и соответственно утраты человеком целостности, а миром – единства и целесообразности.

Доклад подготовлен в рамках гранта «Рефлексия о технике в русской философии культуры XX–XXI веков как ответ на антропологический кризис и технократический императив современности» Российского научного фонда, грант № 23–28–00273, <https://rscf.ru/project/23-28-00273/>.

НАРРАТИВНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ, ДИНАМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ

А. Е. Симбирцева

В свое время Джон Мактаггарт вывел нереальность времени из того, что употребление языковых форм (слов), которые мы обычно ассоциируем с описанием времени, противоречиво [1]. И это хороший пример всем тем, кто думает, что лингвистический поворот в философии – это нечто, что изобрели Г. Фреге, Б. Рассел и Л. Витгенштейн. Традиция связывать метафизические основания теории только с заданными языковыми формами выражения знания гораздо старше, – даже если не вспоминать про мистические и иррациональные способы познания мира и ту роль, которая придается там молитвам и заклинаниям. Требование математизации современной физики и науки в целом, когда результат считается значимым только если он математически обоснован (выведен из системы уравнений, задающих динамику состояния системы), – это также одно из проявлений этой традиции. Правда в том, что любая форма «нарратива» (как способа «рассказать историю»), – да простят нас адепты «естественных наук» за то, что мы обозначили их привычную позитивистскую (гемпелевскую) логику рассуждений как одну из форм нарратива, – содержит внутри себя представление о том, что в ее рамках существуют специальные «языковые формы», в которых предпочтительнее всего выражать «онтологические допущения». Примечательно следующее. Применительно к позитивизму и естественным наукам, анализ логики

построения экзистенциальных утверждений и куайновское «существовать – значит быть значением связанной переменной», в конечном итоге, так или иначе, приводят к проблеме научного реализма (см., например, [2]). Существуют ли на самом деле те теоретические объекты, которые успешные научные теории вводят для описания наблюдаемых явлений? И в данном случае, именно анализ «инструментария» («выразительных возможностей» принятой концепции), который привлекается для сопутствующего анализа конкретных «предпочтительных языковых форм», – если таковой формой является «экзистенциальное утверждение», то в позитивистской (аналитической) парадигме это рассуждения об «условиях истинности», «условиях утверждаемости», о «значении» и так далее, – может подсказать то, как вся ваша концепция вообще может быть соотнесена с проблемой реализма. Например, если вы выбираете «дескриптивную концепцию указания» (Х. Патнэм, М. Даммит), то в лучшем случае ваша концепция «научного реализма» будет разновидностью «внутреннего реализма»; если выбираете «причинную» (Х. Филд, М. Девитт), то о «реализме» вы сможете сказать гораздо больше; если вы отказываетесь от концепции указания (Д. Дэвидсон), то вы будете говорить об инструментализме (см. [3]). По аналогии, в исторических науках (история, археология, палеонтология, климатология, отчасти медицина, космология и геология и др.) тоже есть проблема «научного реализма», как проблема независимости описания исторических фактов от них самих. Действительно ли мы «открываем» исторический факт (убийство Цезаря, вымирание динозавров, изменение климата и другие) или мы просто «конструируем» его, создаем? И точно также как и в случае позитивистской парадигмы, мы можем говорить о том, что «выразительные возможности» – по сути «языковые формы», в которых выражаются онтологические допущения, а также специально подобранный для их анализа «инструментарий», – сами по себе способны оказывать влияние на то, как мы ответим на вопрос о реальности прошлого.

Как подчеркивает Хайден Уайт, каждой исторической нарративной объясняющей гипотезе отвечает свой «сюжет», то есть своя содержательная и объясняющая (в своих собственных терминах) история, надлежащее понимание которой будет включать крайне важный момент вариативности в трактовке «причин» явления. «Построение сюжета (emplotment) – это тип стратегии, которые могут применяться историками для получения различного рода "эффекта объяснения", как выбор модальности преобразования (figuration), которую они могут использовать, чтобы строить сюжеты серий событий как выявляющие те или иные смыслы. Мы выбираем свое прошлое точно так же, как выбираем свое будущее» [4, р. х]. По сути, объяснение события здесь интерпретируется в «модальных» терминах. Интересная нам причина явления будет считаться «необходимой» не потому что такая трактовка явления имеет место «во

всех возможных мирах», а потому что «в рамках данного описания само явление выглядит "относительно стабильным" по отношению к заданной трактовке обстоятельств, которые приводят и сопровождают его появление» [4, р. 16]. Мы не можем говорить здесь о том, что объяснение «содержит закон, который соотносит такие-то типы событий, в силу которого мы можем придать значение отдельным индивидуальным событиям и их причинам», мы не можем говорить здесь об истинности описания, но это не значит, что любое нарративное объяснение является чистым вымыслом. Мы полагаем, что возможность умеренной реалистской трактовки «нарративного представления» истории, в частности, следует из того, что общепринятой «языковой формой» нарративного объясняется, в которой выражаются «онтологические допущения» предлагаемого описания исторического события, является «нарративное предложение» (А. Данто, Л. Минк, П. Рот и другие). Принято считать, что это понятие вводит Артур Данто: «"Тридцатилетняя война началась в 1618 году". Это утверждение истинно, Тридцатилетняя война начинается в 1618 году, но оно не является знанием (not knowable) в 1618 году, даже если вы Идеальный Летописец. Это утверждение описывает два различных, разделенных временем события, и указывает только на первое – начало войны. Если мы описываем событие в прошлом посредством апелляции к событию в будущем до того, как это событие в будущем произойдет, то наше описание будет ложным, если указанное событие в будущем не состоится» [5, р. 154]. Важно то, что «нарративное предложение» создает концептуальную связь между «первым» (более ранним) и «вторым» (более поздним) событиями. И это и есть его главное (метафизическое) свойство «нарративного предложения», которое можно интерпретировать в пользу того, что хотя бы часть такого описания прошлого может претендовать на достоверность. Нарратив, построенный таким образом, по крайней мере, будет упорядочен по времени. Вводя «темпоральную асимметрию» в описание и объяснение исторических событий А. Данто подчеркивает: «точно так же, как мы не можем зафиксировать событие, чье описание отсылает нас к событию в будущем, которое мы не можем предсказать, мы не можем говорить об описании в тех терминах, которых у нас еще нет. Историки выстраивают ретроспективное понимание событий, которое включает истины, не известные в более ранние времена, а также используя концепции, которые тогда не были доступны. Они переписывают события, чтобы сделать явными те отношения, о которых ранее никто не говорил» [5, р. 146]. Мы сейчас осведомлены о событиях в прошлом гораздо больше, чем сами свидетели событий в прошлом, так как для построения общей картины нужна соответствующая перспектива, которой современники не владели, в том числе, именно потому, что являлись вовлеченными участниками событий, либо не владели соответствующими (новыми) концептуальными схемами структурирования материала. Наше описание

прошлого, конечно же, изменяется вместе с эволюцией представлений о нем, равно как и с изменениями в практике работающих историков, но не в том смысле, что «историк играет особую конструктивную роль в придании смысла историческим фактам, их формам и динамике», а потому, что «историки, раскрывая содержание исторических событий и явлений, открывают их новые характеристики, которые ранее были скрыты от нас» [там же]. По сути, здесь постулируется тезис о том, что само описание исторических событий имеет «динамический» характер. В докладе мы не только коснемся структурного анализа «нарративных предложений» (их можно представить как контрфактические суждения) и соответствующего понимания причинности, но и предложим аналог аргумента «Чудеса не принимаются» в пользу реалистской трактовки «нарративного представления» истории, который предполагает наличие нескольких разных нарративных описаний предположительно одного и того же исторического события, и где «объективность» будет пониматься как «интерсубъективность по этим описаниям».

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23–28–00739 «Эпистемическая независимость в моделях обоснования знания о прошлом: теории среднего уровня и взвешенная когерентность», <https://rscf.ru/project/23-28-00739/>.

Литература и источники

1. McTaggart, J. The Unreality of Time / J. McTaggart // Mind. – 1908. – Vol. 17. – P. 457–474.
2. Головкин, Н. В. Семантический реализм Г. Фейгеля и независимость истины / Н. В. Головкин // Вестник новосибирского государственного университета. Серия: Философия. – 2008. – Т. 6, № 3. – С. 22–27.
3. Головкин, Н. В. Д. Дэвидсон, инструментализм и необходимость теории указания / Н. В. Головкин // Гуманитарные науки в Сибири. – 2009. – № 1. – С. 8–11.
4. White, H. Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-century Europe / H. White. – Johns Hopkins University Press, 1973.
5. Danto, A. Narrative Sentences / A. Danto // History and Theory. – 1962. – Vol. 2. – P. 146–179.

ПРОБЛЕМА ДОВЕРИЯ ЧЕЛОВЕКА ИСКУССТВЕННОМУ ИНТЕЛЛЕКТУ КАК НОВЫЙ ЭТИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ

В. Н. Сокольчик

Один самых сложных вызовов искусственного интеллекта (далее – ИИ) – можем ли мы доверять ИИ. По сути именно доверие отражает нашу готовность взаимодействовать с ИИ, устанавливать ограничения для его

использования, выстраивать механизмы контроля, и, в конечном итоге, принимать результаты и выводы, предложенные ИИ. В паттерне взаимоотношений человека и ИИ доверие становится основой нашего взаимодействия и основой для дальнейшего развития ИИ.

Проводимые автором в составе исследовательского коллектива инициативного проекта по этическому сопровождению ИИ пилотные опросы, интервьюирование ученых, специалистов сферы ИТ, представителей сферы здравоохранения, педагогов и обучающихся, а также изучение научных исследований по вопросу доверия общества к ИИ показывают, что уровень доверия ИИ среди пользователей достаточно невысок. Причиной этого наши респонденты называют ошибки ИИ (в том числе ошибки, которые в профессиональной сфере могут привести к трагическим последствиям), ложь и заблуждения, которые ИИ достаточно часто продуцирует в ответ на запросы человека, предубеждения ИИ (связанные с особенностями представлений разработчиков, некорректным использованием баз данных и отсутствием учета социокультурных особенностей среды, где будут применяться системы ИИ), непрозрачность предоставляемых ИИ выводов (результатов) и т. д.

Безусловно, многие основания недоверия к ИИ будут со временем «сниматься», вследствие развития последнего, однако, во-первых, с расширением нашего постоянного взаимодействия с ИИ будут появляться новые проблемы и вызовы доверия, и, во-вторых, в отсутствии внимания к проблеме и отсутствии потребности ее решать, феномен «зловещей долины» вероятно будет прогрессировать в общественном и индивидуальном сознании [1].

Огромную роль для построения сбалансированных взаимоотношений с ИИ и, в частности, для формирования доверия ИИ, играет этика. Этическое сопровождение развития и использования ИИ в условиях экспоненциального роста его значения для человека сегодня становится обязательным условием для существования социума и индивида.

Сегодня обществу необходимы этико-правовые стандарты и рекомендации, обеспечивающие взвешенное и взаимообусловленное сотрудничество в системе взаимоотношений «разработчик ИИ – ИИ – пользователь ИИ». Необходимо понимать, что такие стандарты могут опираться скорее на этические нормы регулирования взаимоотношений, нежели на жесткие нормы права. Это связано со скоростью развития ИИ и технологий его разработок и непредсказуемостью путей совершенствования и распространения ИИ. По мнению автора, наиболее приемлемый путь регулирования взаимодействия ИИ с человеком в контексте доверия последнего к искусственному интеллекту – этико-правовые рекомендации и общая регламентация принципов взаимодействия.

В ряду уже действующих примеров такой регламентации можно назвать много документов, имеющих разный статус и сферу деятельности, среди наиболее известных – кодекс этики искусственного интеллекта (Россия) [2], Билль о правах ИИ (США) [3] и утвержденный в мае 2024 г. Регламент использования ИИ (Artificial Intelligence Act). Европейского союза (далее – Регламент) [4]. Авторы регламента, определяя цели создания соответствующего документа, обозначают значимость ограничений ИИ в контексте его влияния на человека и общество и в контексте формирования доверия общества к ИИ. Акцентируется, что регламент нацелен на уважение свободы науки и развитие ИИ, «очерчивает» общие направления и этические рамки такого развития.

Так, в регламенте ИИ, обозначены три группы систем ИИ и общие установки их регулирования [4]. Первую группу составляют «запрещенные системы», которые воздействуют на подсознание человека, могут «вычислять» слабые стороны социальных групп, взаимоотношений, человеческой личности и так далее, а также системы ИИ, которые осуществляют разного рода социальную оценку, выработку критериев распределения и принимают соответствующие решения. Такие системы должны быть взяты под постоянный контроль общественных структур (включая и профессиональные службы), требуют применения достаточно жестких ограничений вплоть до полного запрещения (ограничения) соответствующих исследований.

Вторую группу составляют системы высокого риска, где вероятность причинения ущерба, несправедливого распределения и так далее достаточно велика. По мнению разработчиков документа, использование таких систем может привести к дискриминации и стигматизации в обществе, установлению несправедливых систем распределения и другим неблагоприятным последствиям для социума. С системами высокого риска мы сталкиваемся в сфере финансов, медицины, правосудия, при организации доступа к значимым ресурсам – таким, как электричество, телекоммуникации и так далее. Типичный пример – сортировка пациентов для неотложной медицинской помощи (например, в ситуации катастроф, пандемий и так далее), которая при отсутствии этического обучения ИИ (а также разработчика) может привести не только к «механистическому» подходу к человеку, но и к летальным исходам, которых можно было бы избежать, и даже к разрушению ценностей нашей цивилизации. По мнению автора, к таким системам сегодня уже может быть отнесены и некоторые системы генеративного ИИ, которые могут оказать значимое негативное влияние на образование, науку, искусство. В контексте изучения систем высокого риска (в плане их воздействия на человека) проблемы приоритетной социальной и личностной коммуникации с ИИ также могут формировать проблемы: эмоциональной зависимости от ИИ, разрушение социальной адаптации, потерю адекватного восприятия

реальности. Особенности работы с системами ИИ высокого риска, реализация которых может обеспечить доверие общества, это:

- требование использования систем ИИ с учетом предполагаемой цели создания;
- непрерывная система управления рисками на протяжении всего жизненного цикла системы;
- постоянный мониторинг взаимодействия ИИ с человеком и со средой;
- адекватное обозначение (в том числе в качестве инструктажа) любых возможных рисков целевого и нецелевого использования ИИ;
- необходимость социально-этической экспертизы систем ИИ;
- обучение ИИ с использованием высококачественных данных, обязательное использование при обучении ИИ этических регулятивов (принципы, ценности, нормы).

Особенную значимость в контексте систем высокого риска приобретает постоянный контроль и экспертиза решений, принимаемых ИИ и, по возможности, использование этих решений только в статусе рекомендаций.

Третья группа систем ИИ, обозначенная в Регламенте, – это системы низкого риска, которые не оказывают значимого негативного воздействия на пользователей. Однако в свете решения проблемы доверия общества, разработчики Регламента акцентируют обязательность информирования пользователей о том, что они взаимодействуют с ИИ даже при отсутствии видимых рисков (например, при анонимном анкетировании или опросе). Своевременное получение адекватной правдивой информации о взаимодействии с ИИ, по мнению автора, – это также одно из условий формирования доверия общества к использованию ИИ.

Таким образом, реализация мер этико-правовой регламентации использования ИИ, создание экспертных и консультативных социально-этических структур, этическое обучение ИИ и формирование этических требований к взаимодействию с ИИ вкуче с всеобщим информированием, общественным обсуждением поставленного вопроса, образованием и просвещением общества – основные ступени формирования доверия общества и индивида к использованию ИИ.

Литература и источники

1. Fisher, R. Trust in artificial intelligence: Global study on the shifting public perceptions of AI / R. Fisher [et al.] // KPMG, 2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmgsites/xx/pdf/2023/09/trust-in-ai-global-study-2023.pdf.coredownload.inline.pdf>. – Дата доступа: 10.01.2024.
2. Кодекс деятельности ИИ (Россия, 2022) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ethics.a-ai.ru>. – Дата доступа: 01.02.2023.

3. Blueprint for an AI Bill of Rights / The White House, 2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.whitehouse.gov/ostp/ai-bill-of-rights/>. – Дата доступа: 01.02.2023.

4. Регламент Европейского союза об искусственном интеллекте. Анализ основных положений и принципов регулирования, 2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ai.gov.ru/knowledgebase/dokumenty-po-razvitiyu-ii-v-drugikh-stranakh/2024_reglament_evropeyskogo_soyuza_ob_iskusstvennom_intellekte_ano_cifrovaya_ekonomika/. – Дата доступа: 15. 09.2024.

О СОВМЕСТИМОСТИ КОНЦЕПЦИЙ ПРОСТРАНСТВА Р. ДЕКАРТА, И. НЬЮТОНА, Г. ЛЕЙБНИЦА И И. КАНТА

А. Н. Спасков

Декарт относил протяженность к природе телесной (материальной) субстанции, а мышление – к природе субстанции мыслящей: «Восприятие, воление и все модусы как восприятия, так и воления относятся к мыслящей субстанции; к протяженной же относятся величина, или сама протяженность в длину, ширину и глубину, фигура, движение, положение, делимость этих вещей на части и т. п.» [1, с. 333]. Возникает вопрос – как мы, будучи непротяженными мыслящими субстанциями, воспринимаем протяженную субстанцию? И может ли протяженность, что эквивалентно по Декарту телесности существовать независимо от мыслящей субстанции?

Как известно, Декарт не признавал существования пустого пространства в смысле его представления как потенциального вместилища тел: «так как из одного того, что тело протяжено в длину, ширину и глубину, мы правильно заключаем, что оно – субстанция (ибо мы понимаем, что невозможно, чтобы "ничто" обладало каким-либо протяжением), то и относительно пространства, предполагаемого пустым, должно заключить то же, а именно что раз в нем есть протяжение, то с необходимостью в нем также должна быть и субстанция» [1, с. 356].

Отрицание пустоты следовало из физических представлений Декарта. Он представлял механические движения в виде материальных вихрей в сплошной среде, состоящей из плотно соприкасающихся частиц: «когда между двумя телами не находится ничего, то они необходимо должны касаться друг друга, так как явно нелепо, чтобы тела были отдалены друг от друга, т. е. чтобы между ними имелось расстояние и чтобы в то же время это расстояние было "ничем", потому что расстояние есть модус протяжения, которое не может существовать без какой-либо протяженной вещи» [1, с. 358].

Ньютон радикально изменил научные представления о пространстве и времени, которые были непосредственно связаны с новым пониманием

природы механических движений. Во-первых, он ввел понятие абсолютного пространства и времени, которые независимы от каких-либо материальных тел, т. е. имеют субстанциальную природу и, во-вторых, силы всемирного тяготения, действующей на расстоянии без материального посредника. Этому нововведению способствовало преодоление стереотипа боязни пустоты, довлеющего в механике Декарта, откуда следовала возможность представить взаимодействие без непосредственного соприкосновения тел или непрерывной материальной среды между ними.

У Ньютона абсолютное пространство – это не пустота, а нематериальная субстанция или «сенсориум» Бога: «не становится ли ясным из явлений, что есть бестелесное существо, живое, разумное, всемогущее, которое в бесконечном пространстве, как бы в своем чувствилище, видит все вещи вблизи, прозревает их насквозь и понимает их вполне благодаря их непосредственной близости к нему?» [2, с. 280–281].

Было бы ошибкой считать пространство бестелесным чувствительным органом Бога. Ведь если у Декарта пространство немислимо без телесной субстанции, заполняющей его, подобно воде, заполняющей пустой сосуд, то здесь возникает соблазн представить пространство заполненным бестелесной субстанцией. Но бестелесная субстанция не имеет протяженности, и мы приходим к противоречию.

Лейбниц критически отнесся к ньютоновской концепции пространства, как бестелесного органа восприятия телесных вещей, полагая, что Бог не нуждается в каком-либо средстве восприятия материальных тел, так как иначе они «не зависят полностью от него и никак не являются его творением» [3, с. 430].

Кларк в своем ответе на это замечание разъясняет позицию Ньютона: «Сэр Исаак Ньютон рассматривает мозг и органы чувств как средства, с помощью которых формируются эти образы, а не как средства, посредством которых дух видит или воспринимает эти образы, когда они уже возникли. И в универсуме вещи для него не отображения, образующиеся посредством определенных средств или органов, а реальные вещи, созданные самим Богом и воспринимаемые им во всех местах, где бы они не находились, без помощи какого-либо средства. Только это и хотел сказать сэр Ньютон своим сравнением, предположив, что бесконечное пространство является, так сказать, *чувствилищем* (sensorium) вездесущего существа» [3, с. 431–432].

Из этого отрывка можно предположить, что Ньютон рассматривал пространство как некоторый аналог мозга и нервов. И еще – Бог не нуждается в посреднике для восприятия вещей, но он создает и формирует вещи с помощью пространства и времени, подобно тому, как образы вещей формируются с помощью мозга и органов чувств. Но вначале он формирует

само пространство и время. Возникновение вселенной, а значит и пространства-времени вместе с материальными телами, заполняющими его, можно трактовать таким образом, как волевое и умственное действие Бога, что эквивалентно творению мира из ничто.

Согласно Канту, внешний телесный мир существует лишь постольку, поскольку он представлен в нашем сознании в соответствии с априорной формой внешнего наглядного представления: «внешние явления принадлежат только мыслящему субъекту точно так же, как и все остальные мысли, с той лишь разницей, что они обладают следующим свойством: так как они представляют предметы в пространстве, то они как бы отделяются от души и кажутся витающими вне ее, между тем как само пространство, в котором они наглядно представляются, есть не более как представление, и точный снимок с него не может находиться вне души» [5, с. 251].

Идея о том, что пространственные метрические отношения могут возникать на основе внутреннего состояния непротяженных элементов бытия логически следует из реляционной концепции Лейбница. Согласно Н. О. Лосскому «Лейбницианцы 19-го века Г. Тейхмюллер (1832–1888) и А. Козлов (1831–1901) обстоятельно развили это учение о пространстве (и времени) как особом порядке, созидаемом мышлением субъекта и служащем для размещения содержания собственных его актов ощущения, представления и воображения» [4, с. 98]. Так, например, «по учению Козлова, пространственная близость и далекость есть символическое выражение степеней интенсивности непосредственного душевного взаимодействия между непротяженными субстанциями (монадами)» [4, с. 100].

В концепции цветовой хроногеометрии мы строим реляционную модель пространства на основе понятия внешних метрических отношений между непротяженными в пространстве субстанциями, непосредственно связанных с внутренними состояниями, для определения которых вводится понятие цветового заряда [6]. На основе цветового представления, связанного с интенсивностью цвета в диапазоне черно-белого спектра и динамики изменения цвета, определяющей внутреннюю темпоральную протяженность и структуру монад и их внешнюю связь, в соответствии с принципом динамической комплементарной связности [7], можно ввести способ определения расстояния между точечными монадами. Таким образом мы можем определить реляционное пространство как совокупность внешних метрических отношений между пространственно непротяженными субстанциями, измеряемых на основе интенсивности внутренних цветовых представлений и темпоральной динамики.

Совместимость этой онтологии пространства-времени, построенной на основе монадологии Лейбница с концепцией Ньютона, означает, что в обоих случаях пространство и время – не самодостаточные сущности

(субстанции), а имеют основание в субъекте – в абсолютном субъекте (Боге) у Ньютона или в множестве субъектов (монадах) у Лейбница.

Совместимость с концепцией Декарта следует из того, что мы рассматриваем пространственную протяженность как свойство физических тел, а мыслящие субстанции, составляющие на основе внутренних состояний представление о внешнем пространстве и о взаимном расположении собственных тел, не имеют пространственной протяженности, но обладают внутренней темпоральностью. Таким образом время в нашей концепции определяется как параметр, характеризующий динамическое изменение внутренних представлений мыслящих монад, подобно тому, как Декарт считал время модусом мышления, а Кант – формой внутреннего наглядного представления.

Кроме того, совместимость с концепцией Канта означает в нашем подходе то, что мы рассматриваем пространство и время, как некоторое элементарное субъективное чувство удаленности монад друг от друга и раздельности собственных ментальных состояний, что эквивалентно некоторым первичным априорным формам внешнего и внутреннего восприятия, свойственного психофизическим монадам. Ведь если считать монады простейшими субстанциями, обладающими восприятием, как это делал Лейбниц, то мы можем предполагать и наличие у них некоторой простейшей формы внешнего и внутреннего представления, подобно тому как Кант вводил априорные формы внешних и внутренних наглядных представлений для человеческого сознания [5, с. 52, с. 58].

Работа выполнена при поддержке БРФФИ в рамках научного проекта № Г23–049.

Литература и источники

1. Декарт, Р. Сочинения : в 2 т. / Р. Декарт ; пер. с лат. и франц. ; сост., ред., вступ. ст. В. В. Соколова. – М. : Мысль, 1989. – Т. 1. – 654 с.
2. Ньютон, И. Оптика, или Трактат об отражениях, преломлениях, изгибаниях и цветах света / И. Ньютон ; пер. с англ. с примеч. С. И. Вавилова. – Изд. 2-е. – М. : Гостехиздат, 1954. – 367 с.
3. Лейбниц, Г. В. Сочинения в четырех томах / Г. В. Лейбниц. – М. : Мысль, 1982. – Т. 1. – 636 с.
4. Лосский, Н. О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция / Н. О. Лосский ; сост. А. П. Поляков ; подгот. текста и примеч. Р. К. Медведевой. – М. : Республика, 1995. – 400 с.
5. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант ; пер. с немецкого Н. О. Лосского. – СПб. : ИКА «ТАЙМ-АУТ», 1993. – 478 с.
6. Спасков, А. Н. Концепция цветовой хроногеометрии / А. Н. Спасков // Основания фундаментальной физики и математики : материалы VI Российской конференции (ОФФМ-2022) / Под ред. Ю. С. Владимирова, В. А. Панчелюги. – М. : РУДН, 2022. – С. 129–133.

7. Спасков, А. Н. Классификация цветковых квантовых монад по принципу динамической комплементарности / А. Н. Спасков // Основания фундаментальной физики и математики: материалы VII Российской конференции (ОФФМ-2023) / Под ред. Ю. С. Владимировой, В. А. Панчелюги. – М.: РУДН, 2023. – С. 37–42.

ПРОБЛЕМЫ ГОТОВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ К ИНИЦИАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЮ СЕРДЕЧНО-ЛЕГОЧНОЙ РЕАНИМАЦИИ

А. Л. Станишевский, В. Н. Сокольчик, Н. П. Новикова

Внегоспитальная остановка сердца (ВГОС) является серьезной проблемой для здравоохранения во всем мире. Несмотря на определенный прогресс, достигнутый в последнее время, выживаемость при ВГОС во многих странах остается очень низкой. Еще ниже выживаемость с благоприятным неврологическим исходом. Инициированная в кратчайший срок качественная сердечно-легочная реанимация (СЛР) является ключевым фактором благоприятного исхода при ВГОС и коррелирует с трехкратным увеличением выживаемости [1, с. 438].

Традиционно основой методологии подготовки населения к проведению СЛР является теоретическая подготовка и отработка самого практического навыка. Однако, проблема готовности населения к инициации и проведению СЛР не ограничивается только знанием теории и владением практическим навыком, а более глубока и включает множество факторов, играющих роли барьеров или фасилитаторов.

По этой причине во всем мире предпринимаются меры по внедрению современных технологий обучения населения СЛР [2, с. 391], включающих трансдисциплинарные стратегии и социогуманитарный контекст.

Целью исследования стало определение степени готовности населения к проведению СЛР, факторов и барьеров ее инициации, их предикторов.

В январе – июне 2023 года проведено анонимное анкетирование 894 респондентов без медицинского образования, представляющих все регионы страны, посвященное вопросам готовности населения к проведению СЛР.

Высокую степень готовности к инициации СЛР определили для себя 145 (16,2%) респондентов, «выше средней» – 199 (22,3%), среднюю – 345 (38,6%), низкую – 109 (12,2%) и крайне низкую – 96 (10,7%).

Факторами, способствующими (фасилитаторами) высокой готовности к инициации СЛР пострадавшему, являются: прохождение обучения СЛР, мужской пол и участие в проведении СЛР в реальных условиях. Для степени готовности «выше средней» фасилитаторами являются: высшее образование, возраст 30–39 лет и прохождение обучения

СЛР. Предиктором для низкой степени готовности является отсутствие обучения навыкам СЛР, а крайне низкой – возраст 60–69 лет и выше, отсутствие опыта проведения СЛР в реальных условиях, женский пол и отсутствие обучения навыкам СЛР.

Определяемая гендерная разница обусловлена как психологической, так и практической составляющей. Мужчины, как правило, в обязательном порядке проходят обучение СЛР и получают соответствующую психологическую подготовку на военных кафедрах, в период службы в армии, на курсах водителей в автошколах и т. д. Из 386 респондентов, указавших, что обучались на курсах вождения, подавляющее большинство – мужчины (340 или 88,1%), та же ситуация зафиксирована в вопросе о прохождении практического обучения – из 216 респондентов мужчины составили 93,1%.

Выявленные барьеры инициации СЛР пострадавшему условно разделены на три группы: «личностные барьеры» (психологические барьеры и ограниченные возможности по проведению СЛР), «барьеры, связанные с процедурными вопросами» (проблемные аспекты нормативно-правового и материально-технического обеспечения) и «барьеры, связанные с теоретическим и практическим обучением СЛР».

Собственно третья группа факторов, по мнению опрошенных, является главной преградой для оказания инициации СЛР: «боязнь причинить непоправимый вред пострадавшему» – 48,0% и «недостаток знаний и навыков по проведению СЛР» – 44,9%. Возникновение этих барьеров объясняется, прежде всего, отсутствием унифицированного обучения проведению СЛР [3, с. 48] и гендерным неравенством.

Следующими по значимости необходимо обозначить психологические барьеры (нежелание быть в центре внимания других людей, опасение негативного обсуждения проводимых действий или появления видеоматериалов в интернете, отталкивающий внешний вид пострадавшего, противоположный пол, личные дела / проблемы, требующие срочного решения), что было указано 31,1% респондентов.

Для организации в обществе работы по повышению частоты и эффективности оказания первой помощи (ПП) и, в частности, СЛР крайне важно устранить выявленные барьеры и максимально задействовать возможности фасилитаторов. Поскольку готовность респондентов напрямую зависит от психологической и практической составляющих, необходимо при разработке нормативно-правового и организационно-методического обеспечения обучения, уделить необходимое внимание не только собственно организации обучения, но и вопросам формирования должной мотивационной, социально-личностной и эмоционально-волевой готовности к оказанию ПП, инициации и проведению СЛР.

Для этого необходимы, во-первых, междисциплинарные стратегии обучения населения, где наряду с врачами-специалистами должны быть

привлечены психологи, педагоги и т. д. Во-вторых, важно создать единую систему обучения навыкам оказания ПП и единую систему подготовки и экспертизы соответствующих учебных изданий, что позволит организовать преемственность и качество обучения. И, наконец, в-третьих, важным фактором является государственное внимание к проблеме, формирование соответствующего вектора государственной политики и разъяснение значимости надлежащей подготовки граждан на всех уровнях обучения и социализации.

В целом, существующая система обучения оказанию ПП требует определенной коррекции, направленной на оптимизацию методов обучения, преодолению установленных барьеров, повышения информированности и необходимой мотивации населения. Принятие данных мер будет способствовать повышению частоты, оперативности и качества оказания ПП, инициации и проведения СЛР и снижению негативных последствий ВГОС.

Литература и источники

1. Willingness and barriers to undertaking cardiopulmonary resuscitation reported by medical students after the SARS-CoV-2 pandemic – single-center study / F. Jaskiewicz [et al.] // Journal of Clinical Medicine. – 2024. – Vol. 13, № 2. – P. 438.
2. European resuscitation council guidelines 2021: education for resuscitation / R. Greif [et al.] // Resuscitation. – 2021. – Vol. 161. – P. 388–407.
3. Организационно-правовые аспекты оказания первой помощи: анализ осведомленности населения / А. Л. Станишевский [и др.] // Медицинские новости. – 2024. – № 7. – С. 43–49.

НАУКА КАК ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ РЕСУРС ПРОЕКТИРОВАНИЯ

В. П. Старжинский, А. Л. Куши

Анализируя источники появления идеи Проектирования, следует отметить, что инженерные науки, как наиболее практико-ориентированные, гармонично сочетающие теорию и практику, преуспели в разработке методологии созидания искусственных объектов в виде проектирования и конструирования. По мере освоения новых типов системных объектов, исследователи столкнулись с необходимостью применения методологии проектирования в других сферах культуры, прежде всего, в сфере социальной, породив широкий спектр технологий социального проектирования различной направленности и функциональности [1]. Медицина, образование, бизнес и другие сферы стали активно использовать не только целеполагание и планирование, но и

детализированные способы решения проблем, включая интеллектуальный ресурс, а также необходимые инструменты и средства осуществления и поддержки будущей деятельности по достижению искомого результата (см., например, [3]). В основе стратегии Проектирования, на наш взгляд, лежит предложенная В. П. Старжинским *конструктивная методология* [4]. Говоря о соотношении технологий проектирования и конструктивной методологии, отметим, что, с нашей точки зрения, последняя является философским обобщением и теоретической основой универсальной методологии.

Спектр применения конструктивной методологии, рассматриваемый в философском плане, весьма широк. Она регламентирует не только познавательную и проектную деятельность в инженерной сфере, но и деятельность в иных сферах культуры. Фактически проектирование из узкоспециализированных инженерных методов трансформировалось в Проектирование как универсальную методологию *культуротворчества*. Общепринятое начертание с прописной буквы позволяет идентифицировать общекультурный смысл данного понятия. В этом дискурсе цель конструктивной методологии – регламентация культуротворчества, производства новаций, как ядра, конституирующего культуру. С формально-технократических позиций она применяется во всех сферах практики, где осуществляется преобразование действительности как процесс решения проблемы перехода реальности от модуса «сущее» к состоянию «должное». Конструктивная методология описывает не только функционирование познавательной сферы в процессе концептуального моделирования проблемного поля, но и вырабатывает, релевантные проблеме, регламентации деятельности по решению поставленных проблем, в виде построения моделей инструментальных. Она представляет собой не только набор логических постулатов, объясняющих проблему, но включает в себя поиск инструментов и ресурсов для ее решения в различных сферах культуры, начиная с инженерно-конструктивного процесса, и заканчивая педагогическими, психологическими, духовно-практическими и культурными преобразованиями.

Важнейшим элементом конструктивной методологии являются, входящие в ее структуру, *концептуальная* и *инструментальная модели*. Модель здесь понимается в расширительном смысле, как когнитивный артефакт [2]. Концептуальная модель отвечает на вопрос: что собой представляет проблема как объект Проектирования-созидания и какова основная идея как способ разрешения проблемной ситуации? Проблемное поле моделируется по бинарному принципу; выражает два модуса существования – *сущее* (то, что есть в реальности) и *должное* – то, что должно быть по замыслу проектанта. Как правило, зазор между сущим и должным описывается в виде недостатков. Вторая модель,

инструментальная, обладает модусом возможного и представляет собой совокупность инструментов, методов и ресурсов, которая позволяет перейти от сущего к должному.

Эти модели носят взаимодополняющий характер, в своей целостности отображающий основные свойства развивающейся реальности. Концептуальная модель, в определенном смысле, выступает в качестве теоретической основы для инструментальных моделей, поскольку содержит концепцию решения проблемы и задает общие принципы ее построения. Концептуальная модель предполагает не только осознание проблемы на теоретическом уровне, но и ее реализацию в виде конструктивных практических разработок, предусматривающих систему нормативных знаний, ориентированных на переход от «сущего» к «должному», как устранение недостатков существующей системы.

Инструментальные модели выполняет функции детализации, конкретизации концептуального знания, образно говоря, они перебрасывают мост между теорией и практикой проектирования. Именно посредством их разработки и реализации осуществляется воплощение концептуальной модели в реальность. При разработке и реализации этих моделей действует *принцип конструктивности*, который можно сформулировать и в деструктивном смысле, как принцип *запрета*. Например, если осуществляется исследование какой-либо народно-хозяйственной проблемы только при помощи концептуального моделирования, а инструментальное отсутствует (по разным причинам), то скорее всего, перед нами научные симулякры, цель которых отнюдь не «расшивка узких мест».

Отметим, что наличие в структуре конструктивной методологии концептуальной и инструментальной моделей отражает ее онтологический функционал, как способность давать определенные представления об описываемой ею реальности, в то время как ее способность исследования и преобразования этой реальности находит свое отражение в потенциале методологическом. В рамках конструктивной методологии осуществляется возможность достижения реального синтеза теоретических исследований и проектно-конструкторских и технологических разработок. То есть, конструктивная методология представляет собой определенный инструмент, в котором гармонично сочетаются дескриптивные и активно-преобразующие ресурсы. Она перебрасывает своего рода мост между теоретико- и практико-ориентированными парадигмами исследования путем использования разработок теоретической науки в проектировании практических моделей. При этом, введение конструктивной методологии в научный оборот обретает и сугубо утилитарный смысл – повышение эффективности использования научных достижений.

Присущая конструктивной методологии бинарность является своеобразным императивом современных научных исследований, которые

функционируют не только в форме чистой теории, но и в виде практического освоения мира – концептуального и инструментального моделирования. Она полностью адаптирована к постнеклассическому пространству современной культуры, которому присущи черты постмодерна.

Такое понимание проблемы культуротворчества позволяет сформулировать в философско-методологическом дискурсе постнеклассицизма *критерий конструктивности*, как практической ориентированности научных изысканий, в рамках которых осуществляется, с одной стороны, необходимость описания проблем, а с другой – проектируются способы их разрешения. Это позволяет не только решать задачи преобразования существующей действительности, выбирая наиболее адекватные методы, но и элиминировать чисто дескриптивные описания объектов. Практическая направленность постнеклассической науки отражает ее антропоморфный характер, поскольку направлена на удовлетворение потребностей человека. Рассмотрение науки как культурного явления позволяет репрезентировать ее как основной саморазвивающийся человеко-центрированной интеллектуальный ресурс, направленный на освоение мира посредством новаций.

Литература и источники

1. Бабосов, Е. М. Философско-методологические основания науки: от классики к высоким технологиям / Е. М. Бабосов, В. П. Старжинский. – Минск : Беларуская навука, 2023. – 456 с.
2. Вартофский, М. Модели. Репрезентация и научное понимание / М. Вартофский. – М. : Прогресс, 1988. – 507 с.
3. Розин, В. М. Социальное проектирование и социальные технологии / В. М. Розин // Тренды и управление. – 2019. – № 3. – С. 1–13.
4. Старжинский, В. П. Гуманизация инженерного образования: философско-конструктивный подход / В. П. Старжинский. – Минск : ООО Ремико, 1994. – 196 с.

РИСКИ И УГРОЗЫ ПРИМЕНЕНИЯ КОНВЕРГЕНТНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

О. Л. Сташкевич

Конвергентные (нано-, био-, информационные и когнитивные – НБИК) технологии представляют собой революционный инструмент, способный как радикально изменить окружающий мир, общество и человека, так и привести к катастрофическим последствиям. Современные ученые полагают, что данные технологии создают основу принципиально нового технологического уклада и нового уровня организации науки,

ожидают, что они станут тем практическим инструментом, формирующим качественно новую техносферу, которая в свою очередь станет частью естественной природы.

Уже становится понятно, что конвергентные технологии могут коренным образом изменить окружающий мир и саму природу человека и повлиять на его жизнедеятельность. С одной стороны, они открывают огромные перспективы и возможности для развития социума, а с другой стороны, они могут оказаться так называемым «ящиком Пандоры», приведя современное общество к катастрофе или коллапсу. Поднимается много этических вопросов, до какого предела можно идти в преобразованиях, если они затрагивают самого человека. В то же время некоторые исследователи скептически относятся к конвергентным технологиям, характеризуя их как утопии, но, в то же время, предостерегая от искусственного вторжения в природу, результат которого может быть крайне непредсказуемым [1].

О. Е. Баксанский и В. В. Фурсов выделяют ряд ключевых рисков, в зависимости от области применения, которые могут принести НБИК-технологии:

«— опасность для окружающей среды в связи с высвобождением в нее наночастиц;

– вопросы безопасности, связанные с воздействием наночастиц на производителей, потребителей нанопродуктов;

– политические риски, связанные с воздействием, которое могут оказывать нанотехнологии на экономическое развитие стран и регионов;

– футуристические риски, такие как возможное вмешательство в природу человека и гипотетическая возможность самовоспроизводства наномашин;

– деловые риски, связанные с рынком продуктов, содержащих нанотехнологические разработки;

– риски, связанные с защитой интеллектуальной собственности» [2].

Учеными Курчатовского института в 2022 году был разработан Проект Указа Президента Российской Федерации «О Стратегии развития природоподобных (конвергентных) технологий», в котором они предлагают определенную правовую базу для разработки, внедрения и использования природоподобных технологий, а также выделяют важнейшие угрозы и риски, связанные с данными технологиями:

«— двойственный характер технологий, размытые границы между гражданскими и военными применениями и, как следствие, неэффективность существующих средств и технологий контроля;

– доступность и относительная дешевизна технологий, возможность создания средств поражения даже в кустарных условиях, отсутствие необходимости в сложнейших и чрезвычайно дорогостоящих системах доставки;

– невозможность предугадать все последствия выхода искусственных живых систем в окружающую среду» [3].

Этот перечень, конечно же, не является исчерпывающим. С одной стороны, НБИК-технологии открывают новые возможности для решения проблемы истощения ресурсов, создавая «природоподобную» среду. С другой стороны, они несут в себе новые риски и угрозы, связанные с изменением окружающего мира: возможностью имитировать системы и процессы живой природы, целенаправленно вмешиваться и изменять ее.

Результаты применения НБИК-технологий могут привести, во-первых, к непредсказуемым и неконтролируемым изменениям окружающей среды, во-вторых, к неуправляемым социальным трансформациям и смене духовно-нравственных ценностей (НБИК-технологии предполагают, что природная среда станет производительной силой с практически неисчерпаемыми ресурсами, а род человеческий сможет себя улучшить, вмешавшись в геном, что приведет к трансформации разума и души, совершится переход от человека к постчеловеку [6]). Здесь следует помнить, что не сами новые технологии ведут к рискам и угрозам катастроф, а неразумное и неконтролируемое их применение человеком в своей деятельности.

Вышеперечисленные риски – это риски отдаленного будущего, но и сегодня общество уже столкнулось с некоторыми проблемами:

1. Сокращение рабочих мест вследствие автоматизации и развития IT-технологий. Предрекается «смерть» многих профессий: библиотекаря, бухгалтера, юриста, журналиста, врача и т. п. Но, в то же время, возрастает запрос на специалистов, обладающих социальными навыками, эмоциональными качествами (социальные работники, аналитики, психологи и т. п.), сформированными soft skills умениями.

2. Поляризация рынка труда. Уменьшается количество рабочих мест для среднего класса, но становятся все более востребованными представители творческих профессий с высоким заработком, а также работники физического низкоквалифицированного труда.

3. Появление новых профессий: биоинженер, проектировщик smart среды, специалист по кибербезопасности, генной инженерии и других.

4. Изменения в организации труда: более привлекательной становится гибкая иерархия в компаниях, взаимодействие по сетевому принципу.

5. Новые формы занятости, такие как прекариат, так называемый «новый бедный класс», состоящий из людей, которые не имеют стабильной работы, заработка, защиты трудовых и социальных прав. В него входят, как правило, фрилансеры, контрактные работники, временные работники, самозанятые и т. п. К очевидным преимуществам можно отнести свободный график, и возможность удаленной работы, но недостатков все же больше.

6. Трудовая миграция. Возрастают риски трудовой миграции всех категорий работников: от малоквалифицированных и низкооплачиваемых до кадров с высокой квалификацией и высокой оплатой труда.

7. Hard skills против soft skills. Жизнь в новых реалиях требует изменения подходов к процессу организации высшего и поствысшего образования, которое ответственно за пополнение кадрового ресурса страны, способного отвечать на современные угрозы и вызовы. К современной системе образования накопилось множество претензий: одна из них – формирование у студентов шаблонного алгоритмизированного мышления, без умения синтезировать и обобщать полученные знания, а также формирование в процессе обучения hard skills (профессиональных навыков), не уделяя при этом достаточного внимания soft skills (гибких / мягких навыков) – креативности и коммуникативности.

НБИК-технологии представляют собой огромный потенциал для развития человечества, но одновременно несут в себе серьезные риски. Не сами технологии являются угрозой, а их неразумное и неконтролируемое применение. Необходим комплексный подход к разработке и внедрению НБИК-технологий, включающий в себя: 1) развитие этических норм и правовой базы; 2) просвещение общества для понимания потенциала и рисков НБИК-технологий, а также формирования ответственного отношения к ним; 3) международное сотрудничество, которое будет заключаться в координации исследований и разработке общих правил использования конвергентных технологий.

Литература и источники

1. Грунвальд, А. Роль социально-гуманитарного познания в междисциплинарной оценке научно-технического развития / А. Грунвальд // Вопросы философии. – 2011. – № 2. – С. 115–126.
2. Баксанский, О. Е. Образование в условиях трансдисциплинарности и конвергентного социального взаимодействия / О. Е. Баксанский, В. В. Фурсов // Философия образования, 2018. – № 74, вып. 1. – С. 47–48.
3. Проект Указа Президента Российской Федерации «О Стратегии развития природоподобных (конвергентных) технологий» (подготовлен Минобрнауки России 14.06.2022) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/56923126/>. – Дата доступа: 01.06.2023.
4. Медведев, Д. А. Феномен NBIC-конвергенции: реальность и ожидания / Д. А. Медведев, В. Прайд // Философские науки. – 2008. – № 1. – С. 97–117.

ОСОБЕННОСТИ СИНТЕЗА НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО И ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ И ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Н. М. Твердынин

Появление и становление новых областей знания может быть связано как с фундаментальными открытиями или инновационными идеями в какой-либо научной области или оказаться следствием междисциплинарного или трансдисциплинарного взаимодействия. С середины XX века трансдисциплинарность становится наиболее частым источником получения значимых научных результатов и появлением качественно новых концепций в развитии научной мысли, являясь при этом основой научно-технического и социального развития в целом. Естественно, что все три вида исследований («внутренние», междисциплинарные и трансдисциплинарные), рассматриваемые в качестве базиса (основы) для создания новых научных направлений тесно взаимосвязаны, да и разделять их или пытаться определить их долю в достижении различных инновационных достижений имеет смысл лишь с позиций истории науки.

Обычно междисциплинарность характеризует те научные области, в которых методы и методология одних наук привлекается в исследования, которые принято ассоциировать с другой наукой, но в рамках неких общих принципов и положений, которые не оспариваются. Это приводит к появлению самостоятельных наук, которые уже в ходе собственного развития продуцируют новые научные дисциплины, достигая при этом предельности в развитии [1, с. 94–100]. Примерами такого междисциплинарного союза, реализованного еще в конце второй половины XIX века, являются физическая и биологическая химия (физхимия и биохимия). В настоящее время каждая из этих научных дисциплин дала множество новых: физическая органическая химия и ряд других.

Трансдисциплинарность, хотя и провозглашается в последние годы (особенно людьми, не особенно разбирающимися в специфике научной деятельности) новым трендом научного развития, в реальности имеет едва ли меньшую историю, чем междисциплинарность. Большинство путешественников XVIII и XIX веков вели, по сути, трансдисциплинарные исследования, и именно это обстоятельство позволили многим из них создать глобальные теории и дать толчок многим научным направлениям. Достаточно назвать имена Александра фон Гумбольдта и Чарльза Дарвина. При этом осмысление соотношений различных философских концептов, можно даже говорить о философском моделировании, может быть воспринято как достаточно запутанное [2, с. 68–72].

В трансдисциплинарной деятельности гуманитарный аспект

присутствует практически всегда, поскольку подобные исследования не могут вестись без применения общеметодологических подходов для согласования частных исследовательских методик, создаваемых при решении новой научной проблемы или глобальной задачи технического характера. Последнее стало особенно часто встречаться с наступлением информационной эпохи, особенно в тех ее проявлениях, которые в последние годы принято обозначать термином «цифровизация».

В конце пятидесятых – начале шестидесятых годов прошлого века достаточно популярны были такие трансдисциплинарные направления как структурная лингвистика и бионика. И в том, и в другом случае гуманитарный аспект для каждой из этих новых наук был неоспорим. Главной причиной трансдисциплинарности при этом становится невозможность дать ответ на интересующие ученое сообщество вопросы без привлечения различных видов знания. Трансдисциплинарный подход генерируется отсутствием альтернативы решить возникающую проблему внутри одной науки или же междисциплинарно. Хорошо понятным примером в этом случае может выступать поле деятельности такой науки как археологическое материаловедение, где гуманитарное историческое знание «играет, а одной связке» с физическими и химическими методами изучения тех или иных артефактов.

Определенной, но при этом очень относительной по точности «меткой» для определения степени междисциплинарности и трансдисциплинарности той или иной науки является количество и разнообразие различных наук, которые могут фигурировать в названии ученой степени. Например, диссертация по генетике может быть защищена по биологическим, химическим, ветеринарным, медицинским и психологическим наукам.

Исходя из изложенного представляется возможным выдвинуть три тезиса, которые отражают авторскую позицию по заявленной теме.

Первое. История развития междисциплинарного и трансдисциплинарного взаимодействия в научных исследованиях показывает, что синтез разнообразного фактологического материала оказывается максимально результативен при комплексном подходе при формировании новых теоретических и прикладных представлений.

Второе. Синтез знаний в современном трансдисциплинарном исследовании в своем развитии неизбежно приводит к дифференциации и последующему возникновению новых научных направлений, которые, в свою очередь, служат источником нового трансдисциплинарного синтеза.

Третье. Новые виды знания развиваются неравномерно. Многие из них не выдерживают испытания практикой, переходя в состояние отложенного спроса (неопределенно долго не дают практического выхода). Это может вызвать у людей далеких от науки скептический взгляд на «бесполезную» трату средств на дорогие научные проекты.

Таким образом, современный синтез знаний становится все более гуманитарным за счет того, что именно гуманизация знания позволяет выполнять одновременно как методологическую, так и просветительскую функцию, способствуя популяризации научных достижений и перенося, и трансформируя их применительно к уровню обыденного сознания.

Литература и источники

1. Лебедев, С. А. Методы научного познания: учебное пособие / С. А. Лебедев. – М. : Альфа-М, ИНФРА-М, 2014. – 272 с.
2. Околовский, П. Станислав Лем и разум. Философские этюды / Павел Околовский // Пер. с польск., сост., указ. Виктора Язневича. – Минск : Галияфы, 2022. – 224 с.

ДОВЕРИЕ К ИСКУССТВЕННОМУ ИНТЕЛЛЕКТУ: СУБЪЕКТ-ОБЪЕКТНЫЙ ИЛИ СУБЪЕКТ-СУБЪЕКТНЫЙ ФЕНОМЕН?

М. С. Фабрикант

Дискуссия о допустимых форматах и сферах использования искусственного интеллекта активизировалась в последние годы преимущественно в связи с появлением новых, более мощных генеративных нейросетей. Во многом эта дискуссия выстраивается вокруг вопроса о том, можно ли доверять искусственному интеллекту и его продуктам или следует ожидать негативных непреднамеренных последствий. В самом внешнем плане обсуждения этого вопроса наблюдается некоторая асимметрия: в то время как сторонники более осторожного и даже настороженного обращения с искусственным интеллектом артикулируют свою позицию и подписывают коллективные письма, их оппоненты достаточно массово используют инструменты искусственного интеллекта в своей повседневной практике, не особенно привлекая к этому внимание, в том числе потому что практики такого использования (например, использование генеративных нейросетей для рецензирования и даже написания научных статей) зачастую если не запрещены, то находятся условной в серой зоне нормативной неопределенности. В связи с неартикулированностью взглядов, на которые опираются эти практики, возникает вопрос, на каких представлениях основано это доверие. Прежде всего – на каких представлениях о предмете этого доверия – искусственном интеллекте? Идет ли речь о доверии к искусственному интеллекту как некоторому техническому приспособлению, или же искусственный интеллект наделяется самостоятельной субъектностью?

Одна из причин доверия к искусственному интеллекту и, как следствие, к его продуктам, может заключаться в том, что искусственный

интеллект видится одним из многих упрощающих жизнь приборов. В таком случае доверие к искусственному интеллекту по своим механизмам не является чем-либо специфичным для цифровой эпохи, но восходит к зафиксированному М. Вебером применительно к первому модерну расколдовыванию мира (*Entzauberung der Welt*) – представлению о том, что любой феномен имеет рациональное устройство и рациональное объяснение, пусть даже не очевидное для всех, но обязательно доступное специалистам в соответствующей предметной области. В этом случае доверие к искусственному интеллекту представляет собой одно из проявлений доверия к науке и высоким технологиям, причем, в категориях С. Фиске, доверие в измерении как компетентности (способности достигать поставленных целей), так и теплоты (склонности действовать на благо субъекту доверия) [1].

Другая версия объяснения доверия к искусственному интеллекту, напротив, основывается не на делегировании знания о принципах работы инструментов искусственного интеллекта специалистам, а на массовом распространении информации о принципах работы, в частности, генеративных нейросетей – обработке большого объема репрезентативной выборки текстов и генерировании по запросу текста, максимально похожего на содержание этой выборки исходного материала. В этом смысле искусственный интеллект предстает не как отвлеченное техническое устройство, а как репрезентант типичного автора – усредненного социального агента. Тогда доверие здесь основано на репрезентативности: от текста, сгенерированного нейросетью, ожидается соответствие не универалистским критериям качества, а конкретным по отношению ко времени и месту (дисциплинарным, языковым и, опосредованно, страновым или региональным) стандартам. Искусственный интеллект представляется идеально-типическим репрезентантом общества в целом, наделенным субъектностью и агентностью [2], но лишенным субъективности (хотя алгоритм может отражать предубеждения своего автора, это знание не является общеизвестным).

Таким образом, если доверие к искусственному интеллекту предстает в массовом сознании как субъект-объектный феномен, то оно отражает доверие к науке и высоким технологиям как специализированной экспертной области, а как субъект субъектный – доверие к обществу в целом как объективной реальности – объективной по отношению к одному отдельно взятому человеку. Из этого следует, что, какой бы из этих двух вариантов ни оказался ближе к истине, основания доверия к искусственному интеллекту более фундаментальны, чем явление цифровизации само по себе.

Литература и источники

1. Fiske, S. T. Stereotype content: Warmth and competence endure / S. T. Fiske // Current directions in psychological science. – 2018. – Vol. 27, № 2. – P. 67–73.
2. Ribino, P. The role of politeness in human–machine interactions: a systematic literature review and future perspectives / P. Ribino // Artificial Intelligence Review. – 2023. – Vol. 56, № 1. – P. 445–482.

«BRAIN READING»: СОЦИАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ СОЗНАНИЯ В ФИЛОСОФИИ И ПРАВЕ

М. А. Фадеева

В современном мире технологии развиваются с невероятной скоростью, открывая новые возможности для человечества. Одной из таких технологий является «чтение мозга» («Brain reading»). Эта технология может быть использована в различных областях, таких как медицина, психология, криминалистика и других. Однако вместе с новыми возможностями возникают и новые этические и юридические вопросы, которые требуют тщательного изучения и анализа.

Актуальность темы философско-юридических аспектов «чтения мозга» и нейротехнологий обусловлена необходимостью разработки этических и правовых норм, регулирующих использование этой технологии. Это связано с тем, что «чтение мозга» может привести к нарушению прав человека на конфиденциальность, неприкосновенность частной жизни и свободу воли. Кроме того, существует риск неправомерного использования этой технологии в целях контроля над сознанием, манипулирования поведением людей и нарушения их прав.

«Brain reading», или шире социально-этические проблемы воздействия на сознание / мозг, становится востребованной как в России [4], так и во всем мире. Достаточно для краткости привести программу ЮНЕСКО по созданию нейроправа и нейроэтики [3]. В США – это междисциплинарный проект Пенсильванского университета под названием «Самоотражение мозга» (The Brain Through Art And Science).

Целью нашей работы является анализ философских и юридических аспектов «чтения мозга», а также разработка рекомендаций по регулированию этой технологии.

Для начала кратко определим сущность новой программы. «Чтение мозга» – это совокупность методов и подходов, которые позволяют анализировать активность мозга / сознания и получать информацию об их взаимной деятельности.

Следует отметить, что на данный момент не существует нейротехнологии, которая сможет узнать и изучить работу мозга на 100%, однако наука не стоит на месте и возможно в скором будущем такая

технология появится. Рассмотрим подробнее философские и юридические аспекты нейротехнологий, связанные с «чтением мозга».

В XXI веке вновь вспомнили Гете: имеем ли мы право вмешиваться во внутреннюю жизнь мозга / сознания? Как повлияет вмешательство на мозг / сознание и психику на дальнейшую судьбу человека? Что есть знаменитый таламус? Одним из основных философских аспектов чтения мозга является вопрос о сущности сознания. Что такое сознание и как оно связано с активностью мозга? Чтение мозга может дать нам новые данные о том, как работает мозг, но оно не может ответить на вопрос о природе сознания.

Например, ученые могут использовать МРТ для изучения активности мозга во время выполнения определенных задач, таких как решение математических задач или просмотр фильмов. Эти данные могут помочь понять, какие области мозга отвечают за определенные когнитивные процессы. Однако они не могут объяснить, что есть сознание на самом деле. Сознание по-прежнему остается предметом философских дискуссий.

Какие аспекты сознания можно исследовать с помощью нейротехнологий, а какие остаются недоступными для научного анализа? Это сложный вопрос, который требует междисциплинарного подхода и обсуждения. Вопрос о границах человеческого сознания является одним из ключевых в философии. Он связан с проблемой определения того, что такое сознание, каковы его свойства и функции, а также с возможностью его изучения и измерения.

Чтение мозга может быть использовано для диагностики и лечения психических заболеваний, оценки когнитивных процессов и даже в юридических спорах. Однако это также вызывает этические и правовые вопросы, касающиеся конфиденциальности и защиты персональных данных, а также предвзятости в интерпретации результатов. Например, в делах о признании невменяемости необходимо учитывать, насколько точно нейровизуализация отражает психическое состояние обвиняемого. Возникает вопрос о возможности использования этих данных как единственного доказательства вины или невиновности, особенно с учетом индивидуальных различий функционирования мозга. Эти проблемы требуют дальнейшего анализа и разработки мер защиты. Чтение мозга представляет собой перспективный метод исследований, но он связан с комплексом философских и юридических вопросов, которые должны быть учтены в новом нейроправе и нейроэтике на международном уровне.

Для иллюстрации отметим определение нейроэтики В. А. Бажанова и Е. Е. Шабалкиной: нейроэтика есть область нейронаучного изучения процессов принятия моральных решений, а именно, нейронной основы моральных реакций и решений [2]. Р. Г. Апресян ее определяет как науку, изучающую этические аспекты нейробиологических исследований [1]. Иными словами, мы в области нейротехнологий столкнулись вновь со

старыми философско-этическими проблемами.

Правовые аспекты «чтения мозга». Возможны ли юридические последствия за несанкционированное «чтение» мозговых сигналов? Эта проблема также требует детального рассмотрения. С одной стороны, такие действия могут рассматриваться как нарушение неприкосновенности частной жизни и влечь за собой юридическую ответственность. С другой стороны, доказать факт такого нарушения достаточно сложно, особенно если оно было совершено с использованием современных технологий

Одним из юридических аспектов «чтения мозга» является право человека на личную жизнь и защиту своих частных мыслей и информации, полученной через нейротехнологии. Суть в том, что подобные исследования могут привести к нарушению конфиденциальности и личных границ человека. Новое нейроправо должно обеспечивать защиту прав и свобод человека, включая право на частную жизнь. В России это право закреплено в Конституции Российской Федерации и ряде других законодательных актов.

Возможные юридические последствия. Несанкционированное «чтение» мозговых сигналов может повлечь за собой следующие юридические последствия, более подробно которые мы раскрываем в своем проекте: административная ответственность, уголовная ответственность, гражданско-правовая ответственность.

Однако следует отметить, что на данный момент в законодательстве Российской Федерации и международном праве нет специальных норм, регулирующих использование нейротехнологий «чтения» мозга. Поэтому вопрос о юридической ответственности за несанкционированное «чтение» мозговых сигналов остается открытым и требует дальнейшего изучения и обсуждения.

Разработка законов и правил для контроля использования нейротехнологий – это сложный и длительный процесс, который требует участия экспертов из разных областей, таких как юриспруденция, медицина, естествознание и философия. Это необходимо для обеспечения баланса между инновациями и защитой прав человека в эпоху нейротехнологий.

Литература и источники

1. Апресян, Р. Г. Нейроэтика: вызовы и недосмотры / Р. Г. Апресян // Философия. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – Т. IV, № 1. – С. 13–23.
2. Бажанов, В. А. Проблема поиска нейрофизиологических оснований морали: нейроэтика / В. А. Бажанов, Е. Е. Шабалкина // Философские науки. – 2017. – № 6. – С. 64–79.

3. Марков, С. М. Философско-правовая оценка проекта этического кодекса нейротехнологий ЮНЕСКО (22–26 апреля 2024 г.) / С. М. Марков // Медицинское право. – 2024. – № 2. – С. 36–39.

4. Человек в мире нейротехнологий: социальные и этические проблемы: программа и тезисы международной научной конференции памяти Б. Г. Юдина, Москва, 30–31 мая 2018 г. // Под ред. П. Д. Тищенко. – М.: ООО «4 Принт», 2018. – 56 с.

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ВОСПРИЯТИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ЛИТЕРАТУРЕ И РЕАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

С. В. Феофанов

Технологии с использованием элементов искусственного интеллекта (далее – ИИ) все глубже внедряются в общественную жизнь. На обыденном уровне мышления становится сложно назвать область человеческой деятельности, где эти технологии нельзя применить хотя бы теоретически, что, в свою очередь, повышает актуальность темы социально-философских аспектов взаимоотношений, причем не только человека с ИИ, но и искусственных интеллектов между собой.

Помимо научно-технической и социально-бытовой сферы, где ИИ с каждым годом завоевывает все более глобальные позиции, тема ИИ широко представлена в фантастической литературе. Именно там эта тема появилась и постепенно заняла одну из лидирующих позиций еще до всеобъемлющего проникновения в другие области: «Молодой Россум изобрел рабочего с минимальными потребностями. Ему надо было упростить его. Он выкинул все, что не служило непосредственно целям работы. Тем самым он выкинул человека и создал робота. Роботы – не люди, дорогая мисс Глорн. Механически они совершеннее нас, они обладают невероятно сильным интеллектом, но у них нет души» [1, с. 5]. А социально-философскую проблематику «мыслящих машин» поднимал еще Станислав Лем: «если в некоей машине, предназначенной на слом из-за нерентабельности ремонта, будет обнаружено сознание, то наш акт разрушения материального предмета, вроде граммофона, превратится в акт уничтожения личности, сознающей свою гибель» [2, с. 236].

Сегодня, будучи репликацией представлений авторов, ИИ предстает перед читателями фантастических произведений в самых разных формах. Это разнообразие обусловлено тем, что до сих пор не существует однозначного определения сущности ИИ, что, в частности, обуславливается нерешенным вопросом о природе человеческого интеллекта. По этой причине в рамках данной статьи понятие ИИ используется в следующем определении: это некая сущность,

существующая в недоступном для эмпирического восприятия пространстве, обладающая возможностью ставить себе задачи и выбирать пути их выполнения в рамках целей своего существования, а также прямо или косвенно влияющая на процессы в реальном мире.

В подобном определении легко заметить теологические параллели. Религиозно-магическое общественное сознание с древних времен способствовало обожествлению явлений природы. В своем развитии этот процесс приводил к приданию божествам человеческих обликов и черт характера, а также к трансляции на пантеоны устоявшихся социальных отношений. Многообразие пантеонов и в наши дни является для писателей хорошим источником для идей. Зачастую «пантеон» ИИ в литературном произведении предстает как прямое переосмысление пантеона богов древности.

В современной литературе выделяются два направления, использующие подобный подход. Во-первых, это сюжеты про погружение сознания в виртуальные игровые миры, где всеми процессами управляют ИИ, и они же зачастую исполняют роли богов местных пантеонов: «Ну, любил Павший романтику космоса, что тут поделаешь, не его вина, что трехсотая серия была выкуплена игродромом и целиком пошла на управленческий корпус Друмира. А ведь был шанс, был... ИскИн-408 установили на борт МКС-2, а 214-й уже полтора года как управлял лунным мобильным комплексом по добыче гелия-3... Столкновения с другими реальностями вполне возможны, как верховное божество, Павший неплохо чувствовал астральные планы, и временами волосы на его загривке становились дыбом от ощущения жадных взглядов Чужих Богов» [3, гл. 16].

Во-вторых, это сюжеты про перемещение героев в волшебные миры (так называемые «попаданцы»), где также существуют управляющие миром боги, имеющие внешнее происхождение: «И ведь не сказать, что они были не правы с точки зрения всех... кроме Сатарис и других Князей Тьмы, знающих, что их существование в этом мире имеет вполне особенные цели и смысл! Все они действовали по плану и правилам, вписанным в Систему, поэтому, наряду с переменами, которых внезапно возжаждал народ, они, Князья, полностью утрачивали стимул делать хоть что-нибудь. А значит, этих же стимулов лишались как Генералы, так и остальные могущественные демоны. Только вот объяснить своим подданным, что она, Сатарис, упорно трудилась во имя компромисса, позволяя им выполнять предназначение и познать блага мирной жизни, новоявленная богиня не могла» [4, гл. 20].

В первом случае основой служат достижения науки и техники, а во втором – некие волшебные силы, но при детальном рассмотрении становится заметна формальность, как различий между самими этими направлениями, так и отличий ИИ в литературе от богов из древних

мифов. А это, в свою очередь, позволяет рассматривать ИИ как отдельные социальные группы, причем, как в литературном отражении, так и в общественном сознании, и применять к ним методологии социально-философского анализа.

С технологической точки зрения сегодня вряд ли можно говорить о реализации ИИ, какими они представлены в литературе. Но предпосылки их появления можно обозначить уже сегодня: большая часть разработок в сфере ИИ так или иначе связана с экономической деятельностью человека. Экономика же предъявляет к цифровым системам вполне конкретные требования, направленные на рост эффективности. Это приводит к тому, что отдельные системы, работающие в рамках одной задачи, интегрируются вплоть до полного слияния. А это в понятиях философии – изменение отношений части и целого.

В обществе подобные отношения рассматриваются социальной философией как дуальность органицизма и механицизма. При анализе социальных процессов мы не можем говорить об абсолютности любой из этих сторон, но на уровне ИИ дела обстоят несколько иначе.

Когда развитие цифровых систем приведет к появлению полноценных ИИ, то для них будет оставаться справедливым требование повышения эффективности работы. И если попытаться смоделировать группу саморазвивающихся ИИ, которая в общем виртуальном пространстве взаимодействует в рамках единой задачи, то они будут лишены естественных ограничений, присущих человеку. А это приведет к изменению отношений части и целого: механистические ограничения будут преодолены, и все ИИ сольются в один, сохранив разнообразие внешних воплощений.

Из этого вырисовывается перспектива единого глобального ИИ, управляющего всеми процессами, но имеющего самые разные проявления. Нечто подобное мы можем наблюдать сегодня, хоть и в меньших масштабах. Например, виртуальный помощник «Алиса» предстает перед нами в самых разных формах: приложение на телефоне или колонка на столе, мужской или женский голос. Ей можно даже придать образ кота, который разгуливает по цепи вокруг дуба и рассказывает сказки. Но по содержанию это всегда будет единый ИИ-сервис, работающий везде, где есть доступ к Интернету.

На фоне вышесказанного, а именно: то, как ИИ отражается в литературе, и те тенденции, что мы можем наблюдать сегодня, становится заметно некоторое противоречие между современными возможностями ИИ и социальным ожиданием относительно их внешнего проявления. Развитие технологий ИИ подразумевает и социальную составляющую (взаимодействие с человеком). И разрешение противоречия видится в расширении возможностей их формальной стороны, то есть развитие технологий, которые позволят сконструировать облик ИИ таким, каким его

хочет видеть каждый конкретный индивидуум. Тенденции к этому прослеживаются уже сегодня: в Корее, например, высокую популярность имеют виртуальные спутники.

Все это будет способствовать дальнейшей интеграции взаимодействия ИИ с человеком, вплоть до попыток преодоления естественных механистических ограничений.

В заключении следует отметить, что литературные сюжеты про завоевание людей восставшими машинами на фоне сказанного выше представляются крайне маловероятными. Для реализации подобного сценария требуется наличие механистических конфликтов между человеком и ИИ. А для этого нужно, чтобы обе стороны действовали в рамках общего пространства, но имели конфликтные задачи. Тенденция к интеграции человека с ИИ хоть и способствует первому условию, но прямо противоречит второму, что создает дополнительное поле для социально-философского исследования.

Литература и источники

1. Чапек, К. R.U.R / К. Чапек [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://litfond.net/r/69438?p_=5. – Дата доступа: 10.09.2024.
2. Лем, С. Сумма технологий / С. Лем // Пер. с пол. Ф. Широкова, В. Язневича. – М. : Издательство АСТ, 2023. – 800 с.
3. Рус, Д. Играть, чтобы жить. Книга 3. Долг / Д. Рус [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.litres.ru/book/dmitriy-rus/igrat-chtoby-zhit-kniga-3-dolg-6379307/>. – Дата доступа: 10.09.2024.
4. Мамбурин, Х. Б. Семь ломтиков хаоса. Книга седьмая. Справедливая гордыня / Х. Б. Мамбурин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://author.today/work/203947>. – Дата доступа: 10.09.2024.

ПОНЯТИЯ «ЦЕННОСТИ» И «ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ»: СПЕЦИФИКА СООТНЕСЕНИЯ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ СЛОЖНОСТРУКТУРИРОВАННЫХ ФЕНОМЕНОВ

С. В. Хамутовская

Для изучения таких сложноструктурированных феноменов, как этническая, национальная, гражданская идентичность, национальный характер, национальное самосознание и т. п., применяются различные теоретико-методологические подходы и теории: ситуационный, социологический, манипулятивный, индивидуально-психологический, теория черт и т. д. Особую актуальность имеет ценностный подход, так как он позволяет в значительной степени учитывать психологическую природу вышеназванных явлений, что важно для экспликации особенностей сохранения и воспроизводства представителями того или иного этноса,

нации, народа конкретных идей, ценностей, убеждений, стереотипов и т. п. В Концепции национальной безопасности Республики Беларусь указывается, что потенциальными либо реально существующими угрозами национальной безопасности нашей страны выступают «утрата значительной частью граждан традиционных нравственных ценностей и ориентиров, разрушение национальных, культурных и духовных традиций, искажение исторической правды и памяти о героическом прошлом белорусского народа» [1]. В подобных условиях существенно возрастает значимость изучения ценностных ориентаций населения.

Белорусский исследователь Г. В. Гатальская, помимо культуроцентрированного и личностноцентрированного, считает необходимым для анализа, к примеру, национального характера применять ценностный подход [2, с. 115]. Российский автор Т. Г. Евдокимова указывает, что целесообразно для исследования сложных социальных процессов и явлений принимать во внимание своеобразие соотношения понятий «ценности» и «ценностные ориентации», которое может быть различным в зависимости от избранного ракурса их рассмотрения. На взгляд последней, можно выделить три подхода, имеющие своих основателей и последователей, предлагающие четкие критерии для сравнения ценностей и ценностных ориентаций [3, с. 67].

Первый подход связан с именами М. Вебера и Т. Парсонса и базируется на том, что ценности трактуются как мотив, условие выбора ориентации. То есть ценностные ориентации зависят от ценностей. В контексте теории ценностно-рационального действия М. Вебер большое значение придает субъективному восприятию ценностей индивидами, описывает их как мотив тех или иных действий, предпринимаемых независимо от последствий: «Чисто ценностно-рационально действует тот, кто, невзирая на возможные последствия, следует своим убеждениям о долге, достоинстве, красоте, религиозных предначертаниях, благочестии или важности "предмета" любого рода» [4, с. 266]. Т. Парсонс, в отличие от М. Вебера, был убежден в том, что ценности мотивируют выбор индивидом конкретных действий с учетом последствий подобного выбора. Кроме того, Т. Парсонс связывает ценностные ориентации с мотивационным и ситуативным контекстами.

Согласно второму подходу, ценностные ориентации, а не непосредственно сами ценности, выполняют прежде всего регуляторную функцию по отношению к социальному поведению индивидов. Это обусловлено тем, что ценности становятся общепризнанными идеалами и ориентирами, но в сознании разных людей они приобретают разную значимость. В такой трактовке важным условием является воплощение в жизнь разделяемых ценностей, что превращает их в ценностные ориентации [3, с. 69]. К представителям данного подхода относятся У. Томас, Ф. Знанецкий, Н. И. Лапин, В. А. Ядов, Ж. Т. Тощенко.

Социологи У. Томас и Ф. Знанецкий в 1920-е годы ввели в социологический оборот понятие «ценностные ориентации». На их взгляд, социальная регуляция выполняется последними посредством аттитюдов, определяемых как «состояние сознания индивида относительно некоторой ценности» [5, с. 4]. В. А. Ядов считал, что ценностные ориентации формируются на базе разделяемых личностью наиболее значимых социальных ценностей, вызывают у человека определенную предрасположенность к восприятию окружающей действительности, включая условия его жизнедеятельности, а также соответствующее поведение, «выступают критериями принятия жизненно важных решений в ситуациях морального выбора» [6]. Н. И. Лапин важную роль отводит так называемым базовым ценностям, которые сформировались в ходе первичной социализации, в дальнейшем являются достаточно стабильными и составляют основу ценностного сознания человека. Как правило, их немного (два-три десятка), но именно они существенно влияют на поведение человека. Ж. Т. Тощенко пишет, что «...если ценности – материальные или идеальные предметы, обладающие значимостью для всех социальных субъектов с позиций удовлетворения потребностей общества, то производные от них ценностные ориентации есть установки личности, групп, общностей на избранные ими ценности» [7, с. 104]. В структуре ценностных ориентаций Ж. Т. Тощенко выделяет следующие элементы: 1) цели – то, к чему следует стремиться, что находит отражение в требованиях (намерениях, пожеланиях, чтобы нечто было осуществлено); 2) критерии (экономические, политические, моральные и т. д.) как мера определенности того, что особенно важно для жизнедеятельности; 3) оценка социального явления (или поступков и действий) с точки зрения желаний и стремлений; 4) средства, с помощью которых возможно достижение желаемой ценности [7, с. 104].

Исходя из основных гипотез третьего подхода, аспекты которого прослеживаются в той или иной степени в трудах Р. Инглхарта, Х. Йоаса, ценностные ориентации полностью определяются ценностями, а те, в свою очередь, – потребностями. Опираясь на разработки А. Маслоу, Р. Инглхарт выделяет две основные группы ценностей: материалистические (благополучия и физической безопасности и т. п.) и постматериалистические (качество жизни, принадлежность к социальной группе, самовыражение и т. п.). Путем эмпирических исследований им было установлено, что ценностные ориентации связаны, преимущественно, с уровнем образования индивида: чем он выше, тем сильнее ориентации на постматериалистические ценности [8]. Х. Йоас придерживается мнения, что, во-первых, постматериалистические ценности более востребованы в высокоразвитых странах, а во-вторых, измерение ценностей следует осуществлять при наличии стабильной экономической и правовой ситуации в обществе, поскольку изменение

материалистических ценностей на постматериалистические затрудняется в нестабильном обществе [9, с. 11].

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод о том, что анализ специфики соотношения понятий «ценность» и «ценностные ориентации» в контексте осмысления сложноструктурированных феноменов свидетельствует о том, что данные понятия взаимообусловлены, имеют многоаспектное содержание и, с одной стороны, зависят от разного рода социально-экономических, политических, культурных факторов, а с другой – воздействуют на процесс формирования, трансляции и воспроизведения определенных условий жизнедеятельности тем или иным этносом, нацией, народом.

Работа выполнена при поддержке БРФФИ в рамках научного проекта № Г23ИП-032.

Литература и источники

1. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь: решение Всебелорус. народного собрания, 25 апр. 2024 г., № 5 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
2. Гатальская, Г. В. Психологические особенности национального характера белорусов / Г. В. Гатальская, Н. М. Ткач // Психология. – 2010. – № 1. – С. 30–35.
3. Евдокимова, Т. Г. Теоретико-методологические основания изучения ценностных ориентаций / Т. Г. Евдокимова // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». – 2018. – № 1 (11). – С. 65–75.
4. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер. – М. : Прогресс, 1990. – 808 с.
5. Безменова, И. К. Аттитюды и их взаимосвязь с поведением: Реферативный обзор / И. К. Безменова, О. А. Гулевич. – М. : Росс. психолог. об-во, 1999. – 144 с.
6. Ядов, В. А. Социальная стратификация в кризисном обществе / В. А. Ядов // Социологический журнал. – 1994. – № 1. – С. 35–52.
7. Тощенко, Ж. Т. Ценности и ценностные ориентации / Ж. Т. Тощенко // Тезаурус социологии: темат. слов.-справ. / Под ред. Ж. Т. Тощенко. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2013. – С. 103–107.
8. Андреевкова, А. В. Материалистические / постматериалистические ценности в России / А. В. Андреевкова // Социологические исследования. – 1994. – № 11. – С. 73–81.
9. Йоас, Х. Возникновение ценностей / Х. Йоас / Пер. с нем. К. Г. Тимофеевой. – СПб. : Алетейя, 2014. – 311 с.

ФІЛАСОФСКАЯ МЕТАДАЛОГІЯ І ПАНЯЦІЙНАЯ СТРУКТУРА САЦЫЯЛЬнай ЭКАЛОГІІ

А. С. Чарвінскі

Неабходнасць распрацоўкі паняційнага апарата сацыяльнай экалогіі, здольнага апісаць дынаміку антрапагеннай экспансіі ў біясферных сістэмных фарміраванні – надзённая неабходнасць у станаўленні маладой навуковай дысцыпліны. Пры гэтым рэалізацыя метадалагічнага патэнцыялу філасофіі дазволіць узбагаціць паняціўную структуру сацыяльнай экалогіі шляхам канкрэтызацыі тэрмінаў «антрапагенны ўплыў», «антрапагеннае ўздзеянне», «антрапагеннае пераўтварэнне» і інш. У экалагічных даследаваннях паняці «антрапагенны ўплыў» і «антрапагеннае ўздзеянне» часта атаясамліваюцца. Адсутнасць еднасці меркаванняў сярод даследчыкаў адносна таго, які сэнс варта ўкладваць у гэтыя паняці, закліканыя адлюстраваць сутнасныя характарыстыкі працэсу ўзаемадзеяння чалавека і прыроды, ускладняе рашэнне канкрэтных тэарэтычных і практычных задач па далейшай рацыяналізацыі прыродакарыстання [1, с. 76].

Атаясамліваць паняці «антрапагеннае ўздзеянне» і «антрапагенны ўплыў» непрамамерна, бо яны адлюстроўваюць розныя ўзроўні прычынавыніковых сувязяў паміж сацыяльнай дзейнасцю і ўзнікненнем энтрапійных працэсаў у прыродным асяроддзі. Антрапагеннае ўздзеянне мяркуе практычную актыўнасць чалавека, ажыццяўленне дзейных актаў па стаўленні да прыроднага асяроддзя і выступае, такім чынам, як працэс спараджэння фактараў-прычын. Антрапагенны ўплыў, грунтуючыся на практычным дзейным уздзеянні на прыроду, адначасова ўключае яго наступствы. У выпадку, калі спараджаны сацыяльнай дзейнасцю фактар выступае як умова, антрапагенная дэтэрмінацыя прыродных зменаў носіць ускосны, апасродкаваны характар і можа быць выказана паняццем «антрапагенны ўплыў».

Якасны пераход да «новага» мяркуе фарміраванне іншай сістэмы сувязяў аб'екта з рэальным светам, якое не мела аналогу на папярэдніх стадыях развіцця. Зыходзячы з гэтага, гістарычная змена біемаў падчас сукцэсіі (як першаснай, так і другаснай) не можа быць вызначана як працэс якасных змен біясферы, якія з'яўляюцца прыроднымі комплексамі, але не з'яўляюцца прынцыпова новымі ў біясферы. Якаснымі ў поўным сэнсе слова можна лічыць толькі тыя змены, у выніку якіх адбываецца з'яўленне прынцыпова новых станаў прыроднага асяроддзя, якіх раней ніколі раней не было ў біясферы [2, с. 83].

Выкарыстанне філасофскай катэгорыі «ўзаемадзеянне» ў сацыяльнай экалогіі імпліцытна прадугледжвае дзейны характар суб'ектна-аб'ектных адносін, і спецыфіка тэрміна «сацыяльна-прыроднае ўзаемадзеянне» не

выводзіць паняціўную сітуацыю за рамкі гэтага патрабавання.

На ўзроўні сістэмы «чалавек-прырода» ўзаемадзеянне можа рэалізавацца толькі дзейным чынам, і паняцце «сацыяпрыроднае ўзаемадзеянне» заклікана адлюстроўваць працэс функцыянальнага ўзаемадзеяння двух актыўных бакоў.

Даследаванне зместу паняцця «якасць навакольнага асяроддзя» мае практычную значнасць у кантэксце метадалагічнага забеспячэння працэсаў аптымізацыі сацыяпрыродных узаемадзеянняў, і ў першую чаргу той яе часткі, якая адносіцца да праблемы фарміравання развітога паняціўнага апарата і набыцця сацыяльнай экалогіі дысцыплінарнага характару.

Канцэпт «якасць асяроддзя» не можа быць фіксаваным у той жа меры, як не могуць быць статычнымі сувязі чалавека з навакольным яго прыродным асяроддзем, паколькі паняцце, якое адлюстроўвае функцыянальныя сацыяпрыродныя сувязі, у кожным канкрэтным выпадку нападняецца пэўным спецыфічным зместам.

Аптымальнае, пазітыўнае ў адным стаўленні практычна заўсёды недасканалае, шкоднае ў іншым, а множнасць сувязяў у сацыяпрыродным узаемадзеянні выступае толькі аспектам шматякаскасці матэрыяльных аб'ектаў. Маючы гэтую акалічнасць на ўвазе, можна зрабіць выснову аб унутрана супярэчлівым характары самога тэрміна «якасць навакольнага асяроддзя». Пры гэтым задачы ўстаранення адзначанай асаблівасці ў прыродазнаўчай інтэрпрэтацыі тэрміна служыць яго канкрэтызацыя праз блізкія па змесце паняцці «аптымальнасць», «карыснасць» і г. д.

Выкладзены падыход абавіраецца на магутныя традыцыі філасофскага аналізу паняціўных структур, якія змяшчаюць у канцэнтраваным выглядзе акумуляваны вопыт, дасягнуты навукай на працягу гістарычна працяглага перыяду, і ў гэтым плане выступае ў ролі сродку, які забяспечвае эфектыўнасць прыродазнаўчага даследавання. У практычных адносінах гэты прыём значна пашырае перспектывы ацэначнай нарматыўнасці сацыяльнай экалогіі і ацэначнай канкрэтызацыі яе асноўных паняццяў.

Літаратура і крыніцы

1. Анучин, В. А. Основы природопользования / В. А. Анучин. – М. : Мысль, 2008. – 243 с.
2. Майснер, А. Д. Жизнь растений в неблагоприятных условиях / А. Д. Майснер. – Минск : Народная асвета, 1995. – 288 с.

ИНФОРМАЦИОННАЯ СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ ПРОЦЕССАМИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ («HEMIS») КАК ИНСТРУМЕНТ ЛЕГЕТИМНОГО АДМИНИСТРАТИВНОГО ДАВЛЕНИЯ

Н. А. Шермухамедова, А. М. Тюкмаева

В условиях стремительного развития высшего образования в Республике Узбекистан инициатива внедрения информационной системы управления процессами высшего образования «HEMIS» (Higher Education Management Information System) должна была стать шагом к оптимизации деятельности университетов [1; 4]. Подобные образовательные реформы обещали революцию в автоматизации административной, учебной и научно-исследовательской деятельности университетов, однако ее практическая реализация вынесла на поверхность серьезные изъяны, ставящие под сомнение степень ее целесообразности и эффективности.

Среди основных недостатков «HEMIS» можно выделить низкую эффективность работы с данными и наличие множества ошибок в ее программном обеспечении, выражающиеся в проблемах с загрузкой информации, частых сбоях в функционировании, неудобном интерфейсе и отсутствии механизмов сопровождения и поддержки пользователей. Вместо обещанного упрощения доступа к электронным ресурсам, пользователи в лице преподавателей и студентов сталкиваются с дополнительными барьерами: трудностями с поиском необходимых ресурсов, управления таблицами аудиторий, учебным и научным процессом, мониторинга посещаемости и успеваемости студентов, графиками промежуточного и итогового контроля. Многократные обновления системы не только не решают существующие проблемы, но порой добавляют новые, создавая эффект замкнутого круга. Накладываемые на профессорско-преподавательский состав обязательства по контролю посещаемости студентов требуют значительных временных затрат, непосредственно влияющих на качественные показатели учебного процесса. В результате, целостность и продуктивность образовательного процесса сильно страдает: преподаватели вынуждены компрометировать качество изложения материала для того, чтобы уложиться в отведенное время. Кроме того, несвоевременный мониторинг посещаемости студентов со стороны преподавателей в интервале около 12 часов в рамках информационной системы ведет к наложению санкций в виде директивного давления со стороны деканата (требований написания объяснительных, получении выговоров). Степень эффективности работы преподавателя, таким образом, обусловлена исключительно формальной бюрократической исполнительностью в рамках определенной цифровой дисциплины. Анализ качества проведенных занятий отстает на второй план, уступая место бессмысленным цифровым манипуляциям. В

результате складывается порочная практика, при которой профессорско-преподавательский состав оказывается под давлением административной системы, превращая образовательный процесс в набор рутинных процедур, где первостепенное значение имеет не содержание знания, а выполнение бюрократических формальностей. Студенты становятся не субъектами обучения, а цифрами в системе отчетности, что подрывает саму суть образовательной деятельности и приводит к снижению мотивации со стороны преподавателей и студентов.

Вместо того, чтобы сосредоточиться на содержании учебных курсов и развитии критического мышления, образовательный процесс становится зависимым от технических сбоев и неполадок программного обеспечения. Преподаватели вынуждены расходовать время на устранение данных проблем, отвлекающих от основного направления работы – передачи знаний и навыков. Недостаточное обучение персонала и отсутствие технической поддержки в рамках «HEMIS» усугубляют проблему, оставляя пользователей один на один с системой. В результате, создание информационно-образовательного корпоративного портала «HEMIS» превращается в источник фрустрации и недовольства, подрывая доверие к системе высшего образования в целом и требует срочной реформации подходов к ее дальнейшему развитию. Это приводит к чрезмерному контролю и стандартизации, что может ограничивать индивидуальность образования и подавлять творческую инициативу как преподавателей, так и студентов. В условиях, когда качество образования все чаще подменяется количественными показателями, необходимость в критическом осмыслении роли современного «HEMIS» становится очевидной.

Поскольку контроль и мониторинг успеваемости и посещаемости студентов являются ключевыми элементами, обеспечивающими высокие стандарты образовательного процесса, постольку для эффективного выполнения этих задач необходимо создать *отдельное специализированное подразделение* в рамках деканата. Оно сможет разработать и внедрить унифицированные методики оценки, позволяющие стандартизировать подходы к мониторингу и обеспечивающие всестороннее отслеживание учебной активности студентов. Функционирование камер видеослежения в аудиториях позволит отдельным подразделениям внутри деканата идентифицировать личности студентов, не вторгаясь в учебный процесс под предлогом проведения мониторинга и контроля посещаемости студентов, обеспечивая необходимый уровень безопасности и порядка в образовательных учреждениях. Создание специализированного подразделения будет способствовать более глубокому анализу данных о посещаемости и успеваемости, а также выработке рекомендаций по улучшению организации учебного процесса. Это позволит не только выявлять студентов, нуждающихся в дополнительной поддержке, но и

оперативно реагировать на возможные проблемы, обеспечивая таким образом равные возможности для всех обучающихся. Преимущества информационной системы управления процессами высшего образования в виде автоматизации процессов и повышения эффективности зачастую идут вразрез с гуманистической природой образования, порождая ряд критических вопросов, касающихся административного давления на участников образовательного процесса [2; 3].

Фундаментальная разница между административными должностями в сфере науки и образования и профессорско-преподавательским коллективом заключается в диаметральнойности используемых подходов и приоритетов в организации работы и пониманию непосредственно своей роли. Административные работники, как правило, сосредотачиваются на внешних аспектах управления, скользя по поверхностям, анализируя формы, цифры и отчеты. Стремясь к соблюдению регламентов и достижению краткосрочных целей, они принимают решения, опираясь на статистику и бюрократические нормы, в то время как профессора и исследователи сосредоточены на глубоком понимании содержания своей работы. Погружаясь в многообразие научных исследований, они ищут новые идеи и разрабатывают теории, понимая, что подлинная ценность науки и образования заключается не в формальных показателях, а в расширении и преобразовании знаний, перспективе их практического применения. В условиях конкуренции за финансирование и рейтинговую заметность высших учебных заведений, профессорско-преподавательский состав сталкивается со значительным давлением со стороны руководства университетов. Это давление может проявляться в требовании от преподавателей не только высоких научных результатов, завышенных планов по публикациям, участия в различных мероприятиях, но и выполнения множества административных задач (реализации непрофильных для научной деятельности проектов), что нередко приводит к перегрузке и снижению качества образования. Внедрение «HEMIS» является, таким образом, легитимным инструментом контроля участников образовательного и научного-исследовательского процесса. Отдельный ученый в современной системе высшего образования превращается в трудовой ресурс, а наука становится производственной ареной рыночных отношений. С одной стороны, подобная ситуация является прямым отражением эпохи постиндустриального капиталистического надлома, обусловленного необходимостью адаптации к современным экономическим реалиям, а с другой порождает множество морально-этических и аксиологических вопросов и проблем относительного статуса «знания», производящегося и монетизирующегося как товара рыночной конъюнктуры. Подобная ситуация актуализирует следующую дилемму: оставаться верными высоким идеалам научного поиска или подстраиваться под требования заказчиков, обеспечивающих финансирование? Этот

переход от идеалистических представлений о науке как о созидательной и духовной деятельности к практическому подходу, основанному на оценке эффективности и прибыли, приводит к разрушению подлинных ценностей академической среды. Идея университета как пристанища свободного самовыражения и подлинных знаний уступает место концепции образовательной компании, где акционеры требуют отчетности и результативности: научные публикации становятся товаром, а эксперименты – инвестициями, требующими быструю отдачу. Рассматривая свои исследования сквозь призму рыночного спроса, теряются из виду долгосрочные цели и философские аспекты науки, что приводит к отчуждению от первоначальной миссии знания – служить обществу, развивая культурный и интеллектуальный потенциал человечества. Настоящая наука при такой расстановке сил рискует стать лишь еще одной статьей в бизнес-плане, вливаясь в поток неумолимого механизма капиталистической экономики.

Таким образом, несмотря на активную реализацию различного рода социальных, политических и экономических реформ в Республике Узбекистан, необходимость глубоких изменений в системе науки и образования остается актуальной. Одним из ключевых направлений изменений является снижение уровня административного давления на участников образовательного процесса и научно-исследовательской деятельности, позволяющих создать более свободное пространство для исследователей и профессорско-преподавательского состава. Необходимость создания специализированных отделений, ответственных за регулирование формальных составляющих, связанных с бюрократическими процессами, освободит профессорский состав от бремени рутинных задач, позволив сосредоточиться на образовательной и исследовательской деятельности. Важным аспектом рекомендуемой авторами реформой является внедрение гибких управленческих подходов, способных адаптироваться к быстро меняющимся условиям образовательной среды, что положительно скажется на будущем страны и ее интеллектуальном потенциале.

Литература и источники

1. Правительственный портал Республики Узбекистан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.gov.uz. – Дата доступа: 15.09.2024.
2. Официальный веб-сайт Ташкентской медицинской академии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.gov.uz.tma/uz/. – Дата доступа: 15.09.2024.
3. Образовательный портал «ZIYONET» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.ziyonet.uz. – Дата доступа: 15.09.2024.
4. Цифровая платформа электронного образования «HEMIS» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://hemis.uz>. – Дата доступа: 15.09.2024.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ «ЗОДИАК»

А. А. Шимбалева

В современном массовом сознании прочно утвердились астрологические суеверия. Особенно популярны прогнозы на день, неделю, месяц, год по Солнцу в знаках зодиака на момент рождения человека, публикуемые многими газетами и журналами. Несмотря на то, что эти прогнозы были изобретены совсем недавно, в 30-е годы XX в., в англо-американской прессе [6, с. 725–727], они воспринимаются многими людьми как авторитетный источник, по которому можно планировать свою жизнь. Для того, чтобы выяснить, насколько реалистичны такие предсказания, нужно исследовать понятие зодиака и проследить историю его возникновения и развития.

Под зодиаком понимается пояс созвездий, расположенных на пути Солнца, Луны и планет Солнечной системы в их видимом движении по звездному небу. В настоящее время существует 12 знаков зодиака – равных отрезков эклиптики, отсчитываемых от точки весеннего равноденствия и 13 зодиакальных созвездий – участков в определенных Международным астрономическим союзом в 1928 г. границах, по которым проходит эклиптика.

Астрологические представления народов Междуречья постоянно изменялись и усложнялись. В ранней астрологии предзнаменований важную роль играли отдельные звезды, но зодиакальные созвездия еще не были выделены и не использовались в предсказаниях. По мнению историка астрономии Г. Е. Куртика, только «в самых поздних текстах серии "Энума Ану Энлил", датируемых I тыс. до н. э., как астрологически значимое событие отмечаются положения Луны и планет относительно созвездий» [5].

Концепция зодиака, которую использует современная астрология, появилась в Месопотамии в результате тысячелетних наблюдений за движением сначала Луны и Венеры, а потом Солнца среди звезд. По мнению востоковеда-шумеролога В. В. Емельянова, почти все известные нам жертвоприношения в протошумерскую эпоху (конец IV тыс. до н. э.) связаны только с восходящей и заходящей Венерой, пребывающей в определенном созвездии [3, с. 180–181].

Известный историк древней науки Б. Ван-дер-Варден считает, что «зодиакальный пояс был известен в Вавилонии с 700 года до н. э. Текст MUL.APIN перечисляет 17 созвездий и сообщает, что Луна, Солнце и другие планеты следуют по этому пути» [12, р. 216]. В тексте MUL.APIN говорится: «Божества, которые стоят на пути Луны, через области которых Луна в течение месяца проходит и которых она касается: Звезды, Небесный Бык, Праведный Пастух Ану, Старик, Посох, Великие

Близнецы, Краб, Лев, Борозда, Весы, Скорпион, Пабилсаг, Коза-Рыба, Великан, Хвосты, Ласточка, Ануниту и Наемник» [5]. Часть названий совпадает с современными зодиакальными созвездиями, а часть нет.

По мнению Б. Ван-дер-Вардена, первоначально круг эклиптики был разбит на 18 «созвездий на пути Луны», которые описаны в трактате MUL.APIN [6, с. 139]. Несколько позже, в VI–V вв., появилось деление эклиптики, связанное с движением Солнца, и появились 12 знаков зодиака (как равных частей эклиптики), которые впервые встречаются в 476 г. до н. э. в лунных таблицах. Разные исследователи указывают, что полный список зодиакальных созвездий появляется впервые только в конце VI–IV вв. до н.э. [10; 11].

В. В. Емельянов считает, что многие созвездия зодиака по своему названию напоминают названия месяцев Ниппурского календаря, а в некоторых угадывается общая с ними семантика. Таким образом, проясняется загадка появления зодиакальных символов. Определенные группы звезд наблюдались на небе перед восходом Солнца и именовались в связи с названиями месяцев года, в которые проводились наблюдения. В астрономической серии MUL.APIN I находится таблица гелиакических восходов, которая помогает установить семантическую связь между зодиакальными созвездиями и ниппурскими месяцами [3, с. 181].

Появление представлений о зодиакальных знаках в конце VI–IV вв. до н. э., когда в первом месяце Ниппурского календаря восходили звезды «Наемного работника» (позже названного Овном), объясняет, почему именно Овен является первым знаком зодиака. Если бы представление о знаках зодиака сложилось раньше на тысячу лет, то восходили бы звезды Тельца, и Телец был бы первым знаком. В настоящую же эпоху восходят звезды созвездия Рыб и первым знаком должны быть Рыбы. Астрологи, приняв некогда сформированную символическую конструкцию, законсервировали ее, не понимая причин появления символов, и продолжают использовать, оторвавшись от вложенного первоначально смысла, толкуя эти символы в зависимости от развитости фантазии каждого толкователя.

Современная западная цивилизация использует представления о зодиаке, бытовавшие в Древней Греции. Известно, что греки переняли многие астрономические знания у более древних цивилизаций – Междуречья и Египта. Греки заимствовали месопотамские символы зодиакальных созвездий и дали им свои собственные названия. Об этом свидетельствует описательный характер греческих названий. Греческий зодиак содержал только 11 созвездий (отсутствовали Весы). Когда использовалось 12-частное деление эклиптики, в нем фигурировали Клешни – часть созвездия Скорпиона [11, р. 1–11].

В Древнем Египте сформировалось особое представление об эклиптическом поясе. Исследование древнеегипетских астрономических

текстов на крышках саркофагов 2100–1700 гг. до н. э. показало, что область вокруг эклиптики была разделена египетскими астрономами на 36 деканов, по 10° каждый. Для их обозначения использовались отдельные звезды, или созвездия, или части созвездий. Если первоначально деканы были просто одиночными звездами или группами звезд, пригодными для определения времени ночью, то в астрологической литературе эллинистического и римского времени они трансформируются в божества, определяющих судьбу людей [1, с. 27].

Привычные нам символы зодиакальных созвездий отражают лишь наследие одного региона человеческой цивилизации – междуречья Тигра и Евфрата. Иные центры культурного развития создали свои, в корне отличающиеся, представления о зодиакальном круге созвездий, лежащих на пути Солнца и Луны.

По трудам китайских астрономов видно, что названия созвездий изменялись с течением времени. Одна и та же группа звезд или отдельная звезда могли называться по-разному не только в разные времена, но и в зависимости от того, рассматривались они отдельно или в группе с другими звездами, создавая комбинации или так называемые «образы» («пи сян»). Созвездие могло называться иначе при создании комбинаций даже с отдаленными звездами на другом конце неба. Все небо в глубокой древности было поделено, по земному образцу, на дворцы [2, с. 89].

Почти все эти созвездия не совпадают с теми, которые сформировались в халдейско-греческой традиции. Они различаются не только названиями, но и характерными комбинациями звезд. В I-м тыс. до н. э. в Китае появляется деление эклиптики на 28 «лунных стоянок (домов)», названных именами созвездий, содержащих определяющие звезды [8, р. 2]. Зодиакальные созвездия объединялись и в большие области, связанные с движением Юпитера, которых насчитывается 13 [2, с. 110].

Исследование текстов индейцев майя позволило установить, какие символы использовались в Мезоамерике для обозначения зодиакальных созвездий (см., например, [7; 9]). В Парижской рукописи указано, что зодиак майя делится на 13 частей. Каждая из них носит название какого-либо существа животного мира. Это: Летучая Мышь, Кабан, Олень, Обезьяна, Ягуар, Белка, Гремучая Змея, Черепаха, Скорпион, Сова, Пернатый Змей, Попугай, Лягушка [4, с. 200]. Млечный Путь, представлявшийся в виде огромной рептилии, делил зодиак на две половины – живую и мертвую. Эти символы совсем не похожи на современные знаки зодиака, используемые астрологами.

Исследование астрономических представлений различных народов нашей планеты показало, что понятия о созвездиях и зодиаке складывались у каждого по-своему и являлось отражением на небе земных верований и образов. Звезды объединялись в разные группы-созвездия, изменяющиеся

с течением времени и не совпадающие даже у соседних народов, если между ними не было тесной связи и культурного заимствования. Количество зодиакальных созвездий было разным и менялось даже у одного народа. В исторически обозримом прошлом не существовало единой космической картины мира, которая бы носила сакральный характер, отражающийся в названиях знаков зодиака. Исходя из этого можно сделать вывод, что символика знаков зодиака не содержит никаких природных закономерностей, отражающихся в характерах людей.

Литература и источники

1. Ван дер Варден, Б. Пробуждающаяся наука II. Рождение астрономии / Б. Ван дер Варден. – М. : Наука, 1991. – 384 с.
2. Голыгина, К. И. Звездное небо и «Книга перемен»/ К. И. Голыгина. – М. : РАН, Институт Востоковедения, 2003. – 208 с.
3. Емельянов, В. В. Ниппурский календарь и ранняя история Зодиака / В. В. Емельянов. – СПб. : «Петербургское Востоковедение», 1999. – 272 с.
4. Ершова, Г. Г. Древняя Америка: полет во времени и пространстве. Мезоамерика / Г. Г. Ершова. – М. : Алетейя, 2002. – 392 с.
5. Куртик, Г. Е. Открытие Зодиака / Г. Е. Куртик // Вокруг света. – 2006. – № 10 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vokrugsveta.ru/telegraph/cosmos/76/>. – Дата доступа: 11.09.2024.
6. Саплин, А. Ю. История астрологии: с древнейших времен до наших дней / А. Ю. Саплин. – СПб. : Издательство РХГА, 2020. – 780 с.
7. Nagar, S. The Maya Zodiac at Acanceh / S. Nagar // American Anthropologist. – 1914. – Vol. 16. – P. 88–95.
8. Needham, J. Astronomy in ancient and medieval China / J. Needham // Cosmic Perspectives: Essays Dedicated to the Memory of M. K. V. Vappu. – Cambridge University Press, 1989. – P. 1–25.
9. Spinden, H. The Question Of The Zodiac In America / H. Spinden // American Anthropologist. – 1916. – Vol. 18. – P. 53–80.
10. Ungnad, A. Besprechungskunst und Astrologie in Babylonien / A. Ungnad // Archiv für Orientforschung 14. – 1944. – S. 252–284.
11. Waerden, B. L. van der Greek Astronomical Calendars. I. The Parapegma of Euctemon / B. L. van der Waerden // Archive for History of Exact Sciences. – 1984. – Vol. 29, № 2. – P. 1–11.
12. Waerden, B. L. van der History of the Zodiac / B. L. van der Waerden // Archiv für Orientforschung. – 1952–1953. – Bd. 16. – S. 216–230.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ И ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ВЫВОДА К ОБЩЕЙ ПРИЧИНЕ

И. И. Эртель

Следуя Кэрол Клиленд, то, что можно соотнести с эвиденциальным подкреплением гипотезы в «исторических» или «исторических естественных» науках (геология, космология, палеонтология, археология и др.), отвечает поиску «явной улики (smoking gun) – следа (trace), который позволит выбрать одну из конкурирующих гипотез как лучшее причинное объяснение с точки зрения доступных данных» [1, р. 988]. «Историческая» гипотеза объясняет наблюдаемые явления (движение континентов, отсутствие динозавров и т. д.) в терминах их причин, буквально постулируя эти причины в прошлом, описывая явления, которые предположительно когда-то произошли. Естественно, этот акцент, выделяющий «исторические» науки на фоне «более традиционных» естественных наук, таких как физика или химия, обусловлен объективным положением дел – «принципиальной асимметрией причинности: явления в настоящем переопределяют свои причины – соответствующие явления в прошлом и недоопределяют свои следствия – соответствующие явления в будущем», – которое и приводит к тому типу рассуждений, который можно обозначить как «рассуждение от следствий» (Д. Льюис, Б. Бланшард, К. Тиллман и др.). Отличительной особенностью такого положения дел также будет то, что «следы» исторических событий: (а) в массе своей «потеряются во времени», и (б) если обнаружены несколько следов, которые предположительно указывают на одну причину, то с каждым из них можно соотнести свою «причинную последовательность», которая будет указывать на причину явления «независимым образом». Для того чтобы кости динозавра сохранились и «дошли» до наших дней, необходимо по истине случайное стечение обстоятельств. Далеко не все останки динозавров, даже удачно оказавшиеся в условиях, благоприятствующих их сохранению, впоследствии попали в музей и стали основанием для выдвижения / подтверждения каких-то гипотез. Более того, каждое явление в прошлом потенциально порождает бесконечное число разных «причинных последовательностей», каждая из которых сопряжена с тем или иным «причинным фактором», который мы сейчас по каким-то причинам делаем значимым. И здесь, учитывая (а), мы можем легко ошибиться, посчитав, что именно та «причинная последовательность», которая отвечает доступным сейчас данным, и есть главная причина явления. Вымирание динозавров может быть следствием, как падения метеорита, так и повышенной вулканической активности, а может быть следствием чего-то еще, равно как и следствием сочетания

большого числа факторов, которые повлияли в гораздо большей степени, чем «очевидное» падение метеорита. Возможно, у нас просто нет адекватных данных. И не просто потому, что они «потерялись во времени», а потому что соответствующие теории еще недостаточно разработаны и еще нет приборов, которые помогли бы собрать нужные данные. Отсюда можно сделать два вывода. Во-первых, в ситуации обнаружения нескольких «причинных последовательностей», предположительно указывающих на одну исходную причину, мы должны говорить о вероятностном предполагаемом ретроспективном «выводе к общей причине». Во-вторых, любой разговор о «причинах» в такой ситуации может быть привязан только к имеющимся данным, а значит, мы должны говорить именно об эпистемической трактовке причинности.

На наш взгляд, логика подкрепления «исторических» гипотез в исторических естественных науках, о которой говорит К. Клиленд, не может не указывать на рассуждения Ганса Рейхенбаха о «принципе общей причины» [2]. В основе концепции вывода к общей причине у Г. Рейхенбаха лежит понятие «ветвление состояния системы» (branching), которое он хочет схватить в статистических терминах. «Причинное объяснение необходимо, когда мы встречаемся с изолированной системой, которая вдруг демонстрирует состояние порядка, которое в ней (исходя из принятого понимания динамики состояния системы – И. Э.) маловероятно (improbable). Объяснение состоит в том, что мы выводим наблюдаемое маловероятное состояние из ветвящейся структуры состояний реальности. Мы предполагаем, что в прошлом система не была изолирована: тот порядок, который мы наблюдаем сейчас, является следствием ее взаимодействия с другой системой в прошлом» [2, р. 151]. Состояние системы изменяется (ветвится) в ответ на воздействие на нее внешних факторов. Глядя на характерную цепочку отпечатков на песке на пляже, мы ретроспективно заключаем, что здесь прошел человек. Из двух состояний поверхности песка «более вероятным» является «наименее упорядоченное» состояние, в котором поверхность является следствием воздействия ветра и волн. Поверхность с отпечатками демонстрирует «маловероятное состояние порядка» и является следствием воздействия на песок ног человека. Аналогичные рассуждения позволяют Г. Рейхенбаху сформулировать следующее: «Регистрируемое состояние порядка, в котором находится система, – это следствие. Причина – это взаимодействие, которое заставляет систему эволюционировать от низкоуровневого состояния к высокопорядковому состоянию. То, что мы видим [регистрируемое состояние порядка] является логическим следствием произошедшего взаимодействия. Причина производит следствие, следствие регистрирует (record) причину. Иногда результирующее состояние макропорядка схватить не так-то просто, это может требовать специальной подготовки и может быть доступно только

экспертам в соответствующих областях» [2, p. 152]. Появление «маловероятного состояния порядка» всегда имеет причину. И Г. Рейхенбах хочет описать отношение между «причиной» и «следствием» в терминах теории вероятностей. «Если вероятность совместного события A и B больше, чем произведение соответствующих независимых вероятностей каждого из событий, то (в том случае, если события A и B действительно связаны) существует их общая причина – событие C , такое что ACB представляет собой "conjunctive fork" (C является причиной и A и B , и Г. Рейхенбах обозначает это незамкнутым ориентированным графом ACB , где каждое плечо CA и CB обозначает соответствующее ветвление состояния системы, которая эволюционирует от некоторого "низкоуровневого состояния" к "наблюдаемым маловероятным состояниям порядка" A и B – И. Э.). ACB является статистической моделью отношений между событиями, которую мы формулируем в терминах *общей причины*. При этом, статистическая зависимость здесь выводится из независимости: относительно причины C "события A и B совместно независимы"» [2, p. 159]. Не вдаваясь в детали концепции Г. Рейхенбаха, а также в детали рассуждений критиков (Ф. Артзениус, Н. Картрайт, У. Салмон и др.), – мы будем говорить об этом в докладе, – отметим, что все рассуждения о вероятности здесь являются *эпистемическими*. Чем больше «маловероятных состояний» мы наблюдаем, тем меньше неопределенность, а значит, тем больше вероятность «общей причины». В обыденной практике исторических естественных наук все это повторяет хорошо известное: «чем больше независимых данных, которые удается включить в теорию, тем больше она подкреплена». Более того, как показывает А. Такер, мы можем заменить рейхенбаховскую трактовку «вывода к общей причине» на более гибкий в нашем случае «вывод к общему источнику»: «вместо обсуждения общей причины и следствий, мы можем обсуждать общие источники (origin), которые являются источником информации, передающейся приемнику (receiver), который ее сохраняет. В отличие от общих причин, которые выводятся из условных отношений и не могут иметь темпоральный порядок, передача информации сама по себе задает темпоральный порядок, поскольку источник и приемник не могут быть ко-темпоральны, так как информация не передается мгновенно» [3, p. 109]. Подобная трактовка помогает лучше понять то, что именно мы хотим от «вероятностной интерпретации ретроспективного вывода к общей причине» говоря о подкреплении исторических гипотез. В докладе мы отдельно остановимся на том, как А. Такеру удалось окончательно «эпистемизировать» рассуждения Г. Рейхенбаха в терминах «агностической» трактовки причинности (мы анализируем не сами причинные утверждения, а их отношения с имеющимися данными), а также расширим эти рассуждения с учетом возможности других моделей понимания причинности, в первую очередь, «контрфактической»

(Д. Льюис, Дж. Шаффер) и «процессной» (Ф. Доу, Я. Бен-Менахем).

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23–28–00739 «Эпистемическая независимость в моделях обоснования знания о прошлом: теории среднего уровня и взвешенная когерентность», <https://rscf.ru/project/23-28-00739/>.

Литература и источники

1. Cleland, C. Historical Science, Experimental Science and the Scientific Method / C. Cleland // *Geology*. – 2001. – Vol. 29. – P. 987–990.
2. Reichenbach, H. The Direction of Time / H. Reichenbach. – University of California Press, 1956. – 280 p.
3. Tucker, A. The Inference of Common Cause Naturalized / A. Tucker // *Causality and Probability in the Sciences* / Ed. by J. Williamson, F. Russo. – London : College Press, 2007. – P. 439–466.

Раздел 4 РЕЛИГИЯ В СЕКУЛЯРНОМ И ПОСТСЕКУЛЯРНОМ ОБЩЕСТВЕ: ОТ ПРОСВЕЩЕНИЯ К СОВРЕМЕННОСТИ

ВОСТОЧНЫЙ МЕХАНИЗМ КОМПЕНСАТОРНОСТИ ИНСТИТУТА РЕЛИГИИ

П. А. Барахвостов

Глубинные трансформации современного мира, обуславливающие его высокую конфликтогенность, актуализировали проблему исследования сущности и динамики развития социальных систем. В этом плане представляет интерес институциональный подход, дополненный теорией институциональных матриц, в соответствии с которым функционирование общественной системы, состоящей из взаимосвязанных и взаимозависимых подсистем (экономической, политической и социокультурной), обеспечивается посредством сложной системы институтов, понимаемых в самом широком смысле, как «правила игры», определяющие направленность социальных действий [1]. В этой системе можно выделить образующие институциональную матрицу (ИМ) базовые институты – исторические инварианты, отражающие установившиеся в социуме нормы и правила, позволяющие обществу выживать, сохранять свою целостность и развиваться в данной ему материальной среде. ИМ включает институты альтернативных типов (редистрибутивные и рыночные) [2]; доминирующий тип определяет идентичность (специфику) общества, комплементарный обеспечивает устойчивость системы и смягчает кризисные ситуации, когда доминантные институты не могут функционировать эффективно.

Среди социокультурных институтов наиважнейшим является религия, лежащая в основе процесса психологической индивидуации личности, которая объединяет два диалектически связанных тренда: самоосознание через противопоставление социуму (рыночные элементы) и стремление человека оставаться его частью (редистрибутивные элементы). Вследствие этого институт религии (и религиозные институциональные формы) отчасти согласуется с доминирующими в матрице базовыми институтами, а отчасти выстраивает с ними взаимоотношения по принципу комплементарности, что обуславливает выполнение институтом религии

компенсаторной функции в общественной системе. Данная гипотеза обоснована автором на примере двух ветвей христианства (православия и католицизма) [3].

Однако в результате дальнейших исследований установлено, что выполнение институтом религии компенсаторной функции в общественной системе является не только частной особенностью, характерной для христианства, но и общей закономерностью, присущей обществам как западного, так и незападного типа. На примере Индии, Китая, Японии показано, что для восточных обществ главным механизмом, посредством которого религия выполняет свою компенсаторную функцию, является синкретизм. Доминирование редистрибутивных институтов (иерархической системы правления, элементов коммунитарного мировоззрения с подавлением интересов «Я» в интересах «Мы»), в институциональной среде обществ данного типа сопряжено с религией, производящей впечатление лишенного четких границ комплекса, распадающегося на ряд течений или ветвей, большое количество школ и культов, основанных порой на взаимоисключающих идеях и практиках. Чужеродные, пришедшие извне элементы в данных восточных религиях не изгонялись, а перерабатывались и усваивались. Яркими выражениями синкретизма являются: даосский пантеон, включавший в иерархию богов легендарных правителей, героев, мудрецов; мифологический комплекс синто, возникший на основе объединения различных верований и включавший божества племен Северного Кюсю, а также боги автохтонного населения Японских островов; заимствование японцами элементов буддизма и формирование «пути буддизма и синто» (соединение двух религий в Японии, высшей формой выражения которого является концепция «хондзи суйдзяку», согласно которой божества синтоистского пантеона могут рассматриваться как временное воплощение будд). Как следствие синкретизма, для восточных обществ характерно отсутствие сект и ересей.

Литература и источники

1. North, D. C. Institutions / D. C. North // Journal of Economic Perspectives. – 1991. – Vol. 5, № 1. – P. 97–112.
2. Кирдина, С. Г. Институциональные матрицы и развитие России: введение в X–Y-теорию / С. Г. Кирдина. – СПб. : Нестор – История, 2014. – 213 с.
3. Barakhvostov, P. A. The Compensatory Function of Religious Institutions in the Society's Institutional Matrix / P. A. Barakhvostov // Mir Rossii. – 2023. – Vol. 32, № 4. – P. 56–70.

ВЛИЯНИЕ ЭТИЧЕСКИХ ДИСКУССИЙ НА ПРОЕКТИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕКА В ФРГ В 1950–1980-е ГОДЫ

А. М. Давлетишина

Постконфликтное восстановление мира является длительным и сложным процессом. Это связано с тем, что постконфликтный процесс при вооруженных конфликтах предполагает не только демилитаризацию, восстановление экономики и возмещение убытков пострадавшим сторонам, но также предполагает изменение культуры насилия – «введения традиции грамотного правления, в том числе уважения к правам человека и развития гражданского общества» [1, с. 260]. В этом плане интерес представляет формирование постконфликтной культуры после Второй мировой войны (1939–1945), так как в послевоенный период были представлены разные подходы по переходу от войны к миру, в зависимости от того, насколько включена была страна в данный военный конфликт.

В постконфликтной культуре Западной и Восточной Германии 1950–1980-х гг. можно увидеть проекты, ориентированные на осуждение нацистских преступников и национал-социализма как явления. В каждой части Германии было предложено свое видение решения вопроса по «преодолению прошлого». Так, в ГДР в 1948 г. меры по денацификации были объявлены завершёнными [3, с. 40]. Но в ФРГ процесс денацификации проходил медленно, что, с одной стороны, определялось правовыми (противоречия между немецким законодательством и нормами международного права), а с другой – этическими аспектами.

Общество Западной Германии в первые послевоенные годы относилось негативно к проведению судебных процессов над нацистскими преступниками, т. к. воспринималось как «трибуналы победителей». «Среди немецких граждан доминировало мнение о том, что немцы являлись заложниками тоталитарного нацистского режима, вина за преступления национал-социализма лежит исключительно на Гитлере и его ближайшем окружении» [4, с. 147]. Вместе с этим среди интеллектуалов формировалось стойкое убеждение важности обсуждать прошлое, так как замалчивание может привести к негативному будущему. «Наши дети, – писал в 1955 г. Г. Белль, – ничего не знают о том, что происходило десять лет назад. ... историческая реальность таких мест, как Треблинка и Майданек, им совершенно неизвестна... Неосведомленность детей доказывает, что совесть их родителей – наша совесть – мертва» [2, с. 659].

Значительную роль в осмыслении прошлого, вины и ответственности сыграли работы К. Ясперса, Х. Арндт, Т. Адорно, Р. Дарендорфа и других. Можно говорить о том, что ими был заложен определенный

фундамент для дальнейшей дискуссии, которая ярко проявилась в 1980-е годы в «споре историков». К концу 1970-х – началу 1980-х годов казалось, что немецкое общество в лице «второго поколения» начинает рефлексировать о прошлом, принимая свою вину и ответственность. Но в 1986 году на фоне обсуждения политического будущего ФРГ и свободы от прошлого разгорелся «спор историков». Основной темой стало отношение к нацистскому прошлому. В. В. Рулинский пишет: «Историки, которых условно можно объединить вокруг фигуры Эрнста Нольте, считали недопустимым унижение национального величия и старались не акцентировать внимание на ошибках прошлого. Другие, условно объединенные вокруг фигуры Юргена Хабермаса, напротив, полагали необходимым правдиво рассказывать обо всех преступлениях предшествующих поколений, видя в выявлении этих преступлений залог для утверждения нормального будущего страны» [5, с. 46]. К февралю 1987 года дискуссия стала стихать. Как отмечал К. Леггви «спор историков» в принципе больше носил интеллектуальный и символический характер и не мог оказать сильного политического влияния [6, s. 50]. Но вместе с этим продемонстрировал, что принятие нацистского прошлого и критическое отношение к нему все больше укреплялось в обществе. Принятие ответственности и вины немецким обществом на политическом уровне произошло только к концу 1980-х годов. Что стало возможным именно благодаря дискуссиям интеллектуалов, которые активно обсуждали необходимость последнего.

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 23–18–00851.

Литература и источники

1. Абакумова, И. В. Интегральный сравнительный анализ подходов к постконфликтному урегулированию вооруженных конфликтов / И. В. Абакумова, Е. Н. Рядинская // Ученые записки. Электрон. науч. журнал Курск. гос. ун-та. – 2017. – № 3 (43). – С. 257–264.
2. Белль, Г. Собрание сочинений : в 5 т. / Г. Белль. – М. : Художественная литература, 1990. – Т. 2. – 719 с.
3. Борозняк, А. Жестокая память: как Германия преодолевает нацистское прошлое / А. Борозняк. – М. : Альпина Паблишер, 2023. – 470 с.
4. Грахоцкий, А. П. Франкфуртский процесс (1963–1965 гг.) и преодоление прошлого в Германии / А. П. Грахоцкий // Lex russica. – 2019. – № 3. – С. 146–158.
5. Рулинский, В. В. «Спор историков» в Германии: проблема ответственности за нацистские преступления / В. В. Рулинский // Вестник славянских культур: научно-информационный журнал. – 2013. – № 1 (XXVII). – С. 46–56.
6. Leggewie, C. Historikerstreit – transnational / C. Leggewie // Die Gegenwart der Vergangenheit. Der «Historikerstreit» und die deutsche Geschichtspolitik / Kailitz Steffen (Hrsg.). – Wiesbaden : Verlag für Sozialwissenschaften, 2008. – S. 50–71.

ГРАНИ РЕЛИГИОЗНОГО РЕНЕССАНСА

Г. Ж. Джуманова

Одна из характерных особенностей современной эпохи – религиозное возрождение, означающее возвращение религии в современную общественную жизнь, закрепление и усиление ее роли в социуме. Религиозный ренессанс интерпретируется по-разному: как «новое средневековье», т. е. возврат атрибутов Средневековья [1; 2] и как постсекулярное общество, основанное на инклюзивном подходе, инкорпорации религии в социум, мировоззренческом плюрализме [3]. Будучи противоположным секуляризации, возрожденческий процесс активизирует роль религии во всех сферах общества.

Религиозный подъем является ответной реакцией на глобализацию, потребительство, бездуховность, моральное обнищание общества, обусловлен ростом интереса к духовности, религии, запросом на этические ценности, поиском смысла жизни, истины, идентичности и т. д.

В этой связи религиозное возрождение, как сложный и противоречивый феномен, нуждается в осмыслении и всестороннем анализе.

Позитивные стороны возрождения религии очевидны – это реализация религиозной свободы и свободы убеждений, внимание морально-нравственному оздоровлению и воспитанию общества, активизация духовно-просветительской и социальной работы, осуществление благотворительных, милосердных акций и т. д. О возрождении религии свидетельствуют следующие количественные показатели: повышение уровня религиозности населения (чтение религиозной литературы, выполнение практик и ритуалов, посещение мечетей и церквей, ношение религиозной атрибутики и т. д.), рост количества конфессий, религиозных объединений и миссионеров, культовых сооружений, теологических учебных заведений, тиражирование религиозной литературы и т. д.

Вместе с тем, религиозный ренессанс имеет и негативные стороны, основные признаки которых: фундаментализация, радикализация, политизация, деэтнизация религии и другие. Кратко рассмотрим их.

Фундаментализация религии – обращение к ее истокам, первоосновам, стремление к «чистоте» религии. Фундаментализм видит пути решения современных социальных проблем в реанимации религиозных норм.

Радикализация религии – это процесс обращения верующих людей к радикальным, экстремистским взглядам и действиям с целью изменить мир в соответствии с религиозно-фанатической идеологией. Радикализация религии – это навязывание черно-белого,

конфронтационного мировоззрения, противопоставляющего людей на «своих» и «чужих». В отношении «чужих» (общества, госорганов, всех, кто работает на государство и платит налоги) проявляется нетерпимость, их объявляют «кафирами», «тагутами», «служителями шайтана».

С радикализацией связана и криминализация религии – оправдание, прикрытие преступных действий с помощью религиозной риторики и терминов. Так, например, разбой, грабеж интерпретируются как «джизия», убийство – «джихад», продажа наркотиков – «белый джихад», проституция – «секс джихад», агрессия и ненависть в виртуальном пространстве – «информационный джихад» и т. д.

Политизация религии – вовлечение религии в политику, властные отношения, отрицание конституционных светских основ общества и государства; попытки установить теократию (исламское правление, основанное на нормах шариата). Политизация религии разжигает религиозный фанатизм, межконфессиональную и межнациональную рознь и вражду, в целом ослабляет единство и целостность страны, дестабилизирует общество и государство.

Дезтнизация (антинационализм) религии – отрицание роли нации, национальных особенностей, традиций, менталитета. Культивирование религиозной идентичности и отрицание национальной и гражданской идентичностей. Наряду с этим, происходит абсолютизация религиозных догм и, одновременно, неприятие традиционных духовно-нравственных, национально-культурных, гражданско-патриотических и других ценностей. В конечном итоге, дезтнизация содействует десуверенизации – утрате суверенитета и независимости государства.

Антирационализм и антиинтеллектуализм – отрицание разума, критического мышления, научных знаний, интеллектуального и социального прогресса. Образование, культура, наука, философия, логика, ученые – это все, с точки зрения религиозных радикалов, запрещенное (харам) и идола (ширк). При этом единственный источник знания хранится в Священном Писании. Как и в эпоху средневековья, сегодня, к сожалению, отмечается рост невежества и предрассудков, усиление религиозного буквализма, догматизма, фанатизма, нетерпимости, в крайнем выражении – преследования инакомыслящих. Вместе с тем публичное проявление свободомыслия, атеистических взглядов становится проблематичным [4].

Антиисторизм – отрицание всемирной и национальной истории и, в то же время, признание только истории религии. К историческим фактам, событиям, личностям относятся только религиозные события, религиозные личности, пророки, святые и др.

Архаизация семейных отношений, отрицание равенства полов, дискриминация женщины. Для радикальных исламистов «место женщины – либо в доме, либо в могиле» [5].

Апокалиптические ожидания – ожидания «конца света», обесценивание мирской и возвышение загробной жизни. Культ смерти, идеализация и романтизация мучеников, шахидов, объявление их спасителями, мессиями («махди»).

Таким образом, являясь неоднозначным социальным феноменом, религиозный ренессанс генерирует как позитивные, так и негативные последствия, способствующие прогрессу или регрессу личности, общества и государства. Общественные ожидания от возрождения религии связаны прежде всего с созидательными изменениями, духовно-нравственным оздоровлением социума, а не с разрушительными последствиями, как экстремизм, терроризм, деградация, мракобесие, возврат «темного средневековья».

Литература и источники

1. Новое Средневековье [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>. – Дата доступа: 12.08.2024.
2. Мазур, С. О. Феномен «религиозного возрождения» глобализирующихся обществ в ракурсе социально-философских исследований / С. О. Мазур [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elib.bsu.by>. – Дата доступа: 12.08.2024.
3. Хабермас, Ю. Против «воинствующего атеизма». «Постсекулярное» общество – что это такое? / Ю. Хабермас [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.islam-portal.ru/communication/stat/100/1411>. – Дата доступа: 12.08.2024.
4. Люди боятся признаваться в атеизме – социолог [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://turanpress.kz/obschestvo/8985-lyudi-bojatsja-priznavatsja-v-ateizme-sociolog.html>. – Дата доступа: 12.08.2024.
5. «Место женщины – либо в доме, либо в могиле». Почему «Талибан» запрещает девочкам получать образование? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rus.azattyq.org/a/32545893.html>. – Дата доступа: 13.08.2023.

ОРГАНИЧЕСКОЕ ИСКУПЛЕНИЕ В ПРАВОСЛАВНОМ БОГОСЛОВИИ И ИДЕЯ БЕССМЕРТИЯ В ФИЛОСОФИИ КОСМИЗМА

Н. В. Еремеева

В свете современных системных биоэтических и гуманистических исследований ожидаемо возвращение интереса к идеям философии русского космизма. Давший начало величайшему технологическому прорыву, но позабытый как мировоззренческая позиция, русский космизм вобрал в себя социалистические идеи утопического толка, позитивные научные достижения, православное учение об обожении и даже сектантские доктрины. Мысль об органическом единстве социально-

биологического пространства, ноосферные исследования, формирование нового планетарного сознания выстраивается сегодня на фундаменте философии русского космизма, но забвение его духовной основы приводит к технобиологизации его идейного базиса, в то время как технологии, становясь все более глобальными и все более неоднозначными, нуждаются в нравственно-этическом оправдании. Технодицея актуальна для отечественной и мировой гуманитаристики и тем более для философии, в полной мере обладающей критическим потенциалом и проверенной критической методологией. Анализ параллелей современных трактовок православного учения об оправдании с идеей бессмертия русского космизма, необходимость обоснованных выводов о духовно-нравственном потенциале космизма требуют активизации тематического диалога философской общественности с богословским сообществом с целью дальнейшего изучения русского космизма как этического фундамента современной техногенной цивилизации.

Смерть – один из главных экзистенциальных страхов человека. Философское осмысление смерти в античности открыло ее диалектическое измерение и идеальный топос – уничтожение «Я» в сфере реального физического существования становится залогом бессмертия бестелесной души [1]. Противопоставление души и тела представляется общим местом и христианского учения, унаследовавшего философский понятийный аппарат и методологию Античности. Тем не менее, основные догматы христианства о боговоплощении и грехопадении позволяют современным богословам сделать вывод о целостном восприятии человека как единства тела и души, и, следовательно, об осмыслении в рамках христианского богословия проблемы телесного бессмертия. Аргументация современного православия в пользу возможности телесного бессмертия начинается с анализа библейского текста. Сотворение человека по образу и подобию Божьему предполагает его потенциальное бессмертие. Смерть – результат свободного выбора, наказание за грех, и, таким образом, она неестественна для человека [2, с. 325–326]. Восстановление богоподобия в процессе обожения – приобретения человеком свойств, присущих Богу – также невозможно без волевого решения человека [3]. Воплощение Иисуса Христа освящает телесную природу, а чудо воскресения выступает залогом телесного бессмертия, и эта победа над смертью становится достоянием каждого, кто, как апостол Павел, «сораспялся Христу» (Гал. 2:19).

Как одна из наименее догматизированных областей систематического богословия [2, с. 402], сотериология – учение о спасении – вбирает в себя ряд теологуменов и философских подходов, не противоречащих, впрочем, традиционному учению, но иногда довольно оригинально его интерпретирующих. Примером такой интерпретации является принцип максимального спасения, подчеркивающий в большей

степени творческие и спасительные действия Бога, меньше внимания уделяя классическому концепту Божественного совершенства [4]. В XX в. в православном богословии не без влияния, как представляется, постулатов философии космизма сформировалась идея о восстановлении всего живого в его первоначальном, безгреховном состоянии, названная органической теорией искупления [2, с. 412]. Основанием для этой теории стали, в частности, воззрения В. Н. Лосского, Г. Флоровского, И. Мейендорфа, истолкованные как концепция о физическом искуплении природы. Грех в ее рамках рассматривался как болезнь «в силу того, что состояние человека подверглось некоей катастрофической мутации вплоть до его биологической реальности» [5, с. 452]. Связь человека, вершины и принципа творения, с природой, «в плане природном – антропокосмическое единство», основана на подобии его всем другим земным существам в «неком общем благословении» [5, с. 453]. Грехопадение и искупление человека означает грехопадение и искупление всего мира, ибо «мир следует за человеком, потому что он есть как бы природа человека – его можно было бы назвать "антросферой"» [5, с. 459]. Человек – «ипостась земного космоса: земная природа продолжает его тело» [5, с. 455–456]. Сугубо биологизаторское истолкование мысли В. Н. Лосского и других вышеупомянутых мыслителей приводит к натурализации в интерпретации священной истории, хотя и отвечает принципу максимального спасения. «Райское» состояние человека и мира – бессмертие, чистота, плодородие, совершенствование – представляется достижимым через обожение природы человеческой [5, с. 472].

Идея бессмертия в русском космизме перекликается с философско-богословскими взглядами сторонников теории органического искупления. На примере положений о бессмертии белорусского ученого-космиста В. Ф. Купревича отметим точки этого пересечения. Во-первых, Купревич утверждал, что принципиального теоретического запрета к долгожительству и бессмертию не существует [6, с. 348]. Во-вторых, смерть, считает Купревич, появляется на определенном этапе эволюции как ее двигатель, метафорически выражаясь, именно благодаря смерти люди стали людьми [6, с. 349]. В-третьих, волевым решением человека, его устремлением к новому, надбиологическому бытию смерть неизбежно будет удалена с исторической сцены [6, с. 350]. Один из основоположников космизма Н. Ф. Федоров, утверждая необходимость имманентного покорения небесных просторов, естественного перехода в иные миры существования, подчеркивает роль нравственного очищения от животных инстинктов как обязательное условие обретения чистой природной силы, чтобы, будучи материальными, ничем не отличаться от духа [7, с. 73–74]. Это и есть восстановление подлинной физической природы и обеспечение бессмертия – как и Купревич, Федоров видит

возможность познания вечной жизни посредством изучения субклеточного уровня существования материи, а также в исследовании силовых полей [7, с. 76]. «Благолепие нетления» способна познавать только личность, при этом именно перед человеком стоит задача волевого преобразования собственной природы и создание ноосферы – своего рода «нервной системы» Вселенной, чтобы стать единым организмом со всем миром [7, с. 78].

Таким образом, идея телесного бессмертия не является однозначно чуждой современному православному учению, хотя и ставит ряд вопросов относительно правомочности натуралистического космоистского толкования христианских догматов – в качестве развития и интерпретации идей библейского и святоотеческого богословия она появляется в XX в., реализуя принцип максимального спасения в теории органического искупления. Развивающееся в XIX–XX вв. философское направление русского космизма рассматривает бессмертие как принципиально достижимую перспективу прогресса в рамках целостного единства человека со всем органическим миром.

Литература и источники

1. Гагарин, А. С. Экзистенциал смерти в античной философии (от досократиков до Аристотеля) / А. С. Гагарин // Гуманитарные исследования. – 2017. – № 1 (14). – С. 12–18.
2. Давыденков, О. прот. Догматическое богословие : учебное пособие / Прот. О. Давыденков. – М. : Изд-во ПСТГУ, 2017. – 624 с.
3. Булыко, И. П. (иером. Иоанн) Учение об обожении в богословии православной церкви / И. П. Булыко (иером. Иоанн) // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015. – Т. 7, № 4. – С. 123–125.
4. Бутаков, П. А. Сотериологические основания для христианской концепции Бога / П. А. Бутаков // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2014. – № 4 (28). – С. 137–147.
5. Лосский, В. Н. Догматическое богословие / В. Н. Лосский // Очерк мистического богословия Восточной церкви. Догматическое богословие ; пер. с фр. мон. Магдалины (В. А. Решиковой). – М. : СТСЛ, 2012. – 586 с.
6. Купревич, В. Ф. Долголетие: реальность мечты / В. Ф. Купревич // Русский космизм: Антология философской мысли / Сост. С. Г. Семенов, А. Г. Гачевой. – М. : Педагогика-Пресс, 1993. – С. 347–352.
7. Федоров, Н. Ф. Философия общего дела (Отрывки) / Н. Ф. Федоров // Русский космизм: Антология философской мысли / Сост. С. Г. Семенов, А. Г. Гачевой. – М. : Педагогика-Пресс, 1993. – С. 69–79.

ДИНАМИКА РЕЛИГИОЗНЫХ ПРОЦЕССОВ В СОВРЕМЕННОМ БЕЛОРУССКОМ ОБЩЕСТВЕ

Т. В. Зайковская

Светское сознание характеризует современное общество как «постхристианское», так как грандиозный, исторически беспрецедентный проект Нового времени – построение культуры без религии – успешно завершен. Осуществление данного проекта началось с просвещенческого гуманизма и закончилось в наши дни тоталитарным порабощением мира псевдодемократией и информационно-психологическим манипулированием.

В Беларуси, органично включенной в европейскую цивилизацию, религиозные процессы последовательно протекали сходным образом, однако, сохраняя свои индивидуальные особенности и характерную динамику, обусловленную рядом политических и социально-культурных факторов. Кратко ее можно характеризовать как массовый всплеск религиозности среди всех слоев населения и последовавшее за этим стремительное угасание интереса к вере в Бога у одной части населения (с сохранением приверженности к православию как культурной традиции) и интенсивный поиск божественной истины другой, незначительной частью белорусов. Однако именно эта «незначительная» часть, как правило, начинающая свое богоискательство не в «лоне» традиционной церкви, как раз и определяет динамику и направленность религиозных процессов.

По прогнозам специалистов в ближайшее время христианство будет увеличивать число своих адептов в составе населения планеты в основном за счет активной миссионерской деятельности. Можно предположить, что в таком же направлении будет развиваться религиозная ситуация и в Беларуси: незначительный рост числа протестантских общин и распространение нетрадиционных для нашей культуры неокультов. Появление новых «веяний» в христианстве вызовет обеспокоенность у некоторых деятелей на ниве культуры и у священнослужителей традиционных для белорусского религиозного «ландшафта» конфессий. Так как возможность духовной экспансии заставит задумываться о ценности собственной религиозной традиции, о самосохранении культуры в условиях глобализации, предполагающей унификацию не только экономическую и политическую, но и духовную.

Чем же обусловлена эта невидимая глазу турбулентность в обществе? Дело в том, что религиозные воззрения человека всегда основываются на базовых убеждениях, представленных системой аксиом, ценностей и методов, обусловленных миропониманием, характерным для конкретной исторической общности. Замещение базовых религиозных убеждений происходит в ответ на критику (сомнение в истинности своих

убеждений) и последующее отмирание какой-либо устаревшей установки, которая не способна давать ответы на возникающие вопросы и появление новой парадигмы, которая лучше и адекватнее справляется с этой задачей. Для истинно верующего религия – это не наука и не мораль. Своеобразие ее «заключается в таинственном переживании, во влечении к миру вечного. В религии речь идет о небесных искрах, возникающих тогда, когда святая душа оказывается потрясенной бесконечным» [1, с. 279].

Удовлетворение мистической потребности – приведение в порядок тайных душевных сил, чувств и мыслей – человека является важным свойством религии, присущим только ей. Кроме того, в условиях хрупкости экзистенциальной безопасности религия может показать выход из трудных, безвыходных ситуаций, дать облегчение в страданиях или хотя бы помочь уразуметь их смысл, придав страданию особую сакральную значимость. Другим важным свойством религии, доказывающим ее истинность и тем самым привлекающим к ней, является ее установка на чудеса. Любая христианская доктрина утверждает, что истинной вере должны сопутствовать необычные, сверхъестественные явления, которые сотворит сам Бог или приблизившиеся к нему и достигшие особой святости люди.

После Иисуса и его апостолов было много святых, которые тоже могли делать чудеса, в частности, есть они во множестве и в православном предании. Христианская доктрина не подтверждается чудесами, наоборот, чудеса есть следствие веры, однако многие верующие обосновывают свои убеждения именно личным не верифицируемым религиозно-мистическим опытом. Для верующего «чудо – это не просто редко встречающееся событие, происходящее с нарушением законов природы, в том числе исторических, это всегда знамение. Чтобы чудо стало знамением, человек должен быть непосредственным его участником. Такие чудеса действительно укрепляют веру людей» [2, с. 245].

Эпоха Просвещения положила начало ментальному переходу от теоцентризма, когда Бог понимался как абсолютное, совершенное, наивысшее бытие, источник всей жизни и любого блага, к гуманизму – системе построения социума, где высшей ценностью является жизнь человека, а все материальные и духовные ресурсы направлены на то, чтобы сделать эту жизнь максимально комфортной и безопасной. Конечно, почтительное отношение к религиозным традициям и обрядам продолжает демонстрироваться, но в действительности они рассматриваются лишь как совокупность привычек, которые можно соблюдать, или отбросить, как не имеющих никакого сакрального значения. Так формируется ситуация трансформации религии в рудимент культуры. Изменение христианских доктрин, под действием культурных факторов, не связанное с религиозным фундаментализмом (ориентацией исключительно на евангельские Истины), ведет к полному слиянию религии и культуры, когда ее основное

назначение – связь человека с Богом нивелируется, а на первый план выходит религиозная обрядность.

Стремительное развитие науки и популяризация различных мировоззренческих идей неоднозначно влияет на динамику и направленность религиозных воззрений отдельных людей, которые постоянно корректируются под влиянием множества факторов, важнейшим из которых является поиск Истины. Все искатели Истины, уличаемые Церковью в ереси как в прошлом, так и сегодня исходят из единой идеи: выбора компетентности. То есть, в зависимости от характеристик личности и исторических реалий его жизнедеятельности эта идея гласит: «сердце и Священное Писание внушают мне одно, слова и поступки пастырей церковных – другое, и я не могу спокойно закрыть глаза на это противоречие, ибо дело идет о самом важном, что только есть в жизни человека, – о спасении души» [3].

В отношении к христианству – сложнейшей незамкнутой системе – любые футуристические прогнозы недостоверны, однако, некоторые черты будущего при внимательном рассмотрении обнаруживаются уже сегодня. Развитие – это неизбежный процесс, и как бы этому не противодействовали традиционные конфессии (их вероучение также всего лишь результат одного из этапов развития), остановить ход истории им не по силам. Несомненно, что большинство христианских конфессий будет сохраняться, однако, количество людей, которые не могут получить ответы на свои мировоззренческие вопросы в Церкви, будет возрастать. Уже первые главы Библии повествуют нам об Адаме, который задался вопросом: «А подлинно ли сказал Господь, что...?». Получив ответ, Адам уже никогда не смог возвратиться к своему наивному первобытному состоянию. Он узнал разницу между добром и злом, между правдой и ложью. Наши пытливые современники также «протягивают руки» к запретному плоду и рвут его, и «вкушают», изменяясь сами и незаметно изменяя всю громоздкую религиозную систему.

Литература и источники

1. Кюнг, Г. Великие христианские мыслители / Г. Кюнг. – СПб., 2000. – 442 с.
2. Алешин, А. И. Способствует ли релятивизация науки диалогу науки и религии? Экзистенциальный опыт и когнитивные практики в науках и теологии / Под ред. И. Т. Касавина, В. П. Филатова, М. О. Шахова. – М.: Альфа-М, 2010. – 512 с.
3. Ефимов, И. М. Причины возникновения ересей / И. М. Ефимов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vikent.ru/enc/2445/>. – Дата доступа: 13.08.2024.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ПАЛОМНИЧЕСТВА

Д. М. Зайцев

Паломничество – одна из древних традиций, которая сегодня снова обретает актуальность. По словам церковного историка Норберта Кестера, интерес к паломничеству не угасает в том числе и по причине социализации. «Приятно то, что каждый идет вместе со своими заботами, и в то же время все идут вместе. И даже если вы не говорите того, что у вас на сердце, другие помогают нести ваше бремя» [1].

Для многих паломничество – это форма религии, которая сочетает в себе определенные вещи, важные сегодня: общинность, спорт, понимание того, что между небом и землей происходит гораздо больше, чем люди часто могут себе представить. В этом отношении в наши дни паломничество являет собой немного иную духовность, чем в древности, когда такого рода путешествия называли молитвой ногами [2]. Можно предположить, что проведение современных паломничеств в некоторой степени показывают и трансформацию ряда вероисповеданий.

В последние десятилетия маршруты и пункты назначения паломничеств, в первую очередь, отвечают стремлению к самопознанию, трансцендентности и общественному опыту, к интенсивной физической нагрузке во время прохождения пути. Как явления духовные путешествия представляют собой сложную культурную, туристическую, религиозную и пастырскую тематику.

Хотя многие пилигримы по обыкновению ищут духовный опыт в месте паломничества, вписываясь в традицию поклонения, принося личные заботы, развивая внутренние отношения со святыми и прося их заступничества, также они активно ищут поддержки и во встречах с единомышленниками из других стран. Таким образом, со временем паломничество превращается в экуменическое, межконфессиональное и межкультурное движение [3].

Очевидно, что на протяжении веков менялось содержание паломничества, которое уже в эпоху романтизма обнаруживало явные тенденции к секуляризации [4, с. 161]. Помимо религиозного аспекта, приоритетными мотивами становятся просьбы об исцелении себя или близких людей, надежда на искупление и утешение, переживания страдания и вины в собственной жизни, семье или социальном окружении, благодарность не только за преодоление жизненного кризиса, но и за удачную сделку.

Анализируя паломничества, религиозные путешествия, необходимо упомянуть еще одну целевую группу, ставшей массовой и влиятельной в последние десятилетия. Это люди, которые сопровождают паломников или

поддерживают гостеприимство в месте паломничества. Они работают на общественных началах или на постоянной основе, заботятся об организации паломничества, участвуют в качестве госпитальера в паломническом общежитии или в пункте назначения. К примеру, в течение года в паломнических общежитиях на Пути Святого Иакова трудятся тысячи волонтеров. В Лурде каждый год их число может достигать десятков тысяч [2].

Немаловажным элементом путешествия остается духовное сопровождение паломников. Это предложение пастырской помощи со стороны подготовленных волонтеров и штатных сотрудников предназначено для отдельных паломников и групп, молодежи и взрослых. Христианские духовные спутники-паломники, оказывая моральную поддержку, предлагают трактовать собственную биографию и индивидуальный жизненный путь пилигрима как паломничество «по пути со Христом».

Учитывая разнообразный состав участников с неодинаковым предыдущим опытом, мотивами и ожиданиями, маршруты паломничества и места поклонения во многом оказываются определяющими чертами нашего времени. До сих пор существуют религиозные центры, куда допускаются лишь ограниченное число адептов установленного вероисповедания. Простого желания даже верующего человека войти в Каабу или попасть в Золотой храм Вишнаватха будет недостаточно.

Духовные путешествия и сегодня часто организуют церковные учреждения. Они обычно проводятся большими группами, куда могут быть включены не только члены общины, и становятся традиционными благодаря ежегодному повторению церковных праздников или памятного исторического события. Популярность таких поездок в последнее время соответствует в том числе росту и распространению современного транспорта [5, с. 231].

Следует также отметить многоуровневость такого явления как современное паломничество. На микро- или индивидуально-личностном уровне паломническое движение указывает на духовную потребность многих людей. В западноевропейской культуре позднего модерна на первый план выходит мотив самопознания. Это соответствует открытости и временным обязательствам, интенсивному целостному опыту, в некоторой степени независимости от религии. Паломничество удовлетворяет потребность и в телесно-ориентированной духовности. Роль социальных контактов возрастает, случайные встречи приводят к насыщенным личным разговорам. Даже паломники, не принадлежащие к церкви, обычно с радостью контактируют с членами общины, зачастую продолжительно сохраняя отношения.

На мезоуровне, то есть церкви как акторе, складывается двойственная картина. Новые формы паломничества процветают и

привлекают как членов церкви, так и людей невоцерковленных и агностиков. С другой стороны, классические паломничества страдают от стагнации или снижения количества участников. Проблема возникает из-за хрупких церковных связей со следующими поколениями. Приходское пастырское попечение все более не способно привязывать верующих, которым стали доступны разнообразные путешествия, к местным приходам. В том числе и по этой причине экзотические места паломничества набирают популярность.

На макроуровне заметно, что паломничества имеют высокую общественную репутацию. Этому способствуют многочисленные международные связи паломников, они рассказывают о своем опыте странничества в семьях, кругу друзей, в социальной среде. Изобилие рекламы, соответствующих книг, отчетов о духовных путешествиях и фильмов сделало паломничество популярным среди широких слоев общества. Также и тотальная цифровизация повышает значение культуры паломничества. Сегодня пилигрим может легко наладить общение в режиме реального времени с теми, кто остается дома.

Эти разнородные тенденции на трех уровнях способствуют популярности и фрагментации паломнического движения [6]. Это пространство открытий для молодых людей на пути к поиску своей идентичности, следов трансцендентности в своей жизни, своего положения в мире завтрашнего дня. Современное паломничество предлагает множество возможностей ощутить религию в движении и интерпретировать собственную жизнь как осмысленную в конкретных ритуалах.

Таким образом, можно констатировать, что паломничество как живой организм видоизменяется со временем. На его трансформацию в первую очередь влияют социальные процессы, изменения в культурных и религиозных установках, доступность и широта информации, упрощение передвижения людей между странами, развитие технических средств.

Литература и источники

1. Köster, N. Wallfahrten vereinen Sport und Spiritualität / N. Köster [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.kirche-und-leben.de/artikel/historiker-koester-wallfahrten-sind-moder-und-uralt-zugleich>. – Date of access: 04.09.2024.
2. Lorsch, M. Wallfahrt als religiöser Lernort / M. Lorsch [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.die-bibel.de/ressourcen/wirelex/10-lernorte-und-institutionen-religioeser-bildung/wallfahrt-als-religioeser-lernort>. – Date of access: 04.09.2024.
3. Antz, C. «Ich bin dann mal auf dem Weg!» Spirituelle, kirchliche und touristische Perspektiven des Pilgerns in Deutschland / C. Antz, S. Bartsch, G. Hofmeister. – Konstanz : UVK Verlagsgesellschaft, 2018. – 308 s.
4. Зайцев, Д. М. Некоторые тенденции развития паломничества в современном мире / Д. М. Зайцев // Интеллектуальная культура Беларуси: проблемы

интерпретации философского наследия и современные задачи гуманитарного знания : материалы Шестой междунар. науч. конф., Минск, 17–18 ноября 2022 г. ; в 2 т. / Ин-т философии НАН Беларуси ; редкол. А. А. Лазаревич (пред.) [и др.]. – Минск : Четыре четверти, 2022. – Т. 2. – С. 160–163.

5. Зайцев, Д. М. Влияние воздушного пассажирского транспорта на увеличение масштабов паломничества / Д. М. Зайцев // Социально-гуманитарные аспекты развития общества и авиационной отрасли : сборник материалов II Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 20–21 мая 2021 г. / Белорусская государственная академия авиации ; науч. ред. А. А. Шегидевич. – Минск : Национальная библиотека Беларуси, 2021. – С. 230–234.

6. Knoblauch, H. Populäre Religion. Auf dem Weg in eine spirituelle Gesellschaft / H. Knoblauch. – Frankfurt a. M. : Campus Verlag, 2009. – 311 s.

ВЛИЯНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ОППОЗИЦИИ РАЦИОНАЛЬНОГО И ИРРАЦИОНАЛЬНОГО НА ТРАНСФОРМАЦИЮ СОЦИАЛЬНЫХ УСТАНОВОК В РАМКАХ СЕКУЛЯРИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Л. Г. Интымакова, Е. Е. Дудникова

Вследствие разносторонних контактов представителей различных стран, культур и конфессий, а также в свете последних событий в мировом пространстве, у человека все чаще появляется ощущение нестабильности жизни и окружающей его действительности. Когда окружающий индивида мир перестает быть понятным, он стремится найти то, что помогло бы восстановить его целостность и упорядоченность, защитило бы от стрессов и сложностей.

Происходивший активно достаточно продолжительное время процесс секуляризации привел к тому, что в социуме образовались довольно широкие области, которые свободны от традиционной религиозно-мифологической регуляции. Деятельность человека в данных областях, к которым относятся, в частности, производственная сфера, или область бюрократического управления, подчиняется прежде всего прагматической и функциональной логике.

В процессе расширения этих областей и усиления их значимости, характерная для них функциональная и прагматическая логика становилась преобладающей. К социальной деятельности предъявляется требование быть рациональной и эффективной, функционировать наподобие механизма. Однако требование со стороны социума к человеку действовать «рационально» неожиданно раскрыло наличие у индивида и другой, иррациональной стороны. Иначе говоря, рациональное неминуемо предполагало в качестве антитезиса иррациональное [3, с. 38].

Противостояние рационального и иррационального в рамках психики индивида, в сущности, отражает их конфликт на уровне

социально-культурной реальности. Какой из этих конфликтов является первичным, сказать доподлинно не представляется возможным, так как, даже если человек убежден, что он абсолютно автономен, его индивидуальность неразделимо связана с социальным контекстом. Его независимость обусловлена социальной структурой, а его рациональность является следствием специфических особенностей как уже сложившихся социальных практик, так и обслуживающей их научной, бюрократической и технической идеологии. Иррациональным принято считать все то, что находится за их пределами. Разлом между этими двумя сторонами психики человека все больше расширялся по мере развития модерна.

Д. Белл заговорил об этом разломе в 60-е годы XX века. Он охарактеризовал его как черту, присущую формирующемуся постиндустриальному обществу, которая выразилась в рассогласовании культуры и социальной структуры [1, с. 147]. Но на самом деле этот разрыв сформировался намного раньше, а предпосылки для него наметились еще на ранних этапах развития модерна. Белл охарактеризовал вершину развития проблемы, когда уже начинают предприниматься попытки преодоления этого разлома, причем делают это и на уровне массового сознания, и на уровне научного и философского мышления. К этим попыткам мы можем отнести и новые религиозные движения, различные направления молодежной контркультуры, возникновение синергетики, преодолевшей фундаментальную пропасть между «порядком» и «хаосом» (что является очень важной составляющей противостояния рационального и иррационального), развитие экологического сознания, формирование глубинной и трансперсональной психологии и т. д.

Обнаружение и изучение иррациональных структур человеческой психики в науке наступает позже, чем осознание значимости иррационального в области философии. В конце XIX и в XX веке конфронтация рационального и иррационального стало жизненной реальностью для немалого количества жителей планеты. Оппозиция рационального и иррационального является базовой для современного мышления, и, соответственно, не доступен критическому анализу и до определенного времени не подвергается сомнению. Мы видим аналогичную картину и в контексте мифологической картины мира. Здесь критическому анализу не подвергается само существование сакрального. И в то время, когда рациональность оказалась под вопросом, происходит глобальный мировоззренческий перелом. Мыслители демонстрируют начало перехода к новому способу структурирования мира, скорее демонстрирующему монистические, чем дуалистические тенденции.

Во второй половине XX века появляются «интеллектуалистские» теории религии. Так принято называть подходы к изучению религиозного мышления, авторами которых являются американские и британские

антропологи Р. Хортон, С. Льюкс и П. Винк. Общим для них является стремление трактовать комплексы религиозных представлений, в частности, мифологические и теологические системы, с позиции их объяснительной функции. Представители интеллектуализма второй половины XIX – начала XX вв., к которым можно отнести Э. Тайлора и Дж. Фрэзера, отталкивались от эволюционистской парадигмы. Это являлось основанием для противопоставления ими религиозного и научного мышления. Неоинтеллектуалисты, в отличие от них, трактуют религию как форму рационального объяснения мира. Следует отметить, что от научно-рациональной формы объяснения религию характеризует, в частности, набор идиом, которыми она оперирует. Очень точно ядро указанной позиции выражено в трудах американского антрополога Робина Хортона [4, с. 62]. Данные концепции представляют собой, по сути, психологические подходы. Некоторые ученые рассматривают их возникновение как «реакцию на отсутствие интереса к изучению психологии мышления бесписьменных обществ в рамках классической методологии британской социальной антропологии» [2, с. 213].

«Интеллектуалистские» теории религии стали объектом серьезной критике со стороны представителей когнитивного религиоведения, прежде всего, Т. Лоусона, П. Буайе и Р. Макколи. Нужно отметить, что данные исследователи критиковали не только интеллектуалистов. Они относились оппозиционно также и к теориям религии, созданным социальными антропологами в первой половине XX века. Когнитивисты критиковали интеллектуализм за то, что он, по их мнению, преувеличивает объяснительный потенциал мифов и теологических систем. Также они утверждали, что интеллектуалисты игнорируют культурные, главным образом, институциональные факторы, которые существенно влияют на формирование и воспроизведение научно-рационального мышления.

Структурирование социума исходя из оппозиции рационального и иррационального не было единственным в эпоху модерна, однако оно заметно преобладало среди других подходов. Между тем, являясь, бесспорно, доминирующим, оно начинает проникать в те сферы социума, где изначально доминировали несхожие принципы организации бытия. Особо это коснулось традиционной религии. Достаточно яркой иллюстрацией такого проникновения является рациональная теология, о которой говорилось ранее. Она стремилась «демифологизировать» христианскую религию, другими словами, старалась очистить ее от «иррациональных» мифологических элементов.

Таким образом, мы приходим к выводу, что при господстве подобной культурной установки не кажется странным, что современность отказывается от сакрального и мифического в своей жизни, либо игнорирует их, либо интерпретирует их как аномалию, не играющую весомую роль для основополагающего вектора развития эпохи. Все это

приводит, в конечном итоге, к недооценке ценности данного фактора, который сыграл важнейшую роль в политической истории модерна, да и сегодня, в постмодернистскую эпоху, снова демонстрирует свою значимость.

Литература и источники

1. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – М. : Academia, 2004. – 944 с.
2. Доусон, К. Г. Религия и культура / К. Г. Доусон ; пер. с англ. ; вступ. ст., коммент. К. Я. Кожурина. – СПб. : Алетейя, 2000. – 281 с.
3. Матецкая, А. В. Процесс индивидуализации и мифологическое мышление в эпоху современности / А. В. Матецкая. – Ростов н/Д : РГПУ, 2007. – 146 с.
4. Horton, R. Traditional Thought and Western Science. Part I. From Tradition to science in Africa / R. Horton // Journal of the International African Institute. – 1967. – Vol. 37, № 1. – P. 50–71.

РЕЛИГИОЗНЫЕ КОНСТАНТЫ КУЛЬТУРЫ КАК ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

Т. В. Карнажицкая

Культура представляет собой сложное системное образование, целостность которого обеспечивается комплексом констант. Культурные константы представлены подсистемными блоками и определяют принципы актуализации социально-культурных программ и технологий сохранения культурного наследия. Культурные константы определяют устойчивость мировоззренческих паттернов, архивируют принципы культурной идентификации. Они могут приобретать в обществе разную форму, реализуясь в так называемых вечных образах, представленных в разных инвариантных знаковых средах художественного или религиозного дискурса. Термин «константа» в философско-религиозном истолковании культуры использовал французский ученый, представитель неотомизма Этьен Жильсон (Etienne Gilson). Понятие концепта в современной науке достаточно проработано как в философской, так и в культурологической трактовке (Ж. Делез, Ф. Гваттари, С. С. Неретина, Д. С. Лихачев, М. Ю. Лотман, С. Г. Воркачев, И. А. Стернин, Д. О. Добровольский, В. А. Маслова, А. Вежбицкая и др.). Собственно философско-культурологический ракурс теории культурных констант разработан Ю. С. Степановым, который под константой понимал «некий постоянный принцип культуры» [1].

Религиозные константы культуры определяются через принципы религиозного отношения к миру. Религиозные константы представлены в пространстве конкретного культурно-исторического дискурса, в котором

отражается весь комплекс представлений человека о мире. Поэтому вера может рассматриваться как ключевая константа религиозной культуры. Концепт «вера» рассматривается как мегакатегория религиозной культуры. Этот концепт можно рассматривать как базовую культурную константу, которая проявляется в религиозных представлениях и присутствует в языковой картине мира длительное время.

Религиозные константы участвуют в обеспечении устойчивости мировоззренческих оснований человека и организации выстраивания ориентиров в культуротворческой деятельности, конструировании общих принципов социокультурной реальности. Вечные образы, реализованные в религиозных практиках, возникая как отражение реальной жизни, становятся культурными константами. Становясь достижением культуры, они не только определяют образ жизни, но участвуют во всех практиках социокультурной жизни, нуждаясь в сопровождении технологий сохранения и передачи новым поколениям.

Религиозные константы культуры, функционируя в разных культурно-исторических и социальных контекстах, актуально дифференцированы: часть элементов подвержены инновационным диффузиям, а часть проявляют пассивную устойчивость на уровне архетипического сознания. Это позволяет рассматривать их как способ существования и организации любой национальной культуры, и концепт, заданный определенным архетипом [2].

Таким образом, религиозные концепты в культуре предполагают системность взаимодействия и соответствие культурной традиции и господствующей в обществе ценностной ориентации, они участвуют в динамике социокультурного развития, становясь буфером в процессах раскачивания динамического равновесия.

Литература и источники

1. Алфавиты и алфавитные тексты в периоды двоеверия / Ю. С. Степанов, С. Г. Проскурин. – М. : Наука, 1993. – 420 с.
2. Токарев, Г. В. Концепт как объект лингвокультурологии (на материале репрезентаций концепта «Труд» в русском языке) / Г. В. Токарев. – Волгоград : Перемена, 2003. – 233 с.

КНІЖНАСЦЬ БЕЛАРУСКІХ ТАТАРАЎ ЯК МАНІФЕСТАЦЫЯ ІХ РЭЛІГІЯНА-КУЛЬТУРНАЙ ІДЭНТЫЧНАСЦІ

А. А. Крупадзера

Сучасныя беларускія даследчыкі татара-мусульманскай спадчыны (І. А. Сынкова, М. У. Тарэлка, А. А. Кожынава і інш.) пагаджаюцца з тэзай, згодна якой, цесная асіміляцыя татара-мусульманскіх мігрантаў на землях

ВКЛ з прыняўшай іх культурна-грамадскай прасторай у сферы свецкай культуры, сацыяльнага ўзаемадзеяння і побытавага ладу жыцця абумовіла тое, што менавіта рэлігійная культура стала асновай захавання і праяўлення іх ідэнтычнасці. Напрыклад, як зазначае А. А. Кожынава, «асновай ідэнтытэту дадзенай этнічнай групы, па сутнасці, выступалі рэлігія, звязаная з ёй абрадаваць і агульная гістарычная памяць» [1, с. 59].

Той жа формай культуры, якая ўвасобіла спецыфіку праяўлення рэлігійна-культурнай ідэнтычнасці беларускай супольнасці татараў-мусульман, стала іх рэлігійнае пісьменства, кніжная культура.

Ва умовах існавання на шматэтнічных і паліканфесійных землях Вялікага Княства Літоўскага, Рэчы Паспалітай і Расейскай імперыі культура беларуска-літоўскіх татараў на працягу стагоддзяў пазбывала камунікацыю і ўзаемадзеянне з культурамі іншых супольнасцей. Гэты працэс адзначыўся, з аднаго боку, інклюдзіяй ў палікультурнае сацыяльнае атачэнне, з другога – здольнасцю беларускіх татараў захаваць пэўную этнакультурную аўтэнтыку і ў адметных праявах увасобіць ідэнтычнасць сваёй групы.

Гэтымі праявамі, як мы зазначылі, стала ісламскае веравучэнне, абраднасць і кніжнасць. Надзвычайная роля ў узнікненні адметнай культуры беларускіх татараў і захаванні яе як часткі беларускай нацыянальнай культурна-гістарычнай спадчыны належыць пісьменству і паважнаму стаўленню да яго ў татара-мусульманскай супольнасці («... і Бога твайго свяці, які навучыў навуцы пісаць, чытаць» – Тафсір 96:3–4 [2, с. 3, с. 8]).

Пісьменства гэтае адзначаецца шматмоўным характарам, абумоўленым тым, што татары-мігранты, першапачаткова – носьбіты цюркскіх дыялектаў, у працэсе адаптацыі і стасункаў з мясцовым атачэннем паступова пераходзілі на яго мову (спачатку беларускую, а потым і польскую), але ў культуравай дзейнасці захоўвалі арабскую мову, як мову Карана і ісламскага набажэнства.

Рэлігійная літаратура беларускіх татараў досыць разнастайная ў корпусе яе тэкстаў. Безумоўна, яе падмурак – гэта Каран і дадатковыя тэксты, што яго ахінаюць, і ў мясцовага хрысціянскага насельніцтва ўсе кнігі татараў называліся «кітабы» (з арабскага «кніга»), але ў сучаснасці даследчыкі вылучаюць пэўныя катэгорыі, якія прадстаўляюць арабскаграфічную кніжнасць у даволі шырокай жанравай палітры (пры заўвазе пэўнай умоўнасці гэткай тыпалагізацыі).

Тэксты Карана на арабскай мове з падтэкставым перакладам (пераказам ці каментаром) на беларускую альбо польскую мову змяшчаліся ў *тафсірах*. Іх дапаўнялі *таджвіды* – даведнікі-падручнікі з правіламі чытання арабскага тэксту Карана.

Найбольшую вядомасць атрымалі *кітабы*, якія прызначаліся для шырокага ўжытку і складалі асноўны корпус рэлігійна-дыдактычнай

літаратуры. Яны змяшчалі тэксты як рэлігійнага і павучальнага жанраў (апісанні рэлігійных абрадаў і рытуалаў, асноўных абавязкаў мусульман, паданні пра прарока Мухамада і павучальныя апавяданні), так і палемічнага, і фальклорнага, і нават прыгодніцкага (у тым ліку біблейскія легенды, усходнія казкі і авантурныя аповесці). Гэтая жанравая разнастайнасць робіць кітабы каштоўнай літаратурнай і этнаграфічнай крыніцай, у якой адлюстроўваюцца як звычаі, традыцыі, побыт татараў, так і іншакультурны уплыў на іх супольнасць. Апошні знаходзіць адбітак не толькі ў зместавым складзе кітабаў (неісламскія элементы), але і ў вонкавай атрыбутыцы (афармленні), і літаратурна-пісьмовых нормах, якія фарміраваліся пад уплывам больш ранніх копій (што адлюстроўвалі моўныя нормы ранейшых эпох), літаратурных (асабліва рэлігійных) крыніц кірыліцай і народна-дыялектнай мовы [3, с. 91].

Існавалі таксама зборнікі, якія абазначаюць як *паўкітабы*, – яны былі тэматычна блізкія да кітабаў, але адрозніваліся значна меншым аб'ёмам, бо звычайна не змяшчалі ў сваім складзе малітваў.

Каштоўным культурным артэфактам беларускіх татараў з'яўляюцца таксама *хамалы* (араб. «хамал» – «тое, што носіцца з сабой»), якія шырока выкарыстоўваліся ў штодзённай практыцы як кнігі для набажэнства і адначасова даведнікі, зборнікі парад для ўсіх выпадкаў жыцця. Іх распаўсюджанасць абумоўлена зручным – малым – фарматам і зместам, які ўтрымліваў як малітоўныя і літургічныя тэксты (малітвы, асобныя суры, аяты Карана, тлумачэнні рэлігійных абрадаў) так і каляндарна-астралагічныя, знахарскія, магічна-варажбінныя ўказанні (звесткі па мусульманскай храналогіі, медыцынскія рэкамендацыі, тлумачэнні сноў, календары шчаслівых і нешчаслівых дзён, заклёны). Традыцыйныя мусульманскія тэксты на арабскай і цюркскай мовах суправаджаліся каментарамі на беларускай або польскай мовах арабскай графікай ці дадаткамі, што сведчыць аб адаптацыі да новай сацыяльна-культурнай рэчаіснасці.

Арабская мова ў кніжнай культуры беларускіх татараў адлюстроўвала іх рэлігійны ідэнтэтытэт – веравызнанне ісламу як аснова этнаканфесійнай прыналежнасці. Цюркскамоўныя тэксты з'яўляюцца рэштамі гістарычнай спадчыны, захоўваючы памяць аб паходжанні, іміграцыі і культурных кантактах татараў ВКЛ. З'яўленне і пашырэнне літаратуры на славянскіх мовах (беларускай, потым польскай) сведчыць аб паспяховай сацыялізацыі і інкультурацыі мусульманскіх мігрантаў і іх нашчадкаў ў грамадства ВКЛ і Рэчы Паспалітай [2, с. 7]. Аднак працэсы моўнай і культурнай асіміляцыі не паглынулі этнаканфесійную аўтэнтэтыку татар-мусульман, а зафіксавалі ў ёй багацце мясцовых моўных асаблівасцей.

Адна з такіх асаблівасцей адсочваецца ў з'яве гібрыднага тэксту, звязанай з лінгвістычнай разнароднасцю і ў гутарковай, і ў кніжнай мове.

Гібрыдны тэкст можна разглядаць як лінгвакультурную характарыстыку беларускай арабаграфічнай літаратуры: у моўнай структуры яе тэкстаў спалучаліся тыя кніжныя ўзоры, што былі прыкладамі для стваральнікаў (у першую чаргу, цюркскія і арабскія рэлігійныя кнігі выступалі прататыпамі і ўзорамі для рукапісаў беларускіх татараў), з іх уласнымі ідыялектамі, якія ў сваю чаргу, адлюстроўвалі як моўную дамінанту у пэўным сацыяльна-культурным і гістарычным кантэксце, так і мясцовыя асаблівасці.

Мясцовыя моўныя асаблівасці перадаваліся і праз графічную адаптацыю: для запісу славянскіх тэкстаў татары ВКЛ стварылі дадатковыя літары і камбінацыі знакаў для некаторых зычных і галоснага гукаў.

Адна з адметных рыс кітабаў і іншай арабскаграфічнай літаратуры, якая робіць яе асабліва каштоўным артэфактам для беларускай моўна-культурнай спадчыны, палягае ў яе адчужэнні ад царкоўна-славянскай моўнай традыцыі правапісу і захаванні асаблівасцей беларускай фанэтыкі, а таксама дыялектаў, што заўважае яшчэ Ян Станкевіч, ён жа падкрэслівае, што «беларуская літаратура арабіцаю напісана мясцовай мовай народнаю» і гэта «дае цяпер нам магчымасць добра студыяваць па ёй гісторыю беларускіх дыялектаў і тым ляпей пазнаваць шэсць багацьце беларускага языка» [4, с. 15–16].

Такім чынам, рэлігійна-культурная ідэнтычнасць беларускіх татараў-мусульман маніфэставалася праз абраднасць і кніжнасць, а спецыфіка яе праяўлення ўтрымліваецца ў лінгвістычным ці лінгвакультурным аспектах гэтай маніфэстацыі. Рэлігійная літаратура беларускіх татараў-мусульман стваралася арабскай графікай на мясцовых мовах і тым уяўляла сабой унікальны культурны феномен. Яна арганічна спалучала веравызнаўчы канон і элементы народнай рэлігійнай культуры, парады народнай медыцыны, астранамічныя і астралагічныя даведкі і магічныя практыкі, праз што можна засведчыць аснову рэлігійнай тоеснасці і прасачыць як прыклады магічнага мыслення, так і узровень рацыянальных ведаў.

Літаратура і крыніцы

1. Кожынава, А. А. Тэксты беларуска-літоўскіх татар як сродак самаідэнтыфікацыі / А. А. Кожынава // Нацыянальны характар і спосабы яго ўвасаблення ў культуры і мове ва ўмовах мультыкультурнага асяроддзя: электрон. сб. материалов междунар. науч. конф., Полоцк, 19–20 ноября 2020 г. / Полоцкий государственный университет; ред. кол.: Н. В. Нестер [и др.]. – Новополоцк, 2022. – С. 58–62.
2. З рукапіснай спадчыны татараў ВКЛ: тэксты і даследаванні: зборнік навуковых прац / Цэнтр даследаванняў беларус. культуры, мовы і л-ры НАН Беларусі, Ін-т мовазнаўства; навук. рэд.: І.А. Сынкова, М. У. Тарэлка. – Мінск: Беларуская навука, 2022. – 177 с.
3. Грыбава, С. У. Кітабы беларускіх татараў як прыклад міжкультурнай камунікацыі / С. У. Грыбава // Системная трансфармацыя общества:

информационные технологии, инновации и традиции : сборник научных трудов / Министерство образования Республики Беларусь, Брестский государственный технический университет ; редкол. : Л. Ю. Малыхина [и др.]. – Брест : БрГТУ, 2023. – С. 89–94.

4. Станкевіч, Я. Беларускія мусульмане і беларуская літаратура арабскім пісьмом / Я. Станкевіч. – Вільня, 1933. – 34 с.

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ОХРАНИТЕЛЬНО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ПОЛИТИКЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Д. В. Куницкий

Общие философские основания охранительно-патриотического подхода к политике в области духовно-нравственной безопасности должны основываться на фундаментальных началах, которыми для белорусского государства должны служить христианская метафизика и антропология.

В соответствии с ними *устанавливаются метафизическо-идеологические координаты данной политики*, отражающие борьбу добра и зла внутри человеческой души и извне как сквозной элемент, камертон всей человеческой жизни, личностной и общественной. Сквозь призму данной борьбы, укрепления одной из сторон и ослабления противоположной оценивается все происходящее в общественной жизни и институционально образующее ее. В сравнении с данной охранительной (консервативной) парадигмой либеральная модель духовно-нравственной безопасности (в своем логически завершенном виде) отрицает наличие указанной системы координат, заменяя их координатами индивидуальной оценки, исходя из критериев полезности-вредности, приятности-неприятности по канонам утилитаризма Иеремии Бентама [1], и соответствующего обеспечения свободы следования им в общественном пространстве.

В свою очередь, марксистско-коммунистическая модель заменяет духовно-нравственные координаты на классово-революционные, в которых все оценивается соответствием и противоречием интересам партии «правильного» класса (ранее – условно-пролетарского, в неомарксизме – всякого «прогрессивного» вплоть до ЛГБТ-сообществ). Наконец, в националистической модели стержневым является узко понятый национальный интерес в координатах усиления и ослабления, прославления и унижения нации. Однако на практике в каждой из трех секулярных парадигм высшим критерием оценки духовно-нравственного или зловещего служит интерес правящей элиты, парадоксальность чего снимается отступлением от высших духовно-нравственных критериев.

Вторым онтологическим вопросом является соотношение

проводимой политики в области духовно-нравственной безопасности с *личностной свободой*. В рамках марксистской и националистической парадигм личностная свобода занимает подчиненное положение к «высшей идее» и «общему благу» (вплоть до полного отрицания свободы), которые если не противопоставляются личному благу, то допускают лишь их пересечение. Причем речь здесь идет не только и не столько о свободе выбора эгоистического поведения, но, прежде всего, именно о свободе совести и ценностного выбора, в том числе общезначимого плана.

Либеральная модель, внешне отстаивая примат свободы, в действительности, абсолютизирует именно индивидуалистическую свободу эгонального поведения, а вот свобода ценностно-ориентированного поведения, неизменно затрагивающая эгональные свободы, неожиданно вызывает в либеральной модели еще большее неприятие, нежели диктаторский произвол. На примере современного глобального неолиберализма мы видим в действии конечную либеральную формулу, к которой устремлена вся логика апостасии: «свобода всякому злу и вето всякому добру».

Охранительная парадигма политики безопасности, основанная на христианской метафизике, полагает необходимым выстраивать тонкое диалектическое единство, «царский срединный путь», соединяющий защиту личности и общества от духовно-нравственных (и прочих) угроз со свободой личностного выбора. Творческая проработка этого диалектического единства призвана содержательно наполнить собою политику в области духовно-нравственной безопасности вплоть до выстраивания соответствующей стратегии (концепции). Некоторые осевые принципы такого стратегического выстраивания: а) разграничение личностного и общественного пространства; б) выстраивание оценочной иерархии (разрешенного и запрещенного) всех типов поведения и факторов – от в высшей степени желанного через нейтрально-дозволенный к недопустимому; в) различение способа политического воздействия – тонкую настройку для запретительно-принудительного и неограниченную свободу для просветительского.

Третьим онтологическим вопросом политики духовно-нравственной безопасности является вопрос о ее *субъекте (действующих лицах)*. Очевидно, что понятие «политики безопасности» как таковой намертво привязано ассоциативно к государству. При этом даже обыденное сознание отдает здесь прерогативу Церкви. Действительно, Церковь онтологически лишена принудительной власти – даже в области духовно-нравственной безопасности. Однако, согласно христианской экклезиологии, земная Церковь является «воинствующей», и война эта направлена «не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной» (Еф. 6:12) и имеет своим предметом именно духовно-

нравственную безопасность. Поэтому, онтологически не имея власти принудительной, Церковь имеет власть наставническую – давать вероучительные указания в данной борьбе: как отдельной личности, так и целым народам и их государственным правительствам. Идеалом такого политического воздействия Церкви является ее симфония с государственной властью, где Церковь выступает для государства источником разума и голосом совести.

В вопросе о государстве как субъекте политики в области духовно-нравственной безопасности решающее значение приобретает понимание онтологической сущности самого государства. В мейнстриме секулярного и номиналистического мышления государство предстает как отвлеченный от общества (народа) институт. В либеральной доктрине этот институт толкуется как «наемный менеджер», от которого требуется быть эффективным по отношению к определяемым нанимателем задачам; в марксистской доктрине он понимается как инструмент классового господства, обеспечивающий доминирование правящих классов (класса) и их (его) интересов. В обоих случаях олицетворением данного института и его исполнителем является верховная власть и чиновнический аппарат. В обоих случаях государство и его цели противопоставляются гражданскому обществу (или даже самому народу) и идеалом (в том числе революционной целью) становится нейтрализация государственной власти над «обществом» и ликвидация ее политики духовно-нравственной безопасности.

Националистическая парадигма понимает государство гораздо более глубоким образом, соотнося его с волей и силой нации в целом, отводя ему и ведущий статус в указанной политике. Однако все три секулярные парадигмы направлены на отрицание не только руководящей, но и всякой роли в данной политике Церкви, возвышенной метафизики в целом. И, в итоге, не только в националистической, но и в либеральной и марксистской парадигме на практике власть над духовно-нравственной жизнью общества оказывается как раз у правящей элиты и аппарата власти, чуждых парадигме духовно-нравственной безопасности.

Охранительно-христианская парадигма исходит из понимания государства как не абстрактно-номинальной, но онтологической сущности, существующей, однако, не помимо народа, а в качестве самого политически организованного народа (или политической организации народа). Такое государство призвано действовать не только в лице верховной власти и исполнительных чиновников через административную систему (аппарат), но и, в разной мере, в лице всех созидательных объединений и самих личностей. Причем действие это предусматривается не только обособленным, но соборным, согласным, – когда сама верховная власть опирается при проведении данной политики на «гражданское общество», представляющее собой сознательно организованный народ.

Церковь при этом рассматривается либо как особое высшее начало и сила для данной государственной политики. В данном метафизическом разрезе политика духовно-нравственной безопасности – общая (хоть и не равномерно) соборная ответственность духовно и политически организованного народа.

Взятые вкуче три указанные начала призваны задать общие основы для разработки отечественной доктрины (стратегии, концепции) духовно-нравственной безопасности на охранительных христианских метафизических началах как общенародного государственного дела. Проведение соответствующей политики духовно-нравственной безопасности помещает ее в центр общей системы национальной безопасности. Полагаясь таким образом, данная политика превращает духовно-нравственную безопасность из фактора [2] в духовно-нравственную сторону и даже стержень народной (национальной) безопасности как таковой. Всегда удерживая в центре внимания живую духовную личность, политика духовно-нравственной безопасности своим стратегическим направлением будет иметь движение в ее обеспечении в направлении от внешних защит личности к внутренним, – формирующим личностный иммунитет к духовным угрозам.

Литература и источники

1. Борисова, И. В. Бентам / И. В. Борисова // Новая философская энциклопедия. – 2-е изд. – М. : Мысль, 2010.
2. Беспаленко, П. Н. Духовная безопасность в системе национальной безопасности современной России: проблемы институционализации и модели решения : автореф. дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.02 / П. Н. Беспаленко ; Сев.-Кавк. акад. госслужбы. – Ростов-на-Дону, 2009. – 54 с.

ЭВРИСТИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ХРИСТИАНСКОЙ ДОГМАТИКИ В АТЕИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ А. КОЖЕВА

И. С. Курилович

Александр Кожев известен помимо идей «конца истории» и «желания желания» своей явно выраженной атеистической позицией. Он уделял значительное внимание изучению религии, и особенно христианства. В контексте гегельянской традиции он воспринимал религию, как и другие формы духа, например искусство, равно как и политику и право, в качестве несобственной или неподлинной формы понятия, обладающего бесконечной ценностью, но лишь явившегося в ограниченном виде «для представления». Понятия религии нуждаются в нахождении истинной философской формы и находят ее в историко-философском процессе. В этом отношении догматическое богословие

представляет собой особенно богатый материал для анализа, к которому А. Кожев подходит с большой избирательностью и критичностью.

Анализируя религиозные догматы, он опирался на два ключевых критерия. Первый критерий основывается на антропологии, представляющей собой оригинальное соединение философии Георга Вильгельма Фридриха Гегеля и Мартина Хайдеггера. Второй критерий связан с эпистемологией и историей науки, что позволяет проследить эволюцию философских принципов, заключенных в религиозных догматах, вне контекста религии. Эти два подхода позволяют А. Кожеву интерпретировать религиозные догматы через призму философских понятий и проследить их развитие и трансформацию в светском контексте.

Особое внимание А. Кожев уделяет рассмотрению двух ключевых христианских догматов: о боговоплощении и о бессмертии души, используя для критического анализа этих догматов свои антропологические и эпистемологические критерии. Показательно, каким образом он выбирает одни догматы в качестве полезных, а другие – как вредные или ложные, основываясь на их философской значимости и применимости.

Таким образом, можно проследить не только взгляды А. Кожева на религию, но и продемонстрировать его методологический подход, который сочетает диалектику Георга Гегеля, феноменологию Мартина Хайдеггера и идеи Александра Койре о философии науки, тоже в значительной мере неогегельянские, для интерпретации религиозных догматов. Это позволяет увидеть, как атеистическая философия может использовать религиозные концепции для формирования философских понятий, имеющих широкое значение как для философии религии, так и для философии в целом. В итоге исследование А. Кожева способствует пониманию религиозных концепций в отрыве от откровения и веры и их роли в философском дискурсе, открывая новые перспективы для их интерпретации и применения в современной философской мысли.

ХРИСТИАНСТВО В ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭПОХИ ПЕРЕОЦЕНКИ ЦЕННОСТЕЙ

А. И. Лойко

В начале XXI века христианство опять оказалось в пространстве переоценки ценностей. В этих переоценках для христианства можно выделить несколько конструктивных исторических периодов. Один из них был связан с признанием в Римской империи христианства. Этому периоду предшествовали гонения на христиан. Но кропотливая работа христианских общин дала положительный результат.

Второй конструктивный период переоценки ценностей для христианства был связан с преодолением границ Римской империи и распространением на северные и восточные территории Европы. Особую роль в этом процессе сыграло принятие христианства по восточному обряду населением древнерусских княжеств. В результате была стабилизирована географическая граница между христианскими конфессиями. Население получило возможность формировать идентичность на православной христианской основе.

Третий конструктивный период переоценки ценностей для христианства имел место в эпоху Реформации, когда христиане оказались на грани межконфессиональной войны. Но обществу удалось выработать ценности толерантности и веротерпимости. Это наглядно проявилось на территории Великого Княжества Литовского, Русского и Жемойтского в правовых документах.

Конструктивным, благодаря усилиям Г. Конисского и И. Семашко, стал исторический период массового перехода белорусского населения из униатских христианских общин в православные христианские общины. Он не сопровождался насилием [1].

В начале XXI века христианство оказалось в эпохе переоценки ценностей. Это видно по аморальной трактовке христианской культуры во время открытия олимпиады в Париже летом 2024 г. На фоне нигилизма западного мира Союзное государство предоставило уникальные возможности для возрождения православной христианской традиции [2].

Таким образом, исторические периоды переоценки ценностей имеют как негативные, так и конструктивные стороны. Христианство не один раз оказывалось в подобных исторических периодах. Оно находило возможности для возрождения и сохранения идентичности населения.

Литература и источники

1. Киприанович, Г. Я. Жизнь Иосифа Семашки, митрополита Литовского и Виленского и воссоединение западно-русских униатов с православною церковью в 1839 г. / Г. Я. Киприанович. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Вильна : Типография И. Блюмовича, 1897.

2. Кирилл Туровский – воплощение патриотизма и любви к Родине : материалы Международной научной конференции, Минск, 30 апреля 2019 г. / Отв. ред. А. И. Лойко. – Минск : БНТУ, 2019. – 233 с.

ОБРАЩЕНИЕ К ВЕРЕ В БОГА КАК ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРОЕКТА ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ПОСТКОНФЛИКТНОГО ОБЩЕСТВА 1980-х гг.

А. С. Луньков

Окончание военного конфликта и переход к постконфликтной ситуации всегда сопряжены с необходимостью установления новых институций, которые бы занялись созданием новых, мирных отношений. Однако часто бывает, когда на индивидуальном уровне человек оказывается один на один с новой реальностью и возвращение к мирной жизни становится проблемой, решить которую самостоятельно человек не всегда в состоянии. Так было с советскими ветеранами боевых действий в Афганистане (1979–1989 гг.). Лейтмотивом отношения власти к ветеранам Афганской войны стала фраза (в различных вариантах) «Я Вас в Афганистан не посылал». Это еще более усугублялось общей ситуацией кризиса общества конца 1980-х – начала 1990-х гг., когда постконфликтная ситуация «удвоилась» – СССР не только не добился поставленных политических целей в Афганистане, но и проиграл «холодную войну». Поэтому возвращение к мирной жизни и интеграция в общество часто становились личным делом самого ветерана, его индивидуальным проектом человека.

Одной из стратегий выстроить себя нового, создать человека, который мог бы как-то устроиться в постконфликтной ситуации, было обращение к вере в Бога. Участие в боевых действиях, непосредственный риск для жизни, потеря боевых товарищей, ранения уже сами по себе ставят человека в ситуацию экзистенциального выбора. «На войне атеистов нет» гласит известный тезис, но глубина веры может быть разной. Для некоторых ветеранов обращение к вере в Бога стало основой построения новой жизни, по сути – полного перестроения себя. Монах Киприан (в миру – полковник в отставке Валерий Анатольевич Бурков) потерял в Афганистане ноги, но после реабилитации продолжил служить в армии, а после выхода в отставку сделал блестящую карьеру в качестве депутата Государственной Думы РФ и советника Президента. Однако именно монашеский постриг, принятый в 2016 году, стал для него единственным правильным продолжением жизни. Исследователям доступно несколько интервью Киприана, на материале которых можно реконструировать путь от советского офицера к монаху. Исходным моментом является отношение к смерти. Для солдата во время войны это принципиальный вопрос. Отец Киприан говорит, что «в духовном плане жизнь не заканчивается после смерти. Я сам пережил три клинические смерти, и я не верю, я точно знаю, что жизнь не заканчивается после смерти» [3]. Другими словами, вера в Бога снимает для солдата главную

проблему – проблему смерти в бою. Для постконфликтной ситуации, в которой оказываются ветераны боевых действий после войны, характерно ощущение отсутствия цели, невозможность устроиться в мирной жизни. В личной беседе с автором один из ветеранов Афганистана отмечал, что на войне жизнь настолько более яркая, что потом сложно найти что-то подобное. Отец Киприан добился в жизни успеха как общественный деятель, политик и бизнесмен, но все это было не то. «То, к чему стремится обычный человек в своей жизни – карьера, путешествия, материальные блага, чтобы себя и семью обеспечивать, это я все уже имел в достатке. И стало как-то скучно» [1]. Эта «скука» является свидетельством экзистенциальной пустоты, невозможности вновь прийти к тому, что испытал на войне. Преодолеть, заполнить эту пустоту смогла только вера в Бога. Заключительным шагом в этом индивидуальном проекте нового человека является уход из мира. «С 6 июля прошлого [2016 г.– прим. А. С. Луньков] года нет полковника в отставке Буркова, есть инок Киприан. Теперь я иной, изъят из прежнего мира» [2].

Таким образом, обращение ветерана боевых действий к Богу как попытка реализовать индивидуальный проект нового человека для мирной жизни имеет свою структуру. В ней можно выделить исходную точку – отношение к смерти. Содержанием этого проекта является стремление заполнить пустоту, которая образовалась в душе, во внутреннем мире человека, после войны. Итогом является уход человека из мира, то есть из мирной жизни, в новую борьбу – монашеское служение.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23–18–00851, <https://rscf.ru/project/23-18-00851>.

Литература и источники

1. Ветеран боевых действий в Афганистане, человек, повторивший подвиг летчика Алексея Маресьева, а ныне священник Валерий Бурков встретился с жителями Каменска-Уральского [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://k-ur.info/novosti/novosti-v-kamenske/1288-veteran-boevykh-dejstvij-v-afganistane-chelovek-povtorivshij-podvig-letchika-alekseya-mareseva-a-nynesyvashchennik-valerij-burkov-vstretilsya-s-zhitelyami-kamenska-uralskogo>. – Дата доступа: 29.09.2024.
2. Звезда монаха Киприана [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/articles/2017-03-rodina-kiprian/>. – Дата доступа: 29.09.2024.
3. Отец Киприан (Бурков): «Я очень благодарен Богу за то, что служил в Афганистане» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://histrf.ru/read/articles/otiets-kiprian-burkov-ia-ochien-blaghodarien-boghu-za-to-chto-sluzhil-v-afghanistanie>. – Дата доступа: 29.09.2024.

РЕЛИГИОЗНЫЙ СИМВОЛ В ПОСТСЕКУЛЯРНУЮ ЭПОХУ

О. В. Мащитько, С. М. Мащитько

Цель данной статьи – определить место религиозной символики в постсекулярную эпоху. Теория постсекуляризма утверждает, что религия в современном мире трансформируются, чтобы соответствовать современной социальной среде, оставаться важным социальным фактором [1]. Термин «постсекуляризм» был предложен Хабермасом в качестве коррекции секуляризма, утверждения, что религия исчезает из общественной сферы. В противовес тезису о секуляризме Хабермас утверждает, что религии являются источниками смысла и моральных норм, без которых общество не может обойтись, но они должны переводить свои позиции на язык, понятный и нерелигиозным людям [2]. Постсекулярная религиозность позиционируется как один из языков культуры.

Религиозный язык, соответствующий такому позиционированию, может быть только иконоборческим, поэтому одним из признаков языка постсекулярности мы называем пустоту символа. Под иконоборчеством в данном контексте мы подразумеваем, в широком смысле, разрушение образности как таковой. Его богословский аспект предполагает утверждение невозможности представления трансцендентного в имманентном (символ не может содержать символизируемое). Эстетический аспект – разрушение образности и принцип ухода от реальности, недоверие к видимости (обратная перспектива, деформации, символичность цвета, беспредметность).

Иконоборческий аспект постсекулярной религиозности выполняет сразу несколько функций, обеспечивающих соответствие религии современной социальной среде. Это и нивелирование различий (утверждение тождественности смысла всех символов), облегчающее диалог религий, и унификация (эксперименты по объединению и наложению символов разных эпох и культур, а также тезис о единстве всех религий), обеспечивающая интеграцию религиозных форм в глобальную культуру, и устранение дуализмов (трансцендентного и имманентного, высокого и низкого, реального и виртуального) – обеспечивающее совместимость религиозного и светского дискурсов.

Отрицание взаимодействия трансцендентного и имманентного трансформируется в принцип сведения первого ко второму, девальвации трансцендентного. Современное иконоборчество есть характеристика культуры с преобладанием образов без содержимого. В постсекулярной религиозности это проявляется в обилии размытых понятий и символов, которые не выражают ничего конкретно (духовность, Абсолют). Недоверие к видимости в сочетании с принципом девальвации

трансцендентного трансформируется вне связи с сущностью предмета, скрывают пустоту.

Иконоборчество можно описать как редукцию символа к симулякру. Пустота символа постсекулярной религиозности является одним из аспектов пустоты знака в культуре постмодерна, а иконоборчество становится важнейшим средством постмодернистского монистического восприятия реальности. Главное свойство симулякра – мнимое присутствие, это пустая форма, знак без содержания, когда внешние проявления предшествуют сущности. Радикальной стратегией замены репрезентационистской модели знака является элиминирование означающего (Делез). Делез видит диктат даже в детерминизме означающих, связанных узлами взаимного конституирования, кодирования и перекодирования. Так он совершенно отказывается от основы лингвистики Соссюра, придерживаясь концепции асигнификативного знака. Знак, по сути дела, есть вещь, поскольку он репрезентирует сам себя, что является свойством именно вещи: «...существует язык декодированных потоков, составляющий противоположность означающему... Фигуры этого языка не имеют никакого отношения к означающему, ни даже к знакам как минимальным элементам означающего, это не-знаки, точнее, незначающие знаки, знаки-точки с множеством измерения, это шизы или потоки-прерывы...» [3], «Симулякр – именно дьявольский образ, лишенный подобия; или, скорее, в противоположность иконическому образу, он поместил подобие снаружи, а живет различием» [3]. Знак вообще не осуществляет никаких отсылок; означающее окружено вовне фигуративными образами, оно зависит от фигурных эффектов, складывающихся из нефигуративных фигур конфигурации образов. Это шизофренический язык, рассматривать означающее как означаемое – по сути, то же самое, что рассматривать слова как вещи, что зачастую характеризует шизофренический опыт. Но если в данном случае подбирать непатологические аналогии, то такую же свободу от дискурсивности мы находим в языке математики и языке искусства, на которые явно ориентирована данная концепция.

Таким образом, постсекуляризм, утверждая необходимость приспособления религиозного языка к современной социальной среде, предполагает девальвацию религиозной символики, лишение ее метафизического и смыслового содержания. Главным следствием является исчезновение трансцендентного измерения религиозного символа. Визуальные образы постсекулярной религиозности не иконичны. Например, экуменические символы, памятники архитектуры представляют собой искусственные интеллектуальные конструкции [4]. Их нельзя переживать, можно только истолковывать. Они не служат источником религиозного опыта. Их задача – простая демонстрация единства религии через нагромождение традиций, каждая из которых имеет свою историю,

свой дух. Возводится для демонстрации того, что представленные традиции в принципе можно соединить воедино [5].

Являясь универсальной характеристикой современной культуры, в рамках постсекулярной религиозности иконоборчество предполагает пустоту символа, трансформацию символа в симулякр, подмену трансцендентного опустошенными внешними формами; самодостаточность видимых образов, их существование без связи с сущностью; обилие образов без содержимого и понятий, которые ничего конкретно не выражают; функционирование религиозных символов в качестве имиджей, брендов, маркетинговых ходов, перформансов, призванных продемонстрировать тезис о том, что каждая религия – повторение одного и того же разными способами; положение о тождественности смысла символики всех религий, эксперименты по объединению и наложению символов разных эпох и культур, невнимание к ритуальной стороне, лишение ее метафизического и смыслового содержания.

Литература и источники

1. The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics / P. Berger [et al.] ; ed. : P. Berger. – Washington : Ethics and Public Policy Center, 1999. – 143 p.
2. Хабермас, Ю. Диалектика секуляризации. О разуме и религии / Ю. Хабермас, Й. Ратцингер (Бенедикт XVI). – М. : Библ.-богосл. ин-т св. апостола Андрея, 2006. – 112 с.
3. Делез, Ж. Капитализм и шизофрения. Введение: ризома / Ж. Делез, Ф. Гваттари [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.filosoft.tsu.ru/rizoma.htm>. – Дата доступа: 21.03.2016.
4. Richman, N. I. What does it feel like to be post-secular? Ritual expressions of religious affects in contemporary renewal movements / N. I. Richman // International Journal of Philosophy and Theology. – 2018. – Vol. 79.
5. Grab, W. The Transformation Of Religious Culture Within Modern Societies: From Secularization To Postsecularism / W. Grab // Exploring the Postsecular. The Religious, the Political and the Urban. – 2010.

МЕТАРЕЛИГИОВЕДЕНИЕ КАК МЕТАТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ РЕЛИГИОВЕДЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Н. А. Никонович

Учитывая весь плюрализм относительно методологических практик и методологических процедур религиоведения, учеными в последние десятилетия разрабатывается концепция метарелигиоведения. В ракурсе каждого концептуально-проблемного поля вкладывается собственный

смысл в это понятие, экспликационные стратегии которого варьируются в зависимости от исследовательских установок ученого. «Представляется, что историко-религиоведческое исследование можно проводить двумя путями: (1) последовательным изложением идей и концепций, созданных религиоведами, с выявлением их преемства и прямых взаимовлияний, или (2) выявлением скрытых посылок, оформивших религиоведческую теорию и показывающих не то, что религиовед открыто утверждал, а то, что обнаруживается за его исследованием. Первый путь представлен в очерках по истории религиоведения, учебниках, ознакомительных трудах, второй путь более тонкий и предполагает больший академизм, такие исследования обычно идут в русле истории идей либо в сфере, которую иногда называют метарелигиоведением» [1, с. 132].

Концептуальный каркас термина «метарелигиоведение» достаточно рельефно иллюстрирует расхождение в поиске трансдисциплинарных оснований и попытку преодоления дихотомии «дескрипция-интерпретация» (по выражению Т. С. Самариной). К вопросу метарелигиоведения обращается и российский исследователь И. П. Давыдов. Одно из определений метарелигиоведения в его интерпретации звучит так: «Метарелигиоведение = содержательно не пустая синтетическая метатеория комплексной дисциплины (попперовский "концептуальный каркас" метадисциплины), выполняющая логико-методологические и гносеологические функции и оттесняющая философию (как философию науки, так и философию религии) на второй план» [2].

Прежде всего следует отметить, что проблематизация данного вопроса происходит в русле поиска новой методологии, а также метатеории религиоведческого знания. Семантическая нагруженность термина «метарелигиоведение» обусловлена прежде всего его статусом метатеории. Соотношение метатеории и метарелигиоведения является достаточно тонким вплоть до взаимопоглощения. Учеными подмечается и ряд проблем, связанных с концептуализацией и операционализацией данного понятия: «В этом случае наиболее вероятным результатом *последовательной* организации метарелигиоведения, оно будет характеризоваться замкнутостью. Следствием замкнутости системы является тавтологичность ее положений, что влечет комплекс трудностей, присущих всем предельно формализованным системам» [3, с. 20]. А. Ю. Рахманиным предлагается различать метарелигиоведение и метатеорию религиоведения, которая, на его взгляд, является предпочтительной. Им отмечается, что «как раз в силу того, что можно вообразить некоторое множество аксиоматик метатеории религиоведения, поскольку они будут обосновываться элементами различных концептуальных каркасов, религиоведение может приобрести характер подлинно междисциплинарного исследования, не теряя ни своего

дисциплинарного своеобразия, ни предмета, ни единства, и оставаясь подлинно эмпирической наукой» [3, с. 20]. И. П. Давыдовым термин «метарелигиоведение» предлагается заменить на «эпистемологию религиоведения» [2].

Сам по себе термин «метарелигиоведение» не является однозначным. Несмотря на его дискуссионность, мы предлагаем понимать под ним метатеорию религиоведческого знания, а также общую концептуальную основу религиоведения.

В русле научных дискуссий о теории и метатеории религиоведения ставится также вопрос о религиозном и религиоведческом знании и его специфике [4]. В этом контексте учеными справедливо отмечается, что «чувственно-эмоциональная природа религии не считалась препятствием для ее понимания как знания, истин веры в учениях А. Августина, Ф. Аквинского, Д. Юма, Дж. Беркли и других» [4, с. 58]. Когнитологическая функция религии связана с пониманием религии как особого рода знания, которое, хотя и не обладает той степенью верифицируемости, которая присуща научному знанию, но тем не менее является интериорным и самоприсущим для религиозного субъекта. «Современная гносеология расширительно рассматривает вопрос о формах познания. Например, Б. С. Шалютин весьма обоснованно считает, что эмпатическое познание "представляет собой самостоятельный механизм познания, рядоположенный сенсорному и понятийному". Согласно его аргументации, содержанием эмпатического познания является формирование субъектных репрезентантов, под которыми понимаются репрезентанты других субъектов, "водруженные" в Я и имеющие в Я несенсорный характер. В качестве форм эмпатического познания выступают эмпатическое чувство Другого как субъекта и Другой во мне (индивидуально-субъектный репрезентант). Кроме того, исследованием эмпатического познания занимается в психологии школа В. А. Петровского. Таким образом, наличие психических переживаний как объекта исследования философии и науки позволяет и религию квалифицировать как знание» [4, с. 58]. В этой связи И. Н. Степанова, например, предлагает различать религиоведческое и религиозное знание по следующим критериям: «Религиоведческое знание есть субъект-объектное знание, а религиозное – субъект-субъектное знание, создаваемое двумя субъектами. Августин говорит в своей "Исповеди" о со-субъектном характере отношения Бога и верующего. <...> Религиозное знание представляет меж-личностное знание, создаваемое двумя личностями (Богом и верующим)» [4, с. 59].

Говоря о возможностях поиска универсальной методологии, следует учитывать дисциплинарные различия. В то же время возникает вопрос, может ли какое либо отдельное религиоведческое направление быть фундаментальной методологической основой. Исследователи указывают

на то, что «Феноменология религии может взять на себя функции методологического анализа методов религиоведения, поскольку именно здесь происходит осмысление того, что есть подлинный предмет религиоведения» [5, с. 353]. Учеными подмечены определенные противоречия и дихотомии, связанные с объектом и предметом такого дисциплинарного направления, как феноменология религии: «Основной объект же феноменологии религии, религиозный опыт, – это некий поток переживаний, в котором феноменология стремится вычленить смысловые элементы. Именно для этого оказалась востребованной эссенциалистская методика Гуссерля. Однако она вступает в противоречие с иррациональным характером религиозного опыта. К тому же эти смысловые элементы религиозного опыта рассматриваются как некие фиксированные единицы, независимые от субъективного и intersубъективного их употребления. Здесь вполне логичной выглядит тезис Ваарденбурга о необходимости рассматривать смыслы религиозного сознания как систему интенций и субъективных значений, как субъективные интенциональные характеристики. Такая интенциональность всегда нагружена исторически, культурно и лингвистически, по выражению П. Рикера. Осознание этого обстоятельства делает бессмысленным требование беспредпосылочности, "свободы от ценностных суждений" в феноменологическом изучении религии. Более того, признание неустранимости некоей культурно-исторической "ангажированности" исследователя. И отрефлексирована эта "ангажированность" может быть в рамках самой феноменологии религии, которая принимает на себя метаметодологическую функцию» [7, с. 354].

В данном контексте заслуживает внимания мысль именно о «метаметодологической функции» феноменологии религии. Может ли сама дисциплина стать метадисциплиной? Как соединить обозначенные выше интенциональность, эссенциализм и иррациональность? Все эти компоненты составляют сущностные свойства религиозного опыта; рассмотренные по отдельности, они составляют различные аспекты его концептуализации. Возникает вопрос, каким образом на основании указанных посылок построить метамодель, методологический каркас религиоведческого знания. Сама по себе феноменология религии не является гомогенным образованием, а в ее неклассической версии (Ж. Ваарденбург) мы видим смещение методологического полюса в сторону субъективирующей интерпретационности.

Литература и источники

1. Самарина, Т. С. Об историографии феноменологии религии: критический эскиз / Т. С. Самарина // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. – 2019. – Вып. 82. – С. 131–141.

2. Давыдов, И. П. Эпистемология религиоведения в век науки / И. П. Давыдов // Материалы докладов конгресса «Религия в век науки», 2012 / Сайт СПбГУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://istina.msu.ru/collections/2570795/>. – Дата доступа: 10.03.2022.
3. Рахманин, А. Ю. К метатеории религиоведения: концептуальный каркас и проблема нормативного критерия науки / А. Ю. Рахманин // Религиоведческие исследования. – 2009. – № 1–2. – С. 7–23.
4. Степанова, И. Н. Религиозное и религиоведческое знание в контексте науки и философии / И. Н. Степанова // Вестник Курганского государственного университета. – 2010. – № 3 (19). – С. 56–60.
5. Токранов, А. В. К проблеме кризиса эпистемологических оснований феноменологии религии / А. В. Токранов // Человек и религия: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 14–16 марта 2013 г. / Под ред. С. Г. Карасевой, С. И. Шатравского. – Минск, 2013. – С. 350–354.

ПРОБЛЕМА МЕСТА РЕЛИГИИ В ПОСТАТЕИСТИЧЕСКОМ БЕЛОРУССКОМ ОБЩЕСТВЕ

В. А. Одиноченко

Сама постановка проблемы свидетельствует о наличии стремления к освоению новых аспектов реальности. Также она формирует определенное видение как наличной ситуации, так и возможных тенденций ее развития. «Проблема (от греч. *problema* – преграда, трудность, задача) – объективно возникающий в ходе развития познания вопрос или целостный комплекс вопросов, решение которых представляет существенный практический или теоретический интерес» [1, с. 356].

Формулируя проблему, мы задаем координаты, во-первых, ее рассмотрения, во-вторых, реальности, в рамках которой, на наш взгляд, она возникла. Как правило, постановка проблемы связывается с процессом познания, поэтому относится к процедурам гносеологии. Так наука, проблематизируя реальность, стремится выявить ее закономерности. Например, почему яблоки падают на землю. Философия же занимается тем, что проблематизирует очевидность, присущую повседневному мировоззрению, и на место мнения ставит знание. Например, задаются вопросы, что такое реальность красота, справедливость истина.

Важным мы считаем осмысление онтологического аспекта проблемы. Проблемной может быть сама ситуация, когда происходит встреча с новым, еще не освоенным, и при этом перестают работать прежние схемы мировосприятия и деятельности. Проблематичность нашей ситуации может быть рассмотрена как в количественном, так и в качественном аспекте. Резко возрастает число стоящих перед обществом проблем, и они затрагивают положения, ранее воспринимавшиеся как очевидные и вытекающие из природы самой реальности.

Актуальным для нас является выявление причин, которыми обусловлена постановка проблемы места религии в современном белорусском обществе. Мы исходим из того, что они имеют прежде всего социальный характер. Беларусь прошла трансформацию от советской республики к независимому государству. Изменилось место нашей страны в мире. Оно может быть описано посредством различных характеристик: «между Россией и Европой», «географический центр Европы», «компонент восточнославянской цивилизации» и так далее, но при соблюдении базового положения о том, что Беларусь является самостоятельным государством. Также произошло изменение места религии в нашем обществе. Ранее, в соответствии с атеистической марксистской идеологией, она имела маргинальный характер. Считалось, что основную часть верующих составляют малограмотные женщины пенсионного возраста. В настоящее время религия рассматривается как неотъемлемая часть национальной традиции и как духовная основа культуры.

Необходимо осмыслить, что это означает. Актуальным, на наш взгляд, является анализ смысла различных трактовок культуры. Также в современных условиях продуктивно задать вопрос о том, что такое духовность. Мы рассматриваем ее как устремленность общества и человека к ценностям, которые считаются наиболее значимыми. Религия формирует у своих приверженцев устойчивую ценностную иерархию. Однако, следует учитывать, что, во-первых, существует много религий с принципиально различными трактовками ценностей, во-вторых, наряду с религиозной есть и другие виды духовности.

Само определение ситуации при помощи приставки «пост» задает ракурс ее рассмотрения. Во-первых, исходя из линейной трактовки истории, есть четкое различие между прошлым и настоящим. Во-вторых, для характеристики современного общества используются определения: «постиндустриальное», «постэкономическое», «постколониальное» и так далее. Для нас актуальным из этого набора являются «постсоветское» и «постатеистическое».

Первое объединяет нас с другими бывшими советскими республиками и ставит вопрос о направлении путей развития. Акцент в настоящее время делается не столько на прошлом, от которого мы уходим (его также нельзя игнорировать), сколько на настоящем, проблемы которого решаем, а также будущем, к которому стремимся.

«Постатеистическое» указывает на особый вариант секуляризации, существенно отличающийся от европейского. В Советском Союзе с религией боролись репрессивными методами, поэтому характер десекуляризации в постсоветских странах во многом определяется реакцией на атеистические преследования. При этом национальная специфика существенно влияет на то место, которое отводится религии.

Беларуси присуща традиционная поликонфессиональность и

традиционная толерантность. На начало 2024 года в стране зарегистрированы 3419 религиозных общин, принадлежащие к двадцати пяти направлениям [2]. Отношения между ними строятся на принципах равенства и диалога. Определяющей является политика государства, направленная на сохранение согласия и предотвращение конфликтов на религиозной почве.

Существуют различные трактовки места религии в современном белорусском обществе. Государство воспринимает ее прежде всего как средство воспитания и носитель духовных ценностей, что отражено, например, в соглашении о сотрудничестве между Республикой Беларусь и Белорусской православной церковью: «Государство признает, что Церковь является одним из важнейших социальных институтов, чей исторический опыт, духовный потенциал и многовековое культурное наследие оказали в прошлом и оказывают в настоящем существенное влияние на формирование духовных, культурных и национальных традиций белорусского народа» [3].

Однако следует учитывать позицию самих религиозных организаций. Их деятельность определяется соотношением со сверхъестественным. Например, христианство опирается на принцип «Царство Мое не от мира сего» (Ин.: 18, 36). Мы исходим из положения, которое настойчиво подчеркивалось многими исследователями, о том, что «без выявления "вертикального измерения" религии что-то понять в ней невозможно» [4, с. 23]. Добавим: не только понять, но и построить отношения с верующими и религиозными организациями.

Литература и источники

1. Старостин, Б. А. Проблема / Б. А. Старостин // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / Науч.-ред. совет : В. С. Степин, А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин, А. П. Огурцов. – М. : Мысль, 2010. – Т. III.
2. Религиозные общины в Республике Беларусь (на 1 января 2024 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://belarus21.by/articles/kolichestvo-religioznyh-obshhin-v-respublike-belarus-na-1-yanvary-a-2019-g>. – Дата доступа: 14.09.2024.
3. Соглашение о сотрудничестве между Республикой Беларусь и Белорусской православной Церковью [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://exarchate.by/resource/Dir0009/Dir0015>. – Дата доступа: 14.09.2022.
4. Митрохин, Л. Н. Религия и культура (философские очерки) / Л. Н. Митрохин. – М. : ИФ РАН, 2000. – 318 с.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РЕЛИГИИ В ВИРТУАЛЬНО-ИГРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ПРОБЛЕМАТИКА АДАПТАЦИИ И ХАБИТУАЛИЗАЦИИ

Н. И. Петев

Сферы развлечения и потребления в настоящее время распространяют свое влияние на все области человеческой деятельности. Вместе с тем, они адаптируют и трансформируют под свою структуру и специфику области, которые традиционно не только не были им доступны, но и в определенной степени индифферентны. Ярким примером является религия. Отметим, что несомненным является связь между искусством и религией. Последняя использует первую для своей актуализации, прибегая к специфике и влиянию эстетической сферы. Но подобная процедура всегда была связана с риском для религии потерять свое сакральное содержание. На подобную опасность еще указывал М. Вебер [4, с. 24]. Видеоигровая индустрия также включает религию вообще, а также ее отдельные компоненты в свою продукцию. Важным является то, какие метаморфозы она претерпевает, а также какова роль такой интеграции.

В качестве наглядных примеров для данной работы было выбрано три продукта видеоигровой индустрии: 1. Вторая и третья часть «Dead Space» (2011 и 2013) студии Visceral Games, и выпущенные Electronic Arts (США); 2. «Frostpunk» (2018) разработка «11 bit studios» (Польша); 3. «Resident Evil: Village» (2021) компании Capcom (Япония). В каждой из них репрезентация религии имеет свою специфику. В целом, все видеоигры интегрируют религиозный мотив двумя основными способами. Во-первых, пассивное сюжетное внедрение. Таким образом, религиозный момент имеет значение для нарратива, но влияние на геймплей отсутствует. Столкновение людологии (игрового процесса) и нарратива является дискуссионным вопросом [2, с. 13]. Иначе говоря, религия становится чем-то внешним, с чем игрок непосредственно не взаимодействует. Во-вторых, религиозный компонент интегрирован как в рамках нарратива, так и в механику игры. В данном случае, изменения затрагивают и непосредственно геймплей, то есть механизм действия и взаимодействия игрока в игровом процессе.

Каждая вышеуказанная игра раскрывает, а точнее назначает религии определенную функцию и внутреннее содержание:

1. Регулирующая религия, имеющая телеологический примат. Ярким примером является видеоигра «Frostpunk». Игрок имеет возможность выбрать одну из двух парадигм развития: «Вера» или «Закон». Это влияет на те нормы и законы, которые он может использовать в рамках игрового процесса, но также и на специфику геймплея.

2. Перспективно-апокалиптическая религия. Ее основная функция –

трансформация, в частности слияние многого воедино. Но это не схоже с идеей возрождения К. Г. Юнга [14, с. 250–253], а скорее представляет собой трансформацию материи (например, как в китайской алхимии [11, с. 16]). Данный процесс должен случиться в будущем, то есть имеет перспективный характер. Религиозный концепт подчеркивает эсхатологический и сотериологический аспекты, и связан с топиком перехода. Примером такой репрезентации религии являются вторая и третья часть «Dead Space». Религия не влияет на геймплей, но лишь является второстепенным аспектом нарратива.

3. Ретроспективно-поддерживающая религия. Ее основное назначение – изоляция и герметизм. Она олицетворяет замкнутое пространство, которое отлично от того, что находится за его границами. Это пространство определенной религии, а точнее религиозного мировоззрения, которое полностью поглощает все остальные аспекты человеческой жизни. Примером служит «Resident Evil: Village». Но и в данном случае религиозный компонент не имеет никакого влияния на геймплей, и в сюжетном повествовании играет лишь фоновую роль.

Для каждой из вышеуказанных религиозных систем был выбран свой прототип. В первом случае использовалась усеченная и упрощенная модель христианской церкви, в частности католичества. Во втором – оригиналом является общий концепт новых религиозных движений, при этом в радикальной и милитаризированной форме (например, такие организации как Народный Храм, Ветвь Давидова, Аум синрикэ и так далее, а также различные группы религиозных фундаменталистов). В третьем случае можно указать на репрезентацию «живой религии» (аналогично подобным по мнению М. Элиаде [12, с. 12]). Особенностью этой религиозной системы является то, что она «росла» и развивалась сама в себе не испытывая влияния внешних факторов. Хотя этот культ и имеет основы в себе, тем не менее, явно прослеживается заимствование из православной традиции. Все многообразие репрезентации религий в видеоиндустрии не ограничивается данными тремя типами. Так, например, вселенная «Warhammer 40.000» представляет собой столкновение средневекового христианства с политеизмом в плоскости футуризма и фэнтези, а игра «Hellblade: Senua's Sacrifice» представляет собой презентацию синтеза религии (мифологии древних германцев) и психической патологии. Стоит отметить, что З. Фрейд определял религию как невроз, а Бога интерпретировал как иллюзию [8, с. 38, с. 40, с. 50]. Юнгианство, а точнее архетипическая психология, указывает, что возникновение и актуализация богов (Бога) связано с появлением различных психических патологий [10, с. 59–63].

Но этих трех типов достаточно, чтобы сделать выводы о телеологии и этиологии интегрирования религии.

Во-первых, актуализация сюжета, геймплея и дизайна видеоигры.

Разработчики видеоигр часто обращаются к «неожиданным» решениям, чтобы избежать неких стереотипных тактик. Примером является переработка персонажей румынского фольклора и мифологии в видеоигре «Resident Evil: Village». Но вместе с тем, интегрируется реверсивный процесс стереотипизации религии. Особенно его усиливает обращение к различным социокультурным клише, в частности поп- и масс-культурным. Но вместе с тем, играющий уже имеет дело не с религией, но лишь с ее интерпретацией поп- и масскультуры.

Во-вторых, создание эмоционального напряжения и эмфаза реакции, например страха. Существует несомненная связь между страхом, а точнее ужасом и сакральным (нуминозным), в частности первое является лишь ступенью второго [7, с. 26–27]. Однако игровой процесс не только не способствует данному переходу, но и не ставит такой цели. Его цель – получить эмоциональный отклик на рафинированную модель встречи с «иным», например страх, шок, изумление.

В-третьих, использование религиозных элементов в качестве логического и структурного обоснования сюжета. В данном случае стоит указать на стереотипное введение «религиозного фанатизма». Фанатизм вызывает особый отклик в истории и массах [5, с. 129]. Он не требует логического и рационального обоснования, он догматичен, а потому способен драпировать сюжетные «дыры» и формально консолидировать нарратив. В-четвертых, имитация ухода от обыденности. Искусство, как и религия первоначально были методами ухода от обыденности, но затем утратили эту функцию [9, с. 102]. Таким образом, можно указать на тенденцию к удвоению или усилению парадигмы отчуждения повседневности. В-пятых, экзотизм, который привносят религиозные компоненты в игровой процесс и нарратив.

В действительности, это лишь часть мотиваций, которые актуализируют интеграцию религии в продукты видеоигровой индустрии. Не менее актуальным является внедрение религии в сюжет и геймплей по причине того, что данный институт имеет свою специфику легитимности насилия, силы и власти. Данный синтез имеет и реверсивное влияние, и в первую очередь на саму религию как некий социально-культурный конструкт. Хотя религия как автономный комплекс идей и практик подвергается «хабитуализации», что ведет к ее популяризации, узнаваемости и относительной релевантности (в частности запросам масс-культурной сферы), тем не менее, метаморфозы имеют и негативные последствия. Дело в том, что в рамках такой адаптации происходит редукция феномена религии. Несмотря на то, что играющий имеет дело лишь с искусственным концептом («взглядом на религию»), именно он становится отправной точкой анализа и оценки религии вообще. Итак, последняя лишается своего субстанционального характера (А. Лосев [6, с. 152, с. 258]), легитимизации социальной реальности (П. Бергер

[1, с. 45–47]), коммуникативно-гносеологической специфики (П. Буайе [3, с. 223]). Религия приобретает характер дополнительной эстетизации, то есть приукрашивания, но теряет свои существенные качества, черты и специфику.

Литература и источники

1. Бергер, П. Священная завеса. Элементы социологической теории религии / П. Бергер. – М. : Новое литературное обозрение, 2019. – 208 с.
2. Богост, Я. Бардак в видеоиграх / Я. Богост // Логос. – 2015. – Т. 25, № 1 (103).
3. Буайе, П. Объясняя религию: природа религиозного мышления / П. Буайе. – М. : Альпина нон-фикшн, 2018. – 496 с.
4. Вебер, М. Избранное. Образ общества / М. Вебер. – М. : Юрист, 1994. – 704 с.
5. Лебон, Г. Психология народов и масс / Г. Лебон. – М. : АСТ, 2019. – 320 с.
6. Лосев, А. Диалектика мифа / А. Лосев. – СПб. : Азбука, 2016. – 320 с.
7. Отто, Р. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным / Р. Отто. – СПб. : АНО «Изд-во С.-Петерб. ун-та», 2008. – 272 с.
8. Фрейд, З. Человек Моисей: психология религии / З. Фрейд. – М. : Академический проект, 2020. – 186 с.
9. Фромм, Э. Отделение от себя / Э. Фромм // Кризис сознания: сборник работ по «философии кризиса». – М. : Алгоритм, 2009.
10. Хиллман, Дж. Архетипическая психология / Дж. Хиллиан. – М. : Когито-Центр, 2006. – 351 с.
11. Чжан, Бо-Дуань Главы о прозрении истины (У чжэнь пьянь) / Бо-Дуань Чжан. – СПб. : Петербургское востоковедение, 1994. – 346 с.
12. Элиаде, М. Аспекты мифа / М. Элиаде. – М. : Академический проект, 2010. – 251 с.
13. Юл, Й. Рассказывают ли игры истории / Й. Юл // Логос. – 2015. – Т. 25, № 1 (103).
14. Юнг, К. Г. Душа и миф. Шесть архетипов / К. Г. Юнг. – М. : Port-Royal, 1997. – 384 с.

РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

Ю. П. Серeda

Особенности религиозной идентичности и детерминанты ее формирования в меняющихся технико-технологических и социально-культурных условиях во многом проявляются сквозь призму масштабной цифровизации общества. Цифровая трансформация становится своеобразным *condition humana*, т. е. сущностным фактором в формировании и развитии человека, фактором, который задает основные

параметры его субъективности и идентификации (личностной, религиозной, культурной, социальной). Наряду с этим меняются и формы религиозности, происходит смещение в нормативно-ценностной парадигме современных обществ, а также своего рода ремифологизация религиозной традиции в целом. Ряд исследователей отмечает, что изменения в корпусе культурных детерминант происходят в силу определенных и значимых парадигмально-мировоззренческих сдвигов в самих обществах [1]. Речь идет о так называемом «культурном соответствии» социальной системы. Согласно ему «изменение ценностей – это эволюционный процесс, в ходе которого "естественный отбор" проходят те ценности, что в наибольшей степени пригодны для жизни в конкретных жизненных условиях... Этот эволюционный принцип приводит к двум результатам. Во-первых, преобладающие ценностные ориентации соответствуют преобладающим жизненным условиям. Во-вторых, когда условия жизни меняются, ценностные ориентации, как правило, меняются вслед за ними – но только спустя довольно длительное время, необходимое для осознания изменившихся условий существования и для экспериментирования с новыми жизненными принципами, выявляющего среди них те, что лучше отвечают новой ситуации» [1, с. 43]. В условиях нарастающей цифровой трансформации классические (традиционные) религиозные образы переносятся в мир высоких технологий, формируют новую мировоззренческую и культурно-ценностную картину мира. Так, можно согласиться, что «мы больше не видим смысла смотреть "наверх", "в небеса", или думать о том, что Иисус "спустился с неба", поскольку небеса для нас – это система спутников и орды сверхзвуковых самолетов (большинство из которых переполнены людьми и идут не по графику). Но мы до сих пор способны переживать восход солнца, хотя живем во Вселенной Коперника и давно не используем аграрно-мифологические образы в религиозном контексте» [2, с. 133].

Действительно, особенности функционирования религиозных институтов и форм религиозности меняются в соответствии с глобальными тенденциями и их многомерным взаимодействием с социальным миром и реальностью современных обществ. Все это, так или иначе, позволяет утверждать, что происходит существенный сдвиг в расстановке ключевых социокультурных и смысло-жизненных констант человеческого бытия, а религиозные структуры выходят за пределы традиционных религиозных институтов. В поисках новых ценностных ориентиров человек сталкивается с вариативностью и альтернативностью, включая и ситуацию религиозного самоопределения. Во многом, это связано с ситуацией, когда «религия без религии – чувство религиозной трансцендентности принимает все новые и новые формы. Традиционные вероучения вмещают нечто, что они не могут вместить, поэтому сегодня мы видим, как религиозные явления вырываются из рамок религии как таковой. А

религиозные структуры воспроизводятся за пределами классических оппозиций (религия и наука, тело и душа, горний и дольний мир)» [2, с. 140]. В этой связи, в контексте рассмотрения особенностей практик индивидуального самоопределения и самовосприятия в цифровом пространстве, необходимо учитывать формирование определенной структурной дихотомии: потенциальную открытость цифрового мира и замкнутость субъекта. Речь идет о том, что перманентная корректировка индивидом своего образа, внесение в него новых детализаций и дополнений не позволяет ему достичь полноты и цельности. В меняющихся социально-культурных условиях вопрос о существовании цельного (собранного) субъекта все чаще ставится под вопрос. В сущности, субъект как цифровой субъект представляется симуляцией, он, скорее, рассредоточен, чем собран; у него мало возможностей оставаться неизменным и статичным в силу конфигурации самой цифровой реальности. Тем не менее, разнообразие и вариативность доступных для него стратегий идентификации может играть свою конституирующую роль в его самоверификации как процедуре, непосредственно связанной с рефлексией того, кем / чем он не / является в текущий момент. Потенциальная проективность цифровой идентичности не имеет ограничений и пределов, а в приоритетном статусе оказывается множественная идентичность как идентичность номадическая: «Номад утрачивает прежнюю бинарность и идентификационную закрепленность. Вместо этого он стремится к всякой детерриторизации, выходя за человеческие рамки, а его главными онтологическими качествами становятся гибкость, текучесть, гибридность. Так, номадическим субъектом выступает любой "другой", обладающий агентностью» [3, с. 262]. Следует понимать, что сопутствующая вышеописанному феномену номадичности деперсонализация является фактором усложнения и последующей трансформации основных механизмов самоидентификации современного индивида. Репрезентация его «Я» в социальном пространстве осуществляется в определенных коммуникативных практиках и представляет собой непрерывный процесс воспроизводства приемлемых для него фрагментов социального мира, культурных образов и идеалов, поведенческих шаблонов и так далее. В силу этого подлинность бытия субъектом как достижение цельности перманентно ускользает. Так, можно говорить о так называемой диффузной идентичности, которая как раз и служит примером изменений в механизмах самоопределения индивида: от конкретного (как правило, заданного внешними факторами социальной действительности) до неопределенного, смутного, неустойчивого представления о самом себе.

Так же важно учитывать, что в основании формирования новых стратегий самоидентификации в условиях цифровизации заложен так называемый «пикториальный поворот», который актуализирует роль

образов в современной культуре, включая процессы их продуцирования и (ре)трансляции [4]. В данном контексте свое особое значение играет феномен воображения и трактовка образа как симуляции технического порядка, что, в свою очередь, позволяет существенно детализировать нюансы индивидуального самоопределения и проблематизировать инкорпорированность субъекта в определенный исторический, социальный, культурный, религиозный и символический контекст фактом своего рождения. Изначально индивид может стремиться к достижению внешнего подобия с тем, что передано традицией. Идентификация происходит с полом, семьей, нацией, религией (при этом реального тождества может и не быть). Тождественность устанавливается как условное (базовое) совпадение с культурным кодом, идеалом, религиозным догматом, с чем-то установленным традицией. В таком случае идентичность предстает статичной и фиксированной. Главной процедурой в процессе идентификации является отражение и повторение формы. Соответственно, основными категориями для осмысления идентичности будут категории визуального порядка: изображение, видимость, иллюзия. Для идентичности в этом случае характерна мимикрия, имитация и симуляция. В этом отношении следует отметить, что личностная идентичность, понимаемая как похожесть, может оказаться иллюзорной, поскольку она будет формироваться на основе отождествления с чем-то внешним, не касаясь вопроса о внутреннем подобии и сходстве. Медиаисследователь К. Вульф указывает на тенденцию к формированию «*homo pictor*» – субъекта, выстраивающего свою идентичность на основании сборки образов внешнего мира в единый конструкт и производстве новых образов как результатов работы своего воображения [4]. В этом взаимодействии Вульф отводит ключевое место внутренним образам, которые характеризуют уникальность каждого субъекта и его отличие, инаковость среди других.

Таким образом, социально-философское рассмотрение специфики процессов индивидуального самоопределения в рамках формирующейся цифровой реальности позволяет сделать вывод о ее конституирующей роли. Благодаря этому возникают новые возможности для самоидентификации субъекта (включая и религиозную идентичность), но при этом меняются и ее базовые механизмы. Сегодня социальная значимость института религии оказывается нестабильной, ее основания существенно проблематизируются, преобладает рефлексивное восприятие ее фундаментальных содержательных детерминант. В свою очередь, религиозная социализация в цифровом пространстве как процесс формирования и закрепления определенных религиозных норм сталкивается с рядом противоречивых факторов, непосредственно обусловленных самим характером существующих религиозных систем, их консервативностью, неоднозначным содержанием, явной оторванностью

от технологической и социальной реальности. Важно понимать, что и сами ценностно-нормативные ожидания в обществе претерпевают изменения, так же, как и меняются устоявшиеся социокультурные стереотипы и ожидания.

Религиозная идентичность в цифровом пространстве формируется без явных ограничений (широкий спектр как индивидуальных, так и коллективных духовных практик), что позволяет проводить с ней различные эксперименты, осуществлять «примерки» заинтересовавших идентичностей. В этой связи, все большее погружение в цифровую среду способствует как явной, так и латентной декомпозиции идентификационных структур субъекта, их ценностно-символической разрозненности. В данном контексте, следует говорить, скорее, об идентификации как процессе, длящемся перманентно и, в сущности, беспрепятственно. С одной стороны, опция подбора наиболее подходящих / желаемых идентификационных образов представляется для индивида абсолютным благом, реализацией его свободы и инструментом для раскрытия его потенциала как личности в ее уникальности и единичности. Безусловно, можно согласиться, что здесь есть возможности для активного собственного «самоулучшения» и совершенствования своего «биографического» проекта. С другой стороны, подобная процессуальность ставит под сомнение существование какого-либо субъективного стержня как незыблемого фундамента для сборки «той самой» искомой подлинности и цельности субъекта.

Литература и источники

1. Инглхарт, Р. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития / Р. Инглхарт, К. Вельцель. – М. : Новое издательство, 2011. – 464 с.
2. Капуто, Дж. Религия «Звездных войн» / Дж. Капуто // Логос. – 2014. – Т. 24, № 5. – С. 131–140.
3. Багдасарьян, Н. Цифровое общество и дискурсы постгуманизма / Н. Багдасарьян, А. Кравченко // Логос. – 2022. – Т. 32, № 6. – С. 245–272.
4. Вульф, К. Ното pictor или возникновение человека из воображения / К. Вульф // Антология медиафилософии / Редактор-составитель В. В. Савчук. – СПб. : Издательство РХГА, 2013. – С. 270–283.

РЕЛИГИЯ В СЕКУЛЯРНОМ И ПОСТСЕКУЛЯРНОМ ОБЩЕСТВЕ: ОТ ПРОСВЕЩЕНИЯ К СОВРЕМЕННОСТИ

Е. В. Усова

Проблема взаимоотношений религии и секулярного общества является одним из ключевых вопросов в социальной и культурной теории.

На протяжении последних столетий мы наблюдаем сложную динамику в этой сфере – от процессов секуляризации, берущих начало в эпоху Просвещения, до возвращения религии в публичную сферу в условиях постсекулярного мира.

Секуляризация в эпоху Просвещения. Просветители XVIII века, такие как Вольтер, Дидро и Кант, стали вдохновителями секулярного мировоззрения, основанного на идеях рационализма и веры в прогресс. Они критиковали религию, считая ее силой, препятствующей развитию разума и свободы личности. Философы Просвещения выступали за отделение церкви от государства, секуляризацию образования и культуры. Их взгляды способствовали постепенному ослаблению роли религиозных институтов в общественной жизни.

Секуляризация в XX веке. В XX столетии процессы секуляризации ускорились под влиянием мировых войн, революций и распространения коммунистических режимов, которые активно вытесняли религию из публичной сферы. Теоретики секуляризации, такие как Макс Вебер и Эмиль Дюркгейм, предсказывали неизбежное «размывание» религии по мере развития модернизации и рационализации общества. Питер Бергер даже говорил о «крахе» религиозной картины мира. Однако в последние десятилетия XX века стало очевидно, что классические концепции секуляризации не в полной мере соответствуют реальности.

Возникновение постсекулярной парадигмы. На рубеже XX–XXI веков набрал силу процесс, который получил название «постсекуляризация». Философы Юрген Хабермас и Чарльз Тейлор указали на несостоятельность линейных теорий секуляризации и необходимость пересмотра отношений между религией и секулярным государством. Они констатировали возвращение религии в публичную сферу, плюрализацию и индивидуализацию религиозности. Религиозные аргументы вновь стали восприниматься как легитимные в политическом и культурном дискурсе.

Концепции секуляризации получили свое наиболее отчетливое выражение в эпоху Просвещения XVIII века. Просветители, такие как Вольтер, Дидро и Руссо, отстаивали идею автономии светского разума от религиозного авторитета. Они выступали за ограничение влияния церкви в общественной жизни и за формирование светского, рационально организованного государства.

В XIX веке концепции секуляризации получили дальнейшее развитие. Социологи и философы, такие как Огюст Конт, Макс Вебер и Эмиль Дюркгейм, разработали теории, объясняющие постепенное ослабление роли религии в условиях модернизации и индустриализации общества. Они связывали секуляризацию с процессами рационализации, бюрократизации и дифференциации общественных структур.

В последние десятилетия концепции секуляризации также активно

обсуждаются в контексте глобализации и мультикультурализма. Ряд ученых, например Сэмюэл Хантингтон, указывали на важную роль религии в современных межцивилизационных конфликтах. Одновременно отмечается усиление влияния религии в публичной сфере, в том числе в политике.

Таким образом, концепции секуляризации прошли длительную эволюцию от просветительских идей XVIII века до современных дискуссий о соотношении светского и религиозного в условиях глобализирующегося мира. Однако, с другой стороны, в последние десятилетия отмечается определенное возрождение религиозности в так называемом «постсекулярном» обществе. Люди вновь обращаются к духовным поискам, религия становится важным источником идентичности и смысла. Этому способствует кризис традиционных идеологий, возрастание роли личности, рост культурного плюрализма и неопределенности в быстро меняющемся мире.

В этих условиях можно выделить несколько возможных сценариев развития религии:

1. Дальнейшая секуляризация. Религия будет постепенно вытесняться из публичной сферы, оставаясь в приватной жизни людей. Ее социальное влияние будет неуклонно снижаться.

2. Возрождение традиционных конфессий. Произойдет усиление позиций крупных религиозных организаций, которые будут стремиться к возвращению своего прежнего значения в обществе. Возможен рост фундаментализма и консерватизма.

3. Плюрализация и индивидуализация религиозности. Будет расти многообразие верований и практик, люди будут все больше самостоятельно выбирать и конструировать свои религиозные убеждения, синтезируя различные традиции.

4. Формирование новых синкретических форм духовности. На основе различных культурных влияний и индивидуального поиска будут возникать оригинальные, эклектичные религиозно-философские системы.

Скорее всего, в реальности мы будем наблюдать одновременное сосуществование и взаимодействие этих тенденций. Религиозная сфера станет более сложной, разнообразной и персонализированной. Ее будущее будет зависеть от баланса между секулярными и постсекулярными процессами в обществе.

Религия и религиозная проблематика остаются актуальными и значимыми для современного мира по ряду ключевых причин:

1. Роль религии в идентичности и мировоззрении. Для многих людей религия продолжает играть ключевую роль в формировании их личной, групповой и национальной идентичности. Религиозные убеждения остаются важным элементом мировоззрения и системы ценностей.

2. Социальное влияние религии. Религиозные организации и

институты сохраняют значительное влияние на социальные, политические и культурные процессы в обществе.

3. Рост религиозного плюрализма. Современный мир характеризуется религиозным многообразием и взаимодействием различных традиций. Это ставит вопросы межрелигиозного диалога, взаимопонимания и урегулирования конфликтов на религиозной почве.

4. Взаимосвязь религии и глобальных вызовов. Многие глобальные проблемы современности, такие как миграция, экологический кризис, конфликты имеют тесную связь с религиозными факторами. Это определяет важность религиозной проблематики для их осмысления и решения.

5. Духовные поиски в условиях кризиса. В ситуации ценностной неопределенности, размывания традиционных идеологий, религия остается для многих важным источником смысла, утешения и духовного опыта.

Таким образом, религиозная проблематика сохраняет свою актуальность и значимость в современном глобальном мире. Она затрагивает ключевые аспекты индивидуальной и общественной жизни, оказывая влияние на социальные, политические и культурные процессы. Религия остается важным фактором, требующим осмысления и изучения в контексте современности. Эволюция взаимоотношений религии и секулярного общества представляет собой сложный и многогранный процесс. От критики религии просветителями до возвращения ее в публичную сферу в постсекулярную эпоху – этот путь отражает динамику социокультурных трансформаций последних столетий. Религия продолжает оставаться значимым фактором в современном мире, требующим внимательного изучения и осмысления.

Литература и источники

1. Всемирная история. Мир в XVIII веке : в 6 т. / Е. Б. Смилянская, О. А. Цапина. – М. : Наука, 2013. – Т. 6 : Религия и церковь в эпоху Просвещения.

2. Ремон, Р. Религия и общество в Европе: Процесс секуляризации в XIX–XX веках (1789–2000) / Р. Ремон. – СПб. : «Александрия», 2022. – 320 с.

ПЕРИОДИЗАЦИЯ РАЗВИТИЯ СЕРБСКОГО ПРАВОСЛАВИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТЕОРИИ КУЛЬТУРНЫХ ВОЙН

И. М. Цибизова

Православное вероисповедание исторически является неотъемлемой составляющей сербских образа жизни, духовности, менталитета и культурного кода [1]. Его история и современное положение неизбежно связано с культурными войнами, разными на каждом этапе развития до

XIX в. включительно.

Культурный код нации понимается как «набор основных понятий, установок, ценностей и норм», определяющих коллективное сознание, и основанный на архетипах народа [2, с. 74]. Церковь, проповедующая человеку, каким ему следует быть и к чему стремиться, – могучий его транслятор как вербальными (тексты Писания, богослужения, наставления, исповеди и др.), так и невербальными (архитектура, убранство храмов, лики святых, обрядовость, «дресс-код» и др.) методами.

Первый этап связан с начавшемся с первой половины IX в. распространением православия среди сербов и с деятельностью православных просветителей Кирилла и Мефодия, благословленных византийским патриархом Фотием на крещение славянских народов. Он начался в правление сербского князя Мутимира. Сербов крестили через несколько лет после крещения болгар. Крещение было связано с распространением новой славянской письменности – глаголицы и кириллицы (вторая половина IX в.). Библия была переведена на славянский язык [3; 4; 5, с. 7–8]. Культурная война велась за язык религии: будет ли он славянским или греческим. Славянский язык облегчал культурную войну с язычеством, делая веру доступной народу и облегчая распространение православного культурного кода. Это стало очевидным преимуществом в культурной войне православия против язычества и латинизма. Первым из сербских правителей христианство принял царь Дукли и Подгорья Иоанн (Йован) Владимир, ставший и первым христианским мучеником [4; 6]. Культ этого святого распространен среди сербских, греческих, албанских, болгарских и македонских православных, по сей день почитающих Святого Мученика как чудотворца и мироточца [4; 6]. Общий культ мог бы стать своеобразным антидотом против культурных войн, но ныне эти войны часто ведутся из-за их национальной принадлежности, места рождения, смерти и захоронения. Период знаменуется распространением культурного кода сербского православия в борьбе как против латинян, так и против греков.

Об этом периоде известно очень мало. Ряд данных, например о Владимире Йоване в XIX в., приходилось, а ныне приходится, восстанавливать из других культур. Некоторые исследователи, например С. В. Дамьянов, обвиняют в этом «культурные войны» следующей эпохи: Стефан Неманя и его потомки, утверждая собственный культурный код позаботились об искоренении культуры предыдущей эпохи, как языческих, так и христианских (см. подр. [7]). Однако не стоит забывать и об Османском владычестве.

Второй этап многие исследователи считают становлением «крестоносной Сербии» [3; 4]. Однако более правомочно назвать его начало сербского православия святого Саввы, называемого в Сербии «Светосавье». Архиепископ Савва добился автокефалии с 1219 г.

Сербской Православной церкви, против которой тщетно противостоял Охридский архиепископ Дмитрий II Хоматиан [5, с. 11–13], поскольку прежде сербы относились к ней. Автокефалия сопровождалась принятием Номоканона (Законоправила или Кормчей книги), ставшего основой не только церковного, но и гражданского права. Все проявления культурных кодов предыдущих эпох уничтожались. Ключевым фактором сербской национальной идентичности Святой Савва сделал православие [3]. В СФРЮ при недооценке сербского наследия и гонениях на СПЦ значение этого памятника замалчивалось: ссылались лишь на Законник Стефана Душана [9; 10].

В 1346 г. король Стефан Душан созвал в Скопье церковный Собор, возведший Сербскую Церковь в ранг Патриархии. Титул Патриарха приравнивался к царскому, а его резиденция, перемещенная в г. Печ, могла стать убежищем для преследуемых судом преступников [11, с. 14–15]. Византийский император Иоанн VI Кантакузин, в свое время укрывавший в Сербии от гражданской войны, уговорил патриарха Каллиста I предать анафеме тех, кто его укрывал: сербских царя, патриарха, церковь и народ, что и было осуществлено около 1353 г. Лишь в 1375 г. по инициативе афонских монахов при князе Лазаре и патриархе Савве IV было принято решение о каноничности СПЦ. На святой литургии в призренском Монастыре Святых Архангелов анафема была снята, и церкви примирились [11, с. 15–16].

Завет Святого Саввы предопределил и Косовский завет, ставший, по мнению автора, началом «крестоносной Сербии». Это не государство, ни метафора, ни метонимия, но единение крестоносных сербов с Троицей Богом, созревший между небом и землей плод исполнения святым Саввой заповеди Христовой: «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его» (Мат. 6:33) (цит. по [8]). Косовский завет прославляет не поражения, но крестоносную жертву, ведущей к Сербии Небесной [9, с. 29]. Князь на встрече с архангелом отказался от победы ради Царствия Небесного. Косовский завет в целом сплавил воедино православие с сербской национальной памятью, национальной ментальностью, определив самоидентификацию [11].

Следующим этапом становится Османское владычество, начавшееся не с Косовской битвы, но с падением Белграда в 1459 г. Мехмед Фатих (Завоеватель) закрыл Печскую патриархию, подчинив сербскую церковь греческой [5, с. 18–19]. Болгары начали отбирать у сербов приходы.

Сербы начали переселяться за Дунай. Вместе с ними шли священники. Так образовалась австрийская Военная граница, где сербов считали схизматиками [4; 5, с. 18–19].

Восстановил сербскую патриархию в 1557 г. Мехмед-паша Соколлу (Байо Ненадич из с. Соколовичи, 1505–1579). Патриарх получил титул милетбаша (тур. «вождь народа») со значительными духовными и

светскими полномочиями. Духовенство возглавляло народ, защищало, осуществляло судебную власть, выплачивало налоги, фактически заменив сербам государство [5, с. 20–21]. СПц во время рабства достигает небывалой степени духовного, политического и этнического единства, не имеющего параллелей в ее истории [12, с. 259–260]. Религия и нация в этот период слились воедино. Транслировался код земной Голгофы, ведущей к «Сербии небесной».

Из-за антитурецких восстаний, дважды возглавляемых патриархами, Печскую патриархию ликвидировали в 1766 г и восстановили лишь в 1920 г. Функции проповедника перешли к главе семьи, отсюда необычайное значение у сербов праздника Крестной Славы – святого покровителя семьи [5, с. 22–23]. В Габсбургской монархии актом борьбы за веру стал Катехизис Малый Йована Раича (см. подр. [13]) и его же «История разных славенских народов наипаче Болгар, Хороватов и Сербов» [14, с. 163–164].

Литература и источники

1. Ђорђевић, Д. Б. Социологија православља: Утемељење, задаци и перспектива / Д. Б. Ђорђевић, М. Јовановић // Могућности и донети социјалног учења православља и православне цркве. – Београд: Konrad Adenauer Stiftung, Југословенско удружење за научно истраживање религије, 2010. – С. 7–40.
2. Кузнецова, Е. В. Культурни код: к вопросу об определении / Е. В. Кузнецова // Барышевские чтения: материалы II Международной заочной научной конференции, Минск, 28 апреля 2022 г. / Белорусский государственный университет культуры и искусств; редкол.: Е. Е. Корсакова и др. – Минск, 2023. – С. 69–74.
3. Ботић, П. Крстоносна Србија / П. Ботич // Станје ствари [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://stanjestvari.com/2024/04/04/pavle-botic-krstonosna-srbija>. – Дата доступа: 05.04.2024.
4. Голубинский, Е. Е. Краткий очерк истории православных церквей Болгарской, Сербской и Румынской или Молдо-Валашской. Часть 3. Дополнения и поправки / Е. Е. Голубинский // Азбука православия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Evgenij_Golubinskij/kratkij-ocherk-istorii-pravoslavnyh-tserkvej-bolgarskoj-serbskoj-i-rumynskoj-ili-moldo-valashskoj/4. – Дата доступа: 05.04.2024.
5. Осам векова Српске цркве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nbss.rs/wp-content/uploads/2019/10/Osam-vekova-SPC.pdf>. – Дата доступа: 05.04.2024.
6. Протоирей Йован Пламенац. «Святой Йован Владимир среди нас в своей земной и небесной жизни» / Йован Пламенац, протоирей // Православие.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravoslavie.ru/96707.html?ysclid=lfz0f3rvm8230954272>. – Дата доступа: 04.08.2024.
7. Дамьянов, С. Б. Сербские литературные войны: От святого Саввы до постмодерна / С. Б. Дамьянов // Научный результат. Социальные и

- гуманитарные исследования. – Белгород : Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2017. – Т. 3, № 1. – С. 18–24.
8. Видовић, Ж. Срби и Косовски завет у Новом веку / Ж. Видовић – Београд : Српски научни центар, Пријатељи професора Жарка Видовића, 2021. – 300 с.
9. Вујић, В. Од Шпенглера до светог Саве: огледи, разговори, полемике / В. Вујић ; приред. В. Димитријевић. – Жагор : Београд, 2013. – 353 с.
10. Скурат, К. Е. История Поместных Православных Церквей. Глава 2 / К. Е. Скурат // Азбука веры [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://azbyka.ru/ otechnik/ Konstantin_Skurat/ istorija-pomestnyh-pravoslavnyh-tserkvej/ 2. – Дата доступа: 28.03.2024.
11. Раич, Р. С. Н. Проклятие князя Лазаря и сербы исламского вероисповедания / Р. С. Н. Раич // Српска.ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://srpska.ru/ article.php?nid=20456>. – Дата доступа: 28.03.2024.
12. Бабич, М. Сербский вопрос на переломе эпох. / М. Бабич ; пер. с серб. – Воронеж : Центрально-черноземное книжное издательство, 2023. – 306 с.
13. Цибизова, И. М. Реф. / И. М. Цибизова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3. Философия / РАН, ИНИОН. – 2022. – № 2. – С. 137–140. Реф. ст. : Ђаковац, А. Богословља Катихизиса Јована Рајића у друштвеном и историјском контексту / А. Ђаковац // Зборник Матице српске за друштвене науке. – Нови Сад, 2020. – Г. 171, бр. 173 (1). – С. 15–24.
14. Калиганов, И. И. Сербский историограф и поэт Йован Раич / И. И. Калиганов // Материалы для виртуального Музея Славянских Культур. Выпуск 1. Сб. науч. статей / Сост., отв. ред. И. И. Калиганов. – М. : Институт славяноведения РАН : ПОЛИМЕДИА, 2020. – С. 160–164.

РОЛЬ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

А. С. Цмыг

Актуальность темы определяется тем, что в настоящее время и в текущих условиях наблюдается устойчивый рост общественного и научного внимания к духовному, культурному и историческому наследию разнообразных религиозных течений, а в частности к углубленному изучению истории христианских церквей, так как она является неотъемлемой частью истории государства. Цель работы – показать роль римско-католической церкви в формировании национального самосознания.

Интерес к исследованию религии, религиозности, истории религиозных организаций и объединений на территории Беларуси во многом связан с сохранением, развитием, возрождением, а также трансформацией культурных и духовных традиций. На современном этапе истории религиозная карта Беларуси приобрела несколько иную по сравнению с предшествующим периодом структуру. Так, изменений

коснулись география и демография общин, степень институционализации, соотношение численности последователей и количества организаций в конфессиях.

Начиная с 90-х гг. XX века постепенно меняется государственная политика по отношению к религии, церкви и верующим. Стали возрождаться ранее действовавшие епархии и учреждаться новые. В нашей стране зарегистрировано 25 религиозных конфессий и направлений. Общая численность религиозных организаций на 1 января 2023 г. – 3590, включая 173 религиозные организации, имеющие общеконфессиональное значение (религиозные объединения, монастыри, миссии, братства, сестричества, духовные учебные заведения) и 3417 религиозных общин [1]. Пять конфессий законодательно определены как традиционные и культууроформирующие: православие, католицизм, лютеранство, иудаизм, ислам [2].

Римско-католическая церковь в Республике Беларусь объединяет четыре епархии, которые насчитывают 500 общин. Действует 6 духовных учебных заведений, 11 миссий и 9 монастырей. Общины располагают 526 культовыми зданиями, 28 строится [1]. Католичество является традиционной конфессией на территории Республики Беларусь. Католицизм – одна из религий, признанных частью истории, духовного и культурного наследия Беларуси. Римско-католическая церковь является вторым религиозным объединением в республике по влиянию и численности приверженцев. Социологические исследования показывают, что к католицизму себя относит около 10–15% верующих [3, с. 185]. История католической церкви на территории Беларуси насчитывает более чем десятивековую историю. За этот продолжительный срок многие поколения верующих впитывали традиции церкви, что не могло не оказать влияние на формирование национального самосознания Беларуси. Территориально большая часть приверженцев католицизма на территории Беларуси занимает западные области, что и проявляется в образовательной деятельности католической церкви. Так в Беларуси активно реализуются образовательные проекты, на которых преподается и изучается польский язык. Но также стоит отметить, что католическая церковь активно развивает и белорусский язык, изучается история, культура, что также влияет на самосознание представителей католической конфессии на территории Беларуси.

Римско-католическая Церковь оказывала и оказывает влияние не только на верующих, но и на общественно-политические процессы благодаря своему богатейшему опыту. Церковь и ее учение выдержали испытание временем, умело приспособившись к изменениям в мире, в государстве, в обществе, перестраивая стратегию и тактику своих действий, избавляясь от догматизма, внутрицерковных и межконфессиональных распрей. Она была и остается неотъемлемым

элементом духовной культуры Беларуси. В настоящее время Римско-католическая церковь в состоянии оказать помощь государству в решении многих духовно-нравственных, социальных, общественно-политических и культурных проблем общества.

Литература и источники

1. Религиозные объединения в Республике Беларусь // Уполномоченный по делам религий и национальностей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://belarus21.by/Articles/conf_rel. – Дата доступа: 06.11.2023.
2. О свободе совести и религиозных организациях. Закон Республики Беларусь от 17 декабря 1992 г. // Kodeksy-bel [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kodeksy-bel.com/zakon_rb_o_svobode_sovesti_i_religioznych_organizatsiyah.htm. – Дата доступа: 12.11.2023.
3. Старостенко, В. В. Римо-католицизм в современной Беларуси / В. В. Старостенко // Куляшоўскія чытанні : матэрыялы Міжнар. навук. канф., 24 красавіка 2008 г. / Рэдактары: В. М. Мартынава [і інш.]. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2008.

ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ М. САМБРАНО

Л. Е. Яковлева

В статье речь идет о философии религии испанского философа XX века Марии Самбрано. Анализ духовного состояния Европы приводит М. Самбрано к выводу, что натурализм и прогрессистский либерализм, превознося человека как высшую ценность, отказываются от своей основы – христианской трактовки человека как образа и подобия Бога. Итогом является разрушение целостности мира и вечных ценностей. Крах европейской системы ценностей делает необходимым исследование диалога Бога и человека, поскольку именно в их intersubъективных отношениях создается пространство для решения вопроса о смысле существования человека.

Подлинный опыт личной жизни человека и истории не может быть понят без «откровения», «теория, необходимая для познания откровения становится с каждым днем все более нужной ... И, если бы пришло осознание того, что истинный опыт личной жизни и истории не может обойтись без этих источников, откровение и бытие стали бы признаваться предметом этой теории» [1, с. 30]. В intersubъективных отношениях, экзистенциальный опыт человека становится открытым, что является условием возникновения религиозного опыта. В случае объективации этого религиозного опыта, появляется слово «Бог».

В своем основном труде «Человек и божественное» М. Самбрано обосновывает идею о том, что вся культура основана на системе

динамически выстраиваемых отношений между человеком и Богом в контексте времени. «Культура зависит от качеств своих богов, от той конфигурации, которую божественное принимает относительно человека, от его открытого и скрытого отношения, от всего того, что оно позволяет делать от своего имени, более того от раздора между человеком, его окружением и этой реальностью; (...) от благодати, которую человеческая душа через божественный образ вручает самой себе» [2, с. 27].

Ценность отношения человека и Бога определяется личностью как соотнесенной реальностью. Здесь М. Самбрано следует за антропологическими идеями Х. Субири. Без условия открытости другому не существует самой возможности религиозного опыта. Ключ, который открывает присутствие религиозного опыта в формировании личности и культуры, лежит, по мнению М. Самбрано, в области антропологии, которая утверждает, что только личность может «быть-самой-собой». «Не существует ни одного животного, которое нуждалось бы в том, чтобы смотреть на себя в зеркало. Человек же стремится увидеть себя. И он живет полноценно, лишь когда смотрится не в мертвое зеркало, возвращающее ему его собственный облик, а когда он видит себя живым в зеркале подобного себе» [2, с. 286–287].

Под влиянием идей своего учителя Х. Ортеги-и-Гассета, который считал отличительной характеристикой любого отношения человека сопротивление, Самбрано пишет: «Существовать значит сопротивляться, быть против, противостоять. Человек существует только тогда, когда он оказывает сопротивление своим богам» [2, с. 23]. Эта идея сопротивления является, по мнению М. Самбрано, феноменом, внутренне присущим отношениям между Богом и человеком. Религиозность и выступает как интересубъективная реальность, как непрерывный диалог человека и Бога, без которого личность не могла бы удостовериться в своем существовании.

Божественное не сводится к человеческому, но принимает различные формы в зависимости от стремлений и дел человека, поэтому «разделяет его судьбу: приходит, побеждается и даже умирает» [1, р. 136]. Кроме того Самбрано, возрождает идею ценности случайности человеческого существования, связанной с общей судьбой богов и людей. И эта идея не является абсурдной, так как испанский философ проводит различие между божественным и священным. Священный характер природных вещей состоит в их реальности, которая не постигается человеческим умом. Священное – это последняя основа реальности, которая все поддерживает и в которой все приобретает смысл, то, из чего все вырастает и куда все возвращается. А божественное это просто проявление этой реальности, те характеристики реальности, которые мы спонтанно чувствуем.

Этот постулат о священном как последней основе реальности в философии религии М. Самбрано имеет не только феноменологический смысл, но и связан с ее интерпретацией любой интересубъективной

реальности как случайной, зависимой и хрупкой. Философское исследование религиозности обязательно предполагает свободное человеческое действие и изучение влияния динамичности отношений человека и Бога на субъекта этого действия.

Поэзия делает очевидным конкретное чувство верующего человека и побуждает его объяснить самому себе, какое значение вера в Бога имеет для его существования, разрешить дилеммы своей жизни, поскольку эти дилеммы доведены до его сознания фигурой Бога, который, как он верит, обитает в нем. «Во мне я уже не живу, без Бога я не могу жить; потому что без него и без меня я не остаюсь, эта жизнь, чем она будет тогда?» – эти строки философ считает поэтически выраженным чувством испанского мистика Хуана де ла Круса [1, p. 78].

Поэзия Св. Хуана де ла Круса, по мнению М. Самбрано, есть выражение разумной веры, которая требует поэтизации – в соответствующем созерцанию языке – для того, чтобы человек познал своего Другого. Общим для мистики и поэзии являются интимные, сокровенные для человека переживания, в которых происходит выход за пределы бытия. Посредством этих переживаний человек дает себе отчет как о самом себе, так и о том, кто его определяет. Наряду с поэзией как способом выражения того, во что человек верит, существуют и другие способы выражения веры, которые должны стать объектом для философской рефлексии. Один из таких примеров множественность проявлений народной религиозности, конкретных форм того, во что верят люди.

В своей трактовке божественного М. Самбрано находится, как отмечает Родриго Пулгар Кастро, между позициями И. Канта и М. де Унамуну. «Подобно Канту она (М. Самбрано – Л. Е.) пытается дать разумное понимание веры, но под влиянием Унамуну...сосредотачивает свое внимание на анализе и описании слова (как логоса) и его философской формы, но, прежде всего, на поэтическом разуме как пути к философии религии, потому что именно священное является ее главной заботой» [3, p. 49].

Анализируя различные формы атеизма, Самбрано приходит к выводу, что каждый философский текст, отрицающий существование Бога, это приглашение к размышлению о действительности или недействительности Бога. Парадоксальность ситуации состоит в том, что атеисты не приемлют никакой формы сотрудничества между разумом и верой, разум рассматривается ими как нечто внешнее по отношению к вере и не нуждающееся в ней. В то же время, критикуя укоренившееся в различных религиях понятия высшего существа, они находят в них противоречия, противные разуму. То есть, отвергая существование Бога, выдвигают «идею Бога», так как не могут не считаться с загадкой неизвестного Бога. Из этого следует вывод, что любой продукт

человеческого разума имеет скрыто или явно связь с религиозным мироощущением. Религиозность является герменевтическим кодом для понимания жизни и смерти. Даже в самых радикальных ответах философов, отрицающих Бога, он обозначается как присутствующий, обладающий жизненно важным смыслом.

Специфика философии религии М. Самбрано выражена в стремлении понять и любить человека как поле ответа на дилемму Бога, признать ценность веры как источника аргументов в пользу божественного. Знание человека о своей собственной реальности является поэтическим в своей основе и выражается с помощью такого слова, которое свободно от языка. «Этот полет души, каким является невыразимое слово, соединенное с пением и музыкой, является наиболее полным выражением философии М. Самбрано, сравнимой с пением жаворонка» [4, p. 318].

Литература и источники

1. Zambrano, M. *Los bienaventurados* / M. Zambrano. – Madrid : Editorial Siruela, 1991. – 112 p.
2. Zambrano, M. *El hombre y lo divino* / M. Zambrano. – Mexico : D. F. Fondo de Cultura Economica, 1993. – 304 p.
3. Pulgar Castro, R. *Maria Zambrano: la actualidad de Dios* / R. Pulgar Castro // *Veritas*. – 2012. – № 27. – P. 35–55.
4. Abellan, J. L. *Maria Zambrano, Alondra de la filosofia* / J. L. Abellan // *Maria Zambrano. La vision mas transparente*. – Madrid : Editorial Trotta S. A., 2004. – P. 311–318.

Круглый стол «НИККОЛО МАКИАВЕЛЛИ: PRO ET CONTRA»

МАКИАВЕЛЛИ И ГУМАНИЗМ

С. А. Амоненко

Никколо Макиавелли по праву считается одним из самых противоречивых мыслителей в истории. Данная противоречивость проявляется как в самих работах Макиавелли, так и, в еще большей степени, в оценках, дающихся наследию флорентийского мыслителя. Макиавелли представляет собой проблему и для академического философского дискурса. С одной стороны, его труды известны своей несистемностью, непоследовательностью и отсутствием четко определенного понятийно-категориального аппарата. Вместо строгого логического и концептуального анализа в них предлагаются апелляции к историческому опыту и примерам, что совсем не вписывается в высокие стандарты, заданные академической философией. С другой стороны, невозможно отрицать колоссальное влияние идей и наблюдений, сделанных Макиавелли, на всю последующую интеллектуальную традицию социально-философской рефлексии, включающей в себя области политической теории, философии истории, осмысления войны и т. п. С этой трудностью связано и наличие крайне широкого спектра интерпретаций философских позиций Макиавелли, и в частности интерпретаций отношения его творческого наследия с ценностями и идеалами гуманизма. Несмотря на включение в 1559 г. всех сочинений Макиавелли Римско-католической церковью в первый «Индекс запрещенных книг», прямым отождествлением работы «Государь» со злом в трактате Фридриха Великого «Антимакиавелли» и того, что сам термин «макиавеллизм» в бытовом употреблении стал именем нарицательным, обозначающим пренебрежительное отношение к моральным установкам, необходимость достижения поставленной цели любыми средствами и высшую степень цинизма, актуальные философские исследования отражают более сложную картину отношений творчества великого итальянца и гуманизма.

В современном исследовательском поле наследия флорентийского мыслителя существуют два мощных, но противоречащих друг другу направления интерпретации его политической мысли [1, р. 247], которые

напрямую или косвенно, но затрагивают проблему соотношения Макиавелли и гуманизма. Первая, и более четко артикулированная из них, это традиция республиканской интерпретации творчества Макиавелли, ярко выраженная в работах Джона Покока и Квентина Скиннера, рассматривающая итальянского мыслителя как прямого продолжателя флорентийского гражданского гуманизма кватроченто и классической республиканской традиции. Макиавелли рассматривается как, хоть и самобытный, но прямой последователь возрожденческих мыслителей республиканцев и гражданских гуманистов, что выражается в его приверженности понятию *libertas*, свободы государства как политического тела от внешнего давления, и гражданской свободы каждого индивида, которая понимается как право на полноценное участие в политической жизни. Стоит отметить, что в рамках данной интерпретации почти не обсуждается дурная слава Макиавелли и его «макиавеллистский» образ.

Второе направление может быть обозначено в общих рамках традиции политического реализма. Оно представлено множеством оригинальных исследователей (Лео Штраус, Харви Мэнсфилд и др.), которые хотя и решительно расходятся во мнениях по центральным пунктам своих интерпретационных позиций, но солидарны в рассмотрении Макиавелли как первого политического мыслителя современного типа. В рамках данной традиции подчеркивается новаторство как политической мысли, так и самого языка Макиавелли, и его тотальное неприятие классических, средневековых и ренессансных традиций политической философии. Исследователи, придерживающиеся данной интерпретационной линии, подчеркивают принципиальное разграничение политики и этики в работах флорентийского мыслителя, его «реалистическое» восприятие политического мира и инструментальную концепцию политической деятельности, куда включается и его видение жестокого и безнравственного поведения как неотъемлемой части политической практики. Наследие Макиавелли дистанцируется от республиканской традиции эпохи Возрождения и, как следствие, от ее гуманистических интенций и идеалов.

Признавая доминирование данных интерпретационных подходов в современной «макиавеллистике», необходимо помнить и о альтернативных интерпретациях наследия Макиавелли, не входящих ни в республиканскую традицию, ни в традицию политического реализма. Примером подобных альтернатив могут послужить оригинальные интерпретации отношений между Макиавелли и гуманизмом данные французскими философами Морисом Мерло-Понти и Луи Альтюссером.

В своем выступлении на конгрессе посвященном политической науке, после озаглавленным как «Заметки о Макиавелли», Мерло-Понти проблематизирует саму фигуру Макиавелли и его отношение с гуманизмом. Макиавелли в его интерпретации выступает как

эссенциалист, рассматривающий сущность человека в его аффектах и постоянной включенности в борьбу, будь то борьба прямо основанная на физическом насилии, или борьба с помощью закона. Между властью и ее подданными, между «я» и «другими» не может не быть противостояния, но для предотвращения эскалации данной борьбы необходимо, чтобы правитель взрастил в себе особую политическую добродетель, «умение жить совместно с "другим"» [2, с. 209], которую и пытался выкристаллизовать в своих трудах Макиавелли. Принятие конфликта и борьбы за исток общественной жизни не значит отказ от идеалов гуманности и возможности социального консенсуса, но значит необходимость продемонстрировать процесс генезиса и трансфера власти без мистификаций, проблематизировать сам феномен человеческого сосуществования и определить занятие политикой, как участие каждого индивида в общей социальной судьбе. Именно это, с точки зрения французского философа, является основным идеологическим центром наследия Макиавелли, позволяющем считать его представителем подлинно гуманистической традиции. «Если называть гуманизмом философию, размышляющую о внутреннем мире человека, для которого не существует никаких принципиальных препятствий в его отношении с "другими", никаких неясностей в выполнении своей социальной роли, и ставящую на место политики моральную проповедь, то Макиавелли не является гуманистом. Если же называть гуманизмом философию, для которой отношение одного человека к другому и созидание общей для всех людей истории составляет проблему, то в этом случае следует сказать, что Макиавелли сформулировал несколько положений реального гуманизма» [2, с. 221].

Совершенно иную другую трактовку предлагает Альтюссер, записывающий Макиавелли в традицию философов материалистов [3], а, следовательно, и представителем «антигуманистического» течения европейской мысли. Под антигуманизмом понимается отнюдь не аморализм и уничижительное отношение к человеку, а теоретическая позиция, противопоставленная гуманизму, выступающему в виде субстанциализирующих представлений об универсальной сущности человека. Если гуманизм предписывает «человеческую сущность» каждому конкретному индивиду, наделяя его субъектностью в своей описательной системе, то антигуманизм исходит из приоритета структуры и социальных отношений, которые конструируют социальных индивидов по своему собственному образу и подобию с помощью своих идеологий. В «Государе», по мнению Альтюссера, Макиавелли впервые дает четкое описание структуры политической практики, в которой сам государь является пустым пространством, десубъективированным элементом структуры, не имеющим ничего общего с концептами «человеческой сущности» и творческого субъекта.

Приведенные примеры подходов к определению взаимоотношения идей Макиавелли и гуманизма наглядно демонстрируют теоретический потенциал мысли итальянского философа, ее поли-интерпретативность и провокационность. Современные теоретические разработки наследия Макиавелли являются образчиком не просто историко-философской реконструкции философских теоретических построений прошлого, но использования их для расширения и усложнения нашей концептуальной структуры в настоящем.

Литература и источники

1. Yoran, H. Machiavelli's critique of humanism and the ambivalences of modernity / H. Yoran // History of Political Thought. – 2010. – Vol. 31, № 2. – P. 247–282.
2. Мерло-Понти, М. Заметки о Макиавелли / М. Мерло-Понти // В защиту философии. – М. : Издательство гуманитарной литературы, 1996. – 248 с.
3. Althusser, L. Machiavelli and Us / L. Althusser. – London ; New York : Verso, 1999. – 136 p.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ «МОМЕНТА МАКИАВЕЛЛИ» В ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ

А. Ю. Дудчик

Идейное наследие итальянского мыслителя Н. Макиавелли на протяжении веков вызывает большой интерес у читателей, вызывая самые оценки и суждения. Здесь достаточно вспомнить работу «Анти-Макиавелли, или Критическое рассуждение о "Государе" Макиавелли» короля Пруссии Фридриха II, памфлет авторства М. Жоли «Диалог в аду между Макиавелли и Монтескье», современные тексты Дж. Пауэлла «Новый Макиавелли» или К. Джонсона «Менеджер Мафии. Руководство для корпоративного Макиавелли» и многие другие. Термин «макиавеллизм» получил широкое распространение, характеризуя особенности поведения в политике, деловой сфере, повседневной жизни, часто предполагающие цинизм, склонность к лжи и манипуляции и т. д. В психологии макиавеллизм обозначает личностную черту, включаемую, наряду с нарциссизмом и психопатией, в так называемую «темную триаду». Оставляя в стороне рассмотрение вопроса об обоснованности связывание всех этих неоднозначных явлений с именем Макиавелли, обозначим продуктивность проведения различия между «макиавеллизмом» и собственно взглядами, излагаемыми в текстах Макиавелли. Эти взгляды, конечно, также являются предметом существенных дискуссий между исследователями, при этом, как это часто бывает, современные научные представления об идеях Макиавелли достаточно далеки от популярного образа мыслителя.

В своем тексте я хотел бы отметить интерпретацию идей Макиавелли в работах исследователей, которых как правило относят к так называемой Кембриджской школе истории политической мысли – британцев К. Скиннера и Дж. Покока, чьи исследования связаны с изучением трансформаций западной политической мысли. В области политической философии эти исследования известны в первую очередь реконструкцией и обоснованием так называемой республиканской традиции мысли о политике, важного и влиятельного для своего времени идейного течения, исторически, однако, оказавшегося в тени более распространенных либеральных теорий. В контексте трансформаций республиканских идей и рассматривается исследователями «Кембриджской школы» деятельность Макиавелли. Наиболее полно подобная интерпретация представлена в известной работе Дж. Покока 1975 г., которую перевели на русский язык как «Момент Макиавелли», однако оригинальное название может быть переведено и как «Макиавелистский момент», что предоставляет более широкие возможности для интерпретации и в меньшей степени связывает рассматриваемое идейное содержание с фигурой Макиавелли. В дальнейшем, однако, будет использовано уже вошедшее в научный оборот словосочетание «момент Макиавелли». Методологически исследования Покока как правило относят к истории понятий, интеллектуальной истории в широком понимании либо к контекстуалистскому направлению. Действительно, Покок реконструирует идеи Макиавелли в широком контексте политических дискуссий достаточно длительного периода, показывая как его связь с концепциями прошлого (и одновременно ставя под сомнение распространенное мнение о «революционности» воззрений Макиавелли и республиканской традиции в целом, например, полемически отмечая, что «республиканская теория – это, по сути, аристотелевская политическая наука, избирательно упрощенная за счет резкого акцента на проблеме осмысления времени» [1, с. 458]), так и влияние на более поздних авторов в Великобритании и США в XVIII в. Этот сложный комплекс идей Покок и обозначает термином «момент Макиавелли». Он представляет собой, как отмечает сам автор, «непрерывный процесс в истории идей, который представляется самым многообещающим контекстом для рассмотрения вклада Макиавелли именно в эту историю» [1, с. 266]. Редакторы перевода «Момента Макиавелли» на русский язык даже пишут о различных «моментах Макиавелли», объединенных, впрочем, общими основаниями: «Различные «моменты Макиавелли» в США, Англии и Флоренции объединяет общий язык, набор сходных и почти неразрешимых противоречий и острое осознание опасности, угрожавшей существованию республики» [2, с. 828–829].

Конечно, «момент Макиавелли» является результатом выделения отдельных идей, он не отражает всего многообразия реального наследия

исследуемого автора. Он предполагает «не столько историю Макиавелли, сколько историческую презентацию Макиавелли» [1, с. 266]. «Эффективность нашего метода заключается в его способности описать процесс, действительно имевший место в истории идей, и показать, что Макиавелли и Гвиччардини были его главными действующими лицами и что их следует воспринимать в этой роли. Наша цель не заключается в том, чтобы создать полную интеллектуальную биографию – если это вообще возможно – кого-то из них» [1, с. 266]. Более того, Покок отмечает наличие в политическом дискурсе конкретного периода и даже конкретного автора наличие разных тенденций, часто противоречащих друг другу. Например, он отмечает диалектический характер «момента Макиавелли», анализируя идеи представителя так называемой «Шотландской школы» А. Фергюсона: «на примере Шотландской школы мы можем видеть, как момент Макиавелли стал моментом в диалектическом процессе... Момент являлся диалектическим в том смысле, что, хотя возможно было представить точку баланса, когда силы, содействующие развитию добродетели, и силы, подрывающие ее, находились в равновесии, историческая структура этой теории убеждала, что занимать такое положение они могли лишь кратковременно... Противоречие составляло здесь самую суть, и не существовало золотого века, в который люди могли бы вернуться. Превращение иррациональной fortuna в позитивную и прогрессивную коммерцию не изменило характера момента, когда добродетель и fortuna противостояли друг другу. Однако в диалектику вовлечены две стороны, особенно если речь идет о прогрессе и деградации, и, конечно, можно написать историю Шотландской школы, сделав акцент почти исключительно на тех аспектах ее мысли, которые считаются прогрессивными (она стремилась показать, как коммерция и специализация сформировали общество и культуру) или консервативными (она пыталась продемонстрировать, как можно сгладить конфликт между прогрессом общества и отчуждением личности или удержать их в равновесии, которое бы почти не вызывало раздражения у каждой из сторон)» [1, с. 703–704]. И, далее: «Историкам часто не удается на практике применять диалектическое мышление, которое они должны изучать; каждый тезис они воспринимают так, будто он должен полностью разъяснить определенную область знаний, противопоставляют его другому положению, относительно которого утверждается то же самое, и соединяют их отрицательной связью, построенной по принципу "или – или", "больше... чем" или "от... до..."» [1, с. 798–799]. Регулярные упоминания диалектической природы изучаемых интеллектуальных явлений могут быть основанием для определенных параллелей с гегельянским пониманием «момента», что, однако, требует отдельного исследования. Имя немецкого философа называется в книге Покока, но при рассмотрении историософских идей.

Изначальная сознательная избирательность исследователя позволяет ему на время отстраниться от рассмотрения уже ставших каноническими фигур и учений, в частности, Покок сознательно отказывается от рассмотрения идей Дж. Локка как центральной фигуры изучаемого периода: «я предположил, что в качестве исследовательской стратегии нам следует перестать думать о Локке и его "важности" и подождать, пока он снова вернется – в чем я не сомневался – в тех амплуа, в которых он в самом деле оказался влиятельным» [1, с. 798].

Таким образом, можно утверждать, что выделение «момента» в качестве предмета изучения в истории философской и общественно-политической мысли обладает определенным эвристическим потенциалом, и, в частности, позволило Пококу провести исследование, охватывающее разные исторические эпохи и регионы.

Литература и источники

1. Покок, Дж. Г. А. Момент Макиавелли: Политическая мысль Флоренции и атлантическая республиканская традиция / Дж. Г. А. Покок ; предисл. Р. Уотмора ; пер. с англ. Т. Пирусской. – М. : Новое литературное обозрение, 2020. – 888 с.
2. Атнашеву, Т. Первооткрыватель республиканской традиции, или Как заниматься политической философией с помощью истории политических языков? / Тимур Атнашеву, Михаил Велижев // Момент Макиавелли: Политическая мысль Флоренции и атлантическая республиканская традиция / Дж. Г. А. Покок ; предисл. Р. Уотмора ; пер. с англ. Т. Пирусской. – М. : Новое литературное обозрение, 2020. – С. 821–825.

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ НАЧАЛА XVI в. И ЗАДАЧИ ПОСЛА ПО МАКИАВЕЛЛИ

Д. В. Мазарчук

Макиавелли жил в эпоху перемен, которые не только Италии, но всей Западной Европы и даже всего земного шара. Конец XV – первая половина XVI в. было временем Итальянских войн – масштабной серии конфликтов между великими государствами своего времени, которые боролись за гегемонию на Апеннинском полуострове. Наряду с политическими пертурбациями и социальными потрясениями это была эпоха мощного выброса идей. Именно в эпоху Итальянских войн (1494–1559 гг.) гуманистические идеалы и традиции трансформировались в мощное движение Реформации, а позднее – и Католической Реформы (ранее распространен термин Контрреформация). Именно в это время во многих национальных государствах (Франция, Испания, Англия) вырабатывались практики взаимодействия центральной власти с

локальными элитами и местными правовыми обычаями, происходило становление государственного аппарата централизованного государства, выработывалась теория государственного суверенитета и *raison d'état*.

Макиавелли не просто жил в это бурное время, он жил этим временем, будучи непосредственным участником и – в большей степени – наблюдателем некоторых политических процессов, сформировавших облик Европы на последующие столетия. Макиавелли внес значительный вклад в развитие не только политической мысли, но и дипломатии как ключевого инструмента внешнеполитической деятельности. Будучи практиком и теоретиком, он посвятил большую часть своей жизни анализу международных отношений и дипломатических стратегий, что отразилось в его сочинениях, таких как «Государь», «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» и в многочисленных письмах.

Особое внимание он уделял роли дипломатии в условиях политической фрагментации и постоянных войн на Апеннинском полуострове. Основной акцент в его взглядах на дипломатию лежал на необходимости гибкости, обмана и прагматизма в отношениях с другими государствами. В письме, адресованном Раффаэлло Джиролами (октябрь 1522 г.), Макиавелли достаточно подробно изложил свои представления о том, как должен действовать посол, выполняя задачи в другом государстве. Это письмо можно рассматривать как руководство по дипломатической практике того времени, в котором раскрываются основные принципы и подходы, актуальные не только для западноевропейских государств эпохи Возрождения.

Никколо Макиавелли сам занимал дипломатические должности на службе Флорентийской республики. Его дипломатическая карьера началась в 1498 г., когда он стал секретарем Второй канцелярии, отвечавшей за внешние сношения Флоренции. За свою карьеру он выполнял важные дипломатические миссии во Франции, Священной Римской империи, папском Риме и при дворе Чезаре Борджа. Таким образом, он изнутри узнал всю сложность дипломатической службы в условиях, когда флорентийское государство было вынуждено лавировать между более могущественными державами, такими как Франция и Испания [1, с. 531; 2, с. 36–61].

Одним из важнейших примеров дипломатической деятельности Макиавелли является его миссия к Чезаре Борджа (1502 г.), где он проявил проницательность и умение анализировать политическую ситуацию. В своем отчете о поездке к Борджа Макиавелли описывает, как тот умело использовал дипломатические маневры для укрепления своей власти, и признает, что этот опыт оказал значительное влияние на его собственные взгляды [4]. Борджа использовал обман и угрозы, сочетая силу и дипломатию, что, по мнению Макиавелли, было примером успешной политической тактики [7, с. 319–324].

Одним из ключевых понятий в теории дипломатии по Макиавелли является *raison d'état* [5, с. 41], то есть «государственный интерес». Он полагал, что правители должны руководствоваться прежде всего интересами государства, даже если это требует нарушения моральных норм. Следуя логике рассуждений Макиавелли, дипломатия родилась из необходимости достигать своих целей теми государствами, которые являются недостаточно сильными для того, чтобы добиваться их посредством войны [1, с. 543].

По мнению Макиавелли, дипломаты не должны стесняться прибегать к обману, если это позволяет защитить интересы их страны. Как он пишет в «Государе», «разумный правитель не может и не должен оставаться верным своему обещанию, если это вредит его интересам и если отпали причины, побудившие его дать обещание» [7, с. 352]. Эта концепция получила развитие в его рассуждениях о природе дипломатических соглашений. Макиавелли указывал, что дипломатические договоренности и союзы редко бывают долговечными, так как они заключаются на основе временных интересов [7, с. 351].

Важное место в дипломатической теории Макиавелли занимала фигура посла. В своем письме к Джиролами он подробно описал задачи и обязанности посла. В частности, флорентинский мыслитель подчеркнул, что посол – не только представитель государства, но также аналитик и стратег, чьи действия могут определять судьбу государства на международной арене [3, с. 117]. Посол должен уметь вести переговоры, устанавливать доверительные отношения с иностранными властями и придворными, а также собирать и анализировать информацию, которая может быть полезна его правительству.

В целом в сочинениях Н. Макиавелли прослеживаются следующие задачи дипломата (посла). Посол должен побуждать государя, при котором он аккредитован, проводить благоприятную интересам его собственного государя политику, а также отказываться от той, которая может нанести ущерб этим интересам. Поэтому работа дипломата может включать противодействие «конкурентам», присланных из других государств. Далее, посол обязан давать своему государю советы по вопросам политики, а также во что бы то ни стало защищать его репутацию. При необходимости он должен участвовать в официальных переговорах, но главной его задачей является сбор информации. Это включает в себя ответственность за прогнозирование будущих событий.

Макиавелли обратил внимание на то, что для успешной дипломатической деятельности послу необходимо установить доверительные отношения с влиятельными лицами при дворе. В письме к Джиролами он советовал использовать публичные приемы и неформальные встречи для того, чтобы расположить к себе придворных и чиновников [3, с. 117]. Подобные контакты позволяют послу получать

важную информацию и влиять на принимаемые решения. Таким образом, посол должен уметь находить подход к разным людям, которые могут иметь разные интересы и влияние на правителя. Успешный дипломат не может полагаться только на официальные каналы, и должен использовать неофициальные источники информации, так как они часто оказываются более надежными и актуальными.

Большое внимание в письме к Джироламо Макиавелли уделяет содержанию и правилам составления отчетов (реляций) посла своему государю. Прежде всего, для дипломата необходимо составлять подробные отчеты о политической ситуации в стране пребывания, анализируя поведение правителей и придворных, чтобы собственное правительство посла могло принять правильные решения. При этом желательно, чтобы реляции высылались раз в 2–3 месяца. В отчетах посол должен проявлять осторожность, но не быть излишне скромным. Многие из того, что он выяснит может оказаться ложным или вводящим в заблуждение; тем не менее это не должно его останавливать. Для получения достоверных данных посол должен сравнивать информацию из нескольких источников, оценивать ее и выбирать то, что сам считает правдивым [3, с. 117–119].

В своих сочинениях Макиавелли подчеркивал, что дипломатия – это искусство, требующее не только знания политики, но и понимания человеческой природы, умения манипулировать и использовать людские слабости. Его идеи о дипломатии были подхвачены и развиты такими теоретиками, как Абрахам де Викфор, автор одного из важнейших трактатов по дипломатической практике в XVII в., который ссылался на Макиавелли как на основоположника дипломатической теории [6]. Несмотря на критику, Макиавелли остается одной из ключевых фигур в истории дипломатической мысли, чьи идеи сохраняют большой потенциал для использования.

Литература и источники

1. Berridge, G. R. Machiavelli: Human Nature, Good Faith, and Diplomacy / G. R. Berridge // *Review of International Studies*. – 2001. – Vol. 27. – P. 539–556.
2. Hale, J. R. Machiavelli and Renaissance Italy / J. R. Hale. – Victoria : Penguin Books, 1972. – 190 p.
3. Machiavelli, N. Advice to Raffaello Girolami When He Went as Ambassador to the Emperor / N. Machiavelli // *The Chief Works and Others* / N. Machiavelli. – Durham – London : Duke University Press, 1989. – Vol. 1. – P. 116–119.
4. Machiavelli, N. The Legations or Official Missions for the Florentine Government / N. Machiavelli // *The Chief Works and Others* / N. Machiavelli. – Durham – London : Duke University Press, 1989. – Vol. 1. – P. 120–160.
5. Meinecke, F. Machiavellism: The Doctrine of Raison d'état and Its Place in Modern History / F. Meinecke. – L. : Routledge and Kegan Paul, 1957. – 438 p.

6. Wicquefort, A. The Ambassador and His Functions / A. Wicquefort. – Leicester : Leicester University, 1997. – 430 p.

7. Макиавелли, Н. Государь / Н. Макиавелли // Избранные сочинения / Н. Макиавелли. – М. : Художественная литература, 1982. – С. 301–378.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ КОНЬЮНКТУРЫ: АЛЬТЮССЕРИАНСКОЕ ПРОЧТЕНИЕ МАКИАВЕЛЛИ

С. А. Ребров

Сама французская традиция интерпретации Макиавелли исторически не имела собственной оригинальной специфики. На протяжении долгого времени история политической философии вообще не пользовалась популярностью среди французских мыслителей, на что в свое время указывал и сам Луи Альтюссер. Вместе с этим уже после Второй Мировой войны о Макиавелли начали писать такие выдающиеся французские философы как Морис Мерло-Понти и Клод Лефор. Однако если гуманистическая интерпретация Мерло-Понти шла вразрез с точкой зрения Альтюссера, то вот политическая философия Лефора, в рамках которой макиавеллизм наряду с марксизмом рассматривался в качестве вариации реализма, отрицающего как естественную иерархию, так и историческую телеологию, оказалась близкой к альтюссеровскому подходу [1, с. 190].

Материалистическая интерпретация Макиавелли со стороны Альтюссера изначально находилась в жесткой оппозиции по отношению к иным точкам зрения на содержания идей автора «Государя». Наиболее близким теоретиком для Альтюссера в данном контексте выступил Антонио Грамши, предложивший схожую концепцию нового политического субъекта, стремящегося к созданию нового состояния посредством коллективной воли [2, с. 114]. В этом смысле функциями государя наделялась сама коммунистическая партия, выступающая в роли авангарда строительства нового общества, свободного от эксплуатации и угнетения.

С этой целью Альтюссер вводит понятие «конъюнктуры», ставшее одним из ключевых терминов его политической философии. Размышления о политической проблеме внутри конъюнктуры предполагали учет всех конкретных обстоятельств, происходящих в режиме реального времени. То есть в противовес универсальным историческим нарративам, теория конъюнктуры исходила из случайной природы самой ситуации, развивающейся непредсказуемым образом.

Базовые характеристики конкретных конъюнктур в этом смысле не зависели напрямую от естественного порядка вещей, характерного, например, для идеи рыночного общества, существующего за счет прозрачных механизмов экономического обмена. Подобно эпикурейским

атомам, сталкивающимся в пустоте, политика Макиавелли становилась самой возможностью разрыва с любой устоявшейся структурой, срок жизни которой отныне определялся исключительно за счет способности к дальнейшему воспроизводству устоявшейся системы иерархий.

Материалистический характер макиавеллистской политики в этом случае относился к характеристикам каждой конкретной конъюнктуры, состоящей из замкнутого пространства противостояния антагонистических сил. В этом смысле конечный исход столкновения враждующих акторов определяется исключительно возможностями их адаптации к изменчивому состоянию самой конъюнктуры, которая в противоположность всемирному историческому процессу не подчинялась детерминирующей логике универсальных законов.

За счет философского сближения мысли Макиавелли с идеями античных атомистов (Эпикур, Демокрит, Лукреций) Альтюссер противопоставлял непосредственно материалистическое понимание политического тем традициям в истории политической философии, которые полностью строились на телеологическом мышлении, связанным с возможностью построения максимально рационализованного общества, основанного на прозрачных механизмах человеческих взаимоотношений [3, p. 173–174].

Главное достижение самого Макиавелли, по словам Альтюссера, заключалось именно в конъюнктурном политическом мышлении, ориентированным на поиск наиболее оптимальных средств осуществления поставленной задачи в рамках конкретного замкнутого исторического пространства. Фактически итальянский мыслитель не просто отказывался от цели поиска наилучшего государственного устройства, но также выступал против самой по себе идеи универсальных законов истории и политики, детерминирующих любые возможные исходы развития событий. Посредством материалистической интерпретации содержания данного тезиса Альтюссер противопоставлял Макиавелли тем мыслителям в истории политической философии, учения которых основывались на возможности универсального объяснения природы человеческих взаимоотношений как таковых. С этой точки зрения противоположностью Макиавелли становится не только вся античная и средневековая политическая мысль, но и многие последующие теоретики универсальной истории (например, Гегель) [4, p. 9–10].

Учитывая тот факт, что именно Макиавелли, согласно Альтюссеру, являлся первооткрывателем материалистического понимания сферы политического, его конъюнктурное мышление касалось далеко не только критики универсалистского понимания исторического процесса, но и непосредственно отрицания самой по себе идеи универсального политического субъекта, способного к учреждению новой системы иерархий. Опуская тот факт, что сам Макиавелли в данном контексте явно

имел в виду именно личность, обладающую опытом и знаниями всей тогдашней ситуации, альтюссеровская трактовка феномена нового государя заключалась в рассмотрении непосредственно непредвиденных обстоятельств как основания для зарождения новой политики, реализуемой в отсутствии универсального субъекта [5, p. 123].

Исходя из этого, базовые характеристики нового государя неизбежно складываются из особенностей конкретной конъюнктуры, за пределами которой его существование просто лишается всякого смысла. В итоге отбросив отчаянные попытки различных исследователей и теоретиков – отнести Макиавелли к республиканскому или монархическому лагерям, Альтюссер делает вывод об одиночестве мыслителя в истории политической философии, которое заключалось не только в уникальности его идей по отношению к предшествующим направлениям мысли, но и в самом по себе отказе Макиавелли от первостепенности личных качеств политических деятелей в контексте учреждения нового состояния распределения ролей.

Литература и источники

1. Лефорт, К. Формы истории: Очерки политической антропологии / К. Лефорт. – СПб. : Наука, 2007. – 340 с.
2. Грамши, А. Избранные произведения / А. Грамши. – М. : Издательство иностранной литературы, 1959. – Т. 3. – 565 с.
3. Althusser, L. Philosophy of the Encounter. Later Writings, 1978–87 / L. Althusser. – London ; New York : Verso, 2006. – 299 p.
4. Althusser, L. Machiavelli and Us / L. Althusser. – London ; New York : Verso, 1999. – 136 p.
5. Lahtinen, M. Politics and Philosophy: Niccolo Machiavelli and Louis Althusser's Aleatory Materialism / M. Lahtinen. – Boston : Brill, 2009. – 327 p.

ЦЕННОСТНАЯ СИСТЕМА МАКИАВЕЛЛИЗМА

В. А. Салеев

Никколо Макиавелли родился 3 мая 1469 года во Флоренции. Считается, что в общественную жизнь он вступил в 1494 году, а в 1498 году стал секретарем Флорентийской республики, одним из пяти итальянских суверенных государственных образований (наряду с Венецией, Миланом, Римом и Неаполем). Однако историки указывали, что в это время (конец XV века) в Европе формируется «великие национальные государства» (Франция с 1477 года, Англия с 1485 года, Испания с 1492 года). В Италии все сложилось иначе. В 1492 году скончался Лоренцо Великолепный – гарант баланса пяти итальянских главных владений и Италия, не имеющая единства, а состоящая из

раздробленных княжеств, неизбежно подлежала разгрому и разграблению. Именно это наблюдал Макиавелли в год своей смерти, 4 мая 1527 года Рим захватили и разграбили Ландскнехты, а в июне Макиавелли умер.

Центральное творение Макиавелли «Государь» было написано в 1513 году. Однако уже в 1498 году Макиавелли занял пост секретаря Флорентийской республики. И за 15 лет не только приобрел опыт политического деятеля, но и смог обобщить его, разработав в «Государе» правила политического поведения государственного деятеля, особенно деятеля, наделенного властью. При этом справедливость заставляет признать Макиавелли креативным новатором: вопреки сложившемуся практически у всего человечества представлению, он вовсе не ставит специальную задачу внести обязательные элементы коварства в свои действия. Можно сказать, что он относится к проблеме как истинный философ. Более того, можно считать, что именно усилиями Макиавелли эта проблема – захват и удержание власти становится подлинно государственной проблемой, и, таким образом, создается понятие государственного интереса.

Когда знакомимся с центральным творением Макиавелли «Государем», внимание прежде всего привлекает его стиль – спокойный, раздумчивый, беспристрастный, очень напоминает выверенный научный текст. Так в главе I утверждается: «Все государства, все державы, обладающие властью над людьми, были и суть либо республики, либо государства, управляемые единовластно. Последние могут быть либо унаследованными, если род государя правил долгое время, либо новыми... Новые государства разделяются на те, где подданные привыкли повиноваться государям, и те, где они исконно жили свободно; государства приобретаются либо своим, либо чужим оружием, либо милостью судьбы, либо доблестью» [1].

И далее последовательно автор разбирает условия властного управления в государствах, строящихся на наследственном единовластии (глава II), или государствах, которые Н. Макиавелли характеризует как смешанные, т. е. те державы, к которым наследный государь присоединил новое наследие (глава III). Но уже в этой III главе, насыщенной впечатляющими примерами из истории и современной жизни Италии и соседних стран, в изложении автора чувствуется интонация, которая не может не настораживать. Это касается примеров, связанных с действиями завоевателя, которому автор рекомендует «... сделаться главой и защитником более слабых соседей и постараться ослабить сильных...».

Далее мы знакомимся с сентенцией «... страсть к завоеваниям – дело естественное и обычное; и тех, кто учитывает свои возможности, все одобряют или же никто не осудит; но достойную осуждения ошибку совершает тот, кто не учитывает своих возможностей и стремится к завоеваниям какой угодно ценой...». Последняя сентенция раскрывает

позицию Макиавелли – бесстрастная вроде констатации действий завоевателя, как бы противопоставляя действия активатора общечеловеческой морали. И в дальнейшем советы Макиавелли все более сосредотачиваются на средствах достижения поставленных целей, все более отклоняясь от моральной оценки этих деяний. Это и послужило основанием довольно распространенному мнению о том, что главное творение Макиавелли есть концентрат аморализма.

Общеизвестно, что собственная жизнедеятельность Макиавелли была полна политических метаморфоз. Сначала он был секретарем Флорентийской республики (с 1494 по 1512 год). В это время многолетние правители Флоренции Медичи были изгнаны. Заметим, когда республика рухнула (в 1512 г.) и Медичи вновь вернулись к власти, Макиавелли оказался в тюрьме и даже подвергался пыткам, потом примкнул к Медичи. Затем во Флоренции воплотилась новая республика, но Макиавелли уже не пользовался доверием и отошел на второй план в политическую тень.

«Государь», по сути, явил собой первое политологическое творение. В нем автор обнаружил характерную для лидеров эпохи Возрождения черту – первопроходчество, которое опирается на человеческий опыт и призывает к возможностям человека. Недаром Франческо де Санктис утверждал, что Макиавелли – великий политолог, предначертавший путь великого ученого Галилео Галилея. Уже говорилось, что исходным моментом для Макиавелли было государство, государственный интерес. Ради этой наивысшей цели и строится вся система «макиавеллизма». Другое дело, что в конечном итоге, эта система совершенно исключала малейшие моральные «отклонения», окончательно утвердив за собой общенародное мнение относительно того, что политика грязное дело и что занятия ею вполне могут исключить любые нравственные предписания.

Литература и источники

1. Макиавелли, Н. Государь / Н. Макиавелли. – М. : Эксмо, 2024. – 160 с.

БЕНЕДЕТТО КРОЧЕ: ПОЛИТИКА И МОРАЛЬ В ДОКТРИНЕ МАКИАВЕЛЛИ

М. В. Салеева

Политические взгляды Николо Макиавелли уже больше 500 лет порождают жаркие споры среди философов, психологов и политиков. Многие исследователи до сих пор считают доктрину Макиавелли «еще не полностью раскрытой» (Кассирер). По мнению итальянского философа Бенедетто Кроче: «Макиавелли – это проблема, которая никогда не будет решена».

Бенедетто Кроче рассматривал доктрину известного соотечественника в своей работе 1925 года «Элементы политики», и 1928 «Моральные аспекты политической жизни» [1], а так же он регулярно освещал в своем журнале «Критика» новейшие исследования социально-политического кредо Макиавелли, часть из них рецензируя лично.

Характеризуя место Макиавелли в историческом контексте он пишет: «[он] был единственным среди великих людей, кто, не испытывал и не мог испытывать недостатка в славе, безусловно причитающейся ему по величию ума, но тем не менее слава эта как бы омрачена, а его собственное имя стало нарицательным, оно звучит как синоним вероломства и бесчестия» [1, р. 135].

Кроче не принимает представление Макиавелли в качестве разоблачителя тиранов. Ему ближе образ Макиавелли как яркого патриота, но и в этом, на его взгляд, не отражена вся полнота этой выдающейся исторической личности.

Значение трактата «Государь» в утверждении «автономии политики» неоспоримо. В нем Макиавелли формулирует эту автономию как принцип, согласно которому политические действия, которые направлены на создание новых государственных порядков, не могут оцениваться в соответствии с этическими критериями, применимыми к обычным человеческим действиям.

По мнению Кроче, тот факт, что Макиавелли признал необходимость определенных политических действий (иногда сомнительных с моральной точки зрения) было истолковано неправильно или получило чрезмерно упрощенную интерпретацию. Итальянского дипломата нельзя воспринимать как простого летописца, который документировал современную ему политическую практику. Он привнес в свои наблюдения философский вклад, утверждая автономию политики от морали. При этом он не отрицает моральные ценности, но считает, что политика обладает автономной силой. Кроче считает, что анализ доктрины Макиавелли должен выходить за рамки моральной оценки, необходимо исследовать его положения, прежде всего, с позиций философии морали. Макиавелли поддерживает автономию и позитивную направленность как политики, так и морали, стремясь к философскому примирению между ними. «Политика не является ни моралью, ни отрицанием морали, то есть злом, но имеет свое положительное и отчетливое бытие как жизненная сила, которую никакая другая сила не может ниспровергнуть и никакое рассуждение не может стереть, подобно тому как то, что необходимо, не преодолевается и не стирается» [2].

Анализируя непрекращающиеся споры о философии Макиавелли Кроче утверждает, что этот вопрос касается не только моральных аспектов, но и основ философии. Философ упрекает современных исследователей в отсутствии спекулятивной логики в трактовке работ

Макиавелли. Кроче проводит различие между эмпирической логикой и философской логикой, утверждая, что идеи Макиавелли по своей сути философские, включающие ценности и категории, которые требуют диалектического понимания. «Философские понятия всегда связаны со своими противоположностями, а эмпирические – никогда».

Разбирая идеи Макиавелли, Кроче подчеркивает необходимость строгой философской обработки мысли Макиавелли для понимания разделения и взаимодействия политики и морали. По его мнению, внутренняя сложность работ Макиавелли требует особого философского подхода. «Макиавелли открыл необходимость и автономию политики, политики вне морального добра и зла, которая имеет свои собственные законы, против которых бесполезно бороться, которую нельзя изгнать из мира святой водой. Это концепция присутствует во всех его работах и которая, хотя и не сформулирована с той дидактической точностью, которая свойственна философии, тем не менее является глубоко философичной и представляет собой фундамент философии политики».

Разделяя идеи Б. Кроче, Федерико Шабо, еще один авторитетный исследователь доктрины Макиавелли (рецензию на работу «О Государе» Кроче опубликовал в «Критике» 1924 г.), поддерживает эту точку зрения. Шабо утверждает, что великое достижение Макиавелли как мыслителя заключается в признании им необходимости и самостоятельности политики. Это признание, по мнению Шабо, разрывает их средневековое единство и характеризует Макиавелли как одного из новаторов современного видения духа, подчеркивающего независимость политики от традиционных моральных норм [3, p. 99–100].

Кроче не ограничивается определением Макиавелли как пессимиста, для которого политика – это «печальная необходимость», но иногда для него политика – это еще и «возвышенное искусство создания и поддержания того великого института, которым является государство».

Именно последнее понятие разделяет с Кроче и Антонио Грамши, но, в отличие от Кроче, они подчеркивают разницу между политикой нового государя, стремящегося создать и поддерживать государство, и политикой тирана.

Грамши утверждает, что Макиавелли более многогранен и «более демократичен» в своих целях, чем это утверждается в демократических интерпретациях. Однако «демократичность» Макиавелли действительно должна интерпретироваться в контексте его времени, времени формирования абсолютных монархий: «Кажется, что намерения Макиавелли при написании "Государя" были более сложными».

По мнению Грамши, «взгляд Кроче проблематичен именно потому, что он рассматривает учение "Государя" как "нейтральную науку" и при этом не учитывает исторический контекст Макиавелли. Сложилась привычка рассматривать Макиавелли как "политика вообще", как

"политолога", современного во все времена» [4, p. 1572]. Как в макиавеллистских, так и в антимаккиавеллистских рассуждениях не обращается внимания на то, что правители не могут извлечь ничего полезного из политических учений Макиавелли, поскольку они уже обладали необходимыми политическими навыками, а народ – нет, и поэтому учения Макиавелли полезны именно для последнего.

В последней работе или скорее заметке «Что сделал и что... [должен сделать Макиавелли]» (1950) Бенедетто Кроче утверждает, что в Макиавелли его «восхищает ясность, твердость и энергичность, с которой выражены основополагающие принципы этико-политической жизни». Но отмечает, что Макиавелли утверждает, что политика не оправдывается необходимостью отвечать злом на зло и эгоизмом на эгоизм, но долгом служить отечеству, которому служат самопожертвованием, а не преступлениями против человечности, как это бывает у фанатиков [5]. Именно в этом направлении неаполитанский философ и предлагает поразмышлять современным исследователям Макиавелли.

Литература и источники

1. Croce, B. *Etica e politica* / B. Croce. – Adelphi, 1994. – 490 p.
2. Croce, B. *Una questione che forse non si chiuderà mai: La questione del Machiavelli* / B. Croce // *Quaderni della «Critica»*. – 1949. – № 14 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rosa.uniroma1.it/rosa00/index.php/quaderni_della_critica/article/view/1938. – Дата доступа: 10.09.2024.
3. Chabod, F. *Del «Principe» di Niccolò Machiavelli* / F. Chabod // *Scritti su Machiavelli, introduzione di C. Vivanti*. – Torino : Einaudi, 1993. – 415 p.
4. Gramsci, A. *Quaderni del carcere* / A. Gramsci. – Torino : Giulio Einaudi Editore, 2014. – p. 3370
5. Croce, B. *Ciò che il Machiavelli fece e...* / B. Croce // *Quaderni della «Critica»*. – 1950. – № 17–18 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rosa.uniroma1.it/rosa00/index.php/quaderni_della_critica/article/view/1655/1653. – Дата доступа: 10.09.2024.

Н. МАКИАВЕЛЛИ И Т. МОР: КОНЦЕПЦИЯ ИДЕАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Н. М. Шахназарян

В русле гуманизма (*studia humanitatis*) как философской основы эпохи Возрождения формируются различные направления (этический, неоплатонический, гражданский, христианский гуманизм), решающие проблему формирования героической личности эпохи Возрождения («Речь о достоинстве человека» Мирандолы (*Mirandola*, 1463–1494), призванного достичь гармонии этической, интеллектуальной, деятельной природы

человека-творца. К началу XVI века (войны в Италии, Франции, Испании, Реформация в Германии и Англии) обострение социально-исторических, политических, религиозных противоречий вызывает необходимость осмысления государственной формы устройства общества на пути к его сохранению или утраты, расцвету или упадку. Макиавелли *«первый стал изучать человека и человеческие отношения не с этической, а с социологической точки зрения»* [1, с. 223]. Почти одновременно появляются книги выдающихся гуманистов и государственных деятелей своей эпохи, оказавшие основополагающее влияние на развитие европейской политической мысли – «Государь» (*Il Principe*, 1513) Никколо Макиавелли (*Niccolò Machiavelli*; 1469–1527) и «Утопия. Золотая книжечка, столь же полезная, сколь и забавная о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия» (*Utopia*, 1516) Томаса Мора (*Thomas More*, 1478–1535).

«Государь» Макиавелли не был опубликован при жизни автора, приступившего к его написанию после отлучения от многолетней активной политической деятельности на посту секретаря Флорентийской республики (впервые издан в 1832 году в Риме). Напротив, «Утопия» Мора, изданная на латинском языке в Лувене усилиями Эразма Роттердамского в 1516 году, обрела мгновенную славу. Если Макиавелли создал свою концепцию государя и государства после драматического опыта тюремного заключения, угрозы смертной казни за ложное обвинение в заговоре, то Мор написал роман с критикой Англии и проектом идеального государства до трагического восхождения на эшафот в Тауэре после службы в должности лорда-канцлера королю Генриху VIII, чей «Акт о супремации» он не принял.

Обе книги объединяют подчеркнутая авторами *«важность предмета»* и устремление *«обсуждать и направлять действия государей»* для блага своей родины [2]. Однако для Макиавелли достойный правитель мыслится как спаситель Италии, истерзанной захватами чужеземцев (*«пусть после стольких лет ожидания Италия увидит, наконец, своего избавителя»*, гл. 26) [2]. Мор предлагает модель усовершенствования государства-острова, осуществляющего политику двойных стандартов – справедливый и благополучный мир для себя и несправедливый, жестокий порядок для колоний. Англия находилась на пути к завоеванию исключительного положения морской державы в соперничестве с Испанией, над которой одержала верх после морского сражения с Непобедимой Армадой в 1588 году. Для достижения данной цели необходимы не столько идеальный правитель, сколько продуманная и устойчивая система его избрания и направления его политики при помощи тактики *«сдержек и противовесов»*. Макиавелли раскрывает и обосновывает личные качества правителя на пути к власти: проявление доблести, использование благоприятных обстоятельств, способность к

совершению преступления, умение расположить к себе сограждан. В то же время он подчеркивает бесславный характер власти, добытой преступным путем. Термин макиавеллизм, связанный с оправданием любых средств на пути к цели, как видно, не соответствует идеям Макиавелли на самом деле. В отличие от Макиавелли Мор в большей степени акцентирует внимание на обосновании принципов политической системы, гарантирующей приход к власти достойного правителя, защищающего законы, направленные на благоденствие всех граждан общества, равных перед законом. Макиавелли объясняет предпочтение наследования власти правителем его избранию: *«Давнее и преемственное правление заставляет забыть о бывших некогда переворотах и вызвавших их причинах, тогда как всякая перемена прокладывает путь другим переменам»*, гл. 2) [2]. Мор предлагает двунаправленный способ выбора правителя на пожизненный срок: *«Все сифогранты, числом двести, после клятвы, что они выберут того, кого признают наиболее пригодным, тайным голосованием намечают князя, именно – одного из тех четырех кандидатов, которых им предложил народ»* [3, с. 21]. Отличительные черты республиканской системы выбора правителя сочетаются в «Утопии» с принципами конституционной монархии, поскольку глава государства может быть отстранен от власти в случае тяжелой болезни или нарушения закона. В обязанность правителя входит защита от внешней опасности и согласие внутри страны. Макиавелли настаивает на собственной регулярной армии, защищающей государство, обосновывая недостатки и ненадежность армии из наемников. Мор допускает использование наемников (заполитов) для наиболее опасных заданий, однако также обосновывает всеобщую готовность граждан к защите от внешнего врага. Относительно методов завоевания чужих стран оба автора высказывают схожие сценарии: разрушение, заселение, дань (Макиавелли), подкуп, переворот, война (Мор). По мнению Макиавелли, правитель должен быть бережливым, а не щедрым, внушать более страх, чем любовь, уметь обманывать, чтобы защитить свои интересы (*«сколько соглашений не вступило в силу или пошло прахом из-за того, что государи нарушали свое слово, и всегда в выигрыше оказывался тот, кто имел лисью натуру»*, гл. 18) [2].

Интересно, что Макиавелли не упоминает Англию среди европейских стран, к опыту политической жизни которых он обращается, приводя различные примеры. Чаще всего он называет Францию, положительно оценивая роль ее парламента, примиряющего интересы знати и народа, далее Испанию, Германию, но никогда Англию. Косвенным доказательством того, что роман «Утопия» был все же знаком Макиавелли, является его отрицательное отношение к изображению вымышленных стран и правителей, тогда как реальность, по его мнению, – единственная сфера рассуждений о политике (*«...я предпочел следовать правде не воображаемой, а действительной – в отличие от тех многих,*

кто изобразил республики и государства, каких в действительности никто не знал и не видывал», гл. 15) [2].

Макиавелли от собственного лица излагает взгляды на лучшие способы управления государством. Мор слушает рассказ об идеальном острове из уст вымышленного героя-путешественника Рафаэля Гитлодея и предлагает ему стать советником государя в деле улучшения управления государством. В то время как литературный герой выражает сомнение в возможности подобной помощи единоличному правителю, сам автор – Мор – согласился на эту роль, веря в возможность усовершенствования деятельности правителя под влиянием мудрого советника. Роль советника подчеркивает и Макиавелли, однако в ограниченной степени (*«добрые советы, кто бы их ни давал, родятся из мудрости государей, а не мудрость государей рождается из добрых советов», гл. 15) [2].*

Существенное отличие мировоззренческих взглядов Макиавелли как представителя гражданского гуманизма и Мора, верившего в идеалы христианского гуманизма, определяется их опытом активного участия в политической жизни своих стран, чрезвычайно отличных друг от друга. Для Макиавелли превыше всего были интересы и выгоды своей страны, во имя которых правителю можно поступиться моралью. Мор служению государю предпочел служение Богу и добровольно принял приговор. Благодаря книге Макиавелли «Государь» острый конфликт между исторической необходимостью и нравственным законом в действиях правителя актуализируется с новой силой в каждую последующую эпоху.

Литература и источники

1. Дживелегов, А. К. Творцы итальянского Возрождения : в 2 т. / А. К. Дживелегов. – М. : Терра, 1998. – Т. 2. – 352 с.
2. Макиавелли, Н. Государь / Н. Макиавелли [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.booksite.ru/fulltext/mak/eav/ell/makeavelli/gosudar/index.htm>. – Дата доступа: 05.10.2024.
3. Мор, Т. Утопия / Т. Мор [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://loveread.ec/read_book.php?id=37954&p=21. – Дата доступа: 02.10.2024.

МАКИАВЕЛЛИЗМ СИЛЬВИО БЕРЛУСКОНИ

А. И. Щербинина

Творчество Никколо Макиавелли вызывает огромный интерес читателя во всем мире, с момента издания работы «Государь» (1532), так и до настоящего времени. «Великий инициатор подлинно ренессансной философии истории, причем истории, понятой циклично, оказал мощное влияние на все последующие опыты в этой сфере, тень специфического историзма этого самого блестящего из мыслителей Флоренции до сих пор

витают над сочинениями мировой историологии» [1]. Произведение получило невероятную популярность и признание. На протяжении пяти веков человечество продолжает спорить о взглядах небезызвестного флорентийца. Некоторые философы и политики возносят его до небес, утверждая, что он открыл лучшие на данный момент методы эффективного управления в современной политике. В то же время другие рассматривают его как человека, открывшим врата ада, предоставляющее безнравственным правителям стран руководство по безжалостному управлению людьми.

Джанфранко Прескино, автор статьи «Макиавеллизм» для итальянской онлайн энциклопедии «Treccani», определяет следующие особенные черты макиавеллизма: «в сдерживающем сочетании цинизма, жестокости, развязности и безнравственности, причем без определенного порядка. С точки зрения Макиавелли, законы политики не имеют ничего общего с моральными заповедями, тем более религиозными» [2].

«Макиавеллизм принято характеризовать, как предрасположенность человека использовать тонкие, едва заметные или не агрессивные на физическом уровне способы манипуляции в коммуникации, такие как лесть, обман, подкуп или запугивание» [3, с. 122]. Макиавеллизм – это понятие, которое глубоко укоренилось в литературе и ассоциируется с такими принципами, как «цель оправдывает средство» или «сначала успех, затем мораль». Западные психологи используют этот термин для описания человеческой склонности к манипуляции в межличностных взаимодействиях, особенно, когда индивид скрывает свои истинные намерения, прибегая к фальшивым уловкам, чтобы изменить цели партнера, зачастую без его ведома.

Почему же Берлускони называют современным Макиавелли? Работы Никколо Макиавелли, политика и философа конца XV века из Италии, служили полезным материалом для анализа того, как власть формирует политическую деятельность и институты, как с положительной стороны, так и с отрицательной. Можно ли установить связь идей Макиавелли с тем, что воплотил на практике наш современник, который, по мнению политологов, установил новый уровень аморальности в политике, стерев границы между законным и незаконным применением власти, как будто их никогда и не было. Когда речь идет об абсолютной власти, мы не можем обойти вниманием термин «берлусконианский» [4]. Несмотря на то, что это звучит не так элегантно, как «макиавеллевский», Сильвио Берлускони, достигший больших высот в итальянской политической иерархии и четырежды занимавший пост председателя совета министров Италии (9 лет – дольше всех в послевоенной Италии), заслуживает нашего уважения и признания.

Несколько лет назад (если быть точным, в 1992 году) в его издательстве «Silvio Berlusconi Editore» вышло издание «Государя» с

примечаниями, приписываемыми Наполеону (которые, как выяснилось позже, были сфальсифицированы), но прежде всего с предисловием Сильвио Берлускони, тогдашнего главы Fininvest. Вот что писал об этом Нелло Аджелло в 1998 году: «Абсолютно подлинными, однако, и очень похожими, являются мысли, которые тогдашний босс "Fininvest" высказывает в предисловии». По Макиавелли, его возбуждает «непреодолимое притяжение к объекту власти», которую нужно завоевать, «если необходимо, действуя за пределами сферы морали». Чтобы развеять скуку, нам на помощь приходит на ум стратегия Берлускони. Это своего рода управленческий рецепт использования доктрины Макиавелли. «В каждом действии создавай себе репутацию великого и отличного человека» [5]. Или: помните, что все видят, кто вы есть, но немногие слышат, кто вы есть. То есть восхваление эгоизма (самовлюбленность) и забота об имидже. Несколько спасает финал эссе, в котором говорится о призыве Макиавелли «к тому, чтобы Италия, после столь долгого времени, увидела одного из своих спасителей». Кто же здесь имеется в виду? Загадка, окутанная тайной, висит над этими культурными начинаниями Берлускони образца 1992 года.

На наш взгляд, стоит взглянуть с другой стороны на главу XVIII «Государя», особенно на те места, где упоминается о том, как важно манипулировать людьми, чтобы получить над ними власть: «Однако натуру эту надо еще уметь прикрыть, надо быть изрядным обманщиком и лицемером, люди же так простодушны и так поглощены ближайшими нуждами, что обманывающий всегда найдет того, кто даст себя одурачить». И еще: «Пусть тем, кто видит его и слышит, он предстает как само милосердие, верность, прямодушие, человечность и благочестие, особенно благочестие. Ибо люди большей частью судят по виду, так как увидеть дано всем, а потрогать руками – немногим. Каждый знает, каков ты с виду, немногим известно, каков ты на самом деле, и эти последние не посмеют оспорить мнение большинства, за спиной которого стоит государство. О действиях всех людей, а особенно государей, с которых в суде не спросишь, заключают по результату, поэтому пусть государи стараются сохранить власть и одержать победу. Какие бы средства для этого ни употребить, их всегда сочтут достойными и одобряют, ибо чернь прельщается видимостью и успехом, в мире же нет ничего, кроме черни, и меньшинству в нем не остается места, когда за большинством стоит государство» [5]. Перефразируя: большинство людей – глупцы, которые видят то, что кажется, а не то, что есть. А те немногие, кто знает и не принадлежит к «vulgo» (толпе), так называемому множеству, не имеют веса и не обладают силой и смелостью, чтобы противостоять аплодирующему большинству.

В итоге можно сказать, что Макиавеллизм, с его принципом «*il fine giustifica i mezzi*» (цель оправдывает средства), акцентирует на том, что в

политике ради достижения власти можно использовать любые методы, включая цинизм, жестокость, притворство и аморальность. Эти понятия хорошо отражают политическую стратегию Сильвио Берлускони, который был известен своим прагматизмом и готовностью идти на компромиссы с моралью ради достижения своих целей. Манипуляции медиа, судебные скандалы и игнорирование общественной критики – все это подчеркивает схожесть его действий с макиавелистскими принципами управления.

Литература и источники

1. Лимонов, В. А. Философия истории Никколо Макиавелли / В. А. Лимонов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-istorii-nikkolo-makiavelli>. – Дата доступа: 07.09.2024.
2. Machiavellismo – Enciclopedia – Treccani [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.treccani.it/enciclopedia/machiavellismo/>. – Дата доступа: 07.09.2024.
3. Знаков, В. В. Методика исследования макиавеллизма личности / В. В. Знаков // Сибирский психологический журнал. – 2001. – № 13–14. – С. 122–128.
4. Is Berlusconi the New Machiavelli? – WBEZ Chicago [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wbez.org/worldview/2009/11/03/is-berlusconi-the-new-machiavelli>. – Дата доступа: 07.09.2024.
5. Макиавелли, Н. Государь / Н. Макиавелли. – М. : Эксмо, 2024. – 160 с.

КАНТ И МАКИАВЕЛЛИ. РАЦИОНАЛИЗМ СЕВЕРОЕВРОПЕЙСКИЙ И СРЕДИЗЕМНОМОРСКИЙ

М. А. Юсим

Сопоставление Иммануила Канта и Никколо Макиавелли в конце XX – начале XXI века стало довольно популярным, причем в разных контекстах, и основной темой, привлекающей в этой связи исследователей, является так называемая морально-политическая проблема: вопрос о соотношении политики (области деятельности, особой ее сферы) и морали (свода правил, принципов долженствования). Он конкретизируется в подвопросах о цели и средствах, о «макиавеллизме», об идеях «категорического императива» и «морального политика» и т. д.

При этом Макиавелли и Канта сопоставляют как философов, хотя Макиавелли не был философом в собственном смысле слова, он был человеком и мыслителем Возрождения; у него нет выстроенной системы, он говорил о себе, как об исследователе «государственного искусства» (*arte dello stato*), уже в Новое время его стали рассматривать в качестве политического философа и основоположника политологии. Кант же – один из столпов классической немецкой философии, систематически и подробно изложивший свои идеи о теории познания, мире и человеке.

Как бы то ни было, влияние обоих мыслителей по их воздействию на науку Нового времени иногда сопоставляют с Коперником: Кант перевернул принцип эпистемологии, утверждая, что главную роль в познании играет активный человеческий разум, опирающийся не столько на опыт, сколько на априорное знание. Макиавелли, напротив, призывал опираться на опыт (наряду с историей, представленной в первую очередь античными авторами), что сделало его одним из основоположников научного подхода Нового времени и отождествляемого с ним «политического реализма».

Для того чтобы вынести взвешенное суждение о сходстве и различии учений Макиавелли и Канта необходимо отталкиваться от соотношения общих идей (философии) и феноменов, вещей в их реальном бытии, во времени и пространстве – истории.

Кант, если употребить средневековую терминологию, – реалист, он признает независимое существование идей (вещей в себе), но дополняет это положение некоторым номинализмом, утверждая, что знание о вещах субъективно и что в конечном счете они для человека недоступны. Применительно к вопросу о политике и морали ключевым моментом является идея рациональности. Кант исходит из того, что политика есть практическое учение о праве, а мораль – теоретическое учение о нем. Он возводит политику и мораль к общему формообразующему разумному принципу, «праву». Отсюда довольно банальное пожелание к моральному политическому – всегда жертвовать эгоизмом и «привести дела в соответствие с естественным правом как идеей разума» [1, с. 40]. Разум, по Канту, – средство (чистый разум) и одновременно источник (практический разум) познания. Вопрос о соотношении целей и средств у него решается априорно – законная цель должна достигаться только моральными средствами, подсказываемыми категорическим императивом.

Однако понятие рациональности применительно к человеческой деятельности (и в принципе для всей живой природы), которая протекает во времени, а не в мире неизменных идей, строится как раз на антиномии целей и средств. Жизнь есть самоцель (и соответственно, высшее благо), которая порождает сложную иерархию других целей и ведущих к ним средств, используемых в природе и в обществе, иными словами, сложную иерархию целей и ценностей. Цель и средство по определению неравноценны, цель всегда выше средства и с точки зрения рациональности всегда оправдывает средство, – иначе их соединение теряет смысл. Но цели и средства в упомянутой иерархии могут меняться местами, это лишь понятийные обозначения двух параметров действия: конечного пункта, результата (если использовать образ движения) и ведущих к нему путей. Идея ценности существует только в этом сопоставлении (если не говорить о количественной стороне), хотя для Канта такое понимание было бы навряд ли приемлемо. Его категорический

императив есть не что иное, как известное с библейских времен «золотое правило морали» – не делай другому того, чего себе не желаешь.

По сути дела, это правило представляет собой частный случай рациональности применительно к обществу. Цель индивида (и любого живого существа) – сохранить и обеспечить собственную жизнь, жизнь вида и т. д. Поскольку люди живут в обществе, цель морали – ограничить те индивидуальные проявления, которые мешают коллективу, ограничить свободу отдельных его членов, если она вредит другим его членам. Эта цель вполне рациональна, и в данном случае постулаты морали являются всего лишь средством для достижения главной цели – общего блага, или выживания, упорядоченной жизни общества. Политика и ее основной институт – государство, служат той же цели, и если мораль есть своего рода насилие (хотя бы как ограничение), а право есть узаконенное насилие или ограничение свободы, то государство насильственными средствами обеспечивает соблюдение этих ограничений – ограничений, сформулированных в законе, и в конечном счете апеллирующих к морали.

Мораль в целом исходит из общечеловеческих принципов, из общности человеческой природы, т. е. из достаточно отвлеченных прав на жизнь, свободу, достоинство, справедливость (это главный принцип – принцип равенства). Но на практике моральные предписания в разных исторически существовавших обществах в высшей степени разнообразны и потому относительны, даже если брать самые главные из них. Нередко говорят, что эти главные предписания сформулированы в Десяти заповедях Моисея: «не убий, не укради», но если посмотреть другие заповеди, они оказываются далеко не универсальными.

Все эти рассуждения плохо вяжутся с тезисами Канта о категорическом императиве, хотя главные правила общечеловеческой морали действительно глубоко коренятся в людском сознании как благодаря воспитанию в культуре, так и их природным основаниям, так и их природным основаниям, и добродетель действительно является самоцелью, не нуждающейся в выгоде и принуждении.

Что касается Макиавелли, то его мысль о невозможности всегда следовать в политике общепринятым правилам раскрывает вышеописанную связь как морали, так и политики с рациональностью. Мораль есть частный случай рациональности, исключаящий или ограничивающий избрание тех целей и использование тех средств, которые противоречат человеческой общности. Политика также строится на рациональности и в принципе должна была бы исходить из правил морали (что соответствует тезисам Канта), но в силу противоречия, условно говоря, между эгоизмом и альтруизмом, не может строго им следовать. И более того, она не должна им следовать именно ради их соблюдения, государство использует упорядоченное, узаконенное насилие во избежание худших насилий. Например, на войне делается изъятие из

главного принципа «не убий», и убийство врагов становится целью, поскольку воюют коллективные индивиды, которые не составляют упорядоченного общества и у которых нет высшей силы, принуждающей к миру (как внутри общества).

Таковы принципы, от которых отталкивается Макиавелли. Он говорит о том, что нужно показывать настоящие, а не воображаемые государства, что государь должен быть кентавром (жить по человеческому закону, но иногда подражать животным – льву и лисице, героям, кстати, множества басен). Государя судят по его успеху, а для успеха бывает необходимо не столько быть кем-то, сколько казаться, потому что некоторые качества (скажем, чрезмерная щедрость) на деле бывают губительны. Макиавелли говорит о качествах и их переходе в крайности, об относительности понятий добра и зла [2, с. 402–411] (Между прочим, говоря об иерархии правил, он утверждает то же, что евангельский Христос: «Суббота для человека, а не человек для субботы»). И что любопытно, по видимости и по успехам судит масса, толпа, «а на свете всюду одна лишь толпа» [2, с. 411]. Принцип «цель оправдывает средства» он даже высмеивает в комедии «Мандрагора».

Кант также делает оговорки, уступая требованиям реальности, но они меркнут перед метафизическим идеалом [3, р. 92–93]. В итоге и Кант, и Макиавелли признают, что нравственность рациональна, при этом средиземноморская гибкость и диалектика Макиавелли выглядят сегодня намного убедительнее, чем немецкий ригоризм и метафизика Канта с его отвлеченными и абсолютными постулатами.

Литература и источники

1. Кант, И. Собрание сочинений : в 8 т. / И. Кант. – М. : Чоро, 1994. – Т. 7 – 495 с.
2. Макиавелли, Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. Государь / Н. Макиавелли. – М. : Росспэн, 2002. – 544 с.
3. Chaly, V. Rationality in Machiavelli and in Kant / V. Chaly // Con-textos kantianos. International Journal of Philosophy. – 2016. – № 4. – P. 89–97.

Круглый стол
«КОНТЕКСТУАЛЬНЫЙ РЕАЛИЗМ
КАК ФИЛОСОФСКОЕ ОСНОВАНИЕ
ЕСТЕСТВЕННЫХ И СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ
НАУК»

МОДЕЛИ КВАНТОВОГО ТУННЕЛИРОВАНИЯ В ЭКОНОМИКЕ

Е. А. Ермакова

Сегодня активно развивается область внедрения моделей, основанных на формализме квантовой механики, в социогуманитарные науки [1]. Чаще всего используются концепты волновой функции, квантовой вероятности, суперпозиции состояний, декогеренции, реже операционное исчисление. В то же время использование формализма квантового туннелирования не получило большого распространения.

Развивая применение математического моделирования ценообразования и процессов финансового рынка, от ранних работ и использования термодинамического подхода [2], в работе Хейвена и Хренникова [3] рассмотрено явление арбитража в контексте модели, использующей формализм квантового туннелирования.

В экономике и финансах в идеале арбитраж должен быть безрисковым. На практике же арбитраж всегда сопряжен с рисками, незначительными (например, колебания цен, снижающие размер прибыли) или значительными (например, девальвация валюты или производных инструментов). Хейвен и Хренников в первую очередь интересуются использованием квантовых моделей для прогнозирования соответствующих вероятностей, а не дискретностью или сопутствующей эпистемологией. Тем не менее, они предлагают некоторые соображения, касающиеся дискретности: эквивалент квантовой дискретности в этой статье соответствует идее о том, что каждый акт арбитража является дискретным событием, соответствующим обнаружению квантовой системы после того, как она преодолела барьер. В действительности арбитражные возможности не реализуются в непрерывном масштабе времени. Они появляются в отдельные периоды времени и часто имеют очень короткий срок действия. Что аналогично проблемам отсутствия

«реального времени» во многих моделях квантовой механики.

Таким образом, использование квантовомеханических моделей и в частности модели туннелирования позволяет адекватно моделировать состояние рынка. Проведен анализ применения квантового моделирования для арбитража и установлена избыточность эпистемологического описания. Обеспечение описания состояния конкретными числами может дать возможность для компьютеризации, но влечет за собой наследование ограничений, свойственных моделям квантовой механики, и поднимает ряд эпистемологических вопросов.

Работа выполнена при поддержке БРФФИ в рамках проекта № Г24МС-002 «Квантово-подобное моделирование социогуманитарных систем и философия контекстуального реализма».

Литература и источники

1. Khrennikov, A. Why Quantum? / A. Khrennikov // The Palgrave handbook of quantum models in social science: applications and grand challenges / Ed. by E. Haven, A. Khrennikov. – London : Palgrave Macmillan, 2017. – P. 321–334.
2. Khrennikov, A. The financial heat machine: Coupling with the present financial crises / A. Khrennikov // Wilmott. – 2012. – № 57. – P. 32–45.
3. Haven, E. Quantum-like tunnelling and levels of arbitrage / E. Haven, A. Khrennikov // International Journal of Theoretical Physics. – 2013. – Vol. 52. – P. 4083–4099.

ПРИНЦИП ПСИХОФИЗИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА И КОНТЕКСТУАЛЬНЫЙ РЕАЛИЗМ

А. О. Карасевич

Психофизическая проблема является фундаментальным вопросом философии и психологии, окончательного ответа на который в настоящее время не существует. Ю. В. Щербатых справедливо отмечает: «К настоящему времени уже ко многим исследователям, занимающимся психофизической проблемой приходит понимание, что ее невозможно решить усилиями одной науки. Учитывая, что сознание человека является сложным сплавом физико-химических, биологических, психологических, социальных и информационных процессов, понять их взаимосвязь и механизмы действия можно только объединив усилия» [1, с. 127]. Если рассматривать психофизическую проблему наиболее широко, то это вопрос соотношения психики и окружающего мира, контекста (социального и природного). Если рассматривать этот вопрос в более узком аспекте (психофизиологическая проблема, или «mind-body problem»), то он сводится к соотношению динамики психических процессов и работы нервной системы, в частности – головного мозга.

Психофизическая проблема является фундаментальным вопросом потому, что это, по сути, вопрос соотношения материального и психического. Также это вопрос о детерминантах человеческого поведения, взаимосвязи психики, нервной системы и окружения. Из психофизической проблемы вытекают такие важные научные проблемы, как проблема свободы воли и детерминизма психических процессов и поведения, а также проблема появления и развития психики и сознания в онтогенезе и филогенезе [2, с. 236].

Первым философом, который наиболее полно рассмотрел суть психофизической проблемы и предложил собственное решение данного вопроса, является Р. Декарт. Он ввел понятие «рефлекса» и создал концепцию психофизиологического взаимодействия, а также дал достаточно подробный для своего времени анализ нейрофизиологических механизмов работы мозга, предвосхитив труды И. М. Сеченова и И. П. Павлова [3, с. 19–20]. Р. Декарт описывает разграничение между двумя независимыми субстанциями – *res extensa* и *res cogitans* («вещью протяженной» и «вещью мыслящей»), существование которых подчиняется разным законам и между которыми признается наличие параллелизма, то есть параллельного течения [3, с. 20]. Г. В. Лейбниц касается психофизической проблемы в созданной им монадологии, где описывается психофизический параллелизм души и тела, которые подобны двум часам, движение стрелок которых совершается параллельно и не требует никакого взаимодействия самих часовых механизмов [4, с. 53]. Отрицание явно выраженного взаимодействия между телом и душой как совокупностью монад привело Г. В. Лейбница к выводу, что душу невозможно познать по ее телесным проявлениям, так как каждая монада не имеет выхода вовне и замкнута в себе самой, но можно раскрыть в рефлексивной деятельности монады или самопознании [5, с. 10]. За резким разведением физического и психического стояло и разведение методов их изучения: поскольку внутренние состояния монады (души) замкнуты в себе и независимы от тела, то они не поддаются внешнему объективному наблюдению [5, с. 11].

В работе И. М. Сеченова «Рефлексы головного мозга», явившейся, по словам И. П. Павлова, «гениальным взмахом Сеченовской мысли», были описаны физиологические основы психических процессов; причиной же сложностей познания нервной системы и ее связи с психикой было отсутствие в то время адекватного метода исследования, а, по мнению И. П. Павлова, «Для натуралиста все – в методе, в шансах добыть непоколебимую, прочную истину...» [6, с. 2202–2203]. «Установив основные законы высшей нервной деятельности и показав путем "слития" субъективного с объективным, что они являются физиологической основой психической деятельности, он [И. П. Павлов] внес ценнейший в истории человеческой мысли вклад в проблему отношения психического к

физиологическому в аспекте диалектического материализма: существуют не две субстанции – "дух" и тело, а единая движущаяся материя, которая в ходе эволюции создала человека с его головным мозгом, функцией которого является психика» [6, с. 2207].

Научный материализм как современное физикалистское течение в решении психофизической проблемы сформировался во второй половине XX века и является обширным и неоднородным течением в философии англоязычных стран [7, с. 114]. В современном научном материализме можно выделить следующие его виды: элиминативный материализм (Д. Армстронг, К. В. Уилкс); редуктивный материализм (Г. Фейгл); функциональный (кибернетический, информационный) материализм (Х. Патнеэм, Дж. Форд, К. Сейр); эмерджентистский материализм (М. Бунге, Д. Марголис, Р. У. Сперри) [7, с. 115].

Альтернативой изложенным выше подходам является принцип психофизического единства. Этот подход к решению психофизической проблемы предложен выдающимся советским психологом и философом С. Л. Рубинштейном и является фундаментальным принципом советской психологии. Данный принцип описан С. Л. Рубинштейном в его труде «Основы общей психологии» в следующем виде: «В противовес как дуализму, противопоставляющему психическое и физическое, так и учению о тождестве психического и физического в духе механистического материализма у одних, спиритуализма у других, советская психология исходит из их единства, внутри которого и психическое и физическое сохраняют свои специфические свойства.... Внутри этого единства определяющими являются материальные основы психики; но психическое сохраняет свое качественное своеобразие; оно не сводится к физическим свойствам материи и не превращается в бездейственный эпифеномен» [8, с. 25]. Таким образом, психика (нематериальная реальность) и ее субстрат – нервная система (материальная структура) – рассматриваются как две разные стороны психофизического целого. При этом между нервной системой и психикой существует не взаимодействие, а процессуальное единство. И если психическое ярко выражено влияет на поведение, то это психическое имеет под собой физиологическую основу. И когда психический процесс – к примеру, мышление – определяет дальнейшую жизнь индивида (например, принятие важного решения), то, рассматривая физиологическую составляющую психофизического целого, мы говорим, что физиологический процесс (субстрат мышления) завершился неким физиологическим результатом (субстрат решения), который, в свой очередь, в дальнейшем определил поведение индивида. Если же рассматривать психическую сторону целого, то мышление завершилось решением, которое обусловило дальнейшую деятельность индивида.

Описанный выше подход созвучен с идеями контекстуального

реализма. Разработчик данного направления И. Е. Прись пишет: «Убеждение как ментальное состояние и мнение как нейрологический процесс оказываются двумя аспектами одного и того же убеждения» [9, с. 594]. Удивительно, насколько это утверждение близко к принципу психофизического единства С. Л. Рубинштейна. Также в контексте психофизической проблемы И. Е. Прись рассматривает контекстуальный реализм как методологический плюрализм: «в одном контексте некий неконцептуализированный "кусочек" реальности – ментальное состояние в смысле обыденной психологии убеждений и желаний. Оно не элиминируется и не редуцируется к чисто нейрологическому процессу. В другом контексте это нейрологический процесс. При чисто нейрологическом взгляде ментальность становится незаметной просто потому, что идентифицируется другой аспект реальности. Но это не значит, что сама по себе она не существует. В третьем контексте убеждение как ментальное состояние тождественно соответствующему нейрологическому процессу» [9, с. 594].

В принципе психофизического единства С. Л. Рубинштейн также рассматривает важность онтологического контекста: «При разрешении психофизической проблемы необходимо вскрыть, с одной стороны, органически-функциональную зависимость психики от мозга, от нервной системы... с другой – в соответствии со специфической природой психики, как отражения бытия, – необходимо учесть зависимость ее от объекта, с которым субъект вступает в действенный и познавательный контакт: сознание – осознанное бытие. Мозг, нервная система составляют материальный субстрат психики, но для психики не менее существенно отношение к материальному объекту, который она отражает» [8, с. 25]. Таким образом, в принципе психофизического единства гармонично описана взаимосвязь сознания, деятельности личности и окружающего мира (социального, предметного, природного), что сближает его с идеями контекстуального реализма.

Работа выполнена в рамках проекта БРФФИ № Г24МС-002 «Квантово-подобное моделирование социогуманитарных систем и философия контекстуального реализма».

Литература и источники

1. Щербатых, Ю. В. Что есть психика? История и перспективы решения психофизической проблемы / Ю. В. Щербатых // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. – 2020. – № 3. – С. 105–132.
2. Карасевич, А. О. Методологическая продуктивность принципа психофизического единства в решении психофизической проблемы / А. О. Карасевич // Философские исследования : сб. науч. тр. – Минск : Беларус. навука, 2020. – Вып. 7. – С. 235–249.

3. Бетильмерзаева, М. М. Феномен ментальности сквозь призму психофизической проблемы / М. М. Бетильмерзаева // Научная мысль Кавказа. – 2009. – № 4. – С. 18–23.
4. Батулин, В. К. Онтология Г. В. Лейбница: целостный взгляд с позиций современной философии и науки / В. К. Батулин // Пространство и Время. – 2012. – № 1. – С. 51–55.
5. Алексеев, И. А. Философия Г. В. Лейбница в основании философии науки / И. А. Алексеев // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2008. – № 2. – С. 3–15.
6. Дерябин, В. С. Психофизиологическая проблема и учение И. П. Павлова о «слитии» субъективного с объективным / В. С. Дерябин // Психофармакология и биологическая наркология. – 2007. – Т. 7, Вып. 3–4. – С. 2202–2207.
7. Домрачев, С. С. Эвристический потенциал физикализма (в поисках нового мировоззрения и методологии) / С. С. Домрачев, Д. А. Сиунов // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 16. – С. 112–121.
8. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – СПб. : Питер, 2007. – 713 с.
9. Прись, И. Е. Знание в контексте / И. Е. Прись. – СПб. : Алетейя, 2022. – 720 с.

ЕСТЕСТВЕННАЯ И НОРМАТИВНАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ

А. М. Кардаш

Что отличает человека от иных живых существ? Один из традиционных ответов – наличие у человека интеллекта, развитого мышления или разума. В широком смысле все это указывает на то, что человек не только *существует* в мире, но и *познает* его, а также, узнавая нечто важное, получает возможность существовать в этом мире иначе. Как указывают философы биологии Ким Стерелни и Пол Гриффитс, «...когнитивная адаптация часто преобразует среду, а не приспособливается к ней» [1, р. 331].

В философии и культуре в целом можно обнаружить периоды как идеализации разума, так и его ниспровержения. Вероятно, обе тенденции практически всегда существуют одновременно, поочередно уступая друг другу культурное первенство. Не исключением является и наше время.

Как кажется, сегодня культурное первенство за воззрениями, согласно которым человек по своей природе иррационален. Такие убеждения подпитываются как множеством теоретических источников (которые зачастую в рамках своего самоопределения оппонируют философским идеям Просвещения как квинтэссенции апологии разума), так и ссылкой на некоторую очевидную неразумность, легко обнаруживаемую в поступках, взглядах и жизненных выборах людей вокруг. Особое место среди возможных источников подобных воззрений

занимает *дискурс о когнитивных ошибках*, в рамках которого суждение о человеческой иррациональности подается не как положение здравого смысла или теоретическая спекуляция, а как эмпирически обоснованное наблюдение.

Однако было бы ошибкой прямо отождествить дискурс когнитивных ошибок с известными исследованиями в когнитивной и эволюционной психологии, поскольку речь идет только о популярной репрезентации достигнутых в этих областях результатов. На то, что репрезентация не всегда соответствует намерениям и позиции исследования указывал Даниэль Канеман (причем, в своей наиболее известной книге), когда писал о том, что не считает, что его (и Амоса Тверски) исследования показывают, что люди иррациональны [2, с. 495–496]. Не менее показательным, что на основании примерно того же пула исследований Стивен Пинкер выстраивает не критику, а, напротив, новую популярную апологию разума, включающую в себя дискурс когнитивных ошибок [3]. Как бы то ни было, современные психологические исследования показывают, что есть ряд контекстов и обстоятельств, в которых люди склонны допускать типовые ошибки, а не то, что люди беспроблемно иррациональны.

Так или иначе, что означает быть рациональным или иррациональным по природе? Например, тот же Канеман считает, что склонность людей к использованию эвристик, подверженность искажениям субъективного восприятия и даже типовым ошибкам мышления – это еще не повод считать их иррациональными или неразумными [2]. Важно подчеркнуть, что его довод построен таким образом, что он считает, что иррациональными людей признают по строгим нормативным и *теоретически* выведенным критериям рациональности (например, в смысле экономического рационального агента), что необязательно совпадает с нашим *обыденным* и более скромным приписыванием разумности людям.

Как кажется, известный психолог в этом отрывке очень близко подошел к мысли, напоминающей аргумент натуралистической ошибки Мура. Выразим это явным образом. Так, если у нас есть некоторая концепция рациональности, то мы можем оценить поступки или мышление людей как рациональные или нерациональные, однако из этого не следует, что они рациональны или нерациональны субстантивно (по своей природе), а не только оценочно.

Так, некоторые понятия явным образом являются оценочными или нормативными – допустим, показатель валового внутреннего продукта на душу населения. Пожалуй, никому не придет в голову заявлять, что ВВП на душу населения – это естественная характеристика, относящаяся к природе населения как явления или составляющих его людей.

Другие же понятия явным образом являются указаниями на

естественные характеристики. Например, бейтсовская мимикрия полагается, как естественная характеристика неядовитых видов, которые имитируют ядовитые. Немногие решатся заявить, что данное понятие – это *только* вопрос нашей оценки или соответствия некоторой норме.

Но наиболее интересным и сложным оказывается случай понятий, которые можно трактовать и так, и так. Именно это происходит с рациональностью. Мы можем трактовать ее нормативно, как соответствие мышления или поступков некоторой предъявляемой норме или теоретическому критерию (к примеру, Канеман рассматривал норму когерентности). Но также мы можем понимать ее и как естественную характеристику, присущую или не присущую человеку (к примеру, мы можем говорить о склонности людей делать или не делать выводы на основании опыта, а тем самым и о естественной рациональности в этом смысле). Не менее очевидно и *холистическое* понимание, согласно которому рациональность – это и про нормативность, и про естественность.

Но прежде, чем двинуться дальше, стоит вспомнить о другом известном делении рациональности на инструментальную и эпистемическую (субстанциональную). Инструментально рациональным признается любой образ действий, способствующий любой субъективно выбранной цели индивида. Например, если Петр решил поступить на философский факультет, то подготовка к вступительным экзаменам будет инструментально рациональным поступком (и в обыденном смысле мы также скажем, что он поступил разумно). Но также, если Петр решит, что ему нужно считать, сколько ворон пролетает мимо его окна с 14:00 по 15:00 и для этого он будет регулярно проводить наблюдения, то это поведение также будет инструментально рациональным, хотя и безумным с позиции здравого смысла.

В области мышления инструментально рациональное убеждение – это любое, корректно выведенное из доступной агенту информации вне зависимости от того, чем именно является эта информация. Иначе говоря, здесь нетрудно сконструировать схожий пример, где Петр будет придерживаться безумных, но инструментально рациональных взглядов из-за характера доступной ему информации.

Ввиду наличия этой особенности (несоответствия нормативной оценки интуициям) концепта инструментальной рациональности многие мыслители считают, что рациональность не может исчерпываться только своей инструментальной частью и нам нужна некая «Рациональность» с большой буквы. Что именно ей может быть – большой вопрос, но на базовом уровне она должна хотя бы не зависеть от частных обстоятельств ситуации, в которой находится субъект. Например, можно сказать, что стремление узнавать истины – «Рационально» с большой буквы. Когда же придется ответить на вопрос «почему?», то скорее всего мы недалеко

уйдем от Аристотеля, предположив за человеком природную склонность к познанию.

Соответственно, наш тезис состоит в том, что инструментальное понимание рациональности близко нормативному пониманию, тогда как субстанциональное понимание близко естественному. Когда сегодня о людях говорят как о нерациональных существах, то зачастую подразумевается именно инструментальная нерациональность. Например, что человеку нужно решить некую когнитивную задачу, но вместо оптимального познавательного инструмента он выбирает использовать эвристики [4].

Апелляция к природе человека или естественной рациональности вводится уже для объяснения недостатка инструментальной рациональности. Однако этот ход не является обязательным, поскольку мы, действительно, можем вслед за Мерсиером и Спербером признать, что нет никакого вне-коммуникативного и отделенного от инструментальных задач коммуникации разума, а поэтому фактическая инструментальная (ир)рациональность может объясняться не природой человека, а особенностью групповой коммуникации [5].

Значит ли это, что разговоры о естественной рациональности бессмысленны? Конечно же, такой вывод не следует из представленного рассуждения, поскольку в нем говорится только о том, что к этой естественности не стоит переходить поспешно – во многих обыденных и практических контекстах ссылка на природную (не)разумность будет слишком общим прояснением ситуации, чтобы быть прояснением в практически-релевантном смысле слова. Например, если вы скажете, что все разумные люди предпочитают готовиться к экзаменам, которые им предстоит сдавать, то вы не объясните, что же такого рационального в подготовке к экзамену. Когда же вы предложите более близкое к ситуации объяснение (например, укажете на корреляцию между сдачей экзамена и подготовкой к нему), то вы, вероятнее всего, будете апеллировать к соображениям инструментальной рациональности. Исходя из этого мы делаем вывод, что представление о естественной рациональности не противоречит представлению о нормативной, поскольку сами эти концепты необходимы для различных видов объяснений (зависящих и абстрагированных от ситуации). Следовательно, универсальные заявления о естественной рациональности или нерациональности человека являются не лучшим объяснением характера частных ситуаций интеллектуального выбора.

Литература и источники

1. Sterelny, K. Sex and Death: An Introduction to Philosophy of Biology (Science and Its Conceptual Foundations series) / K. Sterelny, P. Griffiths. – Chicago : University of Chicago Press, 1999. – 456 p.

2. Канеман, Д. Думай медленно... Решай быстро / Д. Канеман. – М. : АСТ, 2013. – 656 с.
3. Пинкер, С. Рациональность: что это, почему нам ее не хватает и чем она важна / С. Пинкер. – М. : Альпина нон-фикшн, 2023. – 386 с.
4. Nguyen, C. T. Hostile Epistemology / C. T. Nguyen // Social Philosophy Today. – 2023. – № 39. – P. 9–32.
5. Mercier, H. Why do humans reason? Arguments for an argumentative theory / H. Mercier, D. Sperber // Behavioral and Brain Sciences. – 2011. – № 34. – P. 57–111.

КОНТЕКСТУАЛЬНЫЙ ВИТГЕНШТЕЙНОВСКИЙ РЕАЛИЗМ В АНАЛИЗЕ СВЯЗЕЙ ФИЗИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ

А. Л. Куши

В своей последней объемной работе [1], И. Е. Прись осуществляет практическое приложение своих представлений о контекстуальном реализме к различным областям человеческой деятельности – эпистемологии, философии науки и техники, квантовой механики и искусственного интеллекта, морали и религии и др. В данной работе, на основе представлений Л. Витгенштейна о семейном сходстве и И. Е. Прися о контекстуальном реализме, проанализируем связи научных теорий в предметной области описания, показав тем самым, каким образом логика контекстуального реализма применима к исследованию научного знания о физической реальности.

В своей концепции, начиная с ранних произведений, Витгенштейн говорит о языковой игре и наличии в нашем языке правил (норм, концептов), которые можно соотносить с фактами (объектами, явлениями). Эти правила вписаны в контекст более общего понятия – «формы жизни» («грамматики» или системы «осевых предложений»). В этом контексте вводится понятие *семейного сходства*, которое Витгенштейн определяет как связь вещей серией перекрывающихся свойств, а не одной общей чертой. Он утверждает, что наряду с общим представлением о «семействе», мы также имеем основание говорить и о его «членах», которые отличаются своей конкретизацией и контекстуальностью по отношению к описываемой ими области явлений. Язык, при этом, не является абстрактным, отделенным от вещей, он имеет непосредственное отношение к реальности. Истина тоже имеет общий, относящийся ко всему семейству, характер, и характер конкретно-контекстуальный, имеющий отношение к конкретному члену данного семейства [2].

Одной из основ концепции контекстуального реализма, которую разрабатывает И. Е. Прись является философия Л. Витгенштейна, в связи с чем, он называет ее – *неметафизический контекстуальный реализм*

витгенштейновского типа [3]. В рамках этой концепции утверждается, что при исследовании реальности мы имеем дело с реальной вещью и ее интерпретацией в нашем сознании, ее отражение в языке, которое не является зеркальным. Язык предполагает наличие языковых игр, как действий, которые разнообразны и по определению возможны лишь в реальности. Контекстуальный реализм оперирует такими понятиями как *корректное*, подходящее, адекватное описание вещи, которые суть описания самой реальной вещи. Контекстуализм имеет богатую природу, он включает в себя не только саму реальность объекта (факта), то и, собственно, объем его интерпретации (понимания). Он предполагает, что есть нечто по ту сторону явления (языковой игры, реального объекта). Норма явления превосходит явление в виде метафизического «зова» бытия, который не может являть себя. Норма идеальна, но может быть выражена при помощи языка.

В рамках концепции контекстуального реализма И. Е. Прись рассматривает устоявшуюся физическую теорию как витгенштейновское правило, употребления которого зависят от контекста. Эти употребления, то есть витгенштейновские «языковые игры», – (нормированные) физические явления, или физическое данное. То есть теория не просто инструмент для предсказания явлений или манипулирования ими, она описывает и объясняет явления, которые имеют концептуальную (нормативную) структуру и метафизическую глубину (не автономны) [3].

В своих работах, посвященных исследованиям научной теории и ее связей, я выделял *предметные* и *конкретные* области теоретического описания реальности. Так, в работе [4] я указывал, что описываемая теорией реальность, подобно ее собственной структуре, также обладает целостностью, связностью, упорядоченностью элементов, их системной организацией. Теория в состоянии описать только определенные классы упорядоченных объектов, то есть ее сфера описания ограничена некоторой областью, которая называется *областью описываемой действительности (или домен)*. Можно сказать, что в нашем сознании теория представляет эту область. В теоретическом описании можно выделить уровни: *локальные элементы действительности* (уровень конкретных объектов, процессов, явлений и понятий их описывающих), *локальные области действительности* (области упорядоченных подсистем, представленные в теоретическом описании в качестве локальных теоретических схем (в терминологии Степина – закономерностей, законов и т. п.), *домен* теории, *предметную область*.

Последнее понятие отражает аспект связи научных теорий, функционирующих в некоторой предметной области реальности, на основе общих для них принципов, законов, общих параметров [5]. Например, если речь идет о механике, то ее можно охарактеризовать как предметную область, описывающую механическое движение физических объектов, в

рамках которой существуют связанные друг с другом области действительности с различными типами механического движения: движение макротел с малыми скоростями, движение микрочастиц, движение тел с высокими скоростями (близкими к скорости света), описываемые, соответственно, классической, квантовой механиками и теорией относительности.

В работе [5] выделяются *онтологический* и *методологический* аспекты анализа структуры теоретического знания. С помощью онтологии мы получаем представление о том, как связаны друг с другом те или иные теории, какова структура и свойства описываемой ими реальности. Методологический аспект призван дать инструментарий исследования теорий и их связей, их функционирования и развития. С помощью этих подходов определяются основные типы связей научных теорий: *изоморфизм, редукция, корреспонденция, унификации, несопоставимость* (позже была еще выявлена связь *дополнительности*).

Теперь с позиций понятий семейного сходства и представлений контекстуального реализма проанализируем соотношения научных теорий предметной области действительности, начиная с механики.

Итак, мы имеем предметную область механических явлений и входящие в нее области действительности, описываемые конкретными теориями: классической механикой, квантовой механикой и теорией относительности (которые связаны между собой отношением соответствия). Каждая из теорий является автономной и описывает «собственную» область реальности. Очевидно, что каждая из них обладает собственным контекстом описания данной (механистической) области реальности. Что же объединяет их? Есть ли какие-то общие черты, которые можно выделить и на их основе построить более фундаментальную и общую теорию механики как области физики? Или же эти теории могут быть объединены только понятием семейного сходства?

С витгенштейновских позиций, мы имеем семейство (предметная область), состоящее из своих членов (конкретные области действительности). Следуя логике Витгенштейна, мы имеем семейное сходство теорий в рамках механики. Вместе с тем, мы считаем, что также имеет место быть и общая, «предметная» парадигма (форма), описывающая предметную область, которая может иметь собственное теоретическое представление. Другим источником наших рассуждений является контекстуальный реализм, поскольку наличие той или иной формы описания (теории предметной области или семейного сходства) зависит от выбранного нами контекста. При этом, описание конкретными теориями своих областей реальности также контекстуально, оно определяется, с одной стороны, свойствами описываемой области явлений, а с другой, – социокультурным контентом, образуя в своей совокупности научную парадигму.

Конкретизируем эти утверждения. Если выбрать контекст предметного теоретического описания в области механики, то мы можем дать общее, концептуальное определение механического движения и общее его математическое описание. Например, в качестве такого определения мы можем рассматривать понятие механического движения как перемещение физического объекта в пространстве-времени, а в качестве его описания формулы Лагранжа и Пуассона. Выбрав этот контекст, мы, собственно, получаем ту общую теорию, которая описывает базовые понятия и их связи, основные принципы, сущность и структуру механического движения как явления природы. Однако, если мы выберем контекст сравнения механистических теорий, существующих в данной предметной области, друг с другом, то здесь будет иметь место именно семейное сходство, которое также может быть описано в определенной концептуальной теоретической схеме.

Подобное можно сказать и о предметной области электродинамики, включающей в себя классическую и квантовую области электромагнитных явлений, описываемых, соответственно, классической и квантовой электродинамикой. То же самое имеет место и в области слабого, сильного и гравитационного взаимодействий. То есть, в каждом случае существуют общая предметная область и области конкретных физических явлений, которые представлены собственными теоретическими описаниями (кстати, связанными друг с другом отношением соответствия) и могут быть представлены как общим, так и семейным сходством между этими теоретическими описаниями. Таким образом, в некоторой предметной области, в зависимости от выбранного нами контекста, мы можем иметь как конкретные теории, так и теоретическое описание семейного сходства теорий этой области.

Такой подход может помочь нам определить направление поисков и исследований в области упорядочения структуры научного знания, в данном случае, в физике, создав системы теорий различных областей реальности и теоретических описаний их связей, что позволит более глубоко, системно и всесторонне представить как само физическое знание, так и описываемую им физическую реальность.

Литература и источники

1. Прись, И. Е. Мораль, квантовая механика, религия, технологии, искусственный интеллект через призму контекстуального реализма: Приложения концепции к-реализма в различных областях философии / И. Е. Прись. – М. : ЛЕНАНД, 2024. – 280 с.
2. Витгенштейн, Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн ; пер. Л. Добросельский. – М. : АСТ, 2011. – 347 с.
3. Прись, И. Е. Контекстуальный реализм в физике / И. Е. Прись // Философские исследования. – 2018. – Вып. 5. – С. 250–264.

4. Куиш, А. Л. Научная теория в свете интертеоретических связей / А. Л. Куиш // *Философские исследования*. – 2015. – Вып. 2. – С. 260–272.

5. Куиш, А. Л. Интертеоретические связи в системе научного знания / А. Л. Куиш // *Философские исследования*. – 2016. – Вып. 3. – С. 215–225.

КОНТЕКСТУАЛЬНЫЙ ПОДХОД В ИССЛЕДОВАНИИ РЕЗОНАНСНЫХ ПРОЦЕССОВ

В. К. Лукашевич

Необходимость контекстуального подхода в исследовании резонансных процессов определяется спецификой сложившейся познавательной ситуации, отмеченной, во-первых, продолжительной неопределенностью в понимании их контуров и масштабов на фоне той реальности, которая обозначается терминами «взаимодействие» и «отклик», во-вторых, естественной установкой на учет особенностей той среды, в которой осуществляются резонансные процессы, уже каким-то образом (по каким-то критериям) отдифференцированные. Эта среда и создает контекст, работа в условиях которого сулит полезные результаты, обоснованные теоретически и практически.

Считается доказанным наличие резонансных процессов в неживой природе, биоте и социальных образованиях, где они имеют значение как для их сохранения, так и в качестве деформирующего фактора, способного привести воспринимающую резонансное воздействие систему не только к потере прежнего качества, но и к разрушению [1; 2; 3; 4]. Возникает естественный вопрос: в какой мере и каким образом следует учитывать при исследовании резонансных процессов в одной из названных сфер (неживой природе, биоте, социальных образованиях) ее взаимодействия с процессами в других сферах, рассматривая эти взаимодействия как резонансные? Иными словами каковым должен быть оправданный контекст исследования? Обойти вниманием данный вопрос значит в определенной степени потерять доверие к проводимому исследованию резонансных процессов в выделенной сфере. Основная трудность в поисках ответа на него состоит, видимо, в обоснованном разведении, с одной стороны, достоверного научного знания и надуманных мифологических, натурфилософских и приемлемых (по меньшей мере заведомо не ложных) знаний практического характера, с другой. В социальном измерении накопленное вненаучное знание здесь в определенной степени авторитетно и даже полезно. Но оно же – источник заблуждений и суеверий, с чем, разумеется, не согласны «специалисты» по работе с научно не освоенными резонансными явлениями.

На наш взгляд, исходное действие исследователя в такого рода ситуациях – разведение резонансных и квази-резонансных явлений и

процессов. Резонансным процессам присуще наличие достаточно четко выделенного вызывающего их источника энергии, работающего в волновом режиме, характеристики которого рационально объяснимы. Ареал поиска факторов и условий, определяющих такого рода процессы, образует естественный контекст исследования как поля реализации механизмов резонансных процессов. Если создаваемый контекст не обеспечивает рациональное объяснение происходящего, его следует трансформировать по критерию роста объясняющей способности. Здесь далеко не всегда что-то дает его простое расширение за счет выхода в другие сферы, например, для объяснения социальных резонансов привлечение астрофизических данных. Решающее значение будут иметь специфические факторы и условия той сферы, в которой наблюдаются резонансные процессы, в частности, механизмы совмещения результатов резонансных процессов и нерезонансных взаимодействий в их общей значимости для поддержания идентичности и детерминации эволюционных изменений исследуемых объектов.

Литература и источники

1. Varela, F. J. Patterns of life: Intertwining Identity and Cognition / F. J. Varela // Brain and Cognition. – Vol. 34. – 1937.
2. Thompson, E. Life and Mind: Outopoesis to Neurophenomenology. Tribute to Francisco Varela / E. Thompson // Phenomenology and the Cognitive Sciences. – 2004. – Vol. 3.
3. Rosa, H. Resonanz. Eine soziologie der weltbeziehung / H. Rosa. – Berlin : Suhrkamp, 2018. – 815 p.
4. Лукашевич, В. К. Когнитивная ассимиляция резонансных процессов в современной научной картине мира / В. К. Лукашевич // Эпоха академика В. С. Степина. – Минск : Беларуская навука, 2024. – С. 195–205.

КОНТЕКСТУАЛЬНАЯ ФОРМА ЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В. И. Павлюкевич

Рассматривая логику в широком контексте философии познания и интеллектуальной деятельности в целом, можно достаточно определенно отметить, что имеются различные формы реализации логической культуры мышления. Из многих вариантов проявления логической культуры мысли здесь будет рассмотрена контекстуальная форма.

Обычно при обращении к вопросу о связи логики с мышлением вспоминают получившую широкую известность цитату из Гегеля: «... если бы условием разумного мышления было бы тягостное изучение формул умозаключения, то с человеком дело обстояло бы в отношении этого мышления так же плохо, как с ним обстояло бы..., если бы он не мог

ходить и переваривать пищу без изучения анатомии и физиологии» [1, с. 127]. Этой цитатой обычно и ограничивается распространенное мнение об оценке Гегелем влияния логических знаний на формирование правильности мышления. Гораздо реже обращаются к непосредственному продолжению этой цитаты: «Так же как эти науки полезны для диеты, так и за изучением форм разума следует, без сомнения, признать еще более важное влияние на правильность мышления» [1, с. 127].

Гегель прав и в том, и в другом. История человеческой цивилизации до возникновения логики как науки, мыслительная деятельность людей, не изучавших специально логику, подтверждают первую часть мысли Гегеля. Да и само «тягостное изучение формул умозаключения» возможно лишь при определенном предварительном уровне развития мышления. Вторая часть подтверждается реальной практикой формирования интеллекта отдельного человека: мыслить человек научается, эта способность дана человеку не в тех формах, в каких ему даны свойства и способности физиологического порядка. От рождения человеку не дано в готовом виде само умение мыслить, но заложена способность (талант, свойство) научиться мыслить. И в научении мыслить овладение способностью к правильному рассуждению играет далеко не последнюю роль.

Изначально логическую культуру человек осваивает контекстуально, по мере овладения языком как средством выражения мыслей, коммуникации и орудием познания. В ходе многотысячелетнего использования языка постепенно происходит осознание, что некоторые мысли, выраженные в языке, сочетаются, т. е. совместимы друг с другом, а некоторые – нет. Одни мысли каким-то образом обосновывают другие. Оказывается, что не только материальные предметы в мире как-то взаимосвязаны, но мысли и языковые формы их выражения тоже нередко связаны и некоторым образом зависят друг от друга в логико-семантических аспектах.

В истории философской мысли можно проследить существенное влияние социально-политического контекста жизни общества на развитие знания, в том числе и формирование исследовательских доминант. Не зря знаменитейшая книга выдающегося мыслителя Бертрانا Рассела, широко известная обычно как «История западной философии», имеет полное название «История западной философии и ее связи с политическими и социальными условиями от античности до наших дней» (См.: [2]). Влияние социального контекста на образ мысли людей, на их отношение к происходящим в обществе процессам, на их систему ценностей и взгляды на мир в целом реализуются через систему доминант, характерных для соответствующего стиля мышления.

Стиль мышления можно охарактеризовать как комплексную иерархическую систему категориальных идей, принципов, образцов, доминирующих в сознании социума и его индивидов и проявляющихся в

теоретической и практической деятельности. Стиль мышления является комплексной иерархической системой соответствующих доминант, воспринимаемых как ценности. Стиль мышления, социальные и политические условия, картина мира, система философско-эпистемологических доминант являются контекстом теоретической и практической жизни социума.

Различие эпох по стилям, типам мышления как контекстов жизни социума иногда отмечается в истории познания. Например, автор весьма известного труда «Дедуктивная и индуктивная логика», изданного в конце XIX века, шотландский логик В. Минто, характеризуя интеллектуально-эпистемологический контекст исторических условий развития логики и философской методологии, пишет: «Согласуй свои мысли друг с другом», – требовалось в век Аристотеля; «Согласуй свои мысли с авторитетом», – таков был лозунг средних веков; «Согласуй их с фактами» – вот что стало основным требованием новой эпохи [3, с. 21].

Контекстуальная логическая культура широко присуща рассуждениям, диалогам с пропущенными, имплицитно-подразумеваемыми частями, что нередко имеет место в художественных текстах. У А. С. Пушкина («Песнь о Вещем Олеге» [4]) князь Олег обращается к волхву: «Открой мне всю правду, не бойся меня: / В награду любого возьмешь ты коня». Кудесник отвечает ему: «Волхвы не боятся могучих владык, / А княжеский дар им не нужен...». Слова волхва – вежливая форма ответа в виде энтимемы, из которой князь сам должен вывести имплицитно содержащиеся очевидные следствия: я тебя не боюсь; от твоего дара отказываюсь (Подробно ответ волхва может быть раскрыт так: ни один волхв не боится никого из могучих владык; ты – могучий владыка, я – волхв; следовательно, я тебя не боюсь. По отношению к княжескому дару рассуждение аналогично).

В поэме Я. Купалы «Курган» гуслиар в ответ на обещание князя «поўныя гуслі насыпаць дукатаў» за песню, прославляющую князя и его гостей, отвечает: «Скурганіў бы душу чырванцом тваім я...», предоставляя князю самому сделать соответствующие очевидные выводы из этого утверждения [5].

В известном фильме А. А. Алова и В. Н. Наумова «Бег» имеется интересный диалог, когда в Париже генерал Чарнота в подштанниках приходит к Корзухину. В пересказе, близком к тексту их разговор таков:

– Ты что же, вот так по Парижу шел?

– Нет, по Парижу я шел в штанах, а у тебя в передней я их снял. Ну что за дурацкий вопрос.

Ясно, что в насмешливом, несколько издевательском ответе генерала контекстуально подразумеваются имплицитно очевидные, пропущенные части. Ясно также, что здесь контекстом является и сама ситуация.

Кратко можно отметить, что явные и имплицитные формы

реализации логической культуры взаимодействуют и гармонично дополняют друг друга в коммуникации, в процессе развития познания. Их трактовка нередко связана с широким эпистемологически-социальным контекстом. Сама возможность энтимем, пропуска подразумеваемых частей текста, базируется на соответствующем уровне логической культуры участников диалога, на соответствующем статусе логической культуры мысли в социуме.

Литература и источники

1. Гегель, Г. В. Ф. Наука логики / Г. В. Ф. Гегель. – М., 1972. – Т. 3.
2. Рассел, Б. История западной философии : в 3 кн. / Б. Рассел ; подгот. текста В. В. Целищева. – 4-е изд., стер. – Новосибирск : Сиб. унив. изд-во, 2003. – 992 с.
3. Минто, В. Дедуктивная и индуктивная логика / В. Минто. – СПб. : Комета, 1995. – 464 с.
4. Пушкин, А. С. Песнь о вещем Олеге / А. С. Пушкин // Полное собрание сочинений в 10 т. – Ленинград : Наука, 1977. – Т. 2. – С. 100–102.
5. Купала, Я. Поўны сбор твораў : у 9 т./ Я. Купала. – Мн. : Маст. літ., 1999. – Т. 6. Паэмы, пераклады. – 430 с.

ТОПОЛОГИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ В СОЦИОЛОГИИ: ЭСКИЗ

Е. В. Попов

История социологического знания богата так называемыми поворотами: дискурсивным, когнитивным, интерпретативным и т. д. Один из наиболее противоречивых и являющихся мейнстримным по сей день – поворот к материальному, в рамках которого наблюдается серьезный по масштабам и объемам трансфер идей из философии Делеза и Гваттари [4], физики [1], конструктивистских подходов [2] и даже семиотики [3]. Подобная эклектичность является причиной того, что до сих пор не определено ядро этого подхода, каков его словарь и «классики». Более того, поворот к материальному в социологической теории и (реже) практике осуществляется как полный разворот от социального [5]. Эти и другие проблемы в описываемой области социологической теории вынуждают исследователей искать адекватные схемы систематизации существующего беспорядка [6], создавать связи с областью прикладных исследований. Именно попытке систематизации такого беспорядка и будет посвящен доклад.

Поворот к материальному внутри социологического знания может быть выстроен в следующей перспективе и включать в себя:

1. Американскую плоскую онтологию (Харман, Брайант);
2. Новый реализм (Феррарис, Бенуа, Бейкер, Габриэль);
3. Новый материализм (Брайдотти, Барад, Беннет, Каллон, Латур);

4. Ланкастерскую ветвь АСТ (Мол, Ло).

Ключевой претензией к этим подходам со стороны критически настроенных исследователей является указание на то, что полюс социального и материального равны по характеристикам и масштабам, но в то же время концептуально пальма первенства в аспекте креативности, к примеру, зачастую передается одному из полюсов – чаще всего материи. Так, подобная амбивалентность характерна для нового материализма и астланкастерцев.

В рамках доклада представляется ревизионистский взгляд к существующим в поле философии и социологической теории подходам к рассмотрению реальности материального и социального. Под эгидой топологического реализма, выстроенного как синтез наиболее важных для социологической перспективы идей, предлагается рассмотреть перспективы прикладных исследований в социологической перспективе.

Предлагаемый подход выстраивается вокруг следующих ключевых постулатов:

1. Изучаемый объект сам по себе непознаваем, возможно изучить только его реляционные свойства, которые он проявляет в рамках реляции (Харман, Брайант);

2. Необходимость определения системы (в рамки которой всегда включается сам исследователь), которую образует объект, а также выделение ее окружающей среды (Брайант);

3. Определение контекста или контекстов, в которых происходит исследование выделенной на предыдущем этапе системы (Бенуа);

4. На основании выделенных на предыдущем этапе контекстов определение тех системных свойств, которые входят в актуальный модус бытия объекта, а также тех, которые могут входить в виртуальный модус (Деланда).

Несомненно, что данный подход не является исчерпывающей рамкой для обобщения плоско-онтологических идей в социологии и иных социальных дисциплинах, но может рассматриваться как стартовая точка для преодоления противоречий внутри материального поворота, внутри дискурса о реализме.

Литература и источники

1. Barad, K. Posthumanist Performativity: Toward an Understanding of How Matter Comes to Matter Comes to Matter. *Journal of women in culture and society* / K. Barad. – 2003. – № 28. – P. 801–831.
2. Ferraris, M. A New Realist Approach to Hermeneutics / M. Ferraris // *Phainomena. Selected Essays in Contemporary Italian Philosophy*. – 2012. – № 82–83. – P. 67–83.
3. Latour, B. On Technical Mediation. *Common Knowledge* / B. Latour. – 1994. – № 3 (2). – P. 29–64.

4. Брайдотти, Р. Постчеловек / Р. Брайдотти ; пер. с англ. Д. Хамис ; под ред. В. Данилова. – М. : Издательство Института Гайдара, 2021. – 360 с.
5. Вахштайн, В. С. Возвращение материального. «Пространства», сети, потоки в акторно-сетевой теории / В. С. Вахштайн // Социологическое обозрение. – 2005. – № 4 (1). – С. 94–115.
6. Ло, Дж. После метода: беспорядок и социальная наука / Дж. Ло ; пер. с англ. С. Гавриленко, А. Писарева и П. Хановой ; науч. ред. перевода С. Гавриленко. – М. : Изд-во Института Гайдара, 2015. – 352 с.

ОТ КАНТА К КВАНТУ: О КВАНТОВОЙ ОНТОЛОГИИ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУКАХ

И. Е. Прись

В основании западных социально-политических наук (СПН) лежит ньютоно-кантовская онто-эпистемологическая и этическая философская парадигма, содержащая элементы картезианства, в которую вписываются доктрины политического реализма и неолиберализма [1]. В последнее время эта парадигма рядом исследователей подверглась критике и была обоснована необходимость перехода к новой – квантовой – трансдисциплинарной парадигме, использующей идеи, концепты и формализм квантовой механики (КМ) [1–10]. Я утверждаю, что доминирующая парадигма – парадигма философии модерна, от которой действительно следует отказаться. Я также согласен с тем, что именно квантовая механика содержит в себе потенциал новой философии [11–17]. В то же время я утверждаю, что то, что многими авторами принимается за «квантовую парадигму» в СПН, на самом деле во многом представляет собой не столько выход за пределы парадигмы модерна, сколько ее постмодернистскую радикализацию. Другими словами, предлагаемая ими альтернатива оказывается псевдоквантовой. Подлинно квантовой парадигмой, отказывающейся от трансцендентализма и феноменологии модерна и позволяющей объединить естественные и социогуманитарные науки, а также включить в них сознание, интроспекцию и свободу воли, является мой контекстуальный квантовый реализм (ККР). Это критический, терапевтический подход, признающий возможность познания самих вещей [11–17].

Я рассматриваю квантовые философские взгляды ряда исследователей (А. Вендта, Н. Хэррингтона, К. Барад, К. М. Фиерке и Н. Маккея, Л. Орланда, Л. Занотти и других) СПН и международных отношений и показываю, что они содержат кантианские идеи о пределах познания, непознаваемости самих вещей, реляционности субъекта и объекта, онтологию отношений без *relata*, ограничивающий познание

модернистский (например, кантианский) перспективизм [1–10; 17–19]. Предлагаемая ими новая холистическая онтология спутанных состояний, которая вводится вместо индивидуалистической онтологии изолированных монад, не является онтологией чувствительной к контексту, тогда как согласно моему ККР, суть квантовой философии не в новой онтологии, а в том, что не существует никакой predetermined онтологии, поскольку всякая онтология чувствительна к контексту. Вместо справедливо критикуемой субъект-объектной дихотомии авторы предлагают не категориальный дуализм идеального и реального, как это делает ККР, а ту или иную натуралистическую форму субъект-объектного реляционизма или корреляционизма, «реализма участия», нейтральный монизм или онтологию интрадействия. Кантовский универсализм зачастую заменяется партикуляризмом. Вместо метафизического репрезентационализма (метафизического реализма) некоторыми авторами вводится идея радикальной перформативности языка или другие формы антиреализма, стирающие различия между видимостью, представлением и реальностью [18–19]. Таким образом, само по себе обращение в СПН к идеям, концептам и формализму КМ, квантовомеханическим явлениям еще не означает перехода к новой философской парадигме.

Вендт, например, неверно считает, что измерение, которое он, как и я, трактует как употребление языка в контексте, оказывает влияние на измеряемое, а то, что измеряется, не существовало до измерения: «В квантовой физике нельзя сказать, что объекты существуют до их реализации наблюдателем в измерении» [10, р. 285]. Но согласно ККР это положение можно также рассматривать как тавтологию, грамматическую истину: по определению, объекты как объекты (например, частица как частица, а не волна) предполагают свою идентификацию, измерение / наблюдение. В процессе измерения / наблюдения они возникают как (контекстуальные) объекты. В то же время нельзя сказать, что возникает сама реальность. С точки зрения ККР то, что корректно измеряется / наблюдается, существует и существовало до измерения / наблюдения, хотя до него не имело своей идентичности, не было объектом. Вендт также говорит о спутывании наблюдателя и наблюдаемого. Но это имеет смысл только с точки зрения постороннего наблюдателя. В самом же измерении / наблюдении нет никакого спутывания, а есть логический провал между наблюдателем и наблюдаемым. Это провал между способами наблюдения (они идеальны) и наблюдаемой реальностью, теорией как укорененным в опыте, реальности правилом (нормой) и ее применением. Структура этого провала и есть структура ККР. Это структура провала между идеальным и реальным, структура витгенштейновской проблемы следования правилу. Провал закрывается на практике.

Многие из рассматриваемых авторов считают себя реалистами. На самом деле они придерживаются натуралистической / материалистической

позиции, не принимающей во внимание идеальное (нормативное) измерение. Например, Занотти пишет: «Само различие между "материальным" и "идеальным" питает моральные и политические неудачи Запада» [1, p. 365–266]. Согласно, моему ККР как раз наоборот: эти неудачи – следствие антиреализма, игнорирующего категориальное различие между реальным и идеальным. С Занотти, однако, можно согласиться, если иметь в виду ту или иную антиреалистическую субстанциализацию этого различия или его смешение, чем действительно грешит философия модерна.

Утверждают, что в международных отношениях следует признать неопределенность и ответственность вместо кантовских этических достоверности и универсальности. В дополнение к этому я обращаю внимание на важность восприимчивости к контексту и принятия во внимание категориального различия между идеальным и реальным. Также правильно понятые универсальность и контекстуальность не противоречат друг другу; это две стороны одной медали. ККР заменяет абстрактные формальные правила (нормы) укорененными в реальности, своих конкретных применениях витгенштейновскими правилами (нормами), которые универсальны в области своей применимости.

Работа выполнена в рамках проекта БРФФИ № Г24МС-002 «Квантово-подобное моделирование социогуманитарных систем и философия контекстуального реализма».

Литература и источники

1. Zanotti, L. The moral failure of the quest for certainty / L. Zanotti // Quantum international relations. A human science for world politics / Eds. : J. der Derian, A. Wendt. – Oxford UP, 2022. – P. 361–380.
2. Fierke, K. M. To «see» is to break an entanglement: Quantum measurement, trauma, and security / K. M. Fierke, N. Mackay // Quantum international relations. A human science for world politics / Eds. : J. der Derian, A. Wendt. – Oxford UP, 2022. – P. 342–360.
3. Harrington, N. T. Quantum Mechanics and the Human Sciences: First Encounters / N. T. Harrington // Quantum international relations. A human science for world politics / Eds. : J. der Derian, A. Wendt. – Oxford UP, 2022. – P. 27–48.
4. Harrington, N. Uncertainty in International Relations: Forecasts, Risks, and Unintended Outcomes / N. Harrington [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/366905393_Uncertainty_in_International_Relations_Forecasts_Risks_and_Unintended_Outcomes. – Date of access: 29.08.2024.
5. Munro, W. Physics and Politics – An Old Analogy Revisited / W. Munro // American Political Science Review. – 1928. – № 1. – P. 1–11.
6. Orlando, L. Introspection redux Incorporating Consciousness into Social Research / L. Orlando // Quantum international relations. A human science for world politics / Eds.: J. der Derian, A. Wendt. – Oxford UP, 2022. – P. 323–341.

7. Zanotti, L. The Danger of Following Rules: Reflections on Eichmann in Jerusalem / L. Zanotti // Spectra. – 2014. – № 2. – P. 7–11.
8. Wendt, A. Quantum Mind and Social Science: Unifying Physical and Social Ontology / A. Wendt. – Cambridge : Cambridge University Press, 2015.
9. Molloy, S. Kant's International Relations: The Political Theology of Perpetual Peace / S. Molloy. – Ann Arbor : University of Michigan Press, 2017.
10. Wendt, A. Quantum Mind and Social Science: Unifying Physical and Social Ontology / A. Wendt. – Cambridge : Cambridge University Press, 2015. – 366 p.
11. Pris, I. On Heisenberg's notion of a closed theory / I. Pris [Electronic resource]. – Mode of access: <https://philarchive.org/rec/PRIOHN>. – Date of access: 29.08.2024.
12. Прись, И. Е. Квантовая механика и гуманитарные науки / И. Е. Прись // Вестник Челябинского государственного университета. Философские науки. – 2020. – Вып. 56, № 5 (439). – С. 105–114.
13. Прись, И. Е. Социальная реальность – «квантовая» реальность / И. Е. Прись // Диалог. – 2020. – № 2 (16). – С. 8–11
14. Прись, И. Е. Контекстуальный квантовый реализм и другие интерпретации квантовой механики / И. Е. Прись. – М. : Ленанд, 2024. – 304 с.
15. Прись И. Е. Квантовоподобное моделирование и его философские основания / И. Е. Прись // Философия науки. – 2024. – № 3.
16. Прись, И. Е. Нильс Бор и постнеклассическая парадигма / И. Е. Прись / И. Е. Прись // Эпоха академика В. С. Степина / Ред. : А. Н. Данилов. – Минск : Беларуская навука, 2024. – С. 312–324.
17. Прись, И. Е. Об «агентном реализме» и онтологии квантовой физики / И. Е. Прись // Философия науки. – 2024. – № 1. – С. 96–105.
18. Barad, K. Posthumanist Performativity: Toward an Understanding of How Matter Comes to Matter / K. Barad // Signs: Journal of Women in Culture and Society. – 2003. – Vol. 28, № 3. – P. 801–831.
19. Barad, K. Meeting the Universe Halfway: Quantum Physics and the Entanglement of Matter and Meaning / K. Barad. – Durham, NC : Duke University Press, 2007. – 544 p.

О РЕАЛЬНОСТИ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ

А. Н. Спасков

Рассуждения о реальности или иллюзорности существования вещей становятся возможными, согласно Р. Декарту лишь при необходимом условии, чтобы «я сам, таким образом рассуждающий, действительно существовал» [1, с. 269]. Но о реальном существовании себя, как не зависящей ни от каких внешних вещей и даже от собственного тела субстанции, мы можем с уверенностью утверждать лишь на основании нашей способности к мышлению. Исходя из этого, Декарт связывал реальное существование вещей с ясным представлением о них: «все представляемое нами вполне ясно и отчетливо – истинно» [1, с. 269].

Но можем ли мы таким образом, т. е. ясно и отчетливо, представить пространство и время? Ведь они не являются объектами, данными в представлении, но, скорее, пространство и время – это необходимые условия всякого возможного представления. Или, другими словами, это само представление в чистом виде. Таким образом, мы можем сформулировать вопрос о реальности пространства и времени следующим образом: как в нашем уме, в реальности которого мы не сомневаемся, формируется идея пространства и времени?

Что касается пространства, то для Декарта это не составляло затруднений, так как он основывал свои пространственные представления на очевидных истинах евклидовой геометрии. А они, в свою очередь, формировались на основе реального опыта с физическими телами. Если же мы пытаемся представить время, то здесь возникает логический круг, т. к. время, согласно Декарту – это модус мышления и, следовательно, представление о времени возможно, как представление о темпоральной структуре мышления, а значит и любого представления.

Согласно И. Канту, внешний телесный мир существует лишь постольку, поскольку он представлен в нашем сознании в соответствии с априорной формой внешнего наглядного представления и само пространство «есть не более как представление, и точный снимок с него не может находиться вне души» [2, с. 251]. С другой стороны, мы имеем непосредственное представление об изменениях собственного внутреннего состояния, что соответствует априорной форме Канта для внутренних наглядных представлений человеческого сознания.

Он полагал, что проблему взаимодействия мыслящей (непротяженной) и протяженной (телесной) субстанции невозможно объяснить, но можно лишь обозначить, выходя за границы явлений в понятие трансцендентального предмета: «пресловутая проблема взаимодействия между мыслящей и протяженной сущностью сводится, если устранить все воображаемые затруднения, к вопросу, *как возможно вообще в мыслящем субъекте внешнее наглядное представление*, именно представление пространства (наполнения его, формы и движения). На этот вопрос ни один человек не способен дать ответ; этот пробел нашего знания никогда не может быть заполнен, его можно только обозначить, приписывая внешние явления трансцендентальному предмету, который составляет причину этого вида представлений, но о котором мы ничего не знаем и никогда не будем иметь никакого понятия» [2, с. 255].

Дж. Беркли полагал, что мы можем судить о существовании внешних по отношению к нам объектов лишь на основании воспринятых ощущений. Но «что же такое эти вышеупомянутые объекты, как не вещи, которые мы воспринимаем посредством чувств? А что же мы воспринимаем, как не свои собственные идеи или ощущения?» [3, с. 112].

Таким образом, истинным статусом реального существования,

является субъективная реальность, основанная на осознании субстанциальной природы собственного Я как мыслящей субстанции, способной продуцировать и презентировать в сознании представление объективной реальности.

Реальность же внешнего объективного мира для познающего субъекта непосредственно связана, согласно А. Шопенгауэру, с возможностью его субъективного представления: «Итак, нет истины более несомненной, более независимой от всех других, менее нуждающейся в доказательстве, чем та, что все существующее для познания, т. е. весь этот мир, является только объектом по отношению к субъекту, воззрением для взирающего – короче говоря, представлением» [4, с. 27].

И первым непосредственным объектом, представленным в сознании, является наше собственное тело: «Итак, тело здесь для нас – непосредственный объект, т. е. то представление, которое служит для субъекта исходной точкой познания» [4, с. 47]. Но тело не дается нам в наглядном пространственно-временном представлении, а «только через познание, только в представлении, т. е. только в мозгу, впервые является нам собственное тело как протяженное, расчлененное, органическое» [4, с. 48].

О существовании внешнего телесного мира, структурированного в пространственно-временной форме, мы можем с уверенностью утверждать, основываясь на его восприятии посредством органов чувств. Но сами органы чувств принадлежат к нашей собственной телесной организации.

Таким образом, информация из внешнего объективного мира, представляющего собой совокупность независимых от нашего сознания физических тел и событий, передается, путем физического воздействия этих объектов на органы чувств воспринимающему (пока еще телесному) субъекту. Далее происходит физиологический процесс переработки этой информации в периферической нервной системе и передача по нервным каналам для ее дальнейшей обработки в головном мозгу. Далее происходят, далеко еще не понятые, нейрофизиологические процессы в головном мозгу. Но головной мозг, как часть человеческого тела, также является физическим телом и представляет собой, как мы полагаем, чрезвычайно высокоорганизованный органический компьютер, сформированный в процессе длительной биологической эволюции.

И лишь на последнем этапе эта разрозненная и фрагментальная информация структурируется, благодаря высшим психическим процессам, и презентруется в сознании в форме целостного мыслеобраза внешнего мира. Но что такое сознание, как и на каких принципах в нем формируются целостные представления и субъективный феноменальный опыт, мы не знаем и эти, до сих пор не решенные в науке вопросы, относятся к трудной проблеме сознания [5].

Можно предположить, что пространственно-временное представление внешнего мира основано, прежде всего на пространственно-временном представлении собственного тела. Эту идею, после анализа различных концептуально возможных моделей пространства, еще в начале XX века высказал Г. И. Челпанов: «То обстоятельство, что мы не можем себе *представить* другого пространства, является доказательством того, что наше представление пространства самым тесным образом связано с нашей психофизической организацией» [6, с. 216].

Таким образом, наша телесная субъективность является непосредственно данной в нашем сознании пространственно-временным представлением, на основе которого мы строим пространственно-временную модель внешнего телесного мира. Об адекватности этой модели и ее соответствии объективной реальности мы можем судить на основании нашей способности ориентироваться в окружающем мире и организовывать свое поведение и взаимодействие с другими телами.

Можно сказать, что мы живем в собственном «туннеле реальности», открывающего нам перспективу наглядного представления внешнего объективного мира [7]. Можно предположить также реальность существования других субъективных представлений, но невозможно представить независимую от сознания объективную реальность в абсолютном смысле, т. к. любая объективная реальность имеет необходимое условие существования в субъективном представлении и без субъекта невозможно существование объекта.

В этом наша позиция отличается от общепринятой точки зрения реализма, приведенной Р. Херстом, согласно которой «материальные объекты существуют внешним (*externally*) по отношению к нам образом и независимо от данных нам ощущений (*sense experience*)» [8, с. 5]. Принципиальное отличие заключается в онтологическом принципе реального существования, который, с нашей точки зрения заключается в том, что любой объект невозможно отделить от воспринимающего его субъекта. Отсюда следует, что если какая-либо материальная вещь и существует независимо от нашего сознания, т. к. она не воспринята нами в ощущениях, то эта независимость относительна, а в абсолютном смысле она с необходимостью должна быть укоренена в чем-либо субъективном восприятии. В данном случае мы придерживаемся концепции Г. Лейбница, согласно которой все элементы Универсума обладают, помимо физического тела, субъективным восприятием и развиваем этот подход вплоть до планковских пространственно-временных масштабов [9].

То же самое можно сказать и о реальности пространства и времени как субъективной форме наглядного представления объективной реальности. Можно предположить, что для других субъектов, способных к восприятию объективного внешнего мира, но телесная психофизическая организация которых отлична от человека, будет отличаться и

пространственно-временная реальность. В этом случае реальность пространства и времени для данного индивидуума раскрывается в конкретном применении индивидуальной способности к наглядным представлениям объективной реальности и организации своей жизнедеятельности в окружающей среде.

Этот же принцип можно распространить и на научные концепты пространства и времени, которые выходят за границы индивидуального восприятия и психофизической организации человека и расширяют представления о пространственно-временной реальности, доступной экспериментальному исследованию и концептуальному осмыслению в научных теориях. В этом случае «Физическая теория играет роль правила / нормы для "измерения" реальности» [10, с. 223]. Таким образом, мы приходим к выводу, который согласуется с точкой зрения контекстуального реализма в применении ее для понимания природы пространства и времени и считаем, что как для субъективных представлений, так и для научных теорий «Пространство-время реально, контекстуально и плюралистично» [10, с. 222].

Работа выполнена при поддержке БРФФИ в рамках научного проекта № Г24–002.

Литература и источники

1. Декарт, Р. Сочинения в 2 т. / Р. Декарт : пер. с лат. и франц. ; сост., ред., вступ. ст. В. В. Соколова. – Т. 1. – М. : Мысль, 1989. – 654 с.
2. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант ; пер. с немецкого Н. О. Лосского. – СПб. : ИКА «ТАЙМ-АУТ», 1993. – 478 с.
3. Беркли, Дж. Трактат о принципах человеческого знания и другие сочинения / Дж. Беркли ; пер. с англ. Г. Г. Майорова [и др.]. – М. : Академ. проект: Фонд «Мир», 2016. – 554 с.
4. Шопенгауэр, А. Мир как воля и представление / А. Шопенгауэр ; пер. с нем. ; худ. обл. М. В. Драко. – Минск : ООО «Попурри», 1998. – Т. 1. – 688 с.
5. Чалмерс, Д. Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории / Д. Чалмерс ; пер. с англ. – М. : УРСС: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 512 с.
6. Челпанов, Г. И. Мозг и душа. Критика материализма и очерк современных учений о душе / Г. И. Челпанов. – М. : Амрита-Русь, 2024. – 380 с.
7. Спасков, А. Н. Туннель реальности в субстанциально-информационном представлении / А. Н. Спасков // Философия и вызовы современности: к 90-летию Института философии НАН Беларуси: материалы Междунар. науч. конф., Минск, 15–16 апреля 2021 г. ; в 3 т. / Ин-т философии НАН Беларуси ; редкол. : А. А. Лазаревич (пред.) [и др.] – Минск : Четыре четверти, 2021. – Т. 1. – С. 365–369.
8. Головкин, Н. В. Картина мира и методологический реализм: теоретические и операционные ограничения в эпистемологии науки / Н. В. Головкин. – Новосибирск : Параллель, 2007. – 316 с.

9. Спасков, А. Н. Нелокальная квантовая монадология на планковских масштабах / А. Н. Спасков // Третьи Степинские чтения. Перспективы философии науки в современную эпоху: материалы международной конференции, Москва, 20–23 июня 2023 г. / Отв. ред В. А. Лекторский, В. Г. Буданов. – Москва ; Курск : Изд-во ЗАО «Университетская книга», 2023. – С. 234–238.

10. Прись, И. Е. Контекстуальность онтологии и современная физика / И. Е. Прись. – СПб. : Алетейя, 2020. – 346 с.

ПРАГМАТИЗМ И КОНТЕКСТУАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ ИДЕЙ

И. К. Ставровский

Традиционно ценность той или иной идеи определяется в зависимости от ее истинности или степени правдоподобия. Все остальные положительные свойства идеи являются производными, потому именно проверка истинности или правдоподобия имеет первостепенную значимость. Подобная точка зрения обычна как в научной среде, так и в бытовой прагматике.

Тем не менее мы легко можем продемонстрировать ограниченность подобного взгляда на ценность идеи. Проблема заключается в том, что сама по себе истинность идеи ничего не значит. Например, можно сформулировать произвольную онтологию, в рамках которой целая совокупность высказываний будет доказуемо истинной. Однако до тех пор, пока данная онтология остается чистой абстракцией, не описывающей какую-либо часть мира, ее ценность будет вызывать сомнения. Более того, даже если бы онтология действительно описывала что-то реальное, в наших глазах она приобрела бы ценность только тогда, когда мы смогли бы найти ей применение.

Также мы можем найти примеры того, как истинностью полностью или частично пренебрегают ради других ценностей. Примером подобного могут служить упрощения, которые используются даже в науке. Хотя известно, что число π имеет триллионы знаков после запятой, в большинстве расчетов это игнорируется. Иными словами, мы отказываемся от стремления к большей истинности (точности) ради удобства и скорости.

Кроме того, важно понимать, что идеи можно рассматривать не только как более или менее корректные описания реальности, но и как феномены, влияющие на индивида или группу. Очевидно, что принимаемые человеком убеждения в значительной степени определяют его мысли, чувства и поступки. По этой причине атеист, полностью отрицая истинность той или иной религии, может признавать ее ценность как источника надежды, утешения, получения психологической поддержки

и перевоспитания.

Во всех приведенных примерах мы видим смещение акцента с вопроса об истинности идеи на вопрос о ее полезности. Такая точка зрения в философии часто называется прагматизмом. Родоначальником данного течения принято считать Ч. С. Пирса, чью основную идею можно сформулировать следующим образом: убеждение предполагает наличие у человека какого-либо ожидания от реальности или намерения совершить какое-либо действие. Если две идеи порождают одинаковые ожидания и одинаковые действия, то различие между ними иллюзорное [3, с. 274–275]. Следовательно, значительная часть споров об истинности тех или иных идей в действительности являются спорами о формулировке, а не о содержании. Именно указание на практические следствия идей позволяет быстро разрешать значительную часть споров.

Как замечает другой классик прагматизма У. Джеймс, идеи лучше рассматривать не как копии реальности, а как инструменты [1, с. 38–40]. Все дело в том, что любая концепция всегда имеет ограниченную сферу применения и позволяет решать лишь ограниченное число задач. Например, молоток эффективен для забивания гвоздей, но совершенно не подходит для нарезания мяса. Аналогично, теория тяготения хорошо подходит для предсказания поведения физических объектов, но непригодна для описания социальных процессов.

Иными словами, ценность идеи не абсолютна, а обусловлена контекстом и прагматикой. Внеконтекстуальный взгляд на мир человеку не доступен. Потому само познание – это активный процесс производства знаний, а не пассивное отражение реальности. Наши концепции зависят от условий жизни и решаемых задач [2, с. 19–20]. Например, утверждения «он попал в аварию, так как не справился с управлением» и «он попал в аварию, так как выпил» не являются взаимоисключающими, они даже могут быть совмещены. Однако они имеют разную прагматику. Из второго высказывания мы можем вывести рекомендацию: «не стоит пить перед тем, как сесть за руль». Но из первого утверждения нельзя вывести подобный совет, поскольку невозможно целенаправленно исключить вероятность не справиться с управлением.

Данная точка зрения, кроме всего прочего, позволяет объяснить, почему наука меняется со временем. Старые идеи когда-то были полезны, но затем им на смену пришли более эффективные теории [1, с. 45]. Это можно сравнить с переходом человечества от гужевого транспорта к автомобилям. Неверно было бы утверждать, что использование лошадей являлось ошибкой. Просто со временем появился более эффективный способ передвижения.

Литература и источники

1. Джеймс, У. Прагматизм: новое название для некоторых старых методов мышления: Популярные лекции по философии / У. Джеймс. – М. : ЛЕНАНД, 2019. – 238 с.
2. Джохадзе, И. Прагматический реализм Хилари Патнэма / И. Джохадзе. – М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013. – 288 с.
3. Пирс, Ч. С. Как сделать наши идеи ясными / Ч. С. Пирс // Избранные философские произведения. – М., 2000. – С. 266–295.

RELIGION AND SCIENCE

Mathew Chandrankunnel

I was fortunate to be at many of the leading scientific establishments like Niels Bohr Archives, Copenhagen where Quantum Mechanics, especially Copenhagen Mechanics evolved. I met Niels Bohr's son Aage Bohr who received Nobel Prize and his son Benedict who was working at Cat, namely Chaos and Turbulence at the Archives. I was also at the tomb of Niels Bohr in the Copenhagen cemetery. I was also at Cambridge, Oxford, Princeton Universities and interacted with even some Nobel Prize winning like Friedrich von Weizaecker, Ilya Prigogine, etc. Some of the scientists I would say were atheists and would claim that science is the new religion and it should eliminate religion. As observed by the sociologist and philosopher August Comte, there is a religious stage which will be eliminated by metaphysical stage and this will be eclipsed by the scientific stage. This enlightened everlasting state according to Hawking, Dawkins have already reached and these scientists placed advertisements on London buses educating the common man that science is the new religion. According to them science and technology will absolutely eliminate religion and these belief systems are mere myths that has no rationality at all. Like these scientists, Russian communists also declared religion as 'opium of the people' and need to be eliminated.

But in Russia what I saw was unbelievable. After almost 70 years of communism, Russia turned into religious fervor and I found monasteries are filled with youngsters aspiring to become monks or nuns and the Churches are filled with faithful. I think it is also the case in Belarus. There were always systems came up with eliminating religious doctrines or practices in history and all failed utterly on the human need for meaning. Science and technology will not be able to satisfy the ultimate thirst for human craving and only a God and faith in God can only quench the thirst for human aspiration. In the City of God, St Augustine who sought after all kinds of pleasures, power and position writes that only God can give you that ultimate happiness. He also lamented there that «how late I came to know thee, and I want to be merged into thee». Science and technology are capable of controlling the environment and create life facilitating

gadgets while religion is giving meaning and sustains one's life with hope and faith. As Pope St John Paul II reiterated reason and faith are the two wings of the human spirit and we need these two for progress in future and sustainment in peace. Reason and faith flow from the same source, God in whose image we are created, the ultimate source of our being. We have been vociferous about the power of science and technology and claimed that in 2020 we will be walking on Mars; however, we were confined to our rooms and couldn't get out of there because of the tiny virus which shut down borders, grounded planes and our busy life was stranded. I saw a troll where three chimps are laughing at the humans who claimed that they would walk on the Mars in 2021 but couldn't get out of their rooms. This insignificant virus sabotaged all human plans, science and technology, medical developments and showed us where we are. In the immensity of this universe we are a speck and almost nothing. As a famous scientist proclaimed to us the listeners who received Templeton awards in the year 2000 that «when I look into the cell, I see mystery». Like the Nobel Prize winner Francis Collins observed «If God is real, and I believe he is, then he is outside of nature. He is, therefore, not limited by the laws of nature in the way that we are». Even Einstein said that he believed in the God of Spinoza.

I had the opportunity to study science and my frame of mind is reason. I am also a Catholic Priest and believe in the Triune God and in Jesus Christ, His only begotten son came into this world and gave us hope, raised us as children of God and showed the love of God. As Dostoevsky in his novels depicted cross is the way of salvation. For me science and religion are not opposite and not in conflict, but complimentary and both raise us toward God.

In the evolution of humanity, when the nomads settled as farmers, they got time to reflect about the perennial questions like from where we came and where we will go, what is the meaning and purpose of life, what death is and what is beyond death etc. One of the greatest prayers is described in the ancient wisdom literature of India, Bruhadaranyaka Upanishad «Asato Ma Sat Gamaya, Tamaso Ma jyothir Gamaya, Mrutyor Ma Amrutam Gamaya» meaning «O Lord lead us from non existence to existence, from ignorance-darkness to wisdom or light and from death to eternity». This explains the ultimate human aspirations, transcending the mundane towards the divine and the beyond. Human rational seeking would generate an enlightenment which was described in the ancient civilizations that were gradually evolved into culture and religion. Belief in the one God was annotated in the Farsi – Zoroastrian Religion and later in the Jewish Religion. In India as we have already seen, the spiritual underpinning was inherent in the organization of life, namely, in the younger age, education, then married life, then renunciation, and ultimately being abandoning oneself into the divine. These in the Sanskrit are known as Brhamacharya, Gruhastha, Vanaprastha and Sanyasa. Also the goals of life as righteousness, wealth, love and liberation or Dharma, Artha, Kama and Moksha. Indian philosophy is on par with the Greek philosophy and very deeply delving into the meaning of life,

disciplining life and searching for the purpose of life and seeking what is beyond death. There are six philosophical systems in India known as Nyaya, Vaisesika, Uttara-Purva Mimamsa, Samkhya-Yoga and Vedanta. Myriad interpretations are possible in terms of these philosophical systems and basing on these many belief structures are generated. Even atheism is valued in India from the ancient times. Indians were argumentative and manifested a plurality of value systems.

Buddhism came as a renaissance in the Indian culture and came up with eliminating the caste system and enforcing the community culture. Great International universities were established and students came from China and other places. Nalanda, Thakshasila, Odandapuri, and many such great erudite centres of learning and excellence prevailed in India. Buddhist scholarship augmented the logical reasoning and sent missionaries all over the world to spread Buddhism. However by the 12th century, Buddhism was in decline and almost eliminated from the Indian culture. Buddhism regained a few supporters when Ambedkar became a Buddhist and His Holiness Dalai Lama came to India with His followers. Jainism was more of ascetical in nature while Sikhism integrated Hinduism and Islam and gave authority to the book as Guru or master. These religions were evolved in India and integrated with the Indian culture, ethos and heritage.

Judaism Christianity, Islam and Zoroastrianism came to India and all of them were accepted and integrated into the Indian culture. Islamic kings conquered India and the British thereafter imposing their will on to the masses. Freedom struggle of India under leadership of Mahatma Gandhi gave independence and Indian constitution give validity of propagation to all religions. Indian secularism is not a denial of religion but empowering and upholding all religious traditions.

Christianity goes beyond the rationality and it is based on revelation. As Immanuel Kant in his critique of Pure and Practical Reason elaborated, there is limit of human reason and is complimented and completed by revelation. As in the Gospel of John, Logos, the second person in the Trinity, Son, came into the world through Blessed Virgin Mary, took the form of human, lived, condemned and died on the cross and resurrected on the day. This is a faith dimension and any critical reasoning couldn't be understandable, these theological notions as they are a givenness, faith accompli, to be simply accepted as received. Christianity is based on these doctrinal terms and due to various theological, doctrinal, geographical, linguistic, personal feuds, Christianity was divided into many. Today there is a tendency to accept all human aspirations and the role Bible and the teachings of Christ are thrown away simply due to follow human interests. Thus instead a culture of life, a culture of death is prevailing in many countries due to the will of the people rather than sound theological positions. So many Christian denominations simply follow the cultural dictates rather than the plan of God.

Christianity is based on revelation rather than rationality. It is founded by

and on Jesus Christ and His life and teachings. Catholic Church is based on Him and the Gospels rather than merely the cultural and other secular directives. This is my belief and I adhere to it as there were million of great intellectuals like St Thomas More and leaders like Tanzanian President Julius Nyerere, European Politician Robert Schuman, etc.

Religion is a meaning giving mechanism while science and technology is a life facilitating mechanism. They are complimentary and they need to work together for the betterment of humanity instead of opposing each other. Poverty, disease, hunger, malnutrition, illiteracy all could be eliminated by the mutual support of these two powerful sources of humanity.

This Ecumenical Christian Centre was established by Rev M A Thomas in 1963. His intention was to bring together people from all religious traditions and promote peace, harmony and progress. We rent out the premises to companies and other institutions by which the administration of the place is made. Centre consists of 30 acres of land, 30 buildings where more than 300 people could be accommodated. 300 people could be accommodated in the auditorium and food is also provided for the inmates. All types of cuisines are available and some vegetables are also produced in our farm. More than 50 staff members are taking care of the institution.

Centre also organizes its own programmes in collaboration with other well known institutions. In collaboration with the Faraday Science and Religion Institute ECC organized Science and Religion Lectures, with Oxford University an international conference on AI and its impact on society, with the University of Vladimir Russia on Climate Change and Religion, etc. As everything closed during the Covid Pandemic time, we organized online certificate courses on «Wider Contextualized Biblical Spirituality», «Wider Contextualized Biblical Hermeneutics», Asian Buddhist Christian Dialogue, Hindu Christian Dialogue for Fellowship, etc. All these lectures are also published by ECC publications.

Everywhere people compare Churches against each other. Each Church has its own historical calling and it depends upon people interpretation and perceptions. Catholic Church is often accused by communists that it persecuted Galileo and was against science. However, the truth is that there was misunderstanding and Galileo was imprisoned by Church and was asked pardon for it by St Pope John Paul II. Protestantism promoted modern education in India and elsewhere. Numerous health care, educational and social work institutions run by the Catholic Church does yeomen service all over the world. In the same way Orthodox Churches as well do stand for truth, justice and service where they are influential.

Historically Church was deeply rooted everywhere. Christianity influenced the development of civilizations and cultures in fostering education and transformation. Russian alphabets are given by the Saints Cyril and Methodius and I deeply appreciate the spiritual culture in the Eastern Block, namely Russia and Belarus. When I was in Russia and Belarus, I have visited

many convents and monasteries and found how many young people are devotedly participating the religious services and the spiritual practices there. The Russian literature is full of with the spiritual wealth of Christian spirituality. The books of Dostoyevsky and others radiate these splendid spiritual heritage which I appreciated very much which makes me to come again and again to Russia and Belarus.

Initially the existence of the atoms was denied and Ludwig Boltzmann which lead him to commit suicide. He received severe criticism from scientists like Ernst Mach. Arthur Eddington denied the existence of black holes and Wolfgang Pauli the existence of certain particles. So some scientist interests and their over influence made the discovery certain things delayed. Whether the present Standard Model is true or something else is true will always be debated and science is always progressing as an asymptotic process. So what we say the ultimate truth will later can turn out to be an approximation and this process will go on.

Twentieth century discoveries on the microcosmic material particles and their dynamics are revealed by Quantum Mechanics. Fourth-Fifth century Madhyamaka Buddhism speaks about the spiritual transformation rather than an interpretation on material reality. In wider spectrum, the methodological and goal of these two realities have certain similarities and the principles derived from these perspectives can give certain intuitions. It will be a false observation that the 20th century material theory and the 4th century spiritual or philosophical theory say the same thing and such a contention would not hold the test of the scientific temperament and as well spiritual realization.

From the beginning, there was a quantum schism. Einstein, Schrodinger, Victor De Broglie all had contributed significantly for the development of QM from the very beginning. Classical Physics was deterministic while the QM interpretation imposed by the Copenhagen School under the leadership of Bohr was indeterministic and these scientific schools debated the deterministic, realistic and indeterministic and instrumentalist, that are metaphysical positions continuously and vigorously without any compromise. Einstein was a loner and couldn't pull the strength of the opponents to Copenhagen school together to propose a collective solution. Hence he brought the weaknesses of QM through the EPR thought experiments and other challenges. These questions of debate were taken up by individual scientists and Bohm proposed a hidden variable, holistic, ontological interpretation due to the influence of Einstein. However, he was politically attacked in USA as a Marxist sympathizer and was in exile, yet he continued his research throughout life. Again at the end of his life, he sided with Jiddu Krishnamurthy from a philosophical perspective and hence tarnished as a new age guru. The significant challenges he put to Copenhagen school and the alternative interpretation which he brought out with the help of Basil Hiley were ignored and totally ridiculed. Bohm's interpretation brings together the Classical Physics, Theory of relativity and Quantum Mechanics into a single

philosophical foundation and there is no metaphysical break between the physical interpretation and the reality of nature. Hence I proposed that Bohm's interpretation is better and with a caution that we need to work on it to make better and have experimental validation.

All research and seeking is towards the discovery of truth. Even Galileo said this when he was condemned. If the Church is teaching wrong on the physical reality then, how it would be able to teach on eternal truth. So my whole book *Ascent to Truth – the Physics, Philosophy and Galileo* – is an exposition from the perspective of the founder of modern science who argued for integrating experiment and mathematics as the key to unlock the mysteries of the universe, that any search will be to uncover truth and it ultimately leads to the religious and spiritual truth, which is an ascent towards the creator, the Divine which is ascertained by many scientists of today and yesterday. Many will acknowledge the same tomorrow as well.

All intellectual pursuits are inextricably interrelated and intertwined. Religion evolved from the answers to the perennial questions by the humanity. Meaning of life, what is beyond death and from where we came and the purpose of life gradually formed into a system of beliefs, rituals, philosophically driven doctrines conformed to life's vision could be generally defined as religion. Every civilization initially had the spark of someone or a collective leadership in framing these experiences into a religion. When religion or civilizations declined, according to Arnold Toynbee, there arose transformers who transitioned a culture or a civilization from the declining one to a new one or into a regenerated one. In this transformation, religion, ethics and politics are inextricably intertwined.

According to the Western Philosophical traditions which evolved from the Christian way of thinking from scholasticism where Christian belief systems and Aristotelian philosophy were critically evaluated and integrated. After the renaissance period, new ways of thinking evolved to Cartesian atomism, Kantian transcendentalism, Husserlian Phenomenology, etc were the offshoots of the modernity. Cartesian atomism split the human into the extended body and the thinking subject and this atomistic outlook paved the way for the doubtful and dominating mind to control the body and the nature. On the other hand, Kant doubted the existence of God, soul and the totality of reality from the perspective of pure rationality but brought them as necessity for ordering life from the stand point of practical reason. Dividing the reality as noumena and phenomena and declaring that noumena could never be attained and doubted their existence but merely postulating it as an ordering mechanism became a drastic perspectival paradigm in Western Philosophy. Till that time life was organized and ordered on the ground of truth, good and evil based on noumena, God and the declaration that these realities couldn't be reached out through reason and hence morality was rejected and brought out ethics on the principle of categorical imperative. Though Hegel brought through the movement of the

absolute spirit that ethics and morality were to be related to the involvement of a person in the society, me as the norm of action became a clarion call that led to the Superman and the slave morality of Nietzsche and the proclamation of the death of God. Noumena was absolutely forgotten and the phenomena was again highlighted by Husserl and the followers ultimately bringing an apotheosis of man. Thus, man became the measure of everything overthrowing, God, women, soul, nature and the market forces and the science and technology overemphasized these processes leading to all kinds of crises in our culture catapulting towards death rather than life. Rejuvenation of our culture could only be possible in terms of emphasizing life, service, solidarity, selflessness, etc. We need to understand that consumerism is not the end, pleasure is not the only principle, production is not the only creativity. Sustainment, need based utility of material things, caring for others, leading from behind, leaving positions for others, making mothers and women as leaders would change the world and humanity. These should become our priority, ethics and politics for today and tomorrow.

Now all my studies are merged into the consciousness studies. I have developed a tool to eliminate mental illnesses and enhance capability through Quantum Psycho Religio Therapy known in short form as QPRT. This tool enables to structure and restructuring the consciousness. This is a tool developed integrating, science, religion, psychology, spirituality, Cosmosophy, Ecosophy and all other related subjects. This would be a reliable tool for eliminate suffering and enabling individuals and society to be more effective, efficient, happy and holy.

Работа выполнена в рамках проекта БРФФИ № Г24МС-002 «Квантово-подобное моделирование социогуманитарных систем и философия контекстуального реализма».

Круглый стол
«БЕЛАРУСЬ И КИТАЙ
В ГЛОБАЛЬНЫХ ИНИЦИАТИВАХ:
ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ПАРТНЕРСТВА»

ФИЛОСОФСКО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УЧАСТИЯ КНР
В РЕШЕНИИ ВОПРОСОВ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ (НА ПРИМЕРЕ КИТАЙСКО-
БРАЗИЛЬСКОЙ ИНИЦИАТИВЫ «ДРУЗЬЯ МИРА»)

И. М. Авласенко

По мере упрочения позиций Китайской Народной Республики на международной арене все большую поддержку получают инициативы, продвигаемые официальным Пекином по разрешению кризисных ситуаций в различных регионах мира. В связи с обострением конфликтов в Восточной Европе в последние годы повышенное внимание Китай стал уделять и этому региону. Поэтому для белорусской дипломатии особый практический интерес представляет понимание философских и политических принципов, на которых КНР основывает собственные посреднические предложения и инициативы.

Основные аспекты видения Китаем процесса трансформации современного глобального миропорядка можно проанализировать, в частности, на основе выступлений китайских политиков на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН. Как отметил в своем недавнем выступлении на 79-й сессии член Политбюро ЦК КПК, министр иностранных дел КНР Ван И, «в современном мире каждая цивилизация имеет свои собственные сильные стороны. Председатель Си Цзиньпин указал, что не существует такого понятия, как "высшая" или "низшая" цивилизация, и они отличаются лишь по идентичности и географическому местоположению. Мы должны уважать разнообразие цивилизаций и стремиться заменить отчуждение и столкновение цивилизаций взаимообогащением и взаимным обучением. Мы должны отстаивать общие ценности человечества, а именно мир, развитие, равенство, справедливость, демократию и свободу, воздерживаться от проведения дипломатии на основе ценностного подхода и выступать против конфронтации, основанной на идеологии. Мы должны уважать друг друга как равных и помогать друг другу добиваться успеха с

инклюзивным разумом» [1].

Обращает на себя внимание тезис с критикой «дипломатии на основе ценностного подхода», что важно для понимания позиции Китая на международной арене. Фактически здесь китайская сторона продвигает мысль о том, что именно неприятие иных ценностей (в том числе в области общественно-политического устройства), послужило причиной многих региональных конфликтов, одним из которых является и украинский. Данный вывод перекликается с заявлениями белорусских официальных лиц о том, что страны Запада объявили свои ценности «правильными», а все остальные – «неправильными». Как отмечал в сентябре 2022 г. на сессии Генеральной Ассамблеи ООН глава внешнеполитического ведомства Республики Беларусь В. В. Макей, «международные отношения не вращаются вокруг одного, а именно западного, центра силы. У мировой истории нет конца, поскольку она не является неумолимым движением всех стран к так называемой "либеральной демократии". Мир является слишком сложным, чтобы свести все его проблемы, как порой пытаются преподнести в том числе с трибуны Генассамблеи ООН, к противостоянию между так называемыми демократиями и автократиями» [2]. Белорусской стороной было высказано практическое предложение разработать в рамках ООН Хартию разнообразия мира в XXI веке, «посредством которой все государства-члены могли бы согласованно установить базовые принципы управления международной жизнью, учитывающие многообразие [подходов к организации политической, экономической и социальной жизни в разных странах] и отвергающие гегемонию» [3, p. 129].

И Республика Беларусь, и Китайская Народная Республика исходят из принципа «неделимости безопасности», как на глобальном, так и на региональном уровне, который отвергает возможность обеспечения безопасности одних участников международных отношений за счет других. Свидетельством этому стала мирная инициатива, которую Китай выдвинул совместно с Бразилией в мае 2024 г. На встрече в Пекине член Политбюро ЦК КПК, министр иностранных дел КНР Ван И, а также главный советник президента Бразилии Селсу Аморим согласовали документ, получивший название «Совместный меморандум Китая и Бразилии по политическому урегулированию украинского кризиса». Инициатива была выдвинута незадолго до конференции в швейцарском Бюргенштоке, где планировалось представить и закрепить те принципы урегулирования, которые продвигались в Киеве. В китайско-бразильском документе были сформулированы следующие три принципа деэскалации в отношении: «не расширять поле боя, не обострять боевые действия и не совершать провокаций» [4].

В меморандуме не только не используются такие формулировки, как «российская агрессия», но и не упоминается принцип сохранения территориальной целостности Украины, на чем обычно настаивают

западные государства. Вместе с тем, в п. 2 подчеркивается, что «Китай и Бразилия поддерживают созыв в надлежащее время международной мирной конференции, которая будет признана как Россией, так и Украиной, обеспечит равноправное участие всех сторон и честное обсуждение всех вариантов мирного урегулирования» [4]. Фактически данный текст подчеркивает, что, в отличие от стран коллективного Запада, КНР и Бразилия, стремясь стать ко-спонсорами мирного урегулирования, не ставят никаких условий заранее, поставив задачу организовать встречу, на которой уже непосредственно будут оговорены условия урегулирования ситуации, приемлемые одновременно как для России, так и для Украины. Исключение составили только недопустимость «применения оружия массового уничтожения», а также «атак на атомные электростанции и другие мирные атомные объекты», упомянутых в п. 4 и 5, что априори соответствует основополагающим нормам международного права и гуманности. Такой подход разделяется и руководством Республикой Беларусь: схожие мысли неоднократно высказывал Глава государства: «надо остановиться сейчас, сесть за стол переговоров. Без предварительных условий» [5].

Республика Беларусь солидарна и с содержанием п. 6 указанного документа, который относится не столько к украинскому урегулированию, сколько характеризует процесс болезненной трансформации современного миропорядка: «Необходимо противостоять разделению мира на замкнутые политические или экономические группировки. Стороны призывают укреплять международное сотрудничество в таких областях, как энергетика, валюта, финансы, торговля, продовольственная безопасность и безопасность критической инфраструктуры, такой как нефте- и газопроводы, подводные оптические кабели, электроэнергетические объекты и оптоволоконные сети, защищать стабильность глобальных производственно-сбытовых цепочек» [4]. В данном фрагменте в скрытой форме критикуется санкционная политика стран Запада, которая применяется как к Китаю, так и по отношению к Республике Беларусь. Именно санкционное давление, оказываемое как в виде экономических ограничений, так и рестрикций в научно-технологической сфере, приводит к формированию упомянутых замкнутых группировок.

Китайско-бразильская инициатива стала попыткой сформулировать самые общие положения, на основе которых можно было бы составить платформу для будущего урегулирования российско-украинского вооруженного конфликта. В связи с этим не обошлось без критики как со стороны стран Запада (из-за того, что не упоминается приверженность территориальной целостности Украины), так и некоторых наиболее радикальных комментаторов в России (за то, что она якобы ограничивает свободу маневра Москве) [6; 7].

На 79-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН КНР и Бразилия

перешли к практической стадии реализации данной инициативы, инициировав создание Группы «Друзья мира» [8]. Китайское представительство при Организации Объединенных Наций организовало встречу представителей 17 государств. Н. Бидо, пресс-секретарь Федерального департамента иностранных дел Швейцарской Конфедерации, единственного западного государства, приглашенного на встречу, также заявил о поддержке данной инициативы со стороны официального Берна [9]. Интерес к работе данной группы официально выразила и Венгрия. По словам официального представителя МИД КНР Линь Цзяня, инициативу поддержали более 110 стран мира [10].

Данная инициатива свидетельствует о все большей вовлеченности Китайской Народной Республики в решение региональных вопросов безопасности в Восточной Европе. Для Пекина интерес здесь имеется в нескольких аспектах, наиболее значимым из которых представляется политический. Китай не заинтересован в окончании украинского кризиса на западных условиях и в стратегическом поражении Российской Федерации. Напротив, неудача амбициозных планов США, с точки зрения Пекина, пошатнула бы западную концепцию доминирования, что открыло бы новые возможности для формирования привлекательного имиджа других крупных центров силы, к которым относится и сам Китай. Немаловажным аспектом является также экономический. Продолжение конфликта и его потенциальное расширение наносят существенный урон полноценному функционированию транспортного коридора «Европа – КНР». В связи с этим Китай разрабатывает альтернативные маршруты, в частности, расширяет «Морской Шелковый путь» вдоль южного побережья Азии, развивает альтернативный сухопутный маршрут через Турцию, а также вместе с Россией начинает осваивать Северный морской путь.

Таким образом, мирная инициатива КНР и Бразилии, в случае ее успеха, фактически поспособствует усилению роли стран Глобального Юга в мировой политике, особенно в сфере посредничества. Такой подход официально разделяет и Республика Беларусь. Как отметил в своем выступлении на 79-й сессии ГА ООН министр иностранных дел Республики Беларусь М. В. Рыженков, «мы и далее будем настаивать на справедливой реформе Совета Безопасности, потому что голос стран Глобального большинства в Совете – это и наш голос. Поэтому мы считаем, что насущная потребность дня – реформа Совета Безопасности ООН за счет крупных развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки. Эти страны – на острие основных глобальных проблем. Они лучше других знают, как разрешать войны и конфликты в развивающемся мире» [11]. Принципы мирного урегулирования, которые страны Глобального Юга будут отстаивать при осуществлении посреднических усилий, могут быть положены в основу формирования более

справедливого и многополярного миропорядка. В связи с этим у Минска и Пекина открывается дальнейшее пространство для совместной работы над архитектурой новой системы безопасности в Евразии.

Литература и источники

1. Building on Past Achievements and Forging Ahead Together Toward a Community with a Shared Future for Mankind: Statement by H. E. Wang Yi, Member of the Political Bureau of the CPC Central Committee and Minister of Foreign Affairs of the People's Republic of China, at the General Debate of the 79th Session of the United Nations General Assembly (New York, September 28, 2024) // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.mfa.gov.cn/eng/wjzbzd/202409/t20240929_11499995.html. – Date of access: 02.10.2024.
2. Выступление Министра В. Макея на 77-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (24 сентября 2022 г., г. Нью-Йорк) [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://mfa.gov.by/press/statements/c7ce020f751c1931.html>. – Дата доступа: 02.10.2024.
3. Makei, V. V. Liberal International Order: Can It Be Saved in Today's Non-Hegemonic World? / V. V. Makei // *Russia in Global Affairs*. – 2023. – № 21 (1). – P. 114–130.
4. Консенсус Китая и Бразилии по политическому урегулированию украинского кризиса // Синьхуа Новости. 24.05.2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russian.news.cn/20240524/254da31f8e284cff8333784227f122dc/c.html>. – Дата доступа: 02.10.2024.
5. Встреча с представителями зарубежных и белорусских СМИ // Президент Республики Беларусь: официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/events/vstrecha-s-predstavitelnyami-zarubezhnyh-i-belorusskih-smi-1688629644>. – Дата доступа: 02.10.2024.
6. Блинкен подверг критике мирный план Бразилии и Китая по Украине // ТАСС. 28.09.2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/21981059>. – Дата доступа: 02.10.2024.
7. Баранчик, Ю. Китайско-бразильский «мирный план» – путь к стратегическому поражению России / Ю. Баранчик // *Discred.ru*. Русская аналитика. 01.10.2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.discred.ru/2024/10/01/kitajsko-brazilskij-mirnyj-plan-put-k-strategicheskomu-porazheniyu-rossii/>. – Дата доступа: 02.10.2024.
8. В ООН создана Группа «Друзья мира» по украинскому кризису // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.fmprc.gov.cn/rus/wjdt/wshd/202410/t20241002_11502232.html. – Дата доступа: 02.10.2024.
9. Switzerland welcomes China-Brazil peace initiative for Ukraine // *SWI Swissinfo.ch* [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.swissinfo.ch/eng/foreign-affairs/switzerland-welcomes-china-brazil-peace-initiative-for-ukraine/87635460>. – Date of access: 02.10.2024.
10. Очередная пресс-конференция 27 сентября 2024 г. у официального представителя МИД КНР Линь Цзяня // Министерство иностранных дел

Китайской Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.fmprc.gov.cn/rus/mtfw/ce_cgw_chn/lxjzhzhdh/202409/t20240929_11500780.html. – Дата доступа: 02.10.2024.

11. Выступление Министра иностранных дел Беларуси М. Рыженкова на 79-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (28 сентября 2024 г., г. Нью-Йорк) // Министерство иностранных дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mfa.gov.by/press/news_mfa/d3a306d89ad06933.html. – Дата доступа: 02.10.2024.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ОБЛАСТИ ВЫСШЕГО СПОРТИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КИТАЕ И БЕЛАРУСИ

Го Цзимао, Д. А. Смоляков

В конце XIX – начале XX веков культура физического воспитания внедрялась в систему образования Китая в религиозных и колониальных рамках, а затем превратилась в самостоятельный предмет [1]. Таким образом, международное интерактивное измерение физического образования в Китае продолжает иметь структуру «центр-периферия» [2], то есть международное измерение высшего физического образования сохраняет вектор подражания европейским странам, где зародилась современная физическая культура. Этот вектор содержит четкие количественные показатели, которые институционализированы в международной повестке дня китайских спортивных университетов, финансируемых государством: международный рейтинг спортивных университетов, награды на мировых соревнованиях, контрактные соглашения между международными спортивными университетами, экспорт образовательных услуг. Стоит отметить, что данная модель взаимодействия рассматривается теоретиками интернационализации как миф, а теоретиками спорта – как колониальное наследие, указывающее на необходимость перемен (D. Rowe, S. M. Clevenger, Chen Chen) [3–5].

Беларусь, как спортивная держава, всегда была для Китая важным объектом для подражания, а недавнее развитие китайско-белорусских отношений привело к новым возможностям для взаимодействия на уровне высшего спортивного образования между двумя сторонами. В определенной степени такие международные программы, как инициатива «Пояс и путь», действительно изменили общую среду трансграничного взаимодействия между Беларусью и Китаем в области национальной спортивной культуры, привнеся коммерциализацию и индустриализацию через политические и экономические интересы, не только укрепив гуманистическую атмосферу национальной спортивной культуры, но и реализовав концепцию бесприоритетной ситуации через деловое

сотрудничество. В то же время появление современного информационного общества превратило традиционную индустриальную экономику в экономику знаний, основанную на управлении информацией. В этом контексте любой человек с межкультурными интересами имеет возможность более интуитивно и свободно передавать и получать информацию о традиционной культуре.

В настоящее время взаимодействие между спортивными университетами двух стран объединено в области общих олимпийских спортивных программ. Но не хватает взаимодействия традиционной спортивной культуры, которая связана с национальным фольклором, местными обычаями и духовным миром жителей. Продвижение и распространение собственной спортивной культуры не только актуально для становления национальной идентичности, но и может стать новой точкой роста для взаимодействия спортивных вузов двух стран. В этом контексте рекомендуется укреплять взаимодействие в рамках спортивных гуманитарных наук и культуры, включая этнографические работы, которые фиксируют национальную спортивную культуру. Этнографическая полевая работа в определенной степени бросает вызов многим спортивным антропологам, в то время как спортивная антропология может проводить углубленную полевую работу в Беларуси и эмпирически изучать логику традиционной спортивной культуры. Исходя из привлекательного понимания, использование медиа, социальных платформ, искусственного интеллекта и других технологий может описать и распространить традиционную спортивную культуру более интуитивным и подробным образом, чем раньше.

В целом всепогодные стратегические отношения между Китаем и Беларусью благоприятствуют углублению взаимодействия между двумя этническими традиционными видами спорта и, что еще важнее, дальнейшему развитию дисциплины «антропология спорта». Выполнение политических условий и наступление цифровой эры – это время для Китая и Беларуси создать механизмы взаимодействия в традиционной спортивной культуре. Это не только эффективный путь для будущего международного измерения высшего физкультурного образования с обеих сторон, но и распространение которого способствует сохранению традиционной спортивной культуры с обеих сторон. Поэтому необходимо, чтобы спортивные университеты обеих сторон начали проводить исследования в области спортивной этнографии, привлекать внимание общественности, поддерживать и продвигать государственные бизнес-интересы, а также больше сотрудничать в организации традиционных спортивных мероприятий.

Литература и источники

1. Го, Цзимао Физическая культура в контексте модернизации Китая на рубеже XIX–XX вв. / Цзимао Го, Д. А. Смоляков // Философско-культурологические исследования / БГУ. – Минск, 2023. – Вып. 4. – С. 222–231.
2. Рен, Ючжун Изменения в высшем образовании в контексте «четвертой промышленной революции» / Ючжун Рен, Юй Цао // Китайское высшее образование. – 2019. – № 5. – С. 13–16.
3. Rowe, D. Sport and the Repudiation of the Global. International Review for the Sociology of Sport / D. Rowe // International Review for the Sociology of Sport. – 2003. – Vol. 38, № 3. – P. 281–294.
4. Clevenger, S. M. Sport history, modernity and the logic of coloniality: a case for decoloniality / S. M. Clevenger // Rethinking History. – 2017. – Vol. 21, № 4. – P. 586–605.
5. Chen, Chen Making settler colonialism visible in sport management / Chen Chen, D. S. Mason // J. of Sport Management. – 2019. – Vol. 33, № 5. – P. 379–392.

ТЕНДЕНЦИИ ОТНОШЕНИЯ МОЛОДЕЖИ К ХУДОЖЕСТВЕННОЙ И ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ В РАМКАХ ИХ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ И МИРОВОЗЗРЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ТРАНЗИТИВНЫХ ОБЩЕСТВ БЕЛАРУСИ И КИТАЯ

Дай Лин

Традиционная культура Китая является концентрированным выражением духа китайской нации, а также культурной основой и духовной связью китайской нации. Идея наследования культуры коренится в китайской традиции пропаганды обучения и добродетели, соответствует марксистскому культурному мировоззрению и воплощается в более чем 100-летнем опыте культурного строительства Коммунистической партии Китая [1, с. 195].

Под влиянием невиданных за столетие глобальных изменений культурное развитие сталкивается с определенными испытаниями.

Как понять дилемму развития традиционной культуры Китая, понять важность и значение культурного наследия, исходя из марксистской культурной концепции, сущности китайской традиционной культуры и идей культурного строительства, а также изучить происхождение идей культурного наследия с учетом гомогенизации мировой культуры, инновационных методов коммуникации и сокращения физического пространства?

Еще в 1942 году Мао Цзэдун заявил на Яньаньском форуме литературы и искусства: «Мы должны унаследовать богатое литературное и художественное наследие и прекрасные литературные и художественные

традиции, оставшиеся от прошлых эпох в Китае и зарубежных странах, но цель по-прежнему состоит в том, чтобы служить народным массам» [2, с. 855].

24 февраля 2014 года в ходе коллективного заседания Политбюро ЦК КПК Си Цзиньпин также отметил: «Чтобы культивировать и продвигать основные ценности социализма, мы должны опираться на прекрасную традиционную китайскую культуру. Сильные основные ценности имеют свои корни. Отказ от традиций и отказ от корней равносильно оборванию своего духовного спасательного круга» [3, с. 12].

Из этого выступления видно, что традиционная китайская культура является источником жизни для основных ценностей социализма и основным элементом, поддерживающим его развитие и существование. Если мы отбросим эту сокровищницу морали, то основные ценности социализма потеряют свою силу и жизнеспособность, и они не смогут играть роль собирания сил и укрепления фундамента. Исходя из этого, чтобы укрепить культурное наследие и моральную основу основных социалистических ценностей, Си Цзиньпин предложил глубоко раскопать и интерпретировать выдающиеся традиционные китайские добродетели, сделать их источником основных социалистических ценностей, что позволит еще больше сплотить общее ценностное стремление всего общества. «Культурное наследие Китая должно быть полностью и критически использовано» [2, с. 255].

В условиях глобализации, когда современная наука и технологии стремительно развиваются, а социальные изменения ускоряются, традиционная культура Китая сталкивается с серьезными испытаниями в процессе наследования, включая ряд проблем, таких, как риск культурной однородности, вызовы технологических изменений, защита окружающих природных ресурсов и дилеммы наследования из поколения в поколение.

С углублением *глобализации* в Китай в большом количестве хлынули различные иностранные культуры, ценности и сам образ жизни. Предоставление людям разнообразного выбора привело к возникновению риска культурной гомогенизации во всем мире, что в том числе повлияло на китайскую культуру. Огромный массив разнообразных предлагаемых услуг, досуга создал определенные проблемы и трудно предсказуемые последствия. Необходимо отметить, что *в некоторой степени привлекательность традиционной культуры была ослаблена*. Эта проблема заставила некоторых членов общества усомниться в ценности и значении традиционной культуры, что привело к соответствующему ощущению чужеродности и отчуждения. В результате у них также снизилось чувство идентичности с традиционной культурой. Это, в свою очередь, объективно ведет к возникновению риска культурной гомогенизации, оказывает воздействие на культурное наследие и развитие традиционной культуры Китая.

Для определения отношения молодежи к художественной и традиционной культуре в рамках их ценностных ориентаций и мировоззрения был проведен опрос и анкетирование. В опросе участвовали граждане Китая различного возраста как из городской среды, так и сельской местности. Всего в анкетировании приняло участие 22 человека от 21 до 54 лет, из которых 12 женщин и 10 мужчин. Тенденции отношения молодежи к художественной и традиционной культуре, в первую очередь, выражается в том, как часто люди помимо своей деятельности в рамках их ценностных ориентаций занимаются традиционными формами искусства. Результаты опроса приведены на рисунке 1.

Рисунок 1. Диаграмма распределения ответов среди опрошенных о частоте занятий традиционными формами искусства

Мнения по поводу самой большой угрозы традиционной культуре разделились. Часть опрошенных считает, что никакой угрозы нет, а другая часть считает, что угрозами являются: недостаточная устойчивость к новым направлениям культуры, в том, что молодежь не понимает смысла традиционной культуры, на нее меньше стали обращать внимания и не пропагандируют ее.

Диверсификация современных методов развлечений повлияла на традиционную культуру. С появлением современных видов развлекательных индустрий, включая фильмы, музыку и Интернет, аудитория, к примеру, традиционной оперы и других форм искусства постепенно сокращается, и многие традиционные художественные группы сталкиваются с экзистенциальным кризисом.

Глобализация более благоприятно сказывается на продвижении национальной культуры, воздействие ее все еще относительно велико, но, например, ритуальный смысл традиционных праздников постепенно ослабевает. При этом глобализация может позволить искусству страны культурно экспортироваться за границу.

Глобализация позволила большему количеству людей увидеть и принять традиционную культуру Китая. В целом влияние положительное, поскольку участились различные культурные обмены, а интеграция породила новый культурный облик. Традиционная культура претерпевает частичную трансформацию в ходе обменов. Хотя она иногда и исчезает из поля зрения, но это ни что иное, как естественный закон культурного развития, в основе которого лежит наследование и возрождение посредством инноваций.

Глобализация облегчает принятие общественностью относительно популярных и широко распространенных культурных или художественных форм. С одной стороны, из-за сложности культуры нашей страны трудно эффективно распространять традиционную культуру. Например, современное городское строительство Китая использует западную архитектурную логику, а китайская архитектурная эстетика имеет проблемы в наследовании и реализации вследствие ее высокой стоимости, значительных финансовых затрат. С другой стороны, глобализация также способствовала современной интеграции мировой культуры и китайской культуры, позволив некоторым традиционным культурам получить больше «новых» форм выражения, что облегчило их эффективное распространение по всему миру.

Литература и источники

1. Си Цзиньпин : Выступление на симпозиуме по философии и общественным наукам (полный текст) // Сайт информационного бюро Госсовета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.scio.gov.cn/31773/31774/31783/Document/1478145/1478145_1. – Дата доступа: 07.09.2024.
2. Избранные произведения Мао Цзэдуна. – Пекин : Народное издательство, 1991. – Т. 3. – 855 с.
3. Си Цзиньпин : Культивирование и продвижение основных ценностей социализма – это базовый проект, объединяющий душу и укрепляющий фундамент // Жэньминь жибао [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cpc.people.com.cn/n/2014/0226/c64094-24464564.html>. – Дата доступа: 07.09.2024.

ИНИЦИАТИВА «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ» КАК ДРАЙВЕР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В ГЛОБАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ: НОВЫЕ ТРЕНДЫ

Н. А. Кутузова

Инициатива «Один пояс и один путь» стала одной из самых амбициозных и обсуждаемых инициатив в области развития в мире. На данный момент 152 страны и 32 международных организации подписали меморандумы о взаимопонимании с Китаем относительно участия в инициативе «Один пояс, один путь» (*Belt and Road Initiative, далее – BRI*). На сегодняшний день, с инвестициями, превышающими 1 триллион долларов США, BRI стал ключевой силой в развитии инфраструктуры в странах с развивающейся экономикой. Значительная часть этих средств была направлена на развитие транспортной инфраструктуры и энергетики. Проекты BRI реализуются довольно быстро, решения об их реализации принимаются на самом высоком уровне, однако обратная связь с местными сообществами, где реализуются проекты, либо отсутствует, либо формулировка проблемных вопросов на местном уровне запаздывает, это особенность эксперты стали отмечать сравнительно недавно. Кроме того, высокотехнический характер проектов часто становится причиной запаздывания критических замечаний для корректировки инфраструктурных проектов и программ развития. Недостаток обратной связи с местными сообществами и аналитических обзоров о развитии проектов BRI и их социальном вкладе отмечается в публикациях, различного рода методических руководствах относительно работы с потенциалом BRI с 2021–2022 гг. [1].

Стратегия BRI тесно связана с пониманием модернизации, концепция которой находится в фокусе исследований китайских экспертов начиная с 1970-х годов. Акцент на отличиях модернизации «в китайском стиле» от западных моделей открывает возможность для дискуссий о национальных стратегиях (или концепциях) модернизации, основанных на страновой или региональной специфике тех стран, в которых были реализованы проекты BRI и которые находятся в фарватере международной политики КНР [2].

Изменения в инвестиционной стратегии Китая в рамках программ BRI также очевидны, выделяются пять доминирующих трендов: экологизация проектов; переход от грандиозных проектов к более мелким, но влиятельным с точки зрения развития инфраструктуры; анализ рисков; увеличение количества частных средних и мелких предприятий среди участников проектов; поддержка развития различного рода международных инициатив, прямо и косвенно поддерживающих BRI.

Второй форум BRI в 2019 году стимулировал создание «зеленого

BRI». В марте 2022 года были изданы «Руководящие мнения по продвижению "зеленого" развития инициативы "Пояс и путь"» (далее «Руководящие мнения»). Составителями документа были Национальная комиссия по развитию и реформам, Министерство иностранных дел, Министерство экологии и Минфин. В Руководящих мнениях 2022 г. были определены приоритетные области «зеленого» сотрудничества и поддержки низкоуглеродных видов деятельности в рамках BRI на период до 2030 года, а также подчеркивалась важность соблюдения передовой международной практики в управлении экологическими рисками. На практике участие Китая в BRI сместилось в сторону поддержки зеленой экономики, однако поддержка традиционных видов топлива и инфраструктуры в развивающихся странах также сохранилась: многомиллиардные инвестиции были вложены в железные дороги в Кении, Лаосе, Индонезии, угольные электростанции в Бангладеш, Пакистане, Зимбабве и др. «Руководящие мнения по продвижению "зеленого" развития инициативы "Пояс и путь"» акцентируют внимание на улучшении управления окружающей средой, подотчетности на всех уровнях принятия решений, улучшение местного потенциала в странах BRI, анализа соотношения национальных и международных экологических стандартов, возможности мониторинга.

Переход от грандиозных проектов к более мелким, но влиятельным с точки зрения развития инфраструктуры, также стал очевиден как новый тренд инвестиционной стратегии BRI, приоритет отдается поддержке геостратегических проектов, например, портам и железным дорогам.

На первых порах реализации BRI наиболее заметным было участие крупных государственных предприятий Китая (Power China, Three Gorges, China Communications Construction и др.), с 2022 года инвестиции в BRI возглавляют компании частного сектора (CATL, Alibaba, Zijin Mining и др.).

Китай изначально рассматривал BRI как открытую и инклюзивную платформу для сотрудничества. Различные международные организации были вовлечены в сотрудничество (Программа ООН по окружающей среде, Программа развития ООН, Азиатский банк развития, Всемирный банк и др.).

Масштаб финансового развития Китая способствовал технологическому прогрессу в разных странах, например в Египте и Иране это влияние выразилось на трансформации промышленной структуры, сокращении выбросов загрязняющих веществ и повышении уровня устойчивого развития. Текущая аналитика тем не менее показывает амбивалентный характер этого влияния: масштаб и эффективность финансового влияния Китая способствовали достижению ЦУР азиатских стран-участниц BRI больше, чем европейских стран-участниц BRI. В России, Центральной и Восточной Европе и других с высоким

техническим уровнем, масштаб инвестиций Китая увеличил спрос на энергию и ее потребление в этих странах, что привело к увеличению выбросов загрязняющих веществ и снижению уровня устойчивого развития. Положительное влияние на выполнение программы ЦУР в Монголии, Юго-Восточной Азии и других странах-участницах BRI постепенно уменьшается, в то время как положительное влияние на выполнение ЦУР в Египте, Саудовской Аравии, Йемене, Иране, Ираке и других странах постепенно увеличивается [3]. За последнее десятилетие проекты BRI привлекли около триллиона долларов инвестиций, реализовано более 3000 проектов сотрудничества, создало 420 000 рабочих мест, что вывело из нищеты почти 40 миллионов человек.

Неоднородность влияния BRI на выполнение программы ЦУР разными странами побуждает анализировать страновые и региональные особенности, стимулировать разработку национальных стратегий модернизации. КНР нацелена на повышение эффективности распределения инвестиций, поддержку высокотехнологичных предприятий с возможностями НИОКР и инноваций, стимулирование производственных технологий, содействие модернизации промышленности и повышению уровня устойчивого развития.

Китай не просто укрепляет финансовое сотрудничество со странами-участницами BRI, но и стимулирует многостороннюю связь финансовых систем, помогает странам-участницам BRI формулировать зеленые финансовые стандарты, внедрять инновационные продукты и технологии.

Реализация проектов BRI в Беларуси также требует оценки с точки зрения влияния на выполнение программы ЦУР в целом и по ее отдельным целям-направлениям, также актуально сотрудничество белорусских и китайских экспертов в этой области.

Литература и источники

1. Инициатива «Пояс и путь» и инфраструктурные проекты Китая // Экологическая сеть Zoi (zoinet.org), 2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zoinet.org/wp-content/uploads/2022/06/BRI-env-brief-2022-ru.pdf>. – Дата доступа: 15.10.2024.
2. Li Peilin. Chinese-style Modernization and New Developmental Sociology / Li Peilin // Social Sciences in China. – 2021 – № 12. – P. 4–21.
3. Christoph Nedopil Wang. Ten years of China's Belt and Road Initiative (BRI): Evolution and the road ahead. 2023 [Electronic resource]. – Mode of access: https://greenfdc.org/wp-content/uploads/2023/10/Nedopil-2023_Ten-years-China-Belt-Road-Initiative-BRI.pdf. – Дата доступа: 15.10.2024.

**THE DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL COOPERATION
IN HIGHER EDUCATION BETWEEN CHINA AND BELARUS
UNDER THE BACKGROUND OF «ONE BELT AND ONE ROAD»:
OPPORTUNITIES, CHALLENGES AND STRATEGY**

Liu Ziyang

In 2016, the Chinese Ministry of Education launched the educational support plan «Promoting the Joint Construction of the Belt and Road Education Action» in response to the Belt and Road Initiative, which pointed out that «it is necessary to align with the wishes of countries along the route, learn from each other's advanced educational experience, share high-quality educational resources, and comprehensively promote the accelerated development of education in various countries». China and Belarus' higher education cooperation has also been actively carried out and further strengthened under the promotion of this policy. The two countries' educational cooperation has always been committed to supporting and leading the Belt and Road Initiative by promoting cultural identity and cultivating talents. In the new era, it is extremely important to clarify the coexistence of opportunities and challenges in the internationalization of higher education cooperation between China and Belarus, think about how the two countries should seize the new opportunity of the Belt and Road Initiative to deepen the exchange and cooperation in higher education between the two countries, and on this basis explore effective ways to promote the sustainable development of international cooperation in higher education between the two countries at a new starting point. To this end, this study aims to analyze the opportunities, challenges and paths of international cooperation in higher education between the two countries based on the current situation of China-Belarus higher education cooperation under the Belt and Road Initiative, and summarize experience and provide reference for further promoting the internationalization of higher education in my country's Belt and Road Initiative.

In this research, we found that under the background of the Belt and Road Initiative, the challenges of the international cooperation in higher education between China and Belarus mainly include language barriers, institutional differences and scientific research standards. First, language barriers exist in substance, and educational exchanges and information exchange must cross the language gap. Language barriers not only affect communication, but also lead to cross-cultural barriers, which is the main problem affecting the quality and effect of international exchanges and cooperation. Only through language and cultural communication can the two countries achieve cooperation and communication. Cultivating language talents is not only the focus of the two countries' work to deepen cooperation and exchanges, but also one of the challenges to achieve high-quality educational cooperation between the two countries. Secondly, there are differences in the education management system

and evaluation system. Deepening cooperation requires breaking the hidden barriers of institutional differences. Differences in education systems are an important challenge that cannot be ignored in the international cooperation of higher education between China and Belarus. In the process of deepening cooperation, the differences in the education management system and evaluation system of the two countries will inevitably face the differences in the education management system and evaluation system of the two countries. Both countries need to seek common ground while reserving differences on the premise of respect and understanding, and at the same time strengthen communication and consultation to respond flexibly, so as to ensure the smooth progress and in-depth development of the international cooperation in higher education between the two countries. Secondly, there are differences in scientific research standards and academic norms, and the potential for scientific research cooperation needs to be further explored. The co-creation, co-construction and sharing of scientific research results are the driving force behind the continued scientific research cooperation between scientific researchers in China and Belarus, but there are differences in the recognition standards for scientific research results between the two countries.

There are four main development paths for international cooperation in higher education between China and Belarus under the background of the Belt and Road Initiative. First, deepen the cooperative partnership between China and Belarus in higher education and clarify common development goals. Deepening the cooperative partnership between China and Belarus is an important prerequisite for promoting in-depth cooperation and sustainable development of higher education between the two countries. Second, build a scientific research and academic exchange platform between China and Belarus to promote resource sharing and cooperation. Fully tap the cooperation space and development potential in various academic fields between China and Belarus, actively build a scientific research and academic exchange platform between China and Belarus, promote experience exchange and information communication between scholars of the two countries, and provide talent and technical support for promoting the construction of the Belt and Road Initiative. Second, build a database for sharing scientific research, academic and educational resources between China and Belarus to promote resource sharing, co-construction and co-creation. The two countries have their own advantages in scientific research development and each has a world-leading research field. Both sides should uphold the concept of win-win cooperation, share scientific research and academic resources, learn from each other and draw on advanced experience, and learn from each other's strengths to make up for their weaknesses. Third, strengthen cross-cultural education between China and Belarus and promote exchanges and dialogues. Higher education should increase cross-cultural education between China and Belarus, attach importance to the cultivation of language skills in talent training, and provide strong support for

students in language learning. Fourth, improve the quality of talent training in internationalized schools and enhance the social recognition of transnational higher education cooperation. Strictly control the quality of the training of higher education talents, further improve the international education training plan, and expand high-level talent training cooperation.

Belarus's joining China's «Belt and Road» strategy is a new opportunity for the two countries to further deepen international exchanges and cooperation in higher education. Although there are challenging issues such as language and cultural barriers, differences in scientific research standards and academic norms, and the need to optimize the scale of studying abroad and running schools in the cooperation between the two countries, which need to be urgently resolved, based on the two countries' stable diplomatic relations and deep cooperation foundation, as well as the «Belt and Road» policy support and strategic needs as a driving force, China and Belarus can certainly work together to overcome all difficulties, and promote international cooperation in higher education by deepening the partnership of China-Belarus higher education cooperation, building a China-Belarus scientific research and academic exchange platform, strengthening China-Belarus cross-cultural education, and promoting mutual recognition of academic qualifications and degrees, and effectively promote the development of the «Belt and Road».

References

1. Notice of the Ministry of Education of China on Issuing the Action Plan for Promoting the Joint Construction of the Belt and Road Initiative in Education / Gazette of the State Council of the People's Republic of China. – 2016. – P. 64–69.

CHINESE MODERNIZATION EMBRACES BROADER HORIZONS

Ma Feng

The third plenary session of the 20th Central Committee of the Communist Party of China (CPC) that concluded recently addressed the further deepening reform comprehensively to advance Chinese modernization. According to the communique released Thursday, China is entering a crucial period for building a great nation and achieving national rejuvenation through modernization.

The communique emphasized the importance of reform and opening up, stating: «Chinese modernization has been advanced continuously through reform and opening up, and it will surely embrace broader horizons through further reform and opening up. We must purposefully give more prominence to reform and further deepen reform comprehensively with a view to advancing Chinese modernization in order to better deal with the complex developments both at home and abroad, adapt to the new round of scientific and technological

revolution and industrial transformation, and live up to the new expectations of our people».

Chinese modernization with openness

In recent years, China has welcomed a growing number of foreign visitors, thanks to its visa-free entry policy. These visitors have shared their experiences on social media, capturing the vibrant nightlife in Beijing's Liangmahe, the street food in Shanghai, drone-delivered meals in Shenzhen, the futuristic elevated light rail transit system and driverless taxis in Wuhan. These snapshots showcase China's dynamic vibe and the openness and confidence of its people.

China's commitment to openness underpins its appeal as a popular tourist destination. As the communique stated: «Opening up is a defining feature of Chinese modernization. We must remain committed to the basic state policy of opening to the outside world and continue to promote reform through opening up. Leveraging the strengths of China's enormous market, we will enhance our capacity for opening up while expanding cooperation with other countries and developing new institutions for a higher-standard open economy».

Amid sluggish global economic growth and rising protectionism, China's open development stands as a global public good. The Belt and Road Initiative (BRI), a key element of China's international cooperation, has facilitated the movement of people and goods among participating countries, delivering tangible benefits. China has signed BRI cooperation agreements with over 150 countries and 30 international organizations. In 2023, China's trade in goods with BRI countries reached 19.5 trillion yuan (\$2.68 trillion), a 2.8 percent annual increase, accounting for 46.6 percent of its total imports and exports.

Emphasizing the significance of openness, the communique further stressed the high-quality cooperation under the BRI to help partner countries navigate the headwinds of anti-globalization and achieving common open development. China's vast domestic market will undoubtedly become a significant opportunity for global development.

Chinese modernization with peaceful development

During his recent state visit to China, President Umaro Sissoco Embaló of Guinea-Bissau praised China for never engaging in colonialism and its non-interference in other countries' internal affairs and respectful treatment of smaller nations. He noted that China's cooperation projects, such as schools, hospitals, and roads, benefit African people.

Chinese modernization contrasts with the conflict-driven approach of Western modernization. China's peaceful and open development offers stability, certainty, and new hope for human modernization. The communique emphasized: «Chinese modernization is the modernization of peaceful development». Among the world's major countries, China is unique in its

consistent record of peace, deeply ingrained in its national identity. Only by adhering to peaceful development can a mutually beneficial and open global development system be truly established.

In a meeting with President Xi Jinping in July 2024, UN Secretary-General António Guterres thanked China for its support of the UN, commitment to multilateralism, and constructive role in promoting world peace and development. He stated that the future of humanity largely depends on China.

Chinese modernization is guided by the principle of independence, self-reliance, and developing and strengthening itself through the hard work and innovation of its people. It combines internal motivation with the peaceful use of external resources to achieve national development without oppressing other nations or plundering their resources. Instead, it provides support and assistance to other developing countries within its capacity.

*Chinese modernization with responsibility
for the future development of humanity*

Over the past century, the world has endured two world wars and the Cold War that divided humanity into two opposing blocs and put it under the constant threat of nuclear war. Post-Cold War, the Western development model was globally promoted, leading many developing countries to adopt Western systems, values and neoliberal ideologies under political pressure, often losing control over their own development.

China's pursuit of peace and development aligns with the aspirations of developing countries for modernization. China's global initiatives and proposals represent significant advancement in human values and its successful development reflects its responsibility for humanity's progress and provides a new alternative to the development path.

The third plenary session of the 20th CPC Central Committee reaffirmed China's commitment to pursuing an independent foreign policy of peace and the promotion of a human community with a shared future. The communique called for pursuing the Global Development Initiative, the Global Security Initiative, and the Global Civilization Initiative to foster an equal and orderly multipolar world and universally beneficial and inclusive economic globalization.

Through the process of further comprehensively deepening reform to advance Chinese modernization, China aims to lead a new wave of globalization through high-level institutional openness, reshaping the world economic landscape in collaboration with the Global South countries and forging a new path of globalization characterized by inclusiveness and mutual benefit.

ПРОБЛЕМА ТАЙВАНЯ В АМЕРИКАНО-КИТАЙСКИХ ПЕРЕГОВОРАХ 1972–1978 гг. О НОРМАЛИЗАЦИИ ОТНОШЕНИЙ (ПО ОЦЕНКАМ АМЕРИКАНСКОЙ СТОРОНЫ)

А. В. Русакович

Проблема Тайваня является важным фактором, влияющим на политику Китайской Народной Республики. Руководство КНР придерживается принципа «одного Китая», выступает за воссоединение страны и против интернационализации этой проблемы. Как подчеркнул председатель КНР председатель КНР Си Цзиньпин на встрече с экс-главой администрации Тайваня Ма Инцзю в апреле 2024 г., «соотечественники по обе стороны Тайваньского пролива должны решительно противостоять сепаратистской деятельности за независимость Тайваня и вмешательству внешних сил, твердо защищать общую родину китайской нации» [1].

Соединенные Штаты Америки в 1950–1960-х гг. сыграли основную роль в формировании тайваньской проблемы. США поддержали правительство Чан Кайши, которое после поражения в гражданской войне в Китае обосновалось на Тайване (Китайская Республика на Тайване) и долгое время не признавали существования КНР. США также активно поддерживали Тайвань в военно-политическом отношении. В 1950 г. в Тайваньский пролив были введены корабли седьмого флота США, на острове были размещены американские войска, американские советники приняли участие в подготовке армии Тайваня. 3 марта 1955 г. вступил в силу американо-тайваньский договор 1954 г. о «взаимной обороне» (действовал до 1 января 1980 г.). Правительство США до октября 1971 г. поддерживало статус Тайваня в ООН как представителя Китая в организации. Впоследствии, после занятия КНР своего законного места в ООН, США выдвинули концепцию «двух Китаев», что фактически означало попытку придать особый статус Тайваня в международных отношениях [2].

В 1970-х гг. КНР и США в результате длительного и сложного переговорного процесса приняли решение установить дипломатические отношения. Как отмечал президент США Р. Никсона, «в основе наших общих стратегических интересов лежало противодействие советскому влиянию в Азии» [3, с. 16]. Тайваньская проблема в течение переговорного процесса представляла собой одно из препятствий в ходе нормализации американо-китайских отношений. Бывший советник президента США по национальной безопасности Г. Киссинджер отмечал, что «тайваньский вопрос глубоко укоренился во внутреннюю канву обеих стран... Позиция Пекина состояла в том, что принятие Америкой принципа "одного Китая" являлось предварительным условием для любого продвижения. Американцы же требовали от Китая взять на себя обязательство решить

проблему мирным путем, до того, как США начнут ее обсуждать» [4, с. 274].

В ходе секретной поездки Г. Киссинджера в Китай в июле 1971 г. в ходе его переговоров с премьером Государственного совета КНР Чжоу Эньлаем сторонам удалось достичь понимания, что тайваньский вопрос не является первостепенным в ходе переговоров, и, во-вторых, урегулирование этого вопроса было поставлено в зависимость от решения других проблем, например, прекращения военных действий в Индокитае [4, с. 274–275].

Важное значения для фиксирования подходов сторон сыграло американо-китайское коммюнике (Шанхайское коммюнике), подписанное 28 февраля 1972 г. по итогам визита президента США Р. Никсона в КНР. Как отмечает Р. Никсон, «Киссинджер и Чжоу разработали великолепную формулу... Вместо того, чтобы замаскировать наши разногласия дипломатической абракадаброй, каждая из сторон изложила свой взгляд на проблемы, по которым у нас были различия. Относительно болезненного вопроса о Тайване мы констатировали очевидный факт, что китайцы, проживающие на континенте, и тайваньцы согласны с тем, что существует один Китай» [3, с. 16–17]. В Шанхайском коммюнике китайская сторона заявила, что нормализации китайско-американских отношений препятствует тайваньский вопрос, войска США должны быть выведены с Тайваня. Руководство КНР выступило против создания «одного Китая, одного Тайваня», «одного Китая, двух правительств», «двух Китаев», «независимого Тайваня» и против заявлений, что «статус Тайваня еще предстоит определить». Позиция США заключалась в том, что «все китайцы по обе стороны Тайваньского пролива считают, что существует только один Китай, а Тайвань является частью Китая». Стороны также заявили, что тайваньская проблема не должна служить поводом для военной конфронтации, руководство КНР не ставило условием для развития китайско-американских отношений немедленный уход США из Тайваня и разрыв отношений с Тайбэем, США, в свою очередь, не подтвердили своих обязательств по американо-тайваньскому договору 1954 г. [5, с. 37].

Как отмечал впоследствии Г. Киссинджер, «мы вывели свои войска с Тайваня на условии урегулирования войны в Индокитае... США поэтапно приняли концепцию "одного Китая", а Китай проявил чрезвычайную гибкость в вопросе о времени ее воплощения в жизнь» [4, с. 275].

В Совместном коммюнике 16 декабря 1978 г. об установлении дипломатических отношений США заявили о признании правительства КНР в качестве единственного законного правительства Китая. В то же время американское руководство подчеркнуло, что «народ США будет поддерживать культурные, торгово-экономические и другие неофициальные отношения с народом Тайваня» [5, с. 38]. В заявлении

правительства США от 16 декабря 1978 г. отмечалось, что с 1 января 1979 г. США прекратят дипломатические отношения с Тайванем, аннулируют договор 1954 г. и в течение четырех месяцев выведут с острова военный персонал. В заявлении правительства КНР по этому поводу отмечалось, что «способы возвращения Тайваня в лоно родины и завершения объединения страны являются исключительно внутренним делом КНР» [5, с. 38].

Таким образом, в ходе переговоров в 1970-х гг. КНР и США определили место тайваньской проблемы в двусторонних отношениях и сформулировали максимально возможные в действующих геополитических реалиях направления ее решения.

Литература и источники

1. Си Цзиньпин призвал жителей Тайваня и материка бороться с внешними силами // Известия, 10 апреля 2024 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iz.ru/1680124/2024-04-10/si-tczinpin-prizval-zhitelei-taivania-i-materika-borotsia-s-vneshnimi-silami>. – Дата доступа: 29.09.2024.
2. Тайваньская проблема / Дипломатический словарь в 3 томах // Ред. : Громыко, А. А. ; Ковалев, А. Г. ; Севостьянов, П. П. – Издание 4-е, перераб. и доп. – М. : Наука, 1984. – Т. 1. – С. 444–445.
3. Никсон, Р. На арене. Воспоминания о победах, поражениях и возрождении / Р. Никсон ; пер. с англ. – М. : Издательство «Новости», 1992. – 440 с.
4. Киссинджер, Г. О Китае / Г. Киссинджер ; пер. с англ. В. Н. Верченко. – М. : АСТ, 2014. – 635 с.
5. Американо-китайские коммюнике и соглашения 1972–1982 гг. / Дипломатический словарь в 3 томах // Ред. : Громыко, А. А. ; Ковалев, А. Г. ; Севостьянов, П. П. – Издание 4-е, перераб. и доп. – М. : Наука, 1986. – Т. 1. – С. 37–39.

CHINESE MODERNIZATION CREATES NEW OPPORTUNITIES FOR THE WORLD

Ren Weidong

In today's era, the global changes are accelerating, and the changes in the world, the times, and history is unfolding in unprecedented ways. The world has entered a new period of turbulence and transformation. The series of major issues and challenges facing the world today, including anti-globalization, pan securitization; various forms of unilateralism, protectionism, hegemonism, and power politics, as well as imbalances in development between and within countries caused by global resource allocation, have affected the cause of human modernization and become structural problems that hinder the healthy development of the world economy. The development process of human society

is full of twists and turns, and the exploration of modernization paths by various countries is full of hardships. The modernization process of human society has once again come to a crossroads in history.

The just concluded Third Plenary Session of the 20th Central Committee of the CPC mapped out a development blueprint to further comprehensively deepen reform and promote Chinese path to modernization. On September 5th, President Xi Jinping pointed out during a meeting with UN Secretary General Guterres, who is attending the Beijing Summit of the Forum on China Africa Cooperation in China, which Chinese style modernization will provide more new opportunities for countries around the world and inject new impetus into maintaining world peace and promoting common development.

Chinese Modernization is an open and win-win modernization. The Third Plenary Session of the 20th Central Committee of the CPC pointed out that «opening up is a distinctive symbol of Chinese Modernization». The implementation of the «the Belt and Road» initiative is an important embodiment of this distinctive symbol. In the current era of sluggish world economic growth and the prevalence of protectionism, the «the Belt and Road» initiative has become an international public product that China provides to the world for shared development. Over the past 10 years, the achievements of the joint construction of the «the Belt and Road» have been highlighted frequently. China has signed cooperation documents with more than 150 countries and more than 30 international organizations to jointly build the «the Belt and Road». In 2023, the trade volume of goods between China and the co built countries reached 19.5 trillion yuan, an increase of 2.8%, accounting for 46.6% of the total import and export volume. As a landmark project of the «the Belt and Road» initiative, China Europe Express has made great progress. Since the beginning of this year, the China Europe freight train has operated a total of 10000 trains, sending over one million TEUs of goods, a year-on-year increase of 11.

Chinese Modernization provides new opportunities for Belarus and other countries in the world to deepen mutually beneficial cooperation and achieve common development. At the Third Plenary Session of the 20th Central Committee of the CPC, more than 300 important reform measures were put forward, which continuously stimulated vitality and added impetus to Chinese modernization, and will provide more new opportunities for China's development with other countries in the world. In the first half of 2024, China's import and export scale exceeded 21 trillion yuan for the first time, with a year-on-year increase of 6.1%, and some indicators reached double-digit growth rates. China has maintained its position as the world's largest country in goods trade for seven consecutive years, with its international market share in exports and imports ranking first and second for 15 consecutive years. Its outward investment has remained among the top three in the world for 11 consecutive years, and its capital flows cover 155 countries and regions worldwide. China is committed to promoting high-quality development and global prosperity. With

the advancement of China's modern industrial system construction, we will provide the world with more and better Made in China and Created in China, as well as a larger scale Chinese market and demand.

The development of Chinese Modernization will be committed to safeguarding international fairness and justice and promoting world peace and stability. The current international challenges and threats are becoming more complex, the international situation is gradually deteriorating, and regional conflicts and crises are constantly emerging and escalating. The widening technological and digital divide, ongoing turbulence in global financial markets, shrinking global investment, unstable supply chains, rising protectionist measures, and increasing international trade barriers all exacerbate the instability and uncertainty of the world economy. In the face of global changes, China injects more stability and certainty into the world with the stability and certainty of its own modernization construction and development.

Dear friends and guests, on June 18 this year, the Chinese Academy of Social Sciences established National Academy of Chinese Modernization. National Academy of Chinese Modernization is mainly responsible for the theoretical and practical research of Chinese modernization. In terms of construction goals, we strive to build the National Academy of Chinese Modernization into a domestic top and world-class comprehensive research platform. Here, I also take this opportunity to establish closer academic cooperation with the National Academy of Sciences of Belarus.

ИДЕЯ «СООБЩЕСТВА ЕДИНОЙ СУДЬБЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА» В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

У Цзиаци, Д. А. Смоляков

С нарастанием глобальных проблем все больше актуализируется повестка глобального управления. Такие вызовы современности как глобальное потепление, кибербезопасность, пандемические заболевания требуют глобального реагирования. В этом контексте международное сотрудничество наравне с политико-экономическим измерением, приобретает цель построения глобального человечества, то есть всемирного сообщества, ответственного за устойчивость и успешность мирового развития. Выдвинутая Китаем идея «сообщества единой судьбы человечества» стала своеобразным и отличительным взглядом не только на пути преодоления глобальных трудностей, но и новым ответом на набирающие силы антиглобалистские тенденции.

С давних времен устоявшееся дихотомия цивилизация-варварство в рамках европейской колониальной политики была успешно переосмыслена, предложив оправдание экспансии пользой прогресса. Во

многим, глобализм прошлого был ценностно обеспечен уверенностью в справедливости обмена свободы колоний на приобщение к прогрессу колонизатора. Падение европоцентризма в середине XX в. сопровождалось критикой данного подхода, однако новое, удовлетворяющее большинство стран мира того времени решение так и не было предложено. Доминирующая в течение XX в. повестка борьбы капитализма и социализма исходила из естественности и неотвратимости антагонизма, в то время как мир нуждался в ценностях, которые позволили бы обеспечить устойчивость глобального выживания человечества.

В 2013 году Китай выдвинул идею «сообщества единой судьбы человечества», сформировав новое пространство для обсуждения будущего развития человечества в условиях нарастания глобальных проблем. В основе китайского предложения были положены идеи К. Маркса о кооперации, но современная реализация потребовала новых интеллектуальных усилий, которые были затрачены учеными, мыслителями, политиками и писателями в порядке осмысления и продвижения данной идеи. За 10 лет идея закалилась в горнилах широкой научной дискуссии, наполнившись традиционным для Китая идеями древнего конфуцианства [1]. В повестку было включено ключевое понятие «Хэ» (和 – мир, гармония и согласие). Конфуций говорил: «Благородные мужчины стремятся к гармонии, а не к единообразию; мелкий человек стремится к единообразию, но не к гармонии».

Таким образом, можно заключить, что на современном этапе в основе идеи «единой судьбы человечества» лежит гармоничное взаимодействие между различными культурными и экономическими центрами мира, что обеспечивает не противостояние идеологий или экономик, но их взаимопроникновение и познание, взаимопомощь, в том числе в условиях их существенного отличия [2, с. 64–65]. Базовая цель понятого таким образом глобального управления состоит в создании и укреплении партнерских отношений, направленных на достижение обоюдной выгоды. В этом контексте инициатива «Пояс и путь» является инструментом реализации идеи «сообщества единой судьбы человечества» и включает в себя экономические, политические и культурные аспекты. В экономике это предполагает свободную торговлю, облегчение денежных потоков и расширение транспортного сообщения. На политическом уровне инициатива воплощается в усилении политической координации. В культурной сфере – усиливаются прямые контакты между людьми и странами. Дальнейшее развитие идеи «сообщества единой судьбы человечества» связывается с обеспечением диалектического единства между общим и частным. Внося новое дыхание в концепт глобального управления Китай, стремится усилить глобальную связанность на политическом, экономическом и культурном уровнях, тем самым поспособствовав созданию более разумной мировой системы.

Литература и источники

1. Устойчивое сообщество общего будущего человечества: происхождение, эволюция и философская основа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mdpi.com/2071-1050/13/16/9352>. – Дата доступа: 15.09.2024.
2. Лю, Цзинюань Концептуальные основания продвижения Китаем идеи «Сообщества единой судьбы человечества» / Цзинюань Лю // Вестник РУДН. Серия : Политология. – 2024. – № 1. – С. 62–77.

ПЕРСПЕКТИВЫ СОЗДАНИЯ БЕЛОРУССКО-КИТАЙСКОЙ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ПЛАТФОРМЫ ТРАНСФЕРА И КОММЕРЦИАЛИЗАЦИИ ТЕХНОЛОГИЙ КОЛЛЕКТИВНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

А. Ал. Успенский, Ал. А. Успенский

Беларусь и Китай активно участвуют в различных глобальных инициативах, нацеленных на развитие экономического сотрудничества, инфраструктуры и устойчивого развития, в частности инициативы «Цифровой шелковый путь» (Digital Silk Road) [1–5], которая является частью более широкого проекта Китая «Пояс и путь» (Belt and Road Initiative), направленного на развитие торговых, экономических и инфраструктурных связей между странами. «Цифровой шелковый путь» подразумевает внедрение цифровых технологий в различные сферы, включая экономику, торговлю, транспорт и коммуникации. Основные аспекты этой инициативы включают:

1. Развитие цифровой инфраструктуры – создание и улучшение телекоммуникационных сетей, дата-центров и других цифровых активов в странах-участниках. Это включает в себя расширение доступа к высокоскоростному интернету и цифровым услугам.

2. Торговля и электронная коммерция – открытие и развитие онлайн-платформ для электронной торговли, что позволит малым и средним предприятиям выйти на международные рынки и упростить процессы покупки и продажи товаров.

3. Инвестиции в технологии – привлечение китайских инвестиций в высокие технологии, такие как искусственный интеллект, большие данные, облачные вычисления и Интернет вещей (IoT). Это поможет странам-участникам модернизировать свои экономики.

4. Кибербезопасность и стандартизация – разработка совместных мер по кибербезопасности и унификации стандартов в области цифровых технологий, чтобы улучшить защиту данных и обеспечить совместимость систем.

5. Образование и обмен знаниями – программы по обучению специалистов в области цифровых технологий и обмен опытом между

странами могут укрепить человеческий капитал и стимулировать инновации.

Инициатива «Цифровой шелковый путь» призвана не только улучшить экономические отношения, но и создать платформу для международного сотрудничества в сфере технологий, что особенно актуально в условиях глобализации и цифровизации экономики. Беларусь, как и другие страны, активно участвует в этой инициативе, стремясь развивать свою цифровую инфраструктуру и внедрять современные технологии в различные сферы.

В НАН Беларуси разработана автоматизированная система информационного обеспечения инновационной деятельности и трансфера технологий НАН Беларуси (АСИО ИДТТ) на базе которой функционирует Сеть Республиканского центра трансфера технологий (РЦТТ), осуществляющая информационную поддержку трансфера и коммерциализации технологий, создаваемых как в Республике Беларусь так и за рубежом [6; 7]. В целях улучшения информационной поддержки организаций Беларуси и Китая в сфере трансфера и коммерциализации технологий РЦТТ ищет партнеров в КНР, обладающих ресурсами, аналогичными сети РЦТТ в целях их объединения путем разработки регламента взаимодействия, проведения испытаний единой интегрированной системы и разработки эксплуатационной документации. В рамках проекта планируется разработать научно-методологические и нормативно-правовые основы создания и функционирования Белорусско-Китайской информационно-технологической платформы трансфера и коммерциализации технологий коллективного использования, в частности:

- регламент и технологическую процедуру межрегионального и межгосударственного обмена научно-технической информацией и трансфера и коммерциализации технологий;

- руководства для пользователей информационно-технологической платформы трансфера и коммерциализации технологий коллективного использования;

- программы и протоколы испытаний информационно-технологической платформы коллективного использования;

- обученные специалисты.

Первоочередные исследования будут направлены на решение вопросов, обеспечивающих функционирование составляющих информационно-технологической платформы (информационные базы данных, интерфейс авторизованного доступа к данным через Интернет, интерфейсы широкого (свободного) доступа, регламенты и процедуры), которая должна развиваться в соответствии с потребностями ее участников, их клиентов и необходимости координации, осуществления мониторинга их работы и информационного обмена между ними.

От китайского партнера (университета, научно-исследовательской

организации и др.) требуется:

1. Зарегистрировать в Китае доменное имя ictt.cn
2. Арендовать (хостинг) виртуальную машину со следующими характеристиками (не хуже):
 - CPU: Intel Xeon
 - RAM: 32GB
 - SSD: NVME 1TB
 - HDD: RAID 2x4TB
 - OS: Windows Server
3. Оказать помощь РЦТТ в размещении его Интернет-портала ictt.by на доменном имени ictt.cn
4. Разработать рекомендаций по использованию китайских Интернет-порталов открытых инноваций, социальных сетей, ресурсов искусственного интеллекта, китайских онлайн переводчиков и других инструментов для продвижения в Китае Интернет-портала РЦТТ (<https://www.ictt.by>), который будет размещен на домене ictt.cn
5. Оказать помощь в отладке, запуске и поддержании Интернет-портала РЦТТ на доменном имени ictt.cn.

Реализация проекта позволит создать информационно-технологическую платформу для коммерциализации разработок и информационной поддержки поиска партнеров в Китае и Беларуси, координации совместных исследований, участия в бизнес- и технологической кооперации организаций двух стран как составной части общей системы информационного обеспечения трансфера и коммерциализации технологий на базе АСИО ИДТТ, что позволит оперативно осуществлять актуализацию баз данных технологических предложений, технологических запросов, бизнес предложений, бизнес запросов и запросов на выполнение научно-исследовательских работ в Китае и Беларуси. Созданная информационная платформа будет содействовать реализации инициативы «Цифровой шелковый путь» посредством обеспечения оперативной связи между научными организациями, высшими учебными заведениями, малыми и средними предприятиями по вопросам коммерциализации результатов научно-технической деятельности, созданных в Беларуси и Китае и будет ориентирована на оказание информационных услуг субъектам инновационной деятельности в Беларуси и Китае на коммерческой основе.

В настоящее время РЦТТ осуществляет поиск источников финансирования предложенного проекта [8] совместно с китайскими партнерами: Академией наук провинции Шаньдун, Китайским центром трансфера технологий государств-членов ШОС, Центром повышения производительности провинции Ганьсу, Куньшаньским научно-исследовательский институт промышленных технологий, Институтом высоких технологий Академии наук провинции Хэйлунцзян, Тяньфунским

Международным центром трансфера технологий (ИТТС) и др.

Литература и источники

- 1 Нежданов, В. Цифровой Шелковый путь: возможности и вызовы для постсоветской Евразии / В. Нежданов // Евразия.Эксперт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eurasia.expert/tsifrovoy-shelkovyy-put-vozmozhnosti-i-vyzovu-dlya-postsovetskoj-evrazii/>. – Дата доступа: 30.09.2024.
- 2 Нежданов, В. Л. На Цифровом Шелковом пути: стратегия Пекина в глобальном цифровом пространстве / В. Л. Нежданов // ПИР-Центр [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pircenter.org/editions/na-cifrovom-shelkovom-puti-strategija-pekina-v-globalnom-cifrovom-prostranstve/>. – Дата доступа: 30.09.2024.
- 3 Соломатина, А. Р. Цифровой шелковый путь, как составляющая инициативы «Один пояс – Один путь» / А. Р. Соломатина // Постсоветские исследования. – 2021. – Т. 4, № 4. – С. 296–307.
- 4 Лю, И «Цифровой Шелковый путь» как инновационная основа глобального проекта «Один пояс, один путь» / И. Лю // Инновации и инвестиции. – 2020. – № 12. – С. 278–282.
- 5 Гао, М. Цифровой шелковый путь: стратегический выбор и вызовы / М. Гао // Экономические стратегии. – 2023. – № 4 (190).
- 6 Республиканский центр трансфера технологий: 20 лет в национальной инновационной системе (история развития, структура, методология, деятельность, перспективы) / А. Ал. Успенский [и др.]; под ред. А. Ал. Успенского. – Минск: Центр системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси, 2024. – 172 с.
- 7 Григянец, Р. Б. Формирование и ведение единого информационного ресурса по обеспечению инновационной деятельности и трансфера технологий в НАН Беларуси / Р. Б. Григянец, А. А. Успенский, В. Н. Венгеров // Развитие информатизации и государственной системы научно-технической информации (РИНТИ-2023): материалы Междунар. науч.-техн. конф., Минск, 16 ноября 2023 г. / ОИПИ НАН Беларуси. – Минск, 2023. – С. 164–167.
- 8 Успенский, А. Построение белорусско-китайского сегмента информационно-технологической платформы трансфера и коммерциализации технологий коллективного использования / А. Успенский // РЦТТ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.icct.by/rus/exh/poisk/view.php?proid=3336e4eae52ba0bd30416af65d848&lng=rus>. – Дата доступа: 30.09.2024.

КОРПОРАТИВНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК СОЧЕТАНИЕ АЛЬТРУИСТИЧЕСКОЙ И ЭГОИСТИЧЕСКОЙ ПОЗИЦИЙ: ФИЛОСОФСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Шэнь Цзинюй

С философской точки зрения, корпоративная социальная ответственность (КСО) по своей сути представляет собой диалектическое единство эгоизма и альтруизма предприятия. С одной стороны, предприятие является экономической организацией, цель которой – получение прибыли, с другой стороны, выживание и развитие предприятия неотделимы от сотрудничества различных заинтересованных сторон, поэтому оно также должно учитывать их интересы, и этот альтруизм глубоко «укоренен в генах» предприятия. Правильное понимание эгоизма и альтруизма, их грамотное сочетание в деятельности организации – ключевой вопрос в реализации корпоративной социальной ответственности.

Традиционный взгляд на предприятие обычно предполагает получение прибыли, и единственная ответственность предприятия заключается в создании максимального богатства для акционеров при соблюдении «правил игры» [1, с. 31]. Как отмечает Л. Мизес, «в рыночной экономике нет иного пути, кроме как служить для получения прибыли и производить для получения прибыли» [2, с. 3]. В этом смысле стремление предприятия к соблюдению собственных интересов является вполне естественным и оправданным. Как показывает пирамида корпоративной социальной ответственности А. Кэрролла, основой КСО является экономическая ответственность, то есть создание достаточной прибыли для акционеров и предоставление качественных продуктов и услуг обществу [3, с. 40]. Таким образом, эгоизм выступает сущностным атрибутом предприятия, внутренней движущей силой его участия в общественном разделении труда, повышении эффективности распределения ресурсов и продвижении социального прогресса.

Однако, если предприятие стремится только к увеличению прибыли, доводя эгоизм и индивидуализм до крайности, это способно вызвать социальные противоречия, так как предприятие является «ячейкой» общества, его факторы производства происходят из общества, а продукты и услуги в конечном итоге возвращаются в общество. Теория заинтересованных сторон Э. Фримена указывает на то, что предприятие не существует изолированно, а формируется путем соглашений между акционерами, кредиторами, сотрудниками, поставщиками, потребителями и другими заинтересованными сторонами [4, с. 32]. Процесс стремления предприятия к прибыли также является процессом формирования

социальных ценностей. Если предприятие пренебрегает общественной моралью в погоне за прибылью, это может привести к истощению ресурсов, загрязнению окружающей среды, трудовым конфликтам и другим социальным проблемам, что в конечном итоге поставит под угрозу само его существование [5, с. 67]. Поэтому компания должна осознавать степень своей социальной ответственности, в полной мере учитывать интересы различных сторон, чтобы сбалансировать позиции эгоизма и альтруизма.

С философской точки зрения, эгоизм и альтруизм не являются несовместимыми, а органически сочетаются и диалектически объединяются в области корпоративной социальной ответственности, будучи своеобразным двойным «двигателем», способствующим устойчивому развитию предприятия. Эгоизм – путь выживания предприятия. Только когда предприятие получает достаточную прибыль, оно имеет возможность выполнять более широкие социальные обязательства и возвращать долг обществу. Если чувство социальной ответственности развито чрезмерно и превышает экономическую эффективность предприятия, это в конечном итоге приведет к истощению ресурсов. В то же время, альтруизм – стратегия долгосрочного процветания предприятия. Если предприятие жертвует общественными интересами ради личной выгоды, оно может получить огромную прибыль в краткосрочной перспективе, но это неизбежно вызовет общественное возмущение и погубит его будущее. Данный тезис созвучен словам Лао-цзы в «Дао дэ цзин»: «Путь неба – отнимать у имеющих излишек и давать неимущим. Путь человека не таков: он отнимает у неимущих и отдает имеющим излишек» (Эта фраза взята из 77-й главы «Дао Дэ Цзин» Лао-цзы. Смысл данного высказывания заключается в том, что закон природы заключается в уменьшении избытка и восполнении недостатка, в то время как человеческое поведение выглядит зачастую противоположным образом – стремится отнять у слабых, чтобы отдать сильным. Лао-цзы через эту фразу показывает различие между естественным законом равновесия и человеческим поведением в обществе. Компании должны следовать законам природы, уделяя внимание альтруизму, восполняя недостаток в обществе и уравнивая интересы всех сторон). Только через альтруизм, заботу обо всех партнерах, распространение принципа «поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой», предприятие может действительно реализовать принцип «брать у общества, использовать для общества» и достичь целей устойчивого развития.

В традиционной китайской культуре идеи конфуцианства о «человеколюбии» и даосизма о «великом Дао, объемлющем все сущее», как правило, отражают стремление к гармоничному сосуществованию личных и чужих интересов, единству всего сущего. В западной философии

английский философ Д. Юм выдвинул доктрину «эгоистического альтруизма», подчеркивая, что индивид эгоистичен по своей природе, но эгоизм индивида зависит от соблюдения общепризнанных моральных норм для ограничения индивидуального поведения. Индивид получает вознаграждение через альтруизм, что, в свою очередь, удовлетворяет его самого [6, с. 98]. И. Бентам, в свою очередь, обосновал принцип «наибольшего счастья наибольшего числа людей», утверждая, что правильность или неправильность каждого действия должна оцениваться по счастью или страданию, которое оно приносит всем заинтересованным сторонам. Индивид должен стремиться к согласованию своих личных интересов с интересами общества [7, с. 4].

В заключение следует отметить, что единство эгоизма и альтруизма, согласование личных и общественных интересов является общей идеей восточной и западной философской мысли. Для предприятий данная идея находит свое воплощение в реализации корпоративной социальной ответственности, что означает как получение прибыли, так и учет интересов всех сотрудничающих партнеров при приоритете интересов акционеров, стремление к позитивному взаимодействию между развитием предприятия и социальным прогрессом.

Литература и источники

1. Фридман, М. Капитализм и свобода / М. Фридман ; пер. с англ. Чжан Жуйюй, Чжан Сун, Хэ Вэй и др. – Пекин : Коммерческое издательство, 2020. – 220 с.
2. Мизес, Л. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории / Л. Мизес. – М. : Экономика, 2000. – С. 289.
3. Carroll, A. B. The pyramid of corporate social responsibility: Toward the moral management of organizational stakeholders / A. B. Carroll // *Business Horizons*. – 1991. – Vol. 34, № 4. – С. 39–48.
4. Freeman, R. E. Strategic Management: A Stakeholder Approach / R. E. Freeman. – Boston : Pitman, 1984. – С. 46.
5. Фридман, М. Капитализм и свобода / М. Фридман. – М. : Новое издательство, 2006. – С. 157.
6. Юм, Д. Трактат о человеческой природе / Д. Юм. – Минск : ООО «Попурри», 1998. – С. 654.
7. Бентам, И. Введение в основания нравственности и законодательства / И. Бентам. – М. : РОССПЭН, 1998. – С. 10.

Круглый стол «ПРОБЛЕМЫ ТЕЛА И ТЕЛЕСНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ»

КИТАЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ТЕЛА И ЕВРОПЕЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ТЕЛЕСНОСТИ: ОТ РАЗЛИЧИЯ ПОНЯТИЙ К ЕДИНСТВУ ПОНИМАНИЯ

Т. Н. Буйко, У Сяоянь

Исследование понятия тела в китайской философии выявляет его фундаментальное отличие от европейского понятия. По мнению китайских, традиционных и современных, философов, тело – это не просто плоть, которая подлежит медико-биологическому изучению. Изначально одухотворенное тело содержит в себе еще и историю конкретного общества и культуры в целом. Именно различное отношение к влиянию этих факторов в китайской и европейской традициях философствования и определяет различие взглядов на тело. Вместе с тем, развиваемый на основе постклассической философии телесно-ориентированный подход приобретает все большее распространение в европейской социально-гуманитарной науке. Поэтому актуализация в настоящее время проблематики человеческой телесности в китайской философии связывается китайскими исследователями с влиянием западной культуры и постклассической европейской философии.

По мнению китайских исследователей, классическая европейская философия принципиально разделила дух и тело, основав тем самым фундаментальный дуализм тела и разума (шире – духа), который в радикальных вариантах полагает тело источником всего зла в рамках человеческого бытия. Так, начиная с платоновской теории души в Древней Греции и заканчивая «дуализмом материи и мышления» Р. Декарта, разум и тело всегда рассматривались как «две субстанции, существующие независимо» [1, с. 154]: «тело является препятствием на пути к познанию истины, знаний и справедливости», а, следовательно, и препятствием «для понимания мира людьми, а разделение души и тела является основой для понимания мира философами. Поэтому истинные философы должны постоянно практиковать смерть» [2, с. 15].

С развитием европейской техногенной цивилизации понимание тела

трансформируется от первоначальной спекулятивной рациональности к инструментальной, научно-технической. Однако в этих изменениях можно выделить и ряд важных направлений, связанных, прежде всего, с развитием в XIX–XX веках иррационалистической философии. Так, в работах Артура Шопенгауэра и Фридриха Ницше тело наделяется силой, которая фундирует все другие сферы человеческого бытия, и поэтому именно «тело должно быть главным критерием» подлинности этого бытия [3, с. 38]. Эта, открытая первыми иррационалистами, субъектность тела подчеркивается и обосновывается в ходе дальнейшего развития неклассической философии у разных философов с помощью совершенно разных понятий: инстинкты, желания и бессознательная сфера в целом (Зигмунд Фрейд «желал тело»), предметно-практическая деятельность (Карл Маркс «практиковал тело»), дисциплина (Мишель Фуко «дисциплинировал тело»), и так далее. Таким образом, в европейской культуре только постклассическая философия зафиксировала принципиальную внеприродную нагруженность тела, введя понятие телесности как совокупности природных и внеприродных свойств человеческого тела. Это понятие человеческой телесности на протяжении XX века было исследовано в европейском профессиональном философствовании.

Вместе с тем, по мнению китайских исследователей, европейское философское мышление, даже в своей постклассической ипостаси, никогда не избавлялось от дуализма тела и разума. Эта «искусственная двойственность тела и разума» в европейской культуре во многом способствовала развитию «рационального мышления о теле и духе», то есть научного, дисциплинарного их исследования, разделенного на «науки о природе и науки о духе» [4, с. 73]. Поэтому тело и дух, став предметами различных научных дисциплин, окончательно разделились. Основанный на анатомии взгляд на тело сделал тело объектом исследования естественных наук, таких как медицина, биология и физиология. Не относящаяся к природе сфера человеческого бытия (начиная с проблем психики и заканчивая духовной жизнью общества) стала объектом социально-гуманитарной науки. Необходимо отметить, что именно детальное предметное исследование различных аспектов человеческого бытия в качестве отдельных предметов научных дисциплин стало залогом значительных успехов и достижений европейской науки в развитии соответствующих технологий, повышающих качество человеческой жизни.

Современные исследования понятия тела в китайской философии фиксируют это фундаментальное отличие от европейской традиции. Различия культур в интерпретации тела фундированы принципиальной субъектностью тела в китайском мировоззрении уже на уровне постановки проблем: проблема тела – это личная проблема каждого индивида, каждой

нации и каждой культуры. Тело – это не просто плоть, которая несомненно подлежит изучению на медико-биологическом уровне, также как и ткани, органы и физиологические процессы других животных [5, с. 237]. Такое необходимое изучение никогда не будет достаточным, поскольку тело содержит в себе также историю конкретных общества и культуры. По мнению китайских современных философов, именно различное отношение к влиянию этих социокультурных факторов в китайской и европейской традициях философствования и определяет различие взглядов на тело.

Тем не менее, по нашему мнению, в ряде направлений постклассической европейской философии китайская традиция философствования относительно телесности человеческого бытия, культуры и познания обретает в настоящее время поддержку и развитие. Телесность культуры, то есть ее детерминированность телесными свойствами человека, обоснованная в феноменологии, постмодернизме и конструктивизме постклассической европейской философии, значительно усовершенствовала методологическую оптику, необходимую для рассмотрения субъектности тела как единства плоти и мышления. А это, как полагают китайские исследователи, является важнейшей характеристикой традиционной китайской философии, которая «переоткрывается» сегодня, благодаря западной, европейской постклассической философии.

К концу XX века, после энергичной пропаганды новой методологической оптики у М. Мерло-Понти, М. Фуко и других европейских философов, рациональному субъекту классической философии был противопоставлен цельный человек, и тело превратилось из объекта умаления и контроля в основу и критерий человеческого существования. В этом процессе переосмысления дуализма европейской философии было разработано и введено в широкий социально-гуманитарный лексикон понятие человеческой телесности (*corporeality*, *corporeality*, *bodiness*, *embodiment*), которое, в отличие от понятия тела, не имеет исключительно природной, физико-биологической коннотации. Телесность – социокультурный феномен, то есть преобразованное под влиянием социальных и культурных факторов тело человека, обладающее социокультурными значениями и смыслами и выполняющее определенные социокультурные функции. Это значит, что в отличие от тела (в европейском философствовании оно во многом по-прежнему остается физическим, природным, объектом), телесность не следует понимать как объект или набор физических органов, она представляет собой особое образование – неосознанный горизонт человеческого опыта, предшествующий рациональному мышлению.

Такие исследования в европейской философии и науке, в том числе, социально-гуманитарной, не могли не привлечь внимания китайских философов и ученых. В результате этого произошла актуализация

китайской философии тела, что, несомненно, связано с разработкой понятия телесности в европейской постклассической философии.

Литература и источники

1. Цзи, Сяофэн. О прорыве феноменологии тела Мерло-Понти к дуализму тела и разума / Сяофэн Цзи // Юго-Восточные академические исследования. – 2010. – № 2. – С. 154–162.
2. Ян, Цзян. Федон / Цзян Ян // Платон. Переводы. – Шэньян, 2000. – С. 15–17.
3. Чжан, Няньдун. Ф. В. Ницше. Воля к власти / Няньдун Чжан, Сусинь Лин // Пекин : Центральное издательство компиляции и перевода, ССТР. – 2000. – 38 с.
4. Вэнь, Цзюнь. Пробуждение телесного сознания: развитие западной социологии тела и ее отражение / Цзюнь Вэнь // Журнал Восточно-Китайского педагогического университета. – 2008. – № 6. – С. 73–81.
5. У, Жуй. Краткое обсуждение телесного сознания в перформативном искусстве – на примере Хэ Юньчана / Жуй У // Популярная литература и искусство. – 2018. – № 17. – С. 237–238.

ГЕТЕРОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕЛЕСНЫЕ ПРАКТИКИ В ОБРАЗОВАНИИ

Е. И. Жук

Проблема тела получила достаточно серьезную проработку в неклассической философии (особенно в рамках экзистенциально-феноменологической стратегии и критической теории) – во многом, именно потому, что, как отмечает Валерий Подорога, «тема Другого – линия демаркации между классической и современной философией» [1]. Без опоры на положения, относящиеся к сфере философии тела и телесности, невозможно представить себе такие области современного междисциплинарного знания, как урбанистика, биоэтика, cultural studies и так далее. Несмотря на это, указание на «проблему телесности» в рамках философско-диалогических или социально-философских дискуссий зачастую отсутствует или наталкивается на определенное неприятие. Как бы то ни было, даже сам феномен понимания и сигнификативная активность базируются на востелесненной природе языковой способности (подробнее об этом см. мою статью [2]). Поэтому дальнейшая философская работа с проблематикой телесности чрезвычайно актуальна и должна опираться как на классиков философской мысли, чьи идеи приоткрыли завесу тайны человека как экзистирующего субъекта, так и на практикоориентированный вектор подобных исследований.

Не только теоретическая проработка проблемы тела оказывалась на периферии философской мысли – даже практики работы с телом в

современном обществе зачастую остаются непроработанными, ригористическими, закрепощающими. На примере сферы образования очевидно, что, будучи, к тому же, очень точечными, такие практики носят либо абсолютно дисциплинарный, либо факультативный характер. Они также практически не становятся предметом научно-философских штудий, посвященных качеству и эффективности образования. В то же время, представляется, что трансформация телесных практик и должна начинаться именно с образовательной сферы: заброшенный в мир человек учится обращению с этим миром посредством различных способов использования своего тела и одновременно он учится отношению с Другим. Вотелесненность же, в экзистенциально-феноменологической парадигме, предопределяет и мышление, и речь. Процессы социализации многоплановы и разнообразны, они не всегда проходят легко, и именно социальные институты могут открыть человеку возможности для личностного роста. Школа, нацеленная на формирование полноценной личности, должна ориентироваться на то, чтобы обучение было многовекторным и продуктивным как в социальном, так и в экзистенциальном плане: осмысленные практики работы с телом могут одновременно способствовать и умственному развитию, и становлению эмоционального интеллекта, частично решая проблему отношения с Другим – отношения, которое детерминирует и личностный, и социальный опыт. На мой взгляд, именно телесные образовательные практики могут с легкостью работать как гетерологически ориентированные – то есть, демонстрировать возможность заинтересованного, не иерархизирующего отношения к Другому, – и, соответственно, гармонизировать отношения с Другими и высвободить личностный потенциал.

На данный момент, проблема заключается как в недостаточном вовлечении таких гетерологических телесных практик в образовательную систему, так и в закрепощающем характере уже существующих практик, нивелирующем возможность развития креативного потенциала и заинтересованного отношения к Другому. Например, традиционный формат преподавания изобразительного искусства или физической культуры часто предполагает не только следование норме, но и практику сравнения с другими, а значит, культивирует иерархическое отношение к Другому. Гетерологически выстроенные практики, ориентированные на гармонизацию отношений с Другим, должны опираться на опыт *проживания* дружости: этот опыт не иерархизирует, а предлагает новое видение, открывая горизонты лучшему пониманию Другого и уникальности собственных возможностей. Продемонстрировать такой опыт присутствия дружости в практиках телесного обучения очень легко на примере глубоко укорененных в конкретных культурах практик – танца, боевых искусств, национальных видов спорта. Это может способствовать усвоению так называемых *soft skills*, и – главное – освоению такого

базового для современного человека навыка, как умение учиться.

Невозможно отрицать, что любое обучение, как, впоследствии, и любое профессиональное занятие включает в себя элемент привыкания к определенному роду порядку. Как бы то ни было, наша деятельность не может быть полностью построена на следовании уже известному порядку: иначе человечество полностью лишится творческой искры и, возможно, шансов на выживание. Занятие, которое оставляет вопрос «Зачем?» без какого-либо намека на ответ, понятый или даже сформулированный самим обучающимся, обречено вызывать демотивацию. Поэтому следует обратить внимание и на острую необходимость осмысления «телесной составляющей» в рамках продвижения междисциплинарного обучения. Например, при изучении классической (и зарубежной) литературы не только язык произведения или его символика, но представленный в нем телесный опыт совершенно непонятен и потому не близок ребенку. Между тем, вовлечение образовательных практик из иных дисциплин, музейных ресурсов, интерактивных элементов обучения может через телесный опыт сделать культурный артефакт более доступным, а потому понятным и интересным.

Опыт проживания другости есть не только опыт открытости очевидно Другому – например, другой культуре, посредством попытки выучить национальный танец. Это также и опыт «внутренней другости», исследования границ собственных возможностей, позволяющего выстроить осознанное отношение к телесности и научиться практике «заботы о себе». Это также, в феноменологических терминах, и опыт открытости миру, который может впоследствии апплицироваться, например, на бережное отношение к окружающей среде, к природе – как к необходимому Другому. И практикоориентированное обучение биологии, и более созерцательная практика – обучение любованию природой, – будучи экологически ориентированными, в корне своем учат практике заботы о себе: например, заботы о собственном психологическом состоянии через доступный ресурс связи с природным ландшафтом. Как и все феномены, «завязанные» на телесность, такие практики однозначно контекстуальны, и «закрепляют» человека в его хронотопе.

Вообще, такое почти феноменологическое вовлечение элемента осознанности в свой телесный опыт может стать ключом к пониманию и укреплению своей связи с миром: как пишет Гастон Башляр, «сознание все омолаживает. Самым привычным действиям оно придает значение начала. Оно властвует над памятью. Что за чудо – вновь сделаться подлинным автором машинального действия!» [3, с. 71]. Без тренировки же критического мышления, которое должно, в данной сфере, опираться на отношение к телесности, даже ЗОЖ-практики могут превратиться в товар, не приносящий достаточной пользы, но занявший место в статье обязательных расходов. Этому очевидно способствует соединение в

маркетинговых стратегиях двух таких мощных стимулов, как забота о здоровье и сохранение красоты (то есть, соединение идеи блага с идеей прекрасного), что с легкостью приводит, например, к абсурдным попыткам избежать старения, вредящим ментальному здоровью человека и социальному климату. Действия, в основе которых лежит попытка предать забвению человеческую природу, с ее экзистенциалом бытия к смерти, не могут быть практикой заботы о себе в подлинном смысле.

Такие стратегические документы как, например, Концепция развития системы образования констатирует угрозу низкого уровня культуры общения и нетерпимости к противоположным взглядам, а также декларирует необходимость воспитания нравственной личности, умеющей делать ответственный выбор и выбирать способы сотрудничества. Поэтому необходимая трансформация образовательных практик предполагает ориентацию на целостную личность, что невозможно без обращения к телесному опыту. Что касается более очевидной на уровне обыденного сознания пользы от возможного разнообразия образовательных телесных практик, можно привести в пример освоение ораторского мастерства в школьных театрах или каллиграфический курс, пройденный в юности Стивом Джобсом. Более того, воспитание более *осознанного* отношения к телесным феноменам и практикам – наиболее очевидный путь предотвращения потребительского отношения к телу. В целом, представляется, что на осознанное отношение к телу во многом завязаны и такие важные в развитии гармоничного общества области, как уважительное отношение к Другому, этичное отношение к животным и даже забота об окружающей среде.

Литература и источники

1. Подорога, В. А. Словарь аналитической антропологии / В. А. Подорога // Логос. – 1999. – № 2. – С. 26–88.
2. Жук, Е. И. Язык как «телесный жест» и «интекстуация тела» (М. Мерло-Понти, М. де Серто) / Е. И. Жук // Философия и социальные науки в современном мире : материалы междунар. науч. конф. к 30-летию фак. философии и соц. наук Белорус. гос. ун-та, Минск, 26–27 сент. 2019 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол. : В. Ф. Гигин (пред.) [и др.]. – Минск, 2019. – С. 58–62.
3. Башляр, Г. Избранное : Поэтика пространства / Г. Башляр. – М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 376 с.

СХЕМЫ РАЗМЕЩЕННОГО ПОЗНАНИЯ: ОТ ВОПЛОЩЕНИЯ В ИНДИВИДУАЛЬНОМ ТЕЛЕ ДО РАЗМЕЩЕНИЯ В СРЕДЕ

А. М. Кардаш

Эпистемология в ее современном состоянии – это философская дисциплина, которая получила бурное развитие с 1960-х гг., став пересечением тех тенденций, методов и способов философствования, которые развивались в аналитической философии еще с начала XX века [1]. Поворотным стало появление того, что впоследствии будет названо проектом редуктивного анализа знания. Можно сказать, что современная эпистемология в своем основании является *сократической*, поскольку анализ знания происходил и происходит в скрупулезном диалоге исследователей, задающих друг другу самые тонкие вопросы, чтобы показать, чем именно является знание само по себе, стоящее за многообразными иллюстрациями и примерами. Неслучайно такое внимание привлек тот вид концептуального анализа, которым Сократ занимался в «Теэтете», последовательно рассматривая концепты знания как мнения, как истинного мнения и как истинного мнения с логосом [2].

При этом подходы философов Нового Времени, с которыми часто связывают «эпистемологический поворот» в философии, в большей степени отличаются от того, чем занимаются и занимались постгеггеттеровские эпистемологи. Подробнее этот вопрос рассматривает Н. Баллентайн, когда показывает, что сближение с историческими предшественниками в современной эпистемологии произошло позднее и было напрямую связано с развитием эпистемологии добродетелей [3]. Несмотря на это, справедливо будет заметить, что в определенном смысле современная эпистемология в своих основаниях была не только сократической, но и принадлежащей Новому времени, а точнее – *картезианской*. С самого начала она концентрировалась на *индивидуальном* знании, которое теоретики пытались понять, как можно более абстрагировавшись от деталей, связанных с конкретным *воплощением* и *размещением* знания в мире [4, с. 464].

Как мыслящая субстанция Декарта существует в отрешении не только от мира, но даже и от тела отдельного мыслителя, так и пропозициональное знание современной эпистемологии, конечно, предполагает субъекта, но в минимальном и абстрагированном смысле: только как некоего носителя пропозициональной установки или ментального состояния. При этом стоит учесть, что с формальной точки зрения *индивидуализм* современной эпистемологии – это не *антропоцентризм*. Любой фактический антропоцентризм в этой области связан с чем угодно, но только не с самим базовым методом анализа пропозиционального знания.

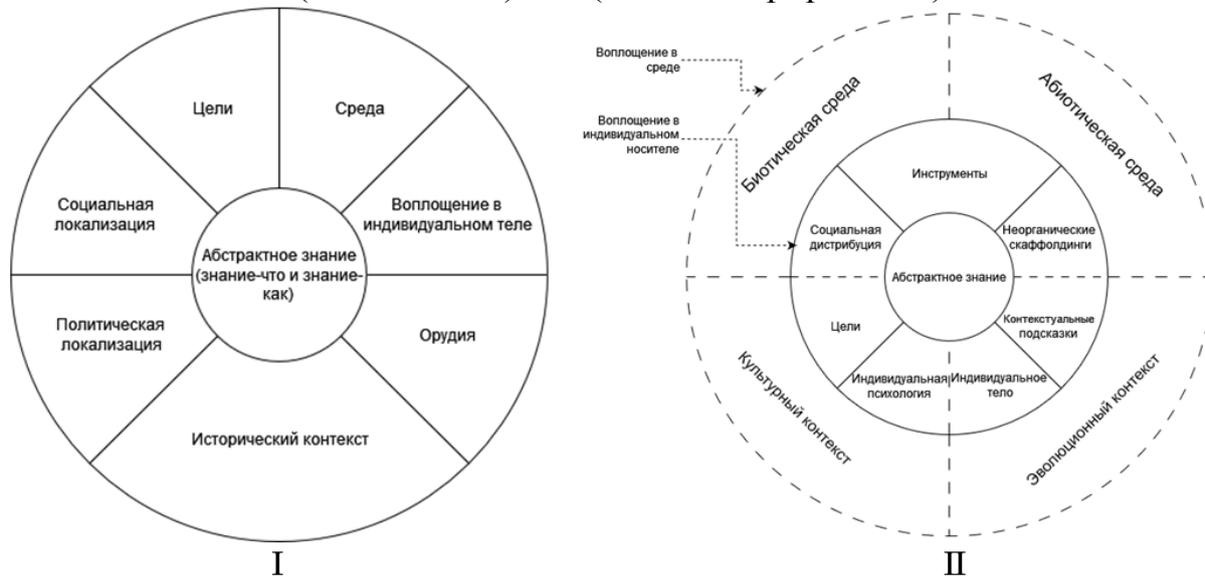
Поскольку в границах эпистемологии вышеописанные установки выглядят базовыми, уже с конца 1980-х гг. и особенно в 1990-е гг. появились работы, предлагающие альтернативный взгляд – размещающие абстрагированное пропозициональное знание как в индивидуальном теле, так и в широком социальном контексте. Подходы *размещенного познания* (situated cognition), как указывает М. Соломон, проще всего определить через то, что они отрицают, как правило, атрибутируя отрицаемый тезис некоей «стандартной», «мейнстримной» или «традиционной» эпистемологии (эти термины здесь закавычены, поскольку такие оценки не всегда справедливы, но зачастую понятны, так как, имея представление об истории дисциплины, нетрудно увидеть, чем могут быть обусловлены подобные убеждения) [5]. Итак, среди отрицаемых идей выделяются: индивидуальность познания (представление о том, что знание приобретается в частном порядке отдельным индивидом), его общезначимость и применимость в любых ситуациях, абстрактность, символичность, эксплицитность, укорененность в языке и локализация в мозге как посреднике между информацией на входе и поведением на выходе [5]. Стороннику тезиса размещенного познания достаточно выстраивать свою позицию на отрицании хотя бы одного из вышеперечисленных положений. Само же по себе словосочетание «размещенное познание» – это зонтичный термин, призванный охватить разные способы де-индивидуализированного взгляда на знание, включая подходы расширенного, социально распределенного, воплощенного познания и др.

Работа Соломон интересна не только емким историческим обзором, но и авторской схемой размещения феноменов познания в мире, в которой философ суммирует имеющиеся исследования. Предлагаемая схема имеет интересный практический потенциал, позволяющий не только проанализировать форму размещения знания в мире, но и выявить пути приобретения такого знания. Вместе с этим, как нам видится, схема имеет определенные таксономические недостатки, которые мы и постараемся исправить, предложив вариант своей схемы размещения и воплощения пропозиционального знания в мире.

В центре схемы Соломон находится абстрагированное от мира и индивидуального тела знание, которое, как мы считаем, стоит рассматривать в качестве наиболее общей фактивной установки. Такое абстрагирование фактически воплощено в рамках эпистемической логики (с поправкой на аксиомы, которые, собственно, и воплощают абстрактное знание в рамках формальных систем), а поэтому к ней можно обращаться как к инструменту, показывающему, что настолько абстрактный разговор о знании все еще осмыслен и во многом полезен. Вокруг центра располагаются семь секторов, обозначающие различные способы размещения знания в мире: в среде, в индивидуальном теле, в

инструментах, в целях познания, в историческом контексте, в политической и социальной локализациях. Соответственно, любой фактический пример знания может быть изображен графически как нечто, что пересекает те или иные секторы размещения.

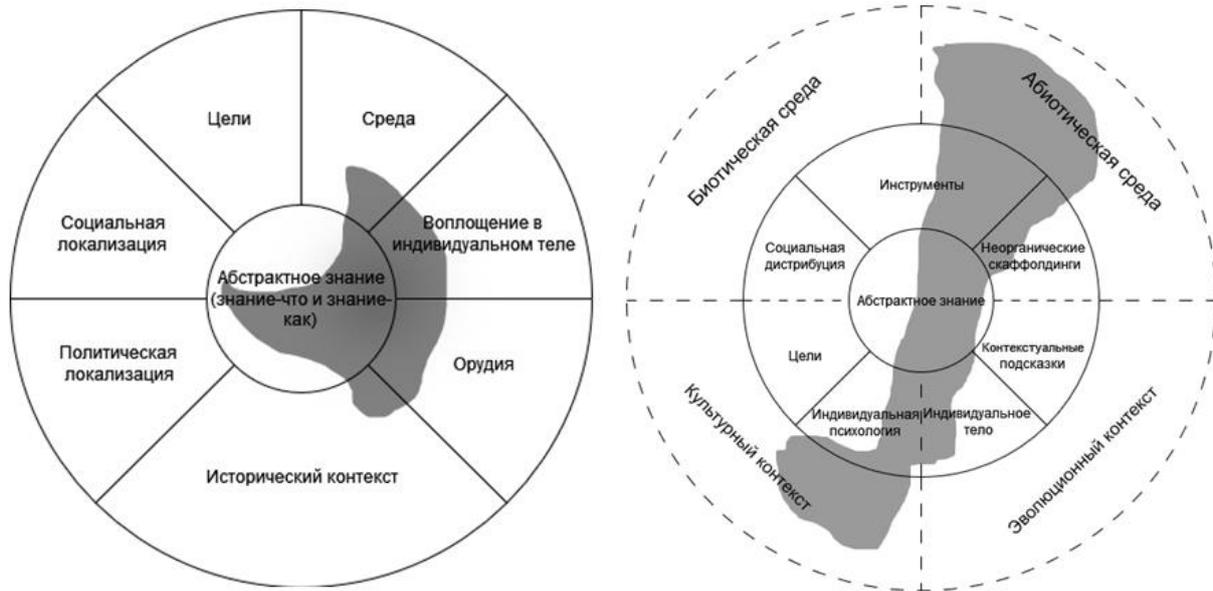
Рисунок 1. Схема размещения знания:
I (М. Соломон) и II (наша интерпретация)

Простое суммирование размещений познания, о которых говорили и говорят философы, приводит к категориальной путанице. Соответственно, это первое, что стоит преобразовать. Мы согласны, что центр действительно стоит рассматривать как абстрагированное знание – либо как пропозициональное знание, взятое чисто семантически, либо как процедурное знание, взятое в виде чистой способности или функции. Далее мы предлагаем разделять круги, отражающие *воплощение* знания и *размещение* этого, уже воплощенного, знания в среде. Воплощение в данном случае означает не только отелеснивание знания индивидуальным носителем, но и его ближайшую укорененность в артефактах среды или даже культуры.

В силу ограничений, связанных с объемом текста, мы не будем комментировать каждый из сегментов. Лишь сошлемся на то, что их выбор обусловлен имеющимися исследованиями. В завершение мы продемонстрируем конвертируемость познавательных скетчей размещения знания по схеме Соломон в нашу схему. В своем тексте Соломон изображает размещения традиционной микронезийской навигации. Она описывает эту навигацию как когнитивный навык, который «практикуется в определенной среде (в рамках архипелага) согласно определенной исторической традиции и скорее представлен не явным знанием, а знанием-как» [5].

Рисунок 2. Когнитивное размещение микронезийской навигации

Ввиду графической вольности мы называем подобные изображения скетчем когнитивного размещения эпистемических практик. Более точное изображение размещения той или иной познавательной практики будет подразумевать выявление относительного процента заполненности того или иного сектора. Так или иначе, сами когнитивные скетчи полезны, поскольку позволяют задаться вопросом о том, не касается ли практика не только тех сегментов, которые мы выделяем очевидно, но и тех, что соприкасаются с ними? В случае с переложением представлений Соломон о микронезийской навигации вполне уместно задаться вопросом, а не предполагает ли эта практика не только использование инструментов, но и скаффолдингов среды архипелагов? Все ли инструменты используются в индивидуальном порядке или они предполагают социальную дистрибуцию? Нужны ли инструменты для когнитивной адаптации только к абиотической среде или они же размещают познавательную практику и в биотической среде?

На наш взгляд, мы здесь имеем дело в любом случае с прагматической и инструментальной оценкой, а поэтому сами скетчи когнитивного размещения стоит воспринимать как стартовую точку для дальнейшего изучения размещения знания, когнитивных навыков и эпистемических практик, как в индивидуальном теле, так и в среде.

Литература и источники

1. Verhaegh, S. Justified True Belief: The Remarkable History of Mainstream Epistemology / S. Verhaegh // Journal of the History of Philosophy – 2024.
2. Платон. Теэтет / Платон ; пер. с древнегреч. Т. В. Васильевой // Собрание сочинений : в 4 т. – М. : Мысль, 1993. – Т. 2. – С. 192–274.

3. Ballantyne, N. *Knowing Our Limits* // N. Ballantyne. – Oxford : Oxford University Press, 2019. – 344 p.
4. Antony, L. M. *Embodiment and epistemology* / L. M. Antony // *The Oxford Handbook of Epistemology* / Ed. Paul K. Moser. – Oxford : Oxford University Press, 2002. – P. 463–478.
5. Solomon, M. *Situated cognition* / M. Solomon // *Philosophy of Psychology and Cognitive Science* / Eds. Paul Thagard, Dov M. Gabbay, John Woods. – North Holland, 2007. – P. 413–428.

РОЛЬ ТЕЛЕСНЫХ ПРАКТИК В ОБЖИВАНИИ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА

И. М. Наливайко

Современная социокультурная ситуация предъявляет человеку и социуму множество новых вызовов, одним из которых является нарастающий процесс урбанизации. Наряду с попыткой решить транспортные, экономические, социальные, экологические проблемы больших городов путем рассредоточения жилых кварталов, образовательных и культурных центров и промышленных предприятий в пригородах и небольших городах-спутниках, городская администрация и ученые-гуманитарии ищут пути преодоления этих проблем в правильной организации городского пространства внутри самого мегаполиса. Здесь следует отметить, что этот вопрос невозможно решить, оставаясь в рамках новоевропейского отвлеченно-техницистского понимания самого пространства как некоего пустого вместилища, которое может и должно стратегически планироваться и наполняться неким волевым посылом извне. Такое отношение к пространству города скорее не преодолевает, а стимулирует процессы отчуждения, что в современной социальной теории находит выражение в появлении концепта «урбанистическое пространство». Альтернативный взгляд выражен концептом «городское пространство». В отличие от урбанистического, городское пространство есть динамичная жизненная среда, которая содержит в себе потенциал преодоления отчуждения, прежде всего, за счет включенности в него повседневной жизненной активности обитателей города (более подробно см. мои статьи: [1; 2]).

В силу этого правильная организация городского пространства должна базироваться на осознании и учете того факта, что эта повседневная жизненная активность напрямую связана с телесной включенностью человека в городской ландшафт, она есть не что иное как повседневный опыт обживания пространства, реализуемый в различного рода телесных практиках: практиках кинетического перемещения в пространстве, организации пространства как места своего обитания (дома,

улицы, жилого квартала), ценностного маркирования пространства через систему памятных мест, и так далее. Этот телесный опыт, с одной стороны, типичен, поскольку обусловлен не только нашей телесной схожестью, но и общими жизненными ритмами большого города, с другой – индивидуально уникален, поскольку дом, любимые маршруты для пеших прогулок, кафе, кинотеатры, и так далее, у каждого свои. Поэтому привычный для новоевропейской культуры картографический подход к организации городского пространства как реализации ментально сконструированной некоей авторитетной инстанцией схемы в современной ситуации не просто ущербен, он предъявляет как жителям, так и городской администрации ряд трудноразрешимых вызовов. Типичный обыватель, коим является в своем каждодневном существовании любой житель города, как правило старается преодолевать возникающие проблемы путем выработываемой им сети повседневных тактик, которые более или менее успешно противостоят приходящим извне стратегическим схемам, структурирующим городское пространство (более подробно см.: [3]). Однако адаптивные возможности этих тактических практик не безграничны. Поэтому реальный выход из сложившейся ситуации лежит на путях взаимодействия стратегических усилий принимающих решения институтов и тактического выбора горожан, который приходит к своей визуализации в результате проживания и последующего осмысления реальных телесных практик освоения городского пространства. Современный город явно стоит перед необходимостью признания и осуществления принципиально новой системы «производства пространства» [4].

Литература и источники

1. Наливайко, И. М. Пространственная размерность повседневности / И. М. Наливайко // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 1. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2018. – № 2. – С. 38–42.
2. Наливайко, И. М. Городское пространство: производство vs потребление / И. М. Наливайко // Социальные практики и развитие городской среды: урбанистика и инноватика : материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 25–26 нояб. 2021 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол. : И. В. Пинчук (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2021. – С. 216–219.
3. Серто, М. де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / М. де Серто ; пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. – СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. – 330 с.
4. Лефевр, А. Производство пространства / А. Лефевр ; пер. с франц. И. Стаф ; под ред. М. Великановой, А. Журбиной. – М. : Strelka Press, 2015. – 432 с.

ГРАНИЦЫ ТЕЛЕСНОСТИ ЧЕЛОВЕКА И ЖИВОТНОГО В ФИЛОСОФСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ

В. В. Павлова

В философском дискурсе вопрос о границах тела и телесности традиционно рассматривался преимущественно в контексте человеческого опыта. Однако современные исследования в области этологии, когнитивной науки и философии сознания все чаще обращают внимание на необходимость расширения этого вопроса, включая в него и животный мир. Данная работа представляет собой вариант философского осмысления проблемы границ тела и телесности в сравнительной перспективе человека и животного.

Исторически в западной философской традиции существовало четкое разграничение между человеком и животным по различным основаниям: наличие разума, души, сознания, речи и т. д. Однако уже в XIX веке эта позиция начала подвергаться сомнению. Чарльз Дарвин в своей теории эволюции предложил рассматривать человека как часть животного мира, подчеркивая непрерывность биологического эволюционного развития, что открыло новые перспективы для понимания телесности как феномена. Следующим парадигмальным этапом стало появление в XX веке феноменологической традиции, внесшей значительный вклад в переосмысление телесности. Так, концепция «живого тела» Мориса Мерло-Понти была применена не только к человеку, но и к животным, что онтологически их сблизило.

Философ Джорджо Агамбен в своей работе «Открытое: Человек и животное» [1] предложил критический взгляд на «антропологическую машину» западной мысли, которая постоянно производит и воспроизводит различие между человеком и животным. Дж. Агамбен утверждал, что это различие не является естественным или данным, но представляет собой политический и философский конструктор, который следует деконструировать.

Тенденция стирания традиционного разделения между человеческой и животной телесностью продолжилась и в области когнитивной этологии [2], предположив наличие у животных сложных когнитивных способностей и эмоционального интеллекта, которые ранее считались исключительно человеческими преимуществами. Развитие биотехнологий и геномной инженерии также вносит свой вклад в переосмысление границ между человеческой и животной телесностью. Так, например, уже сейчас ксенотрансплантология в хирургии и редактирование генома происходит на основании биологического материала человека и свиньи, человека и коровы.

Эту же идею развивает и экологическая философия, представленная

такими мыслителями как Арне Нэсс и Феликс Гваттари, которая предлагает рассматривать телесность в контексте более широких экосистем. Согласно этому подходу, тела человека и животных не являются изолированными сущностями, но представляют собой узлы в сложной сети взаимоотношений между организмами и окружающей средой. Это ведет к осмыслению границ телесности не как фиксированных барьеров, а как проницаемых мембран, через которые постоянно происходит обмен энергией и информацией.

Другими словами, при рассмотрении границы тела и телесности человека и животного философия уже перешла к проблематизации самого подхода. А значит, вопрос «Что такое человек?» переосмысливается уже без привычных антропоцентрических установок и оппозиции человека и животного, природы и культуры. В этом отношении одна из трактовок взаимосвязей человека и животного указывает на три способа слияния человеческой и животной телесности: антропоморфизацию животных, анимализацию человека, размывание человека [3].

Антропоморфизация животных, как правило, происходит через приписывание животным нравственных, эмоциональных, волевых качеств человека. Телесность животных, если не брать в расчет генетические и биологические эксперименты, затрагивается в меньшей степени и представляется по аналогии с человеческой, со схожими физиологическими процессами, органами чувств, потребностями и тактильной чувствительностью. Например, современная индустрия заботы о домашних питомцах строится схожим образом с человеческой: правильное питание, правильный уход, физическое развитие и тренировки, одежда и игрушки, и так далее – все это свидетельствует о принятии животной телесности в человекоразмерных представлениях.

Анимализация человека представляет собой весьма разнообразную мыслительную практику, отсылающую к натуралистическому представлению о человеке, к существованию у него «животного начала», к биологическим корням когнитивных способностей, социального уклада, норм поведения и так далее. Однако телесное смешение в культуре человеческого и животного было отражено еще в древних мифах и искусстве (тотемизм, оборотничество) и сохранилось в гипертрофированном виде и до наших дней. Процесс анимализации человека представляет собой радикальный сдвиг смысла при попытке прямого физического переноса телесного поведения и качеств животного на человека. Подобный шаг приводит к тому, что человек теряет свою человечность и превращается в «больное животное», становясь изгоем обоих миров, как это видно на примере «феномена Маугли». Культурное и эстетизированное же телесное подражание животным напротив сохраняет и приумножает смыслы, расширяя антропологические представления о человеке и задавая новые перспективы.

Деконструкцию представлений о человеке и рубеж постантропоцентризма выражает концепция нечеловеческого другого. Онтологическая пустота после потери Бога открыла возможность конструирования человека немислимыми ранее способами. Опыт телесного преобразования стал распространяться, как только развитие современных биотехнологий это позволило. Создание химер (организмов, содержащих клетки разных видов) и гибридов (организмов, содержащих полный состав генов исходных организмов), возможность выращивания человеческих органов в телах животных размывают не только традиционную телесную идентичность человека [4]. Одновременно социальное одиночество человека в контексте резко увеличивающегося расстояния между человеком и природой объясняет его стремление к созданию гибридных форм жизни, что становится своеобразным ответом на отчуждение от природного мира.

В заключение следует отметить, что философское осмысление границ тела и телесности человека и животного остается открытым и динамичным полем исследования. В этом контексте задача философии заключается не только в осмыслении этих изменений, но и в формировании адекватных концептуальных рамок для понимания нового типа телесности в ее многообразии и сложности.

Литература и источники

1. Агамбен, Дж. Открытое. Человек и животное / Дж. Агамбен. – М. : РГГУ. – 2012. – 113 с.
2. Вааль, Ф. де Истоки морали: В поисках человеческого у приматов / Ф. де Вааль. – М. : Альпина нон-фикшн. – 2014. – 45 с.
3. Ростова, Н. Н. Человек на границе животного мира / Н. Н. Ростова // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2019. – № 446. – С. 68–75.
4. Кожевникова, М. Гибриды и химеры человека и животного: от мифологии к биотехнологии / М. Кожевникова ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФ РАН. – 2017. – 151 с.

К ВОПРОСУ ОБ АКЦЕНТУАЦИИ ТЕЛА В ПОСТКЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Е. В. Хомич

Несмотря на достаточно константный интерес к телу в истории философии и культуры, последнему откровенно не повезло в оценке его статуса. Со времен орфиков утвердилось, что «душа – это движение, тело – страдание», то есть тело воспринималось как что-то пассивное и подчиненное, ведомое и приводимое в жизнь более высокими нематериальными инстанциями. В этом плане даже авторы, начинающие

свою антропологию с физических потребностей и тела (например, Аристотель или Эпикур), рассматривали природное в человеке лишь как необходимое условие для утверждения безусловного приоритета разума, побеждающего бренность и сиюминутность плотских удовольствий божественным характером своих истин.

История классической философии может быть рассмотрена как своеобразная история борьбы души и разума с телом. Крайней формой этой борьбы стал декартовский и кантовский дуализм, признавший субстанциальность физического и его принципиальную инаковость от ментальных процессов. Мысль здесь не зависит от тела и живет по собственным правилам, определяющим реальный опыт бытия человека как разумного существа. Тело же воспринимается как природная данность и неизбежность, ограничивающая познавательные способности бессмертной души.

Начало апологии тела в западноевропейской философии совпадает с критикой универалистских претензий разума. Свое высшее завершение они получили в системе Гегеля, в рамках которой природа, история и человек были подведены под диалектику самопознания Абсолютного Духа. Система получилась весьма стройной и впечатляющей, однако все конкретное и «слишком человеческое» оказалось девальвировано логикой саморазвития идеального начала. Начало акцентуации проблематики тела и телесности в западноевропейской философии, связанное с такими именами, как Л. Фейербах, К. Маркс и А. Шопенгауэр, в немалой степени является реакцией на панлогизм Гегеля.

Л. Фейербах, идеи которого первыми получили широкий резонанс в культуре, предпринял красивую попытку вернуть человека в философский дискурс. При этом человека не только мыслящего, но, в первую очередь, чувствующего. «Наш идеал – не кастрированное, лишенное телесности, отвлеченное существо, наш идеал – это цельный, действительный, всесторонний, совершенный, образованный человек. К нашему идеалу должно относиться не только духовное совершенство, но и совершенство телесное, телесное благополучие и здоровье» [1, с. 778]. Возводя любовь до статуса новой религии, Фейербах писал о ней как о великом чувстве, соединяющем Я и Ты, где именно в открытости к другому следует искать истоки самосознания и реальную сущность человека. При этом именно апология земной любви принесла Фейербаху скандальную славу и известность.

Философия марксизма своим появлением в немалой степени обязана и Гегелю, и Фейербаху, однако столь же радикально от них и отличается. Говоря о заявленной проблеме, следует отметить, что с именем К. Маркса связано открытие «социального тела» или «второй природы». Под последней понимается преобразованная человеческой деятельностью природная реальность, которая фактически является естественной для

человека средой обитания. Более того, вторая природа – это следствие расширения биологического тела человека до его «неорганического тела». Особую роль здесь играют орудия труда, которые Маркс рассматривал как продолжение человеческих органов и их усиление, при этом эволюция средств производства является системообразующим фактором социального прогресса. Обоснование статуса материального производства, диалектика опредмечивания и распредмечивания, общественного бытия и общественного сознания позволяют говорить о Марксе как о первом из философов, который посмотрел на историю ментальности как на историю тела.

Наконец, А. Шопенгауэр, непосредственный современник и коллега Гегеля по кафедре, представил, пожалуй, наиболее яркую версию апологии тела и телесности в философии XIX века. Центральный концепт его философии – воля, укорененная в теле, которое, в свою очередь, является ее объектностью. «Каждый истинный, настоящий, непосредственный акт воли есть в то же время и непосредственно проявляющийся акт тела; в соответствии с этим, с другой стороны, и каждое воздействие на тело является тотчас же и непосредственно воздействием на волю; как таковое оно называется болью, если противно воле, удовольствием и наслаждением, если удовлетворяет ее» [2, с. 132–133]. Воля к жизни представляется внутренним ядром всего сущего, определяя эгоистичное желание жить, получать наслаждение и избегать страданий. Она стихийна, спонтанна и дорефлексивна. Универсализм человека делает его самым желающим и, одновременно, самым страдающим существом, обрекая на перманентный конфликт с другими и с самим собой.

Указанные авторы стали первыми, кто заговорил об особом статусе телесного в личностном и социальном опыте. Реальная реабилитация тела происходит уже в XX в. после антропологического поворота и акцентуации человека в целостности его опыта. Вместе с тем именно они наметили последующие векторы концептуализации тела в постклассической философии. В частности, достаточно очевидна связь между идеями Шопенгауэра и З. Фрейда, марксизмом и социальным конструктивизмом, Фейербахом и экзистенциально-персоналистскими трактовками тела.

Литература и источники

1. Фейербах, Л. Лекции о сущности религии / Л. Фейербах // Избранные философские произведения : в 2 т. – М. : Изд-во политической лит., 1955. – Т. 2. – С. 490–810.
2. Шопенгауэр, А. Мир как воля и представление / А. Шопенгауэр // Собрание сочинений в пяти томах. – М. : «Московский клуб». – Т. 1. – 395 с.

Сведения об авторах

Авласенко Игорь Михайлович, доцент кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета (г. Минск); кандидат исторических наук, доцент.

Амоненко Сергей Александрович, преподаватель кафедры философии Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники (г. Минск).

Анципович Николай Васильевич, кандидат философских наук, доцент (г. Минск).

Бабосов Евгений Михайлович, главный научный сотрудник отдела социологии государственного управления Института социологии НАН Беларуси (г. Минск); доктор философских наук, профессор, академик НАН Беларуси.

Барахвостов Павел Александрович, доцент кафедры политологии Белорусского государственного экономического университета (г. Минск), докторант Института философии НАН Беларуси; кандидат политических наук, доцент.

Буйко Татьяна Николаевна, заведующий кафедрой философии и истории Белорусского государственного университета физической культуры (г. Минск); доктор философских наук, доцент.

Вишняков Алексей Васильевич, аспирант кафедры психиатрии имени В. И. Багаева Кировского государственного медицинского университета.

Вольнов Илья Николаевич, доцент кафедры «Машины и технология литейного производства» Московского Политехнического университета; кандидат технических наук.

Го Цзимао, аспирант Института философии НАН Беларуси (г. Минск).

Годарев-Лозовский Максим Григорьевич, руководитель Лаборатории-кафедры прогностических исследований Института исследований природы времени (г. Санкт-Петербург); доктор философии, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств.

Голобородько Николай Владимирович, доцент кафедры педиатрии Института повышения квалификации и переподготовки кадров здравоохранения Белорусского государственного медицинского университета (г. Минск); кандидат медицинских наук, доцент.

Головко Никита Владимирович, заведующий кафедрой Новосибирского государственного университета; доктор философских наук, доцент.

Гребенчук Марина Анатольевна, преподаватель-стажер Белорусского государственного медицинского университета (г. Минск).

Давлетшина Анна Маратовна, старший преподаватель кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

Дай Лин, аспирант Института философии НАН Беларуси (г. Минск).

Дедюлина Марина Анатольевна, доцент Института управления в экономических, экологических и социальных системах Южного федерального университета (г. Таганрог); кандидат философских наук, доцент.

Джуманова Гульнар Жакановна, эксперт Общественного фонда «Казахстанский институт развития человеческих ресурсов», член республиканской информационно-разъяснительной группы по профилактике религиозного экстремизма Комитета по делам религий Республики Казахстан (г. Алматы); доктор философских наук, доцент.

Дудникова Елена Евгеньевна, доцент кафедры экономики и гуманитарно-правовых дисциплин Ростовского государственного экономического университета; кандидат философских наук.

Дудчик Андрей Юрьевич, заместитель директора по научной работе Института философии НАН Беларуси (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Еремеева Наталья Владимировна, старший преподаватель Могилевского института Министерства внутренних дел Республики Беларусь; кандидат философских наук.

Ермакова Екатерина Александровна, магистрант физического факультета Белорусского государственного университета (г. Минск).

Жук Екатерина Ивановна, старший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск); кандидат философских наук.

Жэн Вейдонг, заместитель директора Национальной академии китайской модернизации Китайской академии общественных наук (г. Пекин).

Завадский Михаил Борисович, ученый секретарь Института философии НАН Беларуси (г. Минск).

Зайковская Татьяна Владимировна, научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск).

Зайцев Дмитрий Михайлович, профессор кафедры гуманитарных наук Белорусской государственной академии связи (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Иззетова Эмине Мустафаевна, профессор кафедры «Восточная философия и культура» Ташкентского государственного университета востоковедения; доктор философских наук, профессор.

Ильина Елена Михайловна, доцент кафедры политологии юридического факультета Белорусского государственного университета (г. Минск); кандидат политических наук, доцент.

Интымакова Лариса Григорьевна, доцент кафедры экономики и гуманитарно-правовых дисциплин Ростовского государственного экономического университета; кандидат философских наук, доцент.

Карасевич Антон Олегович, научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск).

Кардаш Алексей Михайлович, аспирант Института философии НАН Беларуси (г. Минск).

Карнажицкая Татьяна Вадимовна, докторант Белорусского государственного университета культуры и искусств (г. Минск); кандидат культурологии, доцент.

Кнэхт Наталья Петровна, доцент Национального исследовательского университета «Московский институт электронной техники» (г. Москва); кандидат философских наук, доцент.

Козлова Светлана Владимировна, заместитель директора по клинической работе Республиканского научно-практического центра медицинской экспертизы и реабилитации, (г. Минск); кандидат медицинских наук.

Колесников Андрей Витальевич, заведующий отделом философии информационных и когнитивных процессов Института философии НАН Беларуси (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Корень Елена Васильевна, доцент кафедры философии и специальных исторических дисциплин Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины; кандидат исторических наук, доцент.

Кралько Алексей Аркадьевич, заместитель главного врача по медицинской экспертизе и реабилитации Витебского областного клинического центра психиатрии и наркологии; кандидат медицинских наук, доцент.

Красникова Инна Геннадьевна, старший преподаватель кафедры философии и политологии Белорусского государственного медицинского университета (г. Минск).

Красовская Наталья Николаевна, доцент кафедры социальной работы и реабилитологии Белорусского государственного университета (г. Минск); кандидат социологических наук, доцент.

Круподеря Елена Анатольевна, научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск).

Кузина Елена Борисовна, доцент кафедры логики философского факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; кандидат философских наук, доцент, заслуженный преподаватель Московского Университета.

Куиш Александр Леонтьевич, старший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Куницкий Дмитрий Валерьевич, научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск).

Курилович Иван Сергеевич, старший научный сотрудник Центра феноменологической философии Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва); кандидат философских наук.

Кутузова Наталья Александровна, заведующая отделом исследований глобализации, регионализации и социокультурного сотрудничества Института философии НАН Беларуси (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Лаврикова Ирина Николаевна, профессор кафедры правовой и гуманитарной подготовки Тверского филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя; доктор культурологии, кандидат философских наук, доцент.

Ли Екатерина Владимировна, доцент Ташкентского государственного педагогического университета имени Низами (г. Ташкент); кандидат философских наук, доцент.

Ли Исюань, аспирант факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета (г. Минск).

Логвина Анна Олеговна, доцент кафедры клеточной биологии и биоинженерии растений биологического факультета Белорусского государственного университета (г. Минск); кандидат биологических наук.

Лойко Александр Иванович, заведующий кафедрой философских учений Белорусского национального технического университета (г. Минск); доктор философских наук, профессор.

Лукашевич Владимир Константинович, главный научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск); доктор философских наук, профессор.

Луньков Александр Сергеевич, старший научный сотрудник лаборатории сравнительных исследований толерантности и признания Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург); кандидат исторических наук, доцент.

Лю Цзин, научный сотрудник китайско-белорусского исследовательского центра философии и культуры Линнаньского педагогического университета (г. Чжаньцзян); доктор образования.

Ма Фен, доцент Национальной академии модернизации Китая Китайской академии общественных наук (г. Пекин).

Мазарчук Дмитрий Валерьевич, проректор по учебной работе Университета НАН Беларуси (г. Минск); кандидат исторических наук, доцент.

Мащитько Ольга Валерьевна, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Белорусского государственного университета культуры и искусств (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Мащитько Сергей Михайлович, доцент кафедры философии Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Михайлов Андрей Евгеньевич, исполняющий обязанности заведующего кафедры гуманитарных и социальных наук Кировского государственного медицинского университета, доцент кафедры гуманитарных и социальных наук Кировского государственного медицинского университета; кандидат философских наук, доцент.

Михайлова Марина Васильевна, преподаватель кафедры социальных и гуманитарных наук Кировского государственного медицинского университета; кандидат философских наук, доцент.

Мухаммадиев Сухроб Бахтиёр угли, старший преподаватель Азиатского Технологического университета (г. Карши).

Навицкая Лина Сергеевна, специалист по обеспечению учебного процесса факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета (г. Минск).

Наливайко Инна Михайловна, доцент кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Нестерович Юрий Владимирович, старший научный сотрудник Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси (г. Минск); кандидат исторических наук.

Никонович Наталья Анатольевна, заведующий сектором философии религии и религиоведения Института философии НАН Беларуси (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Новикова Наталья Петровна, заведующий кафедрой скорой медицинской помощи и медицины катастроф Института повышения квалификации и переподготовки кадров здравоохранения учреждения образования Белорусского государственного медицинского университета (г. Минск); кандидат медицинских наук, доцент.

Одиноченко Виктор Александрович, доцент кафедры философии и специальных исторических дисциплин Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины; кандидат философских наук, доцент.

Омлоева Алина Сергеевна, аспирант Новосибирского государственного университета.

Острожинский Ян Александрович, преподаватель-стажер кафедры оперативной хирургии и топографической анатомии Белорусского государственного медицинского университета (г. Минск).

Павлова Виктория Валерьевна, аспирант факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета (г. Минск).

Павлюкевич Вадим Иосифович, научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск).

Петев Николай Иванович, доцент кафедры философии и религиоведения Гуманитарного института Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых; кандидат философских наук.

Плетенева Полина Игоревна, студентка Кировского государственного медицинского университета Министерства здравоохранения Российской Федерации.

Попов Евгений Владимирович, научный сотрудник Института статистических исследований и экономики знаний Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва); кандидат социологических наук.

Прись Игорь Евгеньевич, ведущий научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск); доктор философии, кандидат физико-математических наук.

Радченко Антон Леонидович, магистрант Белорусского государственного университета (г. Минск).

Разуванов Алексей Иванович, ученый секретарь Республиканского научно-практического центра медицинской экспертизы и реабилитации (г. Минск); кандидат медицинских наук, доцент.

Ребров Сергей Александрович, младший научный сотрудник Социологического института Российской академии наук – филиала Федерального научного исследовательского социологического центра Российской академии наук (г. Санкт-Петербург).

Русакович Андрей Владимирович, профессор кафедры евразийских исследований факультета международных отношений Белорусского государственного университета (г. Минск); доктор исторических наук, профессор.

Салеев Вадим Алексеевич, главный научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск); доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель культуры Республики Беларусь.

Салеева Марианна Вячеславовна, доцент кафедры романского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета (г. Минск); кандидат философских наук.

Санько Сергей Иванович, заведующий отделом философии культуры Института философии НАН Беларуси (г. Минск); кандидат философских наук.

Севальников Андрей Юрьевич, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук (г. Москва); доктор философских наук.

Середа Юлия Петровна, научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск).

Сидорина Татьяна Юрьевна, профессор Школы философии и культурологии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва); доктор философских наук, профессор.

Симбирцева Алина Евгеньевна, аспирант Новосибирского государственного университета.

Смоляков Дмитрий Анатольевич, главный научный сотрудник белорусско-китайского исследовательского центра философии и культуры Линнаньского педагогического университета (г. Чжаньцзян); кандидат философских наук.

Сокольчик Валерия Николаевна, докторант Института философии НАН Беларуси (г. Минск), доцент кафедры общественного здоровья и здравоохранения Института повышения квалификации и переподготовки кадров здравоохранения Белорусского государственного медицинского университета (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Спасков Александр Николаевич, заведующий отделом теории познания и методологии науки Института философии НАН Беларуси (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Ставровский Игорь Константинович, младший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск).

Станишевский Александр Леонидович, старший преподаватель кафедры скорой медицинской помощи и медицины катастроф Института повышения квалификации и переподготовки кадров здравоохранения Белорусского государственного медицинского университета (г. Минск).

Старжинский Валерий Павлович, профессор кафедры философских учений Белорусского национального технического университета (г. Минск); доктор философских наук, профессор.

Сташкевич Ольга Леонидовна, научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск).

Стреж Анна Валентиновна, выпускник кафедры социальной работы и реабилитологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета (г. Минск).

Твердынин Николай Михайлович, профессор Академии гражданской защиты МЧС России имени генерал-лейтенанта Д.И. Михайлика (г. Москва); доктор философских наук, кандидат технических наук, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

Тюкмаева Аида Маратовна, преподаватель кафедры «Философия и основы духовности» Национального Университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека (г. Ташкент); доктор философии по философским наукам.

У Сяоянь, аспирант Института философии НАН Беларуси (г. Минск).

У Цзиаци, аспирант Института философии НАН Беларуси (г. Минск).

Усова Екатерина Владимировна, директор средней школы № 77 г. Минска имени И. К. Кабушкина.

Успенский Александр Алексеевич, заведующий отделом республиканского центра трансфера технологий Центра системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси (г. Минск), кандидат технических наук, доцент.

Успенский Алексей Александрович, старший научный сотрудник Центра системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси (г. Минск).

Фабрикант Маргарита Сауловна, доцент кафедры социальной и организационной психологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета (г. Минск); кандидат психологических наук, доцент.

Фадеева Мария Александровна, студентка юридического факультета Дальневосточного филиала Российского государственного университета правосудия (г. Хабаровск).

Феофанов Сергей Владимирович, ведущий программист ООО «БФТ-Эксперт» (г. Москва).

Хамутовская Светлана Викторовна, заведующий отделом социологии государственного управления Института социологии НАН Беларуси (г. Минск); кандидат социологических наук, доцент.

Хомич Елена Викторовна, доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Цибизова Ирина Михайловна, научный сотрудник отдела философии Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (г. Москва); кандидат исторических наук.

Цмыг Андрей Сергеевич, младший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск).

Чандранкунел Мэтью, директор Фонда экологического и экономического развития Группы институтов FEEDS (г. Кангпокпи); доктор философских наук, профессор.

Червинский Александр Сергеевич, ведущий научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Шахназарян Наринэ Мартиросовна, доцент кафедры зарубежной литературы филологического факультета Белорусского государственного университета (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Шермухамедова Нигина Арслановна, заведующая кафедрой «Философия и основы духовности» Национального университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека (г. Ташкент); доктор философских наук, профессор.

Шимбалев Александр Альбертович, старший преподаватель кафедры физики и методики преподавания физики физико-математического факультета Белорусского государственного педагогического университета им. М. Танка (г. Минск).

Шнигир Анастасия Анатольевна, научный сотрудник Республиканского научно-практического центра медицинской экспертизы и реабилитации (г. Минск).

Шэнь Цзинюй, аспирант Института философии НАН Беларуси (г. Минск).

Щербинина Анастасия Игоревна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета (г. Минск).

Эртель Илья Игоревич, младший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН (г. Новосибирск).

Юсим Марк Аркадьевич, главный научный сотрудник Института всеобщей истории Российской Академии наук (г. Москва); доктор исторических наук.

Яковлева Любовь Евгеньевна, профессор кафедры истории и философии Российского государственного университета имени А.Н. Косыгина (г. Москва); доктор философских наук, профессор, академик Петровской Академии наук и искусств.

Научное издание

**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ
КУЛЬТУРА БЕЛАРУСИ:
от Просвещения к Современности**
Материалы Восьмой международной научной конференции
(21–22 ноября 2024 г., г. Минск)

В двух томах

Том 2

На русском, белорусском и английском языках

*Статьи публикуются
в авторской редакции*

Ответственный за выпуск

А. Ю. Дудчик

Подписано в печать 11.11.2024.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 19,8. Уч.-изд. л. 19,5.
Тираж 60 экз. Заказ 1162.

Издатель и полиграфическое исполнение:
ОДО «Издательство “Четыре четверти”».
Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя и распространителя печатных изданий
№ 1/139 от 08.01.2014, № 3/219 от 21.12.2013.
Ул. Б. Хмельницкого, 8-215, 220013, г. Минск.
Тел./факс: +375 17 350 25 42. E-mail: info@4-4.by